

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан

Мурат Лаумулин

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В МИРОВОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ**

(к 550-летию Казахского ханства)

Часть IV
Востоковедение и политология
в контексте изучения Центральной Азии

Астана 2016

УДК 32.001
ББК 66.0
Л 21

*Утверждено к печати Ученым советом
Казахстанского института
стратегических исследований при Президенте РК*

Автор:

Лаумулин Мурат Турарович, доктор политических наук, профессор

Рецензенты:

Абусеитова М.Х., доктор исторических наук, профессор
Сыроежкин К.Л., доктор политических наук, профессор
Байзакова К.И., доктор исторических наук, профессор

Лаумулин М.Т.

Л 21 История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства). — Астана: КИСИ, 2016. — 392 с.

ISBN 978-601-7476-13-7

Часть IV. Востоковедение и политология в контексте изучения Центральной Азии

ISBN 978-601-7476-17-5

В книге рассматриваются проблемы преемственности и взаимосвязи востоковедения и политологии в контексте изучения Центральной Азии. Особое внимание уделено дореволюционной истории региона в трудах зарубежных исследователей; истории Центральной Азии, Казахстана и центральноазиатских государств в современной политологии.

Книга адресована широкому кругу научных работников, специалистов по истории, историографии и востоковедению, международным отношениям, безопасности, геополитике, политологии и рекомендуется в качестве учебного пособия для факультетов и кафедр востоковедения, истории, политологии и международных отношений.

**Издание не предназначено для продажи
и распространяется бесплатно**

УДК 32.001
ББК 66.0

ISBN 978-601-7476-13-7 (общ.)
ISBN 978-601-7476-17-5 (ч. IV)

© Лаумулин М.Т., 2016
© КИСИ при Президенте РК, 2016

*Omnia mutantur, nihil interit.
Все меняется, ничто не исчезает.
Овидий. Метаморфозы, XV, 165*

СОДЕРЖАНИЕ

Часть IV. Востоковедение и политология в контексте изучения Центральной Азии

Глава I. Дореволюционная история региона в трудах зарубежных исследователей.....	7
§ 1. Присоединение Центральной Азии к России	7
§ 2. «Большая игра» и Центральная Азия.....	78
§ 3. Проблема евразийства	105
Глава II. Центральная Азия, ее история и место в современной политологии и геополитике.....	115
Глава III. История и место Казахстана в современной политологии	216
Глава IV. История и место центральноазиатских государств в современной политологии	263
§ 1. Узбекистан.....	315
§ 2. Кыргызстан.....	330
§ 3. Таджикистан.....	337
§ 4. Туркменистан	344
Заключение.....	357
Общая библиография.....	367
Қазақстан әлемдік ориенталистикада	376
Resume	379
Сведения об авторе	382

ҚСЗИ туралы ақпарат	385
Информация о КИСИ.....	387
Information about the KazISS.....	389

Глава I. Дореволюционная история региона в трудах зарубежных исследователей

§ 1. Присоединение Центральной Азии к России

Вхождение многих территорий в состав Российской империи изображалось как «добровольный» процесс. Эта традиция восходит не к советской эпохе, хотя она при ней была доведена до абсурда, а еще к дореволюционной. Таким образом, официальная российская, затем советская и вновь российская историография изображает длительный и мучительный процесс «обрастания» Московского государства нерусскими территориями в основном как добровольный процесс, в крайнем случае — как благо, которое Россия несла «неразумным» инородцам. Даже самое невнимательное прочтение источников и ангажированной исторической литературы не оставляет от этой официозной концепции следа. Создание Российского государства как любой империи было мучительным, кровавым и отнюдь не добровольным процессом. Мифологизация этого процесса началась сразу же после первых завоеваний, окончательно была закреплена на уровне официальной доктрины в XIX в., а в советской историографии эта тема была табуирована и любая попытка более или менее объективного анализа истории взаимоотношений России с ее азиатскими соседями могла караться самыми жесткими и не всегда административными методами. Типичным примером этого является т.н. дело Бекмаханова, казахского историка, реально описавшего историю освободительного движения при Кенесары.

Тем не менее создание колоссальной империи, раскинувшейся в Европе и Азии (и в течение некоторого периода в Северной Америке), требует какого-то научного объяснения. Если принять концепцию Вернадского о том, что Московское

государство есть преемник Орды, то вся история России выглядит как воссоздание империи Чингис-хана, возвращение к традициям «империй степей». Действительно, выше мы отмечали, что своей географической конфигурацией Российская империя и, особенно, СССР буквально повторяют монгольскую державу в период расцвета. Возможно, с точки зрения геополитики такой взгляд имеет право на существование. Если применить теорию Гумилёва к российской истории, то можно прийти к выводу, что русский народ переживал на протяжении XVI—XIX вв. фазу «пассионарности», которая вновь пробудилась в XX в. Классическая советская историография изображала этот процесс как поглощение высоко-развитым европейским государством отсталых в экономическом и социальном плане народов, как победу капитализма над феодализмом, централизованного государства над раздробленными образованиями. Важным элементом советской концепции был классовый фактор: правящие классы, в целях сохранения своего господства, принимали российское подданство и защиту царей в виде эффективной военной машины, которая обеспечивала не только внутреннюю, но и внешнюю безопасность. В отдельных случаях такое объяснение подтверждается историческими фактами, но в совокупности марксистская теория не может дать логическое обоснование всему длительному периоду создания Российской империи.

Характерно, что западные востоковеды не пытались предложить полное концептуальное объяснение феномену возникновения и экспансии России в азиатском направлении. Отдельные работы освещают те или иные эпизоды этого длительного исторического процесса, в отдельных случаях приходя к выводам, близким к «евразийской» или иным теориям. В зависимости от цели своих исследований или по ряду других причин, эти авторы делают акцент на ту или иную сторону данного процесса. Однако практически во всей западной литературе доминирует «завоевательное»

объяснение истории Российской империи. Как отмечалось выше, данная точка зрения имеет длительную историческую традицию, так как Россия выступала соперником других европейских держав во многих регионах — от Балкан до Тихого океана, а в Центральной Азии ее соперничество получило даже специальное название «Большая игра» с легкой руки лорда Керзона (**Curson, 1889**). Таким образом, именно на агрессивной сущности процесса российского проникновения в Азию делает акцент западная историография. Это позволяет, конечно же, более объективно рассматривать историю Российской империи в противовес теории «добровольного присоединения», однако, с другой стороны, выставляет Россию в карикатурном виде, как некое inferнальное начало, которое постоянно всех завоевывает, проигрывает и распадается, а затем вновь начинает завоевывать. В наибольшей степени этим недостатком страдала советологическая историография, объектом которой в большей степени была послереволюционная история.

В этой связи имеет смысл обратиться к ориенталистской литературе. Д. Синор в своей книге «Внутренняя Азия» начинает описывать экспансию России на восток с середины XVI в. Синор считает, что оккупация Казанского и Астраханского ханств Московским царством в 1550-е гг. была началом «новой и впечатляющей эры русской экспансии, в ходе которой менее чем за сто лет русские пересекли Сибирь и достигли Тихого океана» (**Sinor, 1969, p. 199**). Синор отделяет историю русской колонизации Азии от общей истории европейского колониализма, в ходе которого «белый человек завоевывал «отсталую» Азию». Несмотря на тот факт, что можно провести немало параллелей между русской экспансией, с одной стороны, и британской и иберийской — с другой, Синор считает, что в них все же больше отличительного. Главным отличием является морской характер западноевропейского колониализма и материковый — российского. Разным был

и исторический эффект, который оказали эти колониальные державы на другие народы. Если морские колониальные империи Англии, Франции, Испании и Португалии были обречены на распад, при всем том что они оказали колоссальное политическое, экономическое и культурное влияние на завоеванные народы, то континентальные империи, к которым Синор относит Россию/СССР, Китай, США и Индию, оказались невосприимчивы к центробежным силам¹.

Любопытно, что Синор пишет о той спекулятивной по характеру роли, которую сыграли английские купцы в освещении российского проникновения в Азию начиная с XVI в. Однако с коммерческой точки зрения сухопутный путь на восток оказался в то время неперспективным и нерентабельным из-за колоссальных расстояний, которые нужно было преодолеть, чтобы достичь Китая. Первой успешной попыткой преодолеть Урал и проникнуть в Сибирь стала экспедиция Ермака в 1581—1584 гг., аранжированная купцами Строгановыми. Ермаку противостоял шейбанид Кучум, олицетворявший политическую власть в Сибири. Синор считает, что на первой фазе русского проникновения в Сибирь господствующими были коммерческие, а не политические мотивы. Сибирскими пионерами были т.н. *промышленники*, которых Синор сравнивает с канадскими охотниками за мехами (*coureurs de bois*). Второй категорией пионеров стали *торговые люди*, а третьей — *служилые люди*, т.е. военные. Говорить о *завоевании* Сибири, считает Синор, затруднительно, так как население региона составляло порядка 100 000 человек и русские не встретили сколько-нибудь организованного и серьезного сопротивления. Тем не менее это было вооруженное проникновение, свидетельством чему являлись русские военные

¹ Синор завершил свое исследование в 1969 г. События 1991 г. внесли свои коррективы в существование СССР как континентальной империи. Однако, если верить науке, в этой истории еще не поставлена последняя точка и можно ждать появления какой-то новой формы, может быть конфедеративного характера, на месте бывшего Советского Союза. С другой стороны, многие современные политологи предсказывают распад Китая, Индии и даже в отдаленной перспективе Соединенных Штатов.

укрепления, *городки*, которые начали появляться на всем пути следования русских на восток.

Географической основой русской экспансии было удачное использование речных систем. Группы русских первопроходцев продвигались вглубь Сибири, опираясь на один водный бассейн за другим. Вслед за казаками, охотниками и торговцами, пишет Синор, шли настоящие завоеватели Сибири — поселенцы, т.е. та категория, которая физически закрепила эти земли за Россией. Этот автор считает, что обстановка в Азиатской России была значительно либеральнее, чем в Европейской России или в сравнении с завоеванием Америки и Австралии. В Сибири отсутствовал расовый элемент угнетения со стороны русской администрации и были широко распространены смешанные браки. Все это позволило выжить малым коренным народам Сибири и сохранить свой образ жизни вплоть до XX в. О либеральном, не связанном с расовыми, этническими или антропологическими предрассудками характере взаимоотношений русских поселенцев и местного населения пишут многие западные очевидцы, на которых ссылается Синор (Lensen, 1964; Treatgold, 1957; Fisher, 1943; Golder, 1914; Bell, 1966). Все это, однако, ни в коей мере не должно заслонять brutальный, коррумпированный и зачастую неэффективный стиль управления российской колониальной администрации, которая не делала различия между бесправными русскими поселенцами и столь же беззащитными туземцами перед лицом грубой государственной машины. Далее, обращаясь уже к истории XIX в., этот автор настаивает на том, что российская колониальная практика была несравнима с гораздо более кровавым колониальным опытом западноевропейских стран.

Русское проникновение в Сибирь и ее заселение, как правило нелегальные, не были колониальными по своей сути. Они представляли собой слияние разных культурных традиций и разных рас, которое легло впоследствии в основу

Российской империи, а затем Советского Союза. Только в конце XIX в., особенно с созданием Транссибирской железнодорожной магистрали, можно говорить о массовой колонизации Сибири славянским населением, которое поставило под вопрос выживание местных культур (Sinor, 1969, p. 203).

Русское продвижение на восток неизбежно привело к соприкосновению с тюркскими и монгольскими кочевыми государствами. Восстановление китайского государства в 1368 г., изгнание династии Юань и установление династии Мин привели к длительному периоду войн между Китаем и наследниками монгольской державы, а в исторической перспективе — к сужению монгольского пространства, экспансии Китая на запад и постепенному вытеснению монголов из Внутренней Азии или их подчинению Поднебесной. В XV в. династия Мин вела пять войн против монголов, в результате которых власть среди монгольских племен перешла к союзу западно-монгольских племен — ойратов.

Ойратское государство сложилось и укрепилось при хане Есене (1439—1455) в долине реки Или на территории нынешнего Синьцзяна. Оно быстро начало распространять свое влияние в западном, северном и восточном направлениях. Ойраты стали доминирующей силой между Балхашем и китайской границей. Им удалось захватить Каракорум, бывшую столицу Монгольской империи, и тем самым как бы обосновать свою легитимность и возродить прежние претензии монголов на господство в Центральной Азии. Ойраты при Есен-хане одерживали победы над Китаем, но личное положение Есен-хана было неустойчиво, так как он не был прямым потомком Чингис-хана. При хане Даяне (1466—1504) политическое лидерство вернулось к восточным монголам. В течение XVI—XVII вв. вся история Центральной Азии прошла во внутренних междуусобицах западных и восточных монголов, а также в войнах с соседями. При Алтан-хане (1507—1582) восточные монголы вернули Каракорум

из-под власти ойратов в 1552 г. При нем же вновь утвердился буддизм в качестве государственной религии. Успехи восточных монголов отрезали ойратов от торговых путей в Китай. В XVI в. ойраты предпринимают попытку продвинуться к западу от Алтая в направлении Сыр-Дарьи через регионы, контролируемые казахами.

В 1590-х гг. ойраты вошли в соприкосновение с русскими, для которых они стали известны как *калмыки* или *джунгары*. Первая официальная русская миссия к ойратам состоялась в 1607 г. Как считает Синор, вслед за советским ученым Златкиным, главной причиной постоянных столкновений между казахами, кочевыми узбеками и монголами была все более нарастающая нехватка пастбищных земель. В этой борьбе воюющие стороны начали прибегать к помощи внешней силы — России. Переговоры между русскими и ойратами о подчинении последних царю длились несколько лет, в результате чего им удалось оговорить в договоре, что «являются кочевым, а не оседлым народом, и могут передвигаться, куда хотят». Таким образом, русский сюзеренитет над калмыками в то время носил номинальный характер. В 1620-х гг. калмыки принимают буддизм, а в 1632 г. при хане Орлуке они достигают Волги. Историческое значение этой группы ойратов, отмечает Синор, интересно тем, что они представляют собой уникальный буддистский и монголоязычный анклав среди исламско-христианского и тюрко-славянского окружения.

Территории, занятые калмыками, принадлежали к кочевьям ногайских тюрок, а русские контролировали только сам город Астрахань. Отношения между русскими и калмыками в период долгого правления хана Аюки (1670—1724) варьировались от враждебных до союзнических. Калмыки участвовали в подавлении русскими восстания башкир при Петре I. Д. Синор считает, что калмыки играли роль своего рода буфера на южной границе Российской империи. После смерти Аюки его вдова Джармапала установила отношения

с восточными монголами. На повестку дня встал вопрос о создании новой степной империи — ойратской от Черного моря до границ Тибета и Китая. Ойраты, оставшиеся в Центральной Азии, создали при хане Галдане (1667—1697) Джунгарское царство. Таким образом, два алтайских народа — джунгары и маньчжуры, которые в 1644 г. начали править Китаем под именем династии Цин, взяли под свой контроль большую часть Евразии. Однако войны между ними заняли почти столетие (с 1690 г.), пока Цины в 1757 г. не разгромили окончательно Джунгарское государство при Амурсане.

В это время отношения между калмыками и русскими ухудшались. Русские поселенцы начали активно заселять пастбища, которые калмыки считали своими, а вместе с ними проникали русские законы, российская администрация и миссионеры. В 1770 г. во время Пугачёвского восстания среди калмыков произошел политический раскол. Часть из них во главе с ханом Убашой решила вернуться к китайским границам. В 1771 г. около 170 000 калмыков двинулись в сторону Илийской долины. По пути они чрезвычайно пострадали от эпидемий и столкновений с казаками и киргизами, своими давними соперниками, загнавшими их в пустыню. Возвращение остатков калмыков и принятие ими китайского подданства были использованы Цинами в пропагандистских целях для поднятия престижа Поднебесной (**Sinor, 1969, p. 210**).

Д. Синор считает, что монгольские племена выступили первыми посредниками между продвигавшимися на восток русскими и Китаем. Первый русско-китайский договор был подписан в 1689 г. в Нерчинске, в том числе и на латинском языке, что объясняется возросшим влиянием иезуитов при цинском дворе. Кяхтинский договор 1727 г. установил русско-китайскую границу, которая в основном сохранилась до настоящего времени. Синор считает, что был первый раздел Внутренней Азии двумя супердержавами того времени. Россия взяла под свой контроль северную часть континента, си-

бирскую тайгу и тундру. Китай закрепил за собой горные и пустынные районы Центральной Азии.

С исчезновением тимуридов степь больше не играла решающую роль в истории, подводит итог Синор. В течение столетия Шейбанидам удавалось удерживать регион под своим контролем, но после их ухода с исторической сцены в Центральной Азии начали возникать последние эпигонские кочевые мини-империи: Узбекское, Казахское и Туркменское (Хивинское) ханства. Осталось свидетельство Э. Дженкисона, сделанное в 1558 г. и относящееся к подъему Туркменского ханства, который писал, что «все земли от Каспийского моря до Ургенча называются землей туркмен» (**Voyages, 1907**). Туркменское правление в Хиве длилось с 1623-го по 1742 г. Золотым веком в истории Хивинского ханства считается период правления Абулгазы Бахадур-хана (1643—1663). Он вел успешные войны с ойратами (джунгарами) и калмыками, был близок к иранской культуре и внес весомый вклад в тюркскую историографию двумя своими трудами по родословной тюрок и туркмен на чагатайском языке. Хива была первым из среднеазиатских государств, принявшим русский протекторат, но до 1873 г. он носил чисто номинальный характер. Последней династией, правившей в Хиве, была Конрадская династия (с 1804 г.).

В Бухаре после Шейбанидов правили две династии: Аштарханиды (1599—1747) и Мангыты (1747—1868). После заката Бухары в конце XVIII — начале XIX в. на короткий период усилилось Кокандское ханство, в состав которого входили и южные районы Казахстана. В середине XIX в., пишет Синор, русское продвижение в Центральной Азии стало доминирующим фактором. Фактически Россия заполнила вакуум власти, образовавшийся в регионе к середине XIX в., считает Синор (**Sinor, 1969, p. 216**). Однако российское проникновение привело не только к присоединению к империи Центральной/Средней Азии и всего Казахстана, но и поста-

вило на повестку дня угрозу вторжения России в Иран, Афганистан и Китай. К удивлению многих европейских держав (но только не Лондона, который всеми силами сдерживал российское проникновение), русские войска эвакуировались из Илийского района, который они удерживали с 1871-го по 1881 г. Петербургский договор 1881 г. подтвердил статус-кво в Центральной Азии.

А. Беннингсен и М. Бросап в своей книге «Исламская угроза советскому государству» (1983) рассматривают в тех частях, которые касаются досоветского периода истории, проблему экспансии российской империи в ином ракурсе — с точки зрения исламского фактора. Для России проблема ислама с первых шагов имела двойной (внешнеполитический и внутривнутриполитический) характер. Борьба и завоевание Россией своих исламских соседей, становившихся российской внутренней проблемой, происходили всегда на фоне реакции на ее расширение со стороны внешних исламских государств. Чтобы обеспечить свое господство над собственными мусульманами, Россия была вынуждена последовательно поглощать и инкорпорировать в свой состав все новые и новые мусульманские государства. Но окончательно решить эту проблему ни Российская империя в своей борьбе против Турции, ни Советский Союз с его попытками подчинить Иран и Афганистан не достигли. Таким образом, у этих авторов доминирующим фактором в истории России и СССР как империи становится химерическое стремление подчинить себе тюрко-исламский мир (**Benningsen, Broxup, 1983**).

Александр Беннингсен и Шанталь Лемерсье-Келькеже в своей книге «Забывтые мусульмане. Ислам в Советском Союзе» (**Benningsen, Lemerrier-Quelquejay, 1981**)² предлагают

² Благодаря многолетнему творческому содружеству Александра Беннингсена и его ученицы Шанталь Лемерсье-Келькеже, советологов с мировыми именами, увидели свет более двадцати совместных работ, посвященных проблеме национальной политики и развития мусульманских народов в СССР, истории их политических движений, формированию ислама в СССР. Эти злободневные темы не потеряли своей актуальности даже после распада СССР на национальные составляющие (Ч. I. Гл. I).

собственную концепцию завоевания Центральной Азии. По мнению этих авторов, данный процесс тесно связан с проблемой ислама. Они отмечают, что в середине XVI в. начинается экспансия Московии, сопровождаемая захватом Казани (1552), Астрахани (1556), Западной Сибири (1598), а к концу XVI в. русские дошли до Северного Кавказа (Кабарда и Чечня). Но завоевания мусульманских территорий не было достаточно для того, чтобы включить их в состав империи. Русские начинают наступление на ислам, пытаясь вырвать его с корнем. Они добиваются некоторых успехов у волжских татар.

Отпор русским был дан Крымским ханством и Оттоманской империей, которые одновременно пустили в ход средства дипломатии, военного альянса и суфийских братств. По странному парадоксу мусульманская экспансия не была ни остановлена, ни замедлена русскими. Напротив, во второй половине XVII в. при царствовании Екатерины II ислам достиг новых успехов. Екатерина II лично отнеслась к исламу благосклонно, находя его «разумной религией» и более подходящей для «просвещения диких кочевых народов» по сравнению с православным христианством. В 1764 г. она начала политику великой терпимости к вере. В 1767 г. она сняла запрет и разрешила татарам проживать в Казани. В 1773 г., перейдя на новый этап в своей политике, императрица дала волжским татарам полную свободу религиозного исповедания и право строить коранические школы и мечети. Татарские купцы стали привилегированными посредниками между Россией и Центральной Азией, тогда закрытой для неверных. Татары действовали как миссионеры: строили мечети и школы, пропагандировали ислам в среде полужызычного населения Башкирии, Западной Сибири и в казахских степях.

Царская Россия господствовала над тюрками и кавказцами более трех с половиной веков: с 1552-го до 1917 г. Для этих народов это было время суровых испытаний, постоян-

ной борьбы за сохранение своего духовного мира и самобытности. Они в этом полностью преуспели. Из этого противостояния завоеватель вышел побежденным. Что же до ислама, который был подвержен суровой репрессии, то он полностью слился с культурой и традицией народов и стал самой сердцевиной их национальной самобытности. Мусульманские народы России, какие бы превратности ни испытывали, вопреки всему продолжали оставаться частью Дар уль-ислама.

Русская экспансия, начавшаяся в середине XVI в., длилась до начала XX в. Памир стал последней мусульманской территорией, захваченной русскими в 1900 г. В течение всего этого длительного периода отношение русских к покоренным мусульманским народам пережило несколько фаз. На деле русские не имели единой национальной политики, ни тем более общей теории по формированию своих отношений с мусульманами. Их линия поведения колебалась между либеральной благосклонностью и крайней суровостью. Такой же была и ответная реакция мусульманского населения. В зависимости от территории, эпохи и более или менее агрессивного (либо репрессивного) отношения русских властей менялся и характер отношений между обеими сторонами.

В течение более чем двух веков, с XII по XV, русская земля пребывала под «татарским игом» Золотой Орды. Русские — одна из редких наций в Европе (так же как испанцы и балканские народы), кто испытал на себе мусульманское господство. В силу этого фактора в них сформировалось чувство уважения к «азиатам» и «комплекс неполноценности», которые живы в них и поныне.

В середине XVI в. молодое Московское государство перешло в контрнаступление на своих бывших сюзеренов и избавилось от ига ослабленной к тому времени Золотой Орды. Затем оно предприняло попытки установления собственного господства над мусульманскими народами Восточной России: в 1552 г. русские разрушили Казанское ханство и при-

соединили к себе территорию Средней Волги; в 1556 г. они завоевали Астрахань и завладели всей долиной Волги и северными берегами Каспия до устья Терека; в 1598 г. они перешли на Урал и разрушили Сибирское ханство, являющееся третьим монгольским государством — наследником Золотой Орды.

На завоеванных территориях русские занимают самые плодородные земли вдоль рек. Мусульманское население изгоняется из своих самых крупных городов. На стратегических участках строятся новые крепости и заселяются русскими. Туземное население превращается ими в национальные меньшинства и загоняется в сельские местности, окруженные русскими колонистами.

Московское государство Ивана Грозного и первых Романовых не располагало какой-либо «национальной политикой» и нисколько не заботилось о том, как оно будет строить свои отношения с завоеванными народами. Мусульманские княжества были включены в состав Московского, а с населением обращались, как с русскими подданными второго сорта. Мусульмане не имели одинаковых прав с христианами.

Основные принципы политики в отношении мусульман были просты — мусульманская знать могла выбирать между: а) кооптацией с (или без) обращением в христианство; б) экономическим разорением; в) физическим уничтожением при попытке сопротивления русским властям. К исламу относились с абсолютной нетерпимостью; мечети были разрушены, муллы изгнаны из городов; ислам был под угрозой превращения в религию крестьян. Народные массы были подвержены религиозной ассимиляции; национальная ассимиляция не допускалась. В 1555 г. была введена политика насильственного обращения в христианство.

В конце XVI в. татарская земельная знать трансформируется в новый класс — купеческую знать, а в XVII в. становится торговой буржуазией. Изгнанные из своих городов и

плодородных земель татарские горожане и крестьяне образовали диаспору торговцев, которая стала быстро процветать в Азии, особенно на Урале, в казахских степях Туркестана. С другой стороны, обращение в христианство довольно большого числа мусульман вызвало у тех, кто сохранил веру, чувство глухой ненависти к России и русским. Что касается «мусульманских клерикалов», изгнанных из городов, то они влились в сельскую среду и плотно закрепились в крестьянских кругах и купеческих колониях.

В XVII в. и первой половине XVIII в., в период правления Петра I и Екатерины II, имперская экспансия замедлилась, отмечают авторы. К этому времени к империи были присоединены лишь северо-восточный кавказский предгорный ледник и казахские степи (1731—1742). Но в первое время русское господство было там чисто номинальным. В эпоху, предшествовавшую приходу к власти Екатерины II, политика ассимиляции туземцев еще больше усилилась: при Петре I обращение в христианство, т.е. религиозная ассимиляция, подкреплялась мерами языковой и культурной ассимиляции. Эпоха царствования Анны (1738—1755) стала самой трагической для мусульман: все татарские мечети на Средней Волге были закрыты, имущество вакфа (религиозного владения) было подвержено секуляризации и передано государству. Впервые в истории мусульманского мира духовенство было разорено и стало немощным. Отныне оно перестает быть консервативным элементом и готово возглавить любое реформистское либо революционное движение. В XVIII в., в период преследований, понятие «ислам» у волжских татар слилось с понятием «национальность». В их сознании защита религии стала синонимом сохранения их национального сообщества.

Именно в эпоху царствования Екатерины II русская экспансия сделала самое крупное наступление на мусульманские земли. Русские обустроились в черноморских степях от Днепра до Кубани. В 1783 г. Крымское ханство было раз-

рушено, а его территория присоединена к Русской империи. Впервые русская армия проникла в горы Кавказа.

Но, в отличие от своих предшественников, Екатерина II отнеслась к исламу с уважением, считая его «разумной религией», более подходящей, чем православное христианство для «просвещения» Азии. Она любила своих татарских подданных, неутомимых тружеников, подтянутых, инициативных и тем отличавшихся от русских. Великая Екатерина была первой русской государыней, имевшей конкретную политику в отношении мусульман, которую можно было бы резюмировать следующим образом.

В недавно присоединенном к Русской империи Крыму местное мусульманское население получило от императрицы гражданство России и было уравнено в правах с русскими. Они получили также право на сохранение за собой земли и свободы вероисповедания. Имя оттоманского султана-халифа не было заменено в хутбе во всех мечетях Крыма. За оттоманскими властями было сохранено своего рода право морального контроля религиозных дел их бывшего вассального ханства. Крымская знать сохранила свои права и привилегии и без насильственного обращения в христианство была допущена в ряды дворян. Ее положение напоминало положение немецких дворян в балтийских странах и так же, как они, крымские аристократы проявляли лояльность если не к династии Романовых, то во всяком случае к России и русским вплоть до Октябрьской революции.

На территории проживания волжских татар антимусульманская политика, проводимая императрицами Анной и Елизаветой, была приостановлена, а Екатерина II предприняла попытку завоевать симпатии своих мусульманских подданных. Обращение в христианство было полностью прекращено; специальные школы для детей обращенных татар были закрыты и всем мусульманам империи была предоставлена полная свобода отправления религиозного культа. Кроме того, тата-

рам было разрешено строить в Казани мечети и коранические школы. В 1782 г. Екатерина учредила Духовную ассамблею мусульман в Оренбурге. Она имела под своей юрисдикцией все мусульманские колонии (татарские и башкирские) европейской части России и Сибири, за исключением территории бывшего Крымского ханства и казахских степей. Создание центральной духовной администрации (по оттоманскому образцу) положило конец духовному управлению султана-халифа и шейх уль-ислама из Стамбула над мусульманами Русской империи. Это означало начало религиозного и интеллектуального возрождения волжских татар и предоставило правительству Санкт-Петербурга эффективное средство контроля над жизнью мусульманских подданных.

Императрица, первая после великого Петра оценившая важность экономического фактора, заставила снять все ограничения на торговую деятельность татар. Отныне волжские татары могли свободно торговать в Башкирии, Сибири и казахских степях. При ее правлении татарская диаспора познала беспрецедентный расцвет: татары при покровительстве русских властей появлялись в Центральной Азии как посредники или, скорее всего, как представители молодого русского капитала на территории тогда еще независимых Туркестана и Синьцзяна. Везде, где появлялись татары, они действовали как миссионеры ислама, строя с помощью русского государства и на деньги русского государства мечети и коранические школы.

Именно при Екатерине II волжские татары под предводительством своих сородичей-торговцев и мулл стали бесспорными лидерами русского ислама. Они заложили основу того, что спустя столетие окончательно оформится и станет называться «исламский тюрко-татарский миллиет» (нация). В последней трети XVIII в. ислам окончательно укоренился в среде кочевых и полукочевых народов: башкир, казахов, ногайцев, которые ранее были поверхностно мусульманами.

Казахские степи находились под русским протекторатом с конца XVII в. (так у авторов — *М.Л.*). При установлении своего протектората русские не встретили никакого сопротивления, так как казахские племена были тогда вовлечены в беспощадную войну против джунгарских буддистов, и русское военное присутствие вдоль китайской границы спасло их от полного уничтожения. Но постепенно русские превратили протекторат в прямой захват.

С 1822-го по 1842 г. власть ханов трех казахских жузов (и Букеевского ханства) была полностью уничтожена. Однако до конца XIX в. русские местные власти никоим образом не стремились ни поощрять приезд русских колонистов в степи, ни вмешиваться в жизнь кочевников. Казахи не получили статуса подданных империи. Они оставались «инородцами» и сохраняли свои суды обычного права (адат). Кроме того, они были освобождены от воинской повинности в рядах русской армии. Правящий класс казахского общества, феодальная знать монгольского происхождения, хоть и не была допущена в среду русского дворянства, все же процветала, сохранив свое влияние и привилегированное положение. Большая часть кочевых аристократов, таких как этнограф и писатель Шокан Уалиханов, потомок Чингис-хана, были убежденными «оксиденталистами», сторонниками тесного сотрудничества с еще чужими для них русскими. Они не без наивности, рожденной от незнания, полагали, что русские способны повести их народ по пути прогресса и защитить от хищничества татарских купцов и фанатичного мракобесия бухарских мулл.

Примерно до 1890 г. местные русские власти небезуспешно помогали казахам сохранять свою специфическую кочевую культуру, оберегали их от нависшей над ними двойной опасности: «татаризации» и «туркестанизации». Были открыты русско-казахские школы, а детей кочевой знати принимали в кадетский корпус и готовили из них офицеров рус-

ской армии. Поощрялись исследования в области культуры кочевников, а литературный казахский язык, возрожденный плеядой местных ученых, работавших в контакте с русскими коллегами, познал сенсационный период расцвета.

К сожалению, это многообещающее сотрудничество русских и казахов не смогло пережить период приезда первых русских и украинских поселенцев, которые наводнили степь в 1891—1892 гг. Эта кампания длилась до Первой мировой войны. В 1914 г. более миллиона русских и украинских крестьян обосновались в степи, резко сократив кочевое пространство и создав угрозу самому существованию казахов. Не удивительно, что с 1905 г. казахская интеллигенция, отчаявшись, потеряла всякое желание сотрудничать с русскими. Казахское национальное движение приобретает антирусскую окраску и сливается с панмусульманским движением, возглавляемым волжскими татарами.

Далее Беннигсен и Лемерсье-Келькеже переходят к ситуации в Туркестане. Покорение Центральной Азии началось в 1855 г., сразу после военных действий на Северном Кавказе. В то время империя Александра II, вступившая в фазу капиталистического развития, полностью отличалась от военно-бюрократического государства его отца. Завоевание Северного Кавказа не было вызвано экономическими требованиями, тогда как захват Туркестана отвечал нуждам молодой русской текстильной промышленности.

В 1855 г. русские завладели Шымкентом и открыли путь к стране, расположенной к югу от Сыр-Дарьи. В 1865 г. русские захватили Ташкент. В 1873 г. русские навязали протекторат бухарскому эмиру, а в 1874-м — Хивинскому ханству. И, наконец, в 1875 г. русские вторглись в Кокандское ханство, представлявшее для них наибольшую угрозу, и в 1876 г. уничтожили его. Захват Туркестана был довершен оккупацией Туркменского государства в 1873—1874 гг., и в 1900 г. русские дошли до самого высокого плато Памира.

Если не считать отчаянное сопротивление туркменских племен русским отрядам, то оккупация Центральной Азии русскими прошла относительно гладко, так как мелкие местные властелины находились в состоянии борьбы друг с другом и не смогли выступить единым фронтом против завоевателя. Бухара и Хива сумели наполовину сохранить независимость и призрачный суверенитет. Остальная часть края была объединена под эгидой Генерального правительства Туркестана, управляемого военной администрацией. Местные жители не получили статуса граждан империи. Они сохранили собственное законодательство, основанное на законах шариата, и не привлекались к воинской повинности. Генеральная политическая линия русских в Туркестане была типично колониальной. Не было ни малейшей попытки ни ассимилировать население (как в случае с татарами), ни приобщить его к европейской цивилизации. Русские военные власти пытались — безуспешно — полностью изолировать Туркестан, уберечь его от любых передовых идей, в особенности от тех, что шли от волжских татар. По мнению первого губернатора Туркестана генерала К.П. фон-Кауфмана, Центральная Азия должна была пребывать в состоянии средневековой стагнации. И это должно было оградить власти от любой попытки организовать сопротивление населения завоевателям. Местному населению было велено сохранять самые архаичные формы консервативного ислама, а татарам запрещено было открывать современные школы. И, наконец, русских отучили от контактов с местным населением. До самой революции туркестанцы, наследники прославленной истории и двухтысячелетней цивилизации, были подвержены расовой и религиозной сегрегации, которая странным образом напоминает апартеид. Результатом этой политики изоляции явилось пробуждение национального сознания, которое в Центральной Азии появилось позже, чем у других тюркских народов империи. А когда зародилось национально-освободительное

движение (примерно в 1905 г.), среди руководителей движения было большое число татар и казахов.

Завоевание Центральной Азии и открытие этой огромной территории русскому капиталу привели к радикальному изменению взаимоотношений между русскими и мусульманами. Отныне в завоеванном и умиротворенном Туркестане русский капитал уже не нуждался в татарском посредничестве. Обе буржуазии — русская и татарская — бывшие прежде союзниками и партнерами, стали теперь соперниками. Татары, будучи слабее, должны были производить русским платежи. Экономическая угроза была тем более опасной, что в самой Татарии была одновременно возобновлена политика культурно-религиозной ассимиляции, но уже более гибкой и потому более эффективной, чем прежняя. Местное население приобщали к христианству путем дозированной пропаганды и образования, при этом не принуждая к русификации. Эта политика была разработана Николаем Ильинским, блестящим ориенталистом и ловким миссионером, целью которого было не только формирование интеллектуальной туземной элиты православной веры, но и татарской культуры, говорящей на языке казанских татар с использованием кириллицы. Успех политики Ильинского был сенсационным. При Александре II около 100 000 татар были обращены в христианство и пополнили ряды крещеных. Татары, сохранившие мусульманство, вполне осознавали опасность новой политики религиозной ассимиляции, и поэтому вся мусульманская элита была мобилизована против политики России. Мощное реформистское движение, сформировавшееся в конце XIX в. под предводительством татарской купеческой буржуазии, стало прямым следствием кампании по обращению в христианство.

Впервые мусульманский национализм проявил себя в конце XIX в., сначала на татарской земле, затем быстро распространился среди других мусульман. Поначалу это были движения локального характера, появившиеся спонтанно по

причине специфических условий русского ислама. Затем они получили импульс от многочисленных иностранных идеологических течений: немецкого романтизма, английского либерализма, русского славянофильства, французской революционной идеологии, Танзимата и идеологии младотюрков, иранского конституционного движения и т.д.

Структура и методы деятельности мусульманского национализма в Российской империи были те же, что и у других подобных мусульманских движений, будь то в Османской империи, Индии, Индонезии, Иране и арабских странах. Но в русской империи, в силу разных причин, предшествующего исторического периода в зависимости от региона движение приобретает двойной характер. С одной стороны, это движение было общим для всех исламских народов империи: умеренно-либеральное, пантюркистское, открытое, в принципе, всем мусульманам; возглавили его волжские татары. С другой стороны, некоторые региональные движения были более экстремистского характера: от радикального марксизма до абсолютного религиозного консерватизма.

Конечная цель всех этих движений, включая и тех, что носили марксистский характер, была примерно одинаковой: равноправие с русскими, свобода вероисповедания, культурная независимость, политическая автономия и в редких случаях — полная независимость. Разногласия среди различных региональных движений были чисто тактического плана и касались только методов работы, выбора русского партнера, способного помочь в эмансипации мусульман, а также проблемы национальной идентичности: пантюркистской, панисламистской, региональной или даже местной.

Национальному движению предшествовала религиозная реформа, которая представляла собой попытку покончить с консервативным традиционализмом и дать исламу возможность выжить в мире современной техники. Религиозная реформа дала повод яростным дискуссиям и привела в начале

века к глубокому расколу мусульманского общества. Раскол вначале был духовного порядка, но затем быстро приобрел характер политический, разделив мусульманское духовенство на два враждебных лагеря. С одной стороны, это было либерально-модернистское крыло (джадид), объединившее сторонников реформ, которое впоследствии объединит разнообразные революционно-прогрессивные политические группировки. С другой стороны, это были традиционалисты (кадымисты), противники реформ, которые позже вольются в ряды борющихся разнообразных консервативных организаций правого толка. В Центральной Азии джадидский реформизм так и не сумел победить кадымистов, поэтому этот край до самой революции оставался бастионом умеренного консерватизма.

Беннигсен и его соавтор считают, что вторая стадия национального движения, ставшая возможной благодаря религиозной реформе, заключалась в попытке радикального изменения традиционной мусульманской культуры. Она началась с реформы литературных языков мусульман русской империи. До середины XIX в. русские мусульмане пользовались арабским, персидским языками, а также искусственным научным языком, представлявшим собой смесь чагатайского и языка казанских татар. Лишь ученая элита имела доступ к этим языкам. Реформа заключалась в том, чтобы сделать культуру доступной для масс и создать с этой целью новые литературные языки, имевшие в своей основе живую разговорную речь, понятную для всех.

К 1875 г. почти одновременно появились татарский, азербайджанский и казахский языки. Их рождение состоялось благодаря целой плеяде лингвистов и литераторов большого таланта. Это Абдул Кайым Насыри в Татарии, Хасан Меликов Зердаби в Азербайджане, Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев в казахских степях. Однако в Центральной Азии узбекский, туркменский и киргизский языки до самой рево-

люции не смогли достичь уровня настоящих литературных языков. Поэтому до 1917 г. старочагатайский оставался истинно литературным языком всего Туркестана.

Появление современных литературных языков было огромным шагом вперед, так как это способствовало появлению в первые годы XX в. современной мусульманской литературы, заменившей средневековую традиционную литературу розы и соловья. Это была новая литература, воинствующая и отвечающая надеждам и нуждам молодой джадидской интеллигенции, боровшейся за свободу религии, равенство в правах с русскими, эмансипацию мусульманской женщины, а с 1905 г. — за политическую независимость.

Но в то же время появление новых региональных языков несло в себе потенциальную опасность. Бывшее языковое (а значит, и культурное) единство русского ислама могло оказаться под угрозой распада. Большинство молодых татарских и казахских писателей пытались, как могли, не отдалять друг от друга литературные языки.

Чтобы окончательно отвести угрозу разлома мусульманского сообщества (*Umma*), в 1880 г. была предпринята оригинальная попытка создания литературного пантюркистского языка, который был бы понятен всем тюркским народам России и даже тюркоязычным народам всего мира. Создателем этого упрощенного языка на османско-турецкой основе, по возможности очищенного от арабско-персидских заимствований, был мыслитель и политический деятель Исмаил Гаспралы (Гаспринский), крымский татарин, чей лозунг гласил: «Да будем едины в языке, мыслях и действиях!» (*Dilde, fikirde, iyte birlik!*). Пантюркистский язык Гаспринского, которым должны были пользоваться все тюрки, «от Балкан до Синьцзяна», был языком газеты, издававшейся им же с 1883-го по 1914 г. в Бахчисарае, — знаменитого «Тержумана» («Переводчик»). Она была одним из самых крупных периодических изданий всех времен.

Как и в других странах мусульманского мира, в России

политический национализм зародился из желания обрести потерянную власть, добиться равенства в правах с европейцами, а затем — автономии (или независимости). В России мусульманская нация (миллиет) имела двойную основу: религиозную и этническую, исламскую и тюркскую. Но вопреки тому, что было в Турции или арабских странах, в России не наблюдался конфликт между религиозным и этническим сознанием мусульман-тюрков и тех, кто были не тюрками, но имели тюркскую культуру и были тюркофонами. Это не касалось, однако, тюрков-немусульман, таких как чуваш и якуты.

Буржуазия волжских татар первой организовала политическое движение. Но, борясь за объединение мусульманского сообщества царской империи в одну нацию (миллиет), татары позаботились о том, чтобы придать своим действиям панисламистский характер. Они были вдохновлены либеральной идеологией, имевшей умеренные задачи и методы. Татары вполне отдавали себе отчет в том, что ислам еще слаб и не может выйти в открытую на борьбу с царской империей. Однако поражение России в 1905 г. драматическим образом изменило ситуацию. Победа Японии, азиатского государства, ввергло империю в шоковое состояние. Россия была уязвима, и ее можно было повергнуть. Надежда на реванш и освобождение привела в волнение все народы, покоренные империей, в том числе и мусульман.

Так, 1905 г. стал поистине началом политических действий мусульман России. В этом же году впервые появились хоть и скромные, но коллективные национальные требования. После 1908 г. многие руководители из числа умеренных эмигрировали в Турцию и даже Россию, а руководство политическими группировками перешло в руки более молодых, более радикально настроенных к России, а также русских, сознательно и охотно употреблявших социалистическую фразеологию. Но все же мечта об объединенном пантюр-

кистском и панисламистском движении не была забыта. Она вновь возникла в 1917 г. после падения монархии.

Политические группировки появились после 1904 г. почти во всех мусульманских окраинах России. Они были двух видов: 1) движения либерального толка, следовавшие более или менее по пути, указанному Иттифак'ом аль-Муслимин, но защищавшие местные интересы; 2) движения прогрессивного толка, действовавшие вразрез с умеренной программой Иттифак'а аль-Муслимин, но все они были под влиянием различных марксистских идеологий.

Политическая жизнь в казахских степях началась в 1905 г. под влиянием волжских татар. Первые программы повторяли идеи руководителей казахского интеллектуального ренессанса XIX в.: сотрудничество с русскими, оксидентализация, враждебное отношение к консервативному исламу. И лишь в 1912 г. появилась группа «Алаш-Орда», которая преобразовалась в политическую партию в марте 1917 г. Ее возглавляли представители интеллигенции, выходцы из среды кочевой феодальной знати: Али Букейханов, Ахмет Байтурсын, Мир Якуб Дулатов. Политическая идеология Алаш-Орды, вначале либеральная и близкая к идеологии партии русских конституционных демократов, сделала крен влево и стала ближе к идеологиям партий меньшевиков и социалистов-революционеров. Алаш-Орда была националистической партией меньшевиков и социалистов-революционеров, равнодушной к исламу и идеям пантюркизма. До революции партия придерживалась принципа сотрудничества с русскими умеренными социалистами. Она проповедовала переход к оседлому образу жизни и требовала прекращения русской колонизации.

В 1913 г. в регионе Сыр-Дарьи (южной части Казахстана) была образована партия «Уш Жуз», соперница партии «Алаш-Орда». Ее руководителями были интеллигенты, выходцы из среды мелкой буржуазии, и муллы, получившие образование в Бухаре. Программа партии была сначала панисламистского

толка, затем под влиянием бухарцев стала неистово антирусской. К началу 1916 г., так же как и другие мусульманские политические группировки, Уш Жуз объявила о своем повороте влево, сохранив при этом панисламистскую, антирусскую, антитаатарскую ориентацию. В 1917 г. ее руководители приняли программу большевиков и вступили в русскую коммунистическую партию.

До 1905 г. в Центральной Азии национальные движения пребывали в эмбриональном состоянии. Их возглавляли волжские татары, переселившиеся в Туркестан. После поражения России в русско-японской войне движения получили новый импульс и приобрели антирусский и панисламистский характер. Влияние Турции, в частности младотюркского движения, стало после 1908 г. решающим. Однако туркестанский национализм оставался все еще неорганизованным и не сумел сформировать настоящие политические партии, если не считать две группировки: «Шура-и Исламия» («Мусульманский совет»), основанная в 1917 г. в Ташкенте и руководимая умеренными клерикалами, политическая программа которой имела консервативную религиозную и сепаратистскую ориентацию (независимость Туркестана); «Иени Бухарлар» («Младобухарцы»), основанная в 1909 г. в Бухаре как тайное революционное общество. Руководство осуществляли молодые интеллигенты, выходцы из среды коммерсантов и клерикалов, получившие образование в большинстве своем в Стамбуле.

В 1917 г. влияние русского социализма стало преобладать. Все политические мусульманские партии — татарские, туркестанские, азербайджанские — просуществовали недолго. Структура партий была расплывчатой, прием членов не был строг, а сами руководители не имели твердых убеждений. Они не могли и не смогли противостоять русским политическим партиям, которые отличались дисциплиной и жесткой иерархией. Шансы на выживание мусульманских политиче-

ских партий в драматических условиях дореволюционной России были крайне малы. И почти все они исчезли после октября 1917 г. Однако, несмотря ни на что, со всеми своими слабостями и недостатками эти политические группировки представляли собой первую и единственную попытку мусульман России иметь собственную политическую организацию, избавленную от русского контроля. Некоторые из этих организаций, в частности «Алаш-Орда» в Казахстане и «Младобухарцы» в Средней Азии, оставили о себе немеркнущую память. Со временем они стали в глазах националистов гордым символом борьбы за независимость и избавление от русского гнета.

В период Февральской революции объединенное панисламское движение, руководимое волжскими татарами, чье влияние с 1908 г. начало ослабевать, вдруг вновь обрело свой престиж после развала монархии. Восстав из пепла, оно приняло другой облик, настроенный более радикально и революционно, чем в предыдущий 1905 г. Оно все также было привержено правоверному исламу, однако его социальная программа стала почти социалистической, а его руководители были склонны сотрудничать с большевиками. Этот новый поворот влево объяснялся, с одной стороны, тем, что «Апрельские тезисы» Ленина пробудили надежду; с другой стороны, тем, что русские либералы (конституционные демократы) и правые социалисты (меньшевики, эсеры) вели антиминоритарную политику. Падение монархии было встречено с энтузиазмом, как новая эра свободы, и психологическое единение мусульманского сообщества было само собой восстановлено.

В 1916 г. разразился огромный бунт кочевых племен, направленный против захвата земель русскими колонистами и против мобилизации в трудовые батальоны. Он был подавлен с неслыханной жестокостью. Была учинена резня племен, многие бежали в Китай. Страна была ввергнута в

анархию. Партия «Алаш-Орда», поначалу умеренно и про-русски настроенная, была вынуждена полностью изменить свою политическую платформу. После марта 1917 г. она приняла более радикальную программу, близкую к программе социалистов-революционеров, требуя изгнания колонистов, а после июля 1917 г. — автономии Казахской Республики. Временное правительство, желая навести порядок в степной анархии, доверило Алаш-Орде полномочия по управлению Центральным и Восточным регионами казахских степей. Таким образом, накануне революции казахи обладали зачатками национального административного управления.

Революция была воспринята всеми мусульманами России не как начало новой социалистической эры, а просто-напросто как развал централизованного русского государства, т.е. как уникальная возможность реализовать свои национальные чаяния. В годы Гражданской войны (1918—1920) мусульмане предприняли несколько попыток добиться политической автономии в рамках нового советского государства либо полной независимости. Одни надеялись достичь своих целей с помощью большевиков, другие рассчитывали на белых; но, за редкими исключениями, мусульманские предводители, в том числе и новообращенные марксисты, были равнодушны к социально-политическому аспекту коммунистической революции. Для них интерес к революции заключался в «национальном» аспекте.

В период революции политической жизнью степей управляла антикоммунистически настроенная, социализирующаяся либеральная партия «Алаш-Орда». Следуя примеру башкир, ее руководители начали с того, что в декабре 1917 г. она объединилась с контрреволюционными силами: оренбургскими казаками, комучами, башкирами. 10 декабря 1917 г. Алаш-Орда объявила политическую автономию степей и, в силу территориальных причин, управление было возложено на два правительства: одно — в Западном Казахстане, другое — в

Восточном. Но как только власть оказалась в руках Колчака, казахов насильно заставили последовать примеру башкир. В марте 1919 г. части Алаш-Орды, сражавшиеся на стороне белых, покинули линию фронта и отступили вглубь степей.

В мае 1919 г. руководители Алаш-Орды официально признали советский режим. Был создан Казахский революционный комитет (Кирревком). Он включал в равной пропорции представителей Алаш-Орды и советских уполномоченных. Так, казахи пошли путем, проторенным башкирами, но, в отличие от башкир, казахские руководители Алихан Букейханов, Халел Досмухаммедов, Ахмет Байтурсын, Мир-Якуб Дулатов не порвали с большевиками. Вступив все вместе в Коммунистическую партию, они еще с десятков лет оставались в руководстве республики и сумели в значительной степени повлиять на ее судьбу. Именно благодаря Алаш-Орде познала взлет казахская национальная культура.

Центральная Азия была для советской власти самой тяжелой проблемой. В октябре 1917 г. большевики, захватив власть в Ташкенте, получили вдруг неожиданную помощь со стороны местного русского населения, которое по своей социальной структуре (функционеры, офицеры, купцы) должно было бы быть враждебно настроено к идеям коммунизма. Русские решили прийти на помощь только по той причине, что считали «туземных мусульман» своим главным врагом. Поэтому неудивительно, что новый строй поначалу вел типично колониальную политику, исключив всех мусульман из управленческих органов в новой администрации.

Последствия такого старта не заставили долго ждать. Убежденные в невозможности сотрудничества с представителями новой власти (Советами Ташкента), которые оказались еще более невыносимыми, чем их царские предшественники, мусульмане учредили в Коканде Совет народа Туркестана, провозгласивший в ноябре 1917 г. политическую независимость Туркестана. Таким образом, страна расколо-

лась надвое: Ташкентская область оказалась в руках русских, а Ферганская долина была практически независимой. 5 февраля 1918 г. воинские части Советов Ташкента взяли штурмом Коканд. Город был уничтожен, а местное население вырезано.

Разгром Коканда и поражение Советов в Бухаре положили в 1918 г. начало басмаческому движению, которое длилось, то побеждая, то терпя поражение, до 1928 г., а в некоторых районах — до 1935-го и даже 1936 г. Это были бунтовщики, вышедшие из беднейшей части населения: оседлых (они были в большинстве) и кочевых племен. В числе восставших были узбеки, киргизы, туркмены и т.д. Термин «басмачи» применялся русскими к различным группировкам партизан, действовавшим в некоторых регионах независимо друг от друга.

Главный очаг бунта находился в Ферганской долине. После покорения Бухары Красной армией в 1920 г. восстание распространилось на восточные и южные регионы бывшего Бухарского эмирата, в частности на южные территории нынешнего Узбекистана, где проживало крупное племя локай (выходцы из Дешт-и-Кипчака, кочевой элемент узбекского этноса, сейчас расселены на территории современных Таджикистана и Узбекистана), и северную часть туркменских степей. Руководство движения было смешанным: видные люди деревни либо клана (курбаши), предводители туркменских и локайских племен, местное духовенство, суфистские муршиды и другие бывшие националисты, прибывшие из Коканда и других мест. К движению присоединились Зеки Валиди Тоган, бывший председатель башкирского ревкома, и Энвер-паша, бывший министр обороны Турции (Энвер был убит в ходе боев в 1922 г.).

Цели и характер бунта были так примитивны, что понятия «идеология» и «политическая программа» в этом контексте неуместны. Бунт был стихийным, он был вызван инстинктивным чувством протеста против «неверных угнетателей»

и носил социально-религиозный характер. Мусульманская сельская беднота и кочевники оказывали сопротивление могущественному чужеземному завоевателю, бывшему врагу, принявшему новый облик и грозившему теперь не только захватом мусульманских земель и пастбищ, но и осквернением их духовного мира.

Борьба против басмачей была явно самой трудной операцией по подавлению, которую когда-либо вела Красная армия в течение всей истории Советского Союза, заключают авторы. Далее Беннигсен и его ученица пишут о положении ислама в советскую эпоху («мусульманский национальный коммунизм», официальный и параллельный ислам и т.д.) — вплоть до конца брежневской эры, что выходит за рамки настоящего исследования.

Их соотечественник В. Фурньо в своей «Истории Центральной Азии» (Fourniau, 1994), оценивая положение Казахстана перед лицом Российской империи, писал, что политически казахи утратили всякую инициативу в течение XVIII в. и с тех пор были подвержены экспансии, более или менее продолжающейся со стороны соседних государств: джунгаров, русских, китайцев и кокандских узбеков. Три жуза окончательно разделились. Смертельный удар, нанесенный джунгарами, заставляет искать наиболее уязвимые жузы (Младший и Средний) новую защиту в лице России. Отсюда берет начало политика в отношении казахов со стороны русских правителей.

Граница казахского пространства сегодня отмечает также границу от распространения ислама до контакта с сибирским шаманским миром, монгольским и буддистским или русским и христианским. Таким образом, Центральная Азия сегодня играет еще роль границы ислама. Начиная с арабского завоевания Бухары (709), эта граница не переставала перемещаться к северу, чтобы закрепиться в казахском пространстве. Между XVI и XVIII в. исламизация казахов про-

грессировала медленно. Начиная от хана Узбека, политическая и общественная элита имела исламскую окраску, но некоторые, такие как Чокан Валиханов, в разгар XIX в. могли ниспровергать ислам как составляющую часть казахской самобытности. Итак, исламизация основной массы кочевников протекала чрезвычайно медленно. Она представляла фоновое движение казахского общества, о котором можно сказать, что оно и сегодня продолжает свой ход.

Хронологические вехи, по которым можно судить о его поступательном движении, не изобилуют. Казахские эпосы, воссоздающие смертельную борьбу против калмыков, представляют казахских воинов как мусульманских героев. Русская колонизация, возможно, окончательно зафиксировала связь между исламом и казахской самобытностью.

Экспансия Великобритании и России в Азии, начиная с XVIII в., трансформировала широкую зону, идущую от проливов (Дарданеллы и Босфора) до Китая, в поле трения между соответствующими интересами этих двух стран, ставшее театром чрезвычайного напряжения. Парадоксально, но эта близость имела результатом то, что ни русские, ни англичане не развязали там войны. Деятельность России в институциональных и экономических владениях сконцентрировалась на нескольких жизненных пунктах, которые спровоцировали комплексные трансформации в степях, в Туркестане и в меньшей степени в протекторатах. Другое обращение наблюдалось в отношении к Казахской степи и к оседлым районам Трансоксианы.

Дж. Ланцев и Р. Пирс в книге «На пути к империи: открытия и завоевания на русских границах до 1750 г.» подходят к проблеме расширения Российской империи с точки зрения т.н. «открытых границ». Это означает, что, в отличие от других империй России, начиная с эпохи Киевской Руси, приходилось решать проблему открытости своих границ. Исторические и географические факторы вынудили ее к пост-

янному продвижению по разным азимутам, но в основном на восток, чтобы защитить ядро своего государства. Этот процесс мог завершиться только с исчезновением проблемы «открытых границ», т.е. после выхода к морям и непреодолимым горным цепям, что, собственно говоря, и произошло в Центральной Азии (Lantzeff, Pierce, 1973).

Американский исследователь Р. Пирс считает, что главными причинами русского завоевания территорий казахов было наличие богатых земель, которые они контролировали, а также частые нападения на караваны со стороны последних. Таким образом, в русскую администрацию с просьбой подчинить казахов на протяжении десятилетий обращались три социальных группы: крестьяне, казаки и торговцы (Pierce, 1960, p. 17). Первым требовались плодородные земли в долинах рек Северного и Северо-Восточного Казахстана, вторым — пастбища в степных зонах и возможность контролировать коммуникации, третьи нуждались в стабильности, которая позволила бы обеспечить беспрепятственную торговлю на обширных пространствах Западного Китая, Средней Азии, Северного Казахстана и Южной Сибири. Таким образом, все эти настроения, слившись с геополитическими планами Санкт-Петербурга, предрешили судьбу Казахстана.

Пирс подробно описывает историю колонизации Казахстана и считает, что у Кауфмана была своя концепция этого процесса. Она строилась на форсировании перехода казахов с кочевого на оседлый образ жизни, разрушении их племенной структуры, использовании освобожденных земель для русской колонизации. Пирс отмечает, что после завоевания региона Кауфман столкнулся с конкуренцией со стороны татарского и узбекского населения, которое явочным порядком начало занимать казахские пастбища. В этих условиях Туркестанский генерал-губернатор административными мерами попытался остановить это передвижение и сохранить земли для последующей колонизации европейским населением (Pierce, 1960, p. 114).

О восстании 1916 г. пишет Р. Пирс в своей монографии «Русская Средняя Азия: опыт колониального правления». Он не сомневается, что главной причиной восстания был земельный вопрос. После начала восстания в Семиречье многочисленное русское население создало дружины и принялось с яростью атаковать восставших. Именно в Семиречье восстание и его подавление приняли наиболее жестокие формы: речь шла о борьбе за жизненное пространство в виде пастбищ и возделываемых земель. Более политический характер носило восстание в центральных районах Казахстана. Здесь четко проявились антицаристские настроения. Однако в целом, отмечает Пирс, направленное в начале против царского режима восстание в конечном счете обернулось против русского народа. Р. Пирс категорически выступает против версии о роли германских и турецких агентов в разжигании антирусского мятежа в Туркестане (**Pierce, 1960, pp. 278—295**).

Как отмечалось выше, подробный анализ социально-экономического положения Русского Туркестана накануне Первой мировой войны дал немецкий исследователь Р. Юнге в книге «Проблема европеизации восточного хозяйства на примере Русского Туркестана» (Ч. I. Гл. III. § 3). Главным тезисом книги Юнге было утверждение о том, что экономическое положение региона есть результат политических отношений, сложившихся в данном обществе. Исходя из своей концепции, автор пристальное внимание обращает на налоговую систему Туркестана. Юнге своими глазами мог видеть экономическое положение в этой российской колонии и пришел к выводу, что тяжелое положение сельскохозяйственных производителей является следствием несправедливой и разорительной налоговой системы, в результате которой крестьянам остается только 25% урожая. Юнге отмечает, что даже голод является следствием ужасающего налогового бремени в Восточной Бухаре (**Junge, 1915**). В основе стагни-

рованного и тяжелого экономического положения лежит, по мнению Юнге, деспотизм ханов и эмиров. Следствием деспотических феодальных отношений является пагубная для экономики децентрализация, ограничение экономической активности населения, произвол в налоговой и финансовой сферах.

Политический деспотизм, как считал Юнге, тесно связан в Туркестане с проблемой воды, т.е. политический деспотизм и традиции авторитарного правления вытекали из возможности или необходимости контролировать водные ресурсы и тем самым экономическую жизнь большинства населения. Таким образом, Р. Юнге вплотную подошел к теории т.н. азиатского способа производства. Через 15 лет подобные формулировки использует другой немецкий ученый К.А. Витфогель, назвавший его «гидравлическим обществом». Повсюду в книге Р. Юнге подчеркивает значение климатических условий для складывания в Туркестане таких форм хозяйства и такого типа социально-экономических отношений, которые напоминают ему средневековые европейские, но еще в большей степени — средиземноморский тип экономики. Р. Юнге пришел к выводу, что для прогресса Туркестана необходимы одновременно два процесса — децентрализация и централизация. Децентрализация необходима внутри перенаселенных оазисов для того, чтобы дать больше экономической свободы отдельному индивидууму; централизация — на внешнем уровне для того, чтобы связать экономическую деятельность различных оазисов между собой.

В контексте хозяйственных связей Р. Юнге обращает пристальное внимание на социальные отношения. В сартских и таджикских семьях, наблюдает Юнге, царят строго патриархальные отношения. Эти отношения неизбежно накладывают отпечаток на семейное производство; семьи характеризуются практически полной закрытостью для внешнего мира. Юнге считает, что это явление, которое наблюдается

повсюду в современном ему исламском мире, тесно и причинно-следственным образом связано с господствующим типом экономических отношений. Все настоятельно требует экономической реформы в европейском духе на всем Востоке. В поисках решений для такой реформы Юнге пришел к выводу, что неперенным условием должно стать изменение социального и экономического статуса женщин. В масштабах всего региона решением экономических проблем должно стать решение вопроса о воде. Налоговые поступления необходимо направить, прежде всего, на модернизацию и улучшение ирригационной системы. Данная система, если изменить в корне ее характер, перейдя от водоснабжения через общие большие каналы, несущие, помимо прочего, переувлажнение и засоление почвы, к сети мелких индивидуальных, может отразиться на всей совокупности сложных социально-экономических отношений, складывающихся в регионе веками, пришел к выводу Юнге.

В книге Юнге имеются также наблюдения этнографического характера. Так, он считает, что хивинских и центрально-бухарских сартов правильнее, исходя из господствующего у них языка, называть узбеками. Большое внимание автор уделяет экономике казахов (§ 18, 27). Главной особенностью кочевого типа экономики казахов было то, что «оно пребывало в неподвижном, замкнутом состоянии, но обеспечивало полную политическую независимость в степях и горах» (Junge, 1915, S. 271). В ходе модернизации Казахской степи на экономику казахов и их социальное устройство повлияли следующие изменения: строительство железной дороги Оренбург — Ташкент, потеря экономической свободы и вовлечение казахской экономики в общероссийскую; начало колонизации и контакты с колонистами (здесь автор проводит параллели с турецкой колонизацией и ее положительным влиянием на бедуинов), появление полукочевых хозяйств. И, как результат этих процессов, пишет Юнге, «мы наблюдали в

казахских областях, тесно связанных с оседлыми территориями, рост экспортной торговли» (Junge, 1915, S. 482). В качестве рецептов для успешного преобразования восточного хозяйства Юнге предлагает три линии поведения европейцев: объединение усилий всех европейских держав, честность и такт в проведении политики в отношении местного населения. Но в контексте Юнге соглашается с другим немецким исследователем, что от европейцев, помимо прочего, требуется сила. Юнге считал, что в первом томе своей работы он подробно изложил объект исследования и *что* должно произойти, т.е. цели европейской политики; во втором томе он предполагал изложить, как это должно произойти, т.е. методы и средства европейской хозяйственной политики на Востоке. Однако второй том так и не увидел свет.

Современный российский исследователь Е.А. Глущенко в своей монографии предлагает свое концептуальное видение процесса «колонизации» Туркестана Россией. Эта точка зрения призвана противостоять как традиционным, восходящим к советологии, западным трактовкам этих событий, так и современным, исходящим в основном от историков постсоветского Узбекистана. В то же время автор дистанцируется от советских стереотипов в части, касающейся «колониального угнетения»³.

Книга, как отмечает автор, является ответом на вызов со стороны историков независимых государств, в первую очередь Узбекистана, «труды» которых непрофессиональны, зачастую содержат фальсифицированные сведения и отличаются неприятием очевидных фактов. Такие «откровения», отягощенные к тому же агрессивной русофобией, переходят в учебники истории для средних учебных заведений и отравляют сознание современных поколений. Современные узбекские историки об-

³ Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. — М.: Центрполиграф, 2010. — 576 с.

виняют русских в том, что они «заблокировали естественную эволюцию среднеазиатской государственности», пренебрегли кровными интересами коренного населения, лишая его политических прав и свобод. Автор по этому поводу пишет: «Смешно звучит обвинение, касающееся «лишения политических прав коренного населения», которое таковых не имело. Подданные ханов и эмиров не имели ни имущественных, ни каких-либо других гражданских прав, кроме права лишиться головы без суда и следствия» (с. 7).

Процесс подготовки присоединения Средней Азии занял более 130 лет и закончился в 1863 г. В 1865 г. отряд русских войск численностью около двух тысяч человек под командованием М.Г. Черняева штурмом взял Ташкент — самый большой город Средней Азии, ставший столицей Русского Туркестана. Это послужило предпосылкой дальнейших широкомасштабных операций по присоединению среднеазиатских регионов к Российской империи. Автор детально анализирует расстановку сил внутри российской правящей верхушки в отношении этого присоединения, менявшуюся на всем его протяжении: «Создается впечатление, — пишет он, — будто существовал своего рода молчаливый сговор императора и военного министра против министра иностранных дел. Судя по всему, взгляды Александра II и Д.А. Милютин на колониальную экспансию совпадали, но противоречили взглядам А.М. Горчакова на тот же предмет. Император, несомненно, тяжело переживал поражение России в Крымской войне и искал возможности повысить авторитет своей страны, доказать миру, что Россия остается в числе великих держав» (с. 93).

Важнейшим этапом в процессе присоединения Средней Азии к России стало правление в Туркестанском крае генерал-губернатора К.П. Кауфмана, которому царским манифестом от 17 июля 1867 г. были предоставлены неограниченные полномочия «к решению всяких политических, пограничных

и торговых дел, к отправлению в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и к подписанию трактатов, условий или постановлений, касающихся взаимоотношений России с этими странами» (с. 134). Среднеазиатские ханства постепенно, шаг за шагом, переходили под российский контроль, чему предшествовали многочисленные экспедиции, рекогносцировки, разведки боем, стычки, переговоры.

Важной вехой на этом пути стало замирение Бухарского ханства. В 1873 г. заключенный ранее российско-бухарский договор был детализирован и расширен. В него были включены пункты о свободном доступе российских купцов и их караванов в любую часть Бухарского ханства; об ответственности местных властей за их безопасность и за соблюдение условий торговых сделок; о беспошлинном транзите русских товаров; о взаимном праве владения недвижимостью (бухарцам — в России, россиянам — в Бухаре); об обмене между Российской империей и Бухарским ханством торговыми и политическими представителями. Особым пунктом в Бухарском ханстве запрещалась работоторговля, что имело огромное морально-политическое и историческое значение.

Следующим важным этапом в процессе присоединения Средней Азии к России стал Хивинский поход. В XVIII в. отношения с Хивой носили эпизодический характер, включая торговые связи, имевшие высокую степень риска, поскольку, как пишет Е.А. Глуценко, «Хива продолжала бросать Российской империи вызов за вызовом. Особенно болезненной была проблема похищения людей из пограничных российских районов в результате разбойничьих набегов казахов и туркмен с последующей продажей пленных на невольничьих рынках Хивы и Бухары» (с. 166). В 1869 г. началась негласная подготовка к военной экспедиции, и в 1872 г. Александр II утвердил ее план, возложив главное командование на Кауфмана. 29 мая 1873 г. Хива сдалась фактически без боя.

По настоянию Кауфмана хивинский хан подписал манифест об освобождении 40 тысяч рабов-персов, которые, покинув хозяев, сбились в шайки и стали мстить иомудам. Русское командование вывезло большинство бывших рабов за пределы ханства. Однако те, кто, по разным причинам, остался в Хиве, заплатились за это жизнью — иомуды не простили им своего поражения и лишения подневольной рабочей силы. В связи с этим автор формулирует важный вывод: «Отмена рабства и работорговли в Хиве была сильным пропагандистским ходом России в ее соперничестве с европейскими державами, в какой-то степени смягчившим негативные последствия иомудской экспедиции» (с. 209—210). Действительно, в условиях последней четверти XIX в. отмена рабства имела важное значение для многих регионов мира.

Для России хивинский поход, помимо устойчивого обеспечения интересов русских купцов, имел и другие позитивные результаты. В частности, появился новый водный путь из Оренбурга через Аральское море по Аму-Дарье в Туркестан и далее, а также возникла возможность строительства Закаспийской железной дороги от Красноводска до Ташкента. В итоге после учреждения Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. каждый год происходило приращение его территории, и к 1876 г. она увеличилась на 30%. Население края возросло почти в два раза — в 1876 г. здесь проживало 1 171 514 человек. Фактически территория края была больше официальных размеров, так как его составными частями можно было считать формально независимые, но реально управляемые из Ташкента Бухарское и Хивинское княжества.

Как отмечает автор, что если в начале 1860-х гг. граница Российской империи проходила по северной кромке Казахской степи, то теперь она сдвинулась более чем на три тысячи километров (верст) к югу. Он подчеркивает, что на протяжении всего периода освоения среднеазиатских земель

общение с оседлым населением было не вполне легким и успешным: сказывалась враждебная агитация, которую вели мусульманские священники и ханские чиновники. Тонкий и проницательный администратор К.П. Кауфман с самого начала освоения края давал понять его населению, что русская администрация «не собирается ломать сложившийся веками уклад его жизни, дает ему возможность организовать самоуправление, устранить ханскую тиранию. Провозглашалась система так называемого косвенного управления, т.е. управления через существующие традиционные институты власти» (с. 277).

К лету 1868 г. административный контроль Российской империи был установлен над всей территорией Туркестанского генерал-губернаторства. В 1875 г. из-за вопиюще незаконного правления хана Худояра в Кокандском ханстве и непрекращавшихся нападений на районы, уже включенные в состав Российской империи, оно было ликвидировано, а на его территории образована Ферганская область. В 1881 г. была создана Закаспийская область, а в 1895 г. в состав империи вошел Памир. С тех пор вплоть до 1917 г. азиатские границы России оставались неизменными.

К этому временному рубежу Туркестанский край, благодаря произведенным инвестициям, уже имел развитую производственную и социальную инфраструктуру и контингенты кадров самых разных специальностей и профилей. Система сформировавшейся здесь власти получила название «военно-народное управление». Автор обстоятельно рассматривает и анализирует предпосылки и систему такого управления, подчеркивая, что с первых лет присоединения края к империи русская администрация стремилась ослабить власть и влияние таких традиционных правителей, как беки и баи, для чего, в частности, волюнтаристически создавались не по родовому, а по территориальному признаку.

Важным аспектом административного устройства края была непрекращавшаяся борьба между службой Госконтроля, МИДом и Министерством финансов с его первым генерал-губернатором К.П. Кауфманом, начавшаяся с его преобразований в традиционной системе землепользования. При этом автор справедливо отмечает, что многие его хозяйственные начинания не давали желаемого эффекта, хотя хороши были по замыслу.

В разделе «Колонизация края» автор на основе богатого фактологического и статистического материала отслеживает процесс подъема социально-экономического уровня, роста современных городов в понимании той эпохи, в особенности Ташкента и Самарканда, дает характеристики конкретных русских людей, вносящих реальный вклад в этот процесс.

Специально для русских переселенцев был заложен город Новый Маргилан (Скобелев), в 1924 г. переименованный в Фергану. Он находился на расстоянии 12 верст от старого Маргилана. В 1911 г. в нем проживало более семи тысяч русских. Но очень скоро там появилось несколько тысяч новых жителей из числа коренного населения. Заметный приток русских переселенцев в среднеазиатские города фиксировался после завершения строительства первой и второй железной дороги. Глубокому анализу Е.А. Глущенко подвергает процесс колонизации сельской местности Туркестанского края. Начало ей было положено в XVIII в. казаками, продвижение которых на юг активизировалось в 1840-е гг.

В первые годы существования Туркестанского генерал-губернаторства перед русскими поселенцами ставилась задача обеспечить солдат привычными продуктами питания. В дальнейшем процесс колонизации Туркестана проходил почти одновременно с присоединением. Автор не только приводит убедительные данные динамики колонизации, но и отслеживает все основные тенденции этого процесса, а также его периодизацию. При этом он подвергает справед-

ливой критике измышления как советских историков, придерживавшихся в этом вопросе марксистских взглядов, так и современных постсоветских авторов (П. Галузо, Е. Зелькина и др.), стоящих преимущественно на националистических позициях.

В книге обстоятельно проанализировано развитие экономики края и ее отдельных отраслей. В частности, отмечается, что самым большим достижением российской власти было строительство здесь двух железных дорог — Закаспийской военной дороги протяженностью 2354 версты и Оренбургско-Ташкентской — протяженностью 2090 верст. Они завершили экономическое присоединение Средней Азии к России, включив регион в общероссийский рынок, проложили пути притока в край крупных капиталов, которые устремились, прежде всего, в хлопководство и хлопкоочистку.

В разделе «Встреча культур» значительное место отведено межконфессиональным связям в крае, формированию политики русских властей в отношении мусульман, мусульманского духовенства и культурных мусульманских учреждений. На основе такого анализа автор приходит к выводу, что «за полвека российского присутствия в Туркестанском крае отношения между российской властью и мусульманским клиром оставались напряженно-подозрительными с обеих сторон, что и понятно, поскольку русские подорвали престиж и привилегированные позиции мусульманского духовенства» (с. 448).

В заключение своего исследования автор подводит итоги самых разных оценок совершившегося присоединения Средней Азии к России и процесса освоения завоеванных территорий, продолжавшегося до 1917 г. — ровно полвека. Он делает вывод о том, что наиболее интенсивное развитие Средней Азии пришлось на 1890-е гг. и начало XX в. В частности, он пишет: «Почти каждый год в крае появлялись новые предприятия по первичной обработке сельскохозяйственного

сырья, возникали новые города, разрабатывались недавно обнаруженные запасы минералов, бурно развивалось железнодорожное строительство, которое стимулировало другие отрасли экономики» (с. 556).

Развернутую панораму с точки зрения исторической перспективы дал А. Богатуров и собранный им коллектив исследователей в фундаментальном издании «Международные отношения в Центральной Азии». Подготовка этой книги заняла около пяти лет и потребовала немалых усилий авторов, консультантов, рецензентов и редакторов. Работа была написана исследователями из разных городов Российской Федерации, а весь проект — плод той сети межрегиональных связей международников России и стран СНГ, которая с 1997 г. сформировалась вокруг Научно-образовательного форума по международным отношениям и журнала «Международные процессы» при поддержке Фонда Макаруров⁴.

Авторы исходят из того, что почти вся центральная и восточная часть Евразийского материка, Центральная Азия, формировалась в историко-политическом отношении под влиянием взаимодействия оседлых и кочевых этносов. Оседлые культуры складывались в более благоприятных условиях южных частей региона Центральной Азии — оазисах, обеспеченных плодородными почвами и водой. Кочевые народы волнами приходили в регион с северо-востока, покоряли оседлые этносы, закрепляясь среди них и образуя с ними государственно-политические общности, развивавшиеся в многоэтнические территориальные государства имперского типа. Вместе с тем нашествия разоряли очаги оседлой культуры и уничтожали их население. Основанное на архетипе собирательства непроизводительное, кочевое хозяйство паразитировало на зем-

⁴ Международные отношения в Центральной Азии: события и документы. Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. А.Д. Богатуров. — М., 2011. — 550 с.

ледельческих очагах, компенсировало свои слабости за счет богатств, захватываемых при разорении оазисов.

Оседлые культуры быстро давали жизнь государствам. Малопригодный для организованной эксплуатации в традиционных формах кочевой уклад исходно выступал альтернативой государственности. Однако кочевники нашли вариант адаптации к государству через симбиоз с ним. Часть завоевателей становилась системообразующим элементом новых правящих элит, другая часть — смешивалась, не всегда сливаясь с населением завоеванных территорий, формируя вместе с ним социальный «низ». При этом в ряде случаев могла веками сохраняться «этническая специализация» разных групп населения: завоеванные группы тяготели к продолжению привычной хозяйственной деятельности (земледелие, ремесленничество, строительство крепостей и каналов, торговля), пришлые же предпочитали оставаться и становиться воинами, управленцами низовых уровней, а позднее — тоже торговцами. Взаимная диффузия этнических специализаций, конечно, происходила.

Авторы указывают, что в начале XX в. появление в регионе переселенцев из Российской империи отчасти происходило в соответствии с отмеченными тенденциями, отчасти вопреки им. Ставшее укрепляться при П.А. Столыпине казачество Семиречья с точки зрения историко-демографических трендов представляло собой явление, сопряженное с очередным завоеванием региона северянами. Различие состояло в том, что все прежние волны северных завоеваний были вторжениями кочевых культур в земледельческие. Завоевание Центральной Азии Россией, наоборот, было экспансией земледельческой культуры в кочевую (применительно к Казахстану) и одной земледельческой культуры — в другую (применительно к Ташкентскому и Ферганскому оазисам).

В некоторых случаях включение оазисов Центральной Азии в более развитые «чужие империи» шло на пользу пер-

вым. Размещение в центральноазиатских городах постоянных гарнизонов войск мощных держав обеспечивало защиту земледельцев и горожан от кочевников. Крепости становились для подчиненных территорий источниками культурных, технических, административных и хозяйственных инноваций.

Основными источниками внешней экспансии в Центральную Азию в древности были Средний Восток и Китай. До XVIII в. н.э. Центральная Азия становилась объектом вторжения крупных пограничных государств. Как правило, завоеватели (за исключением монголов и Тамерлана) не разрушали оазисный уклад, довольствуясь изъявлениями покорности и выплатой дани. Завоевателям Центральная Азия обязана появлением первых систем административного управления, внедрение которых ускорило движения ее народов к собственной государственности.

Государство Тимура оказалось последней сверхдержавой, в которую входили земли Центральной Азии. В последующем характер территориально-политической организации этой части мира изменился. Будущее региона стали определять не грандиозные империи, а менее крупные образования, заметную роль в создании которых стал играть местный этнический элемент.

Хотя основная часть Центральной Азии оставалась зоной кочевий, прекращение внешних нашествий позволило возникнуть более устойчивой привязке этнических групп к определенной территории. Маршруты кочевий могли пересекаться или налагаться друг на друга. Но в целом отдельные группы населения региона приобретали то, что впоследствии стало называться их национальной территорией. Стабилизация территории была одной из предпосылок формирования современных этносов.

Авторы не обходят вниманием вопрос создания Казахского ханства. Они отмечают, что в середине XV в. группа кочев-

ников, возглавляемая Гиреем и Джанибеком, окончательно отделилась от Узбекской Орды и откочевала в районы современного Восточного Казахстана в долину реки Чу. К началу XVI в. на этой территории образовалась отдельная орда. Она распространилась на северо-запад и заняла значительную часть Семиречья. Внутри орды самоназвание «казаки» стало преобладать. Возникшая таким образом Казахская (строго говоря, «Казакская») Орда вобрала в себя представителей многих племен прежнего государства Абулхаира. На ее основе в XVI в. возникло самостоятельное Казахское ханство. В его социальной структуре резко различались аристократическое сословие (потомки Чингисидов — «ак сук», «белая кость») и простолюдины (рядовые кочевники — «кара сук», «черная кость»).

Выделение привилегированной группы сословий (аксуеков), противопоставляемой остальному народу (карасуекам), было характерно для всех тюркоязычных этносов Центральной Азии. Однако авторы допускают исторические неточности. Так, они пишут, что первоначальные границы кочевой казахской государственности были размыты, власть и земли переходили от одной ветви Чингисидов к другой. Лишь в середине XVI в. сформировалась этническая территория казахов в виде оформившихся в 1534 г. трех основных объединений — Старшего, Среднего и Младшего жузов (по-казахски: «Улы», «Орта» и «Киши»). Старший жуз занимал степи Семиречья, Средний — земли современного Центрального Казахстана, а Младший — территории Западного Казахстана, приближенные к России. Казахи Младшего жуза находились в составе России с 1731 г., Среднего и части Старшего жузов — с 1740 г. Население южных и восточных районов современного Казахстана находилось под властью хивинских и кокандских ханов и китайских императоров.

Между тем в конце XV в. потомки хана Абулхаира решили возобновить наступление на оазисы Центральной Азии.

Государство Тимуридов было не в состоянии оказать серьезного сопротивления. В течение зимы 1499—1500 гг. войска хана Шейбана, внука Абулхаира, овладели Самаркандом, Бухарой, Ташкентом, Ферганой и рядом других укрепленных пунктов. Власть Тимуридов в Центральной Азии была свергнута. На месте их государства возникло новое, во главе которого снова оказались потомки Чингис-хана в лице представителей династии Шейбанидов. Так, в 1500 г. возникло узбекское Бухарское ханство. В 1511 г. второе узбекское ханство образовалось в Хиве.

Оба государства считали себя узбекскими, поскольку обе правящие династии происходили из Узбекской Орды. Но население новых государств было смешанным: в Бухаре проживала значительная группа таджикского населения, а в Хиве было много туркмен. На базе смешения этих групп, к которым присоединялись менее многочисленные народности (сарты, кипчаки), вокруг Бухары и Хивы начал формироваться современный узбекский этнос.

Стал заметно различаться хозяйственно-экономический уклад казахов и узбеков, вышедших из единого государства Абулхаира. Узбеки, ставшие оседать в земледельческих оазисах Центральной Азии, под влиянием местного ираноязычного населения (таджиков и сартов) переходили к земледелию. Казахи продолжили вольную жизнь кочевников-скотоводов.

Столицей Бухарского ханства были сначала Самарканд, а с конца XVI в. — Бухара. Наибольшего могущества оно достигло при хане Абдулле II в 1557—1598 гг. Были завоеваны Балх и Фергана (1573), Ташкент (1576), Хорасан, Герат и Мешхед (1582—1583). Вассалами бухарского хана стали мелкие бекства Бадахшана (Памира). В 1538-м, 1593-м и 1595 г. Бухарское ханство временно подчиняло себе Хиву.

Были установлены торговые и дипломатические отношения с Россией. С 1583-го по 1600 г. в Москве побывали пять

бухарских посольств. На рынке в Бухаре разместился построенный ханом Абдуллой II гостиный двор для приезжих купцов. Жалованной грамотой Ивана IV в 1574 г. был разрешен беспошлинный торг русских купцов с бухарскими. В бухарских городах развивалось ремесло и торговля, шло строительство, уделялось внимание возведению красивых зданий. После смерти хана Абдуллы II и убийства его сына в 1556 г. династия Шейбанидов пресеклась. При новой династии Аштарханидов (родственники последних астраханских ханов из числа потомков Джучи) началась борьба Бухары с Ираном, а затем — войны с казахскими кочевниками и Хивой.

Правление Шейбанидов обозначило культурно-религиозный водораздел в регионе. Впервые возникло отчуждение собственно Центральной Азии от культурной ойкумены Ирана. Почти одновременно с захватом Самарканда узбеками к власти в Иране в 1501 г. пришел шах Измаил, родоначальник династии Сефевидов. Обе династии в языковом отношении были тюркскими и опирались на поддержку тюркских племен. Но Сефевиды были приверженцами шиизма, а Шейбаниды — ортодоксальной суннитской версии ислама.

Религиозный раскол осложнял культурную жизнь региона и препятствовал не только приобщению Центральной Азии к культурным достижениям ираноязычного мира, но и обмену с арабскими странами и Турцией, отделенными от Центральной Азии иранской территорией. Религиозные противоречия перерастали в политические.

На рубеже XVII—XVIII вв. Джунгарское ханство оставалось самостоятельным сильным государством. В Пекине настолько серьезно относились к «джунгарской угрозе», что в 1731 г. в Петербург было направлено китайское посольство с предложением разделить Джунгарию между Китаем и Россией. Покорение Джунгарии и Кашгарии Китаем стало началом раскола исторического Туркестана как региона компактного проживания разноэтничных народов тюркской языковой груп-

пы. Восточный Туркестан, северную часть которого составляла Джунгария, а южную — Кашгария, был поглощен Китаем. Западный Туркестан (земли Семиречья, Ферганы, Мавераннахра) остался на некоторое время свободным. Позднее его части были включены в состав Российской империи или оказались под ее протекторатом. Южный (Афганский) Туркестан по левому берегу Аму-Дарьи, составлявший территорию между владениями Бухары и Афганского эмирата, на протяжении второй половины XIX в. вошел в состав Афганистана.

По мнению авторов, существование Джунгарии и опасность, которую она представляла для соседей, были выгодны России. Враждуя с Китаем на юге и востоке, джунгары позволяли себе в течение ста лет вести войны с казахскими племенами на севере. Казахское ханство, сохранявшее только символическое единство, не могло оказать серьезного сопротивления джунгарам. Россия, питавшая недоверие к кочевникам, стремилась ограничить их активность у своих границ и найти способ подчинить их своему влиянию по возможности мирным путем. Со времен Петра I российские власти стремились приобрести опорные пункты вдоль главных караванных маршрутов из Поволжья и Приуралья до реки Эмба и далее — в Восточное Приаралье, к дельте Сыр-Дарьи и Бухарскому оазису. Присоединение Младшего жуза соответствовало этой политической линии.

В XIX в. регион зависел от транзитной торговли — потока товаров, которые производились и потреблялись не в самой Центральной Азии, а в странах Европы, России и Китае. Такой тип торгового обмена не стимулировал местные ремесла, а препятствовал их развитию, позволяя местным жителям получать привозные товары, вместо того чтобы пытаться изготавливать их. Отсюда — повышенный интерес местной знати к торговым пошлинам, налогообложению торговцев и получению от них подношений в натуральной форме. Такое отношение к торговле стимулировало паразитизм элиты

и дестимулировало предпринимательство. Воинственной и малообразованной местной знати было удобно жить на «транзитную ренту».

Причем ее размеры теоретически не были ограничены ничем, кроме здравого смысла того или иного правителя. Государя или племенные вожди транзитных территорий могли по своему усмотрению менять ставки пошлин и налогов. Это обуславливало неустойчивость товаропотоков, тормозило торговлю и провоцировало иностранные державы на вмешательство в дела Центральной Азии с целью ее подчинения хотя бы правилам мировой торговли. Местные правители не понимали масштабов этой опасности.

Экономике региона был присущ хронический дефицит — товаров, средств денежного обращения, ресурсов производящего населения (не воинов и управляющих, а работников хозяйственной сферы). Он восполнялся непрерывными военными набегами государств друг на друга и на сопредельные государства. Хива, Бухара, Коканд все время воевали между собой и совершали крупные и мелкие набеги на соседние земли — китайские, иранские, российские. Афганские эмиры, иранские шахи и туркменские племенные вожди вели себя точно так же.

Разбой такого рода играл роль политического регулятора местного хозяйства, позволяя ему сносно функционировать в условиях низкой рентабельности и дефицита. Документальные свидетельства указывают на превращение отдельных государственных или территориально-политических образований в цитадели «разбойничьей экономики». Такая экономика по-своему тоже стимулировала торговый обмен — натуральный и денежный, так как отчасти военная добыча реализовывалась через рынок. Разбой не считался предосудительным и мог ассоциироваться с доблестью и удачей.

Целые племена специализировались на грабежах караванов и получении выкупа за их пропуск через «свою терри-

торию». Сохранялась традиция сезонных (как правило, весной) набегов на соседей. Во всех крупных городах региона — Бухаре, Самарканде, Коканде, Ташкенте, Мерве, Кульдже — имелись невольничьи рынки.

Фактически узаконенное рабство в Центральной Азии вызывало осуждение в развитых странах. Западноевропейские государства и Россия использовали общественное возмущение торговлей невольниками для идеологического обоснования своей «цивилизаторской миссии» в Центральной Азии.

Далее авторы затрагивают проблему «Большой игры» (см. выше). В первой половине XIX в. стала расширяться торговля России с государствами Центральной Азии. Центром торговли оказался Ташкент. Ее развитию мешало отсутствие дорог и нападения кочевников. Российские власти стремились установить контроль над торговыми путями, строя линии военных укреплений и фортов.

В 1860-х гг. в России развивалась текстильная промышленность, работавшая на американском хлопке. Но во время Гражданской войны в США в 1861—1864 гг. импорт сырья сократился. Закрылась половина ткацких фабрик, возросла цена на хлопковые изделия. Текстильной промышленности нужен был новый источник хлопка. Его производство можно было наладить в Центральной Азии.

Кроме того, русские товары были неконкурентоспособны на западноевропейских рынках с промышленной продукцией Запада. Центральная Азия могла стать для России рынком сбыта готовых изделий — например, если бы там началось строительство железных дорог. На регион приходилось до 60% экспорта металла из России.

Наконец, завоевание позиций в регионе казалось несложной операцией ввиду превосходства российского оружия над вооружением центральноазиатских стран, не имевших современной артиллерии. Приобретение в Центральной Азии

политических и военных позиций рассматривалось в Петербурге и как инструмент мировой дипломатической игры — средство давления на Великобританию в чувствительном для нее вопросе о Британской Индии.

Страхи в Лондоне по поводу потенциальной «русской угрозы» для Индии были преувеличены. Но они имели политико-психологические основания. Самой страшной угрозой на протяжении XIX в. в Великобритании считали повторение «континентальной блокады», которую Наполеон I попытался применить для подрыва экономической основы британского могущества. Страхуясь на случай разрыва торговых связей с материковой Европой, британское правительство затратило огромные средства для построения британского хозяйства как производственно-перерабатывающего комплекса, способного обходиться без связей с европейскими соседями за счет торговли с колониями вне Европы.

Индия, официально изъятая у Ост-Индской компании и переданная под управление британской короны в 1858 г., в этой экономической системе играла ключевую роль. Для британцев было естественно считать индийские владения основой экономической безопасности Великобритании. Поэтому даже теоретическая вероятность появления русских войск у северных границ Индии казалась Лондону тем, чем Петербургу могло показаться появление британской военной эскадры в устье Невы.

При этом британское правительство понимало хрупкость завоеваний в Южной Азии. Местное население численно превышало британских пришельцев, и Британия удерживала власть над Индией за счет неорганизованности индийской элиты, слабости индийского национального сознания и отсутствия серьезной конкуренции за обладание Индией со стороны других великих держав.

Британцы, вероятно, могли бы развивать экспансию вглубь материковой Азии, но им сначала надо было «пере-

варить» захваты в азиатских прибрежных районах. Афганистан и государства Центральной Азии интересовали Лондон как преграда для возможного проникновения российского влияния в британские владения. Не имея ресурсов вытеснить Россию из Центральной Азии, Британия стремилась хотя бы помешать ей двигаться в южном направлении. Северные границы Афганистана, Ирана и западные границы Китая казались рубежами, в пределах которых следовало удерживать российское присутствие.

Распри с Хивой отвлекали бухарских государей от положения в Фергане, западная часть которой входила в состав Бухарского ханства. На территории Ферганского оазиса стали складываться островки неподчинения ханской власти, которые формировались вокруг местных религиозных лидеров. К 1710 г. наиболее влиятельный местный бий по имени Шахрук из племени мингов объединил вокруг себя других племенных вождей и, преодолев оппозицию ходжей, провозгласил себя независимым правителем Ферганы с титулом бия. Своей резиденцией он избрал крепость Коканд, основав новую правящую династию Минг. Коканд номинально признал над собой сюзеренитет Китая, хотя реальной власти китайские императоры в Фергане не имели. Тем не менее «церемониальный сюзеренитет» Китая над Кокандом сохранялся до 1800 г., когда кокандский бий Алим официально провозгласил себя ханом. В китайских источниках преувеличивается значение вассальности отношений Коканда с Китаем. В русских источниках подчеркивается, что в Китае относились к Коканду как к независимому государству, а в обращении к его главе употребляли титул «хан».

Кокандские правители лавировали между сильными соседями, стремясь укрепить независимость и расширить территорию. Это было непросто, поскольку к югу и востоку от кокандских владений начинались земли, которыми владел

Китай, а китайские императоры были не прочь распространить власть на Фергану.

Постепенно мощь Коканда росла, и его правители стали проводить более энергичную политику. В первой четверти XIX в. она стала приносить успехи. Кокандские ханы завоевали города Ташкент, Худжанд, Каратегин, Дарваз и Куляб. На некоторое время они смогли захватить даже Самарканд. Власть Коканда распространилась на долину Сыр-Дарьи, его форпосты были заложены в районе киргизских кочевий и на Памире. На завоеванных землях по берегам Сыр-Дарьи, а также в междуречье рек Сыр-Дарьи, Чу и Или кокандцы построили около двадцати крепостей. Среди них были Ак-Мечеть (Кзыл-Орда), Аулие-Ата (Джамбул) и Бишкек.

Эти форпосты помогли Коканду покорить и удерживать в подчинении казахские и киргизские племена. В 1820—1830-х гг. границы Коканда на юге доходили до города Джизак, а на западе — до города Туркестан. На севере власть кокандского хана распространялась до озера Балхаш и реки Или. Коканд мог оказаться центром объединения различных народов Центральной Азии — узбеков, киргизов, казахов, таджиков и уйгуров. Хан Омар (1809—1822) даже принял титул эмира и стал чеканить собственную монету. Помимо узбеков и таджиков, в ханстве проживали киргизы и кыпчаки. Особой воинственностью отличались таджики-горцы и кыпчаки-кочевники, составлявшие основу кокандской армии.

Вполне успешно экспансия ханства распространялась и на восток. Кокандцы несколько раз совершали набеги на населенную уйгурами Кашгарию. Правда, попыток присоединить ее кокандские правители не предпринимали.

Ослабление Китая в результате первой опиумной войны с европейскими державами (1840—1842) и Тайпинского восстания (1853—1864) на долгое время лишило Пекин возможности проводить активную политику на северо-за-

падных границах. Российская империя в середине XIX в. из-за неудачи в Крымской войне тоже вела себя осмотрительно. Поэтому некоторое время Кокандское ханство не имело соперников. Это позволило ему рассчитывать на превращение Кашгарии в свою сферу влияния. Такому развитию событий способствовали бежавшие из Синьцзяна в Коканд и обосновавшиеся там кашгарские ходжи, которые мечтали о восстановлении своей власти в Кашгарии и отделении ее от Китая.

Ходжи поддерживали связь с мусульманским духовенством на китайской территории, вели антикитайскую агитацию и нередко возглавляли вооруженные отряды, вторгавшиеся в Синьцзян из Коканда и принимавшие участие в уйгурских восстаниях против Китая.

В середине XIX в. внутренние смуты и интриги иностранных государств стали ослаблять Коканд. Ослаблением Коканда воспользовалась Россия. После разгрома Джунгарии Старший и Средний жузы вместе с киргизскими родами попали под власть Коканда. Всю первую половину XIX в. между ним и Российской империей шла борьба за контроль над казахскими и киргизскими кочевьями, хотя она не носила характера систематических военных действий. Российские войска продвигались и со стороны Сибири. В 1847 г. близ города Улугтау (в Семиречье) было основано укрепление Копал. В начале 1850-х гг. российские войска в Семиречье перешли через реку Или и заняли почти весь Заилийский край. У селения Алматы в 1854 г. возникло укрепление Верное. От Семипалатинска до Верного, почти параллельно Сырдарьинской линии, протянулась еще одна цепь укрепленных постов на подступах к Средней Азии — Сибирская линия.

Сырдарьинская и Сибирская линии не были соединены. Их разделяло около тысячи километров территории, по которой кочевали казахи. Пользуясь отсутствием охраняемой границы, кокандские отряды вторгались в казахские кочевья,

собирали с них дань, отбирали скот, подстрекали к выступлениям против России. Российские войска тоже предпринимали набеги на кокандские укрепления.

Отношения России с Кокандским ханством были сложными. С одной стороны, для них была характерна враждебность, переходящая в боевые стычки. С другой — российские и кокандские войска иногда действовали параллельно. Так было во время подавления мятежей в казахских кочевьях во второй половине XIX в. и в ходе боевых действий в Синьцзяне в годы восстаний уйгуров и дунган против китайских императоров.

Присоединение Казахстана к России в версии авторов книги выглядит следующим образом. Вслед за переходом Младшего казахского жуза под российский протекторат влияние России стало распространяться на другие группы казахов. В 1740 г. хан Среднего жуза Аблай принял русское подданство и стал покровительствовать торговле с Россией. В 1771 г. он провозгласил себя общеказахским ханом, добившись объединения под своей властью кочевий не только Среднего, но и части Старшего жуза, а также некоторых киргизских родов.

Ситуация осложнилась после смерти Аблая в 1781 г. Его сын Касым, пытаясь укрепить свой авторитет в глазах соплеменников, выступил против российского протектората. Антироссийские настроения были характерны и для его сыновей Саржана и Кенесары. Новое поколение понимало, что угрозы уничтожения казахов Джунгарией уже нет, и призвало отстаивать независимость как от России, так и от Коканда. И российские, и кокандские власти относились к этим взглядам без сочувствия.

В 1837 г. хан Касым и его старший сын Саржан были убиты в одной из стычек с кокандцами и во главе антироссийской партии встал Кенесары. Не спрашивая согласия российских властей, он принял титул хана, что подчеркивало его претензию на статус независимого государя. Россия отказалась признавать его права на трон. Члены ханской семьи,

находившиеся в пределах досягаемости российских властей, были взяты под стражу.

Первоначально Россия стремилась к мирному решению конфликта. По ходатайству оренбургского губернатора В.А. Перовского в 1840 г. Кенесары было даровано «высочайшее прощение», а весной 1845 г. к нему направилось российское посольство, вернувшее хану его супругу Кунымжан и других родственников, удерживавшихся в России.

Однако Кенесары остался непримиримым и продолжил совершать набеги на русские поселения. Их удалось пресечь силой лишь в 1845 г., когда было завершено строительство укреплений на реках Ирғиз и Турғай. Путь на север для отрядов Кенесары оказался отрезанным. Тогда в августе 1845 г. он обратил оружие против своего другого врага — Коканда. Теперь Кенесары не мог играть на противоречиях России и Коканда и перевес сил был не на его стороне. Понимая это, вожди и старейшины семиреченских киргизов отказались поддержать Кенесары.

В ответ он обрушился было и на них, но, понимая невозможность войны против всех, попытался укрыться в Китае. Однако Китай не хотел принимать на своей территории мятежного хана, опасаясь, что его появление может спровоцировать мятежи мусульман в Кашгарии, где и без того было неспокойно. В итоге весной 1847 г. Кенесары был захвачен в плен киргизами, которые предпочли его казнить, отказавшись освободить за предложенный им огромный выкуп. Основная часть казахских родов оказалась под протекторатом России. В последующие два десятилетия в российское подданство перешли и племена Северной Киргизии. Этот процесс завершился в 1867 г.

Несмотря на ухудшение внутренней ситуации, а возможно как раз вследствие ослабления контроля кокандских ханов над кашгарскими ходжами, вмешательство с территории Коканда в дела Синьцзяна продолжалось и во второй половине

XIX в. Особенностью ситуации на этом этапе было то, что в синьцзянские дела стала вмешиваться и Россия, которая прежде дистанцировалась от распрей в Кашгарии.

В 1867 г. населенные уйгурами ханства объединились под властью ходжи Бузрука — сына казненного китайцами ходжи Джахангира. Образовалось единое государство Йэттишар (Семиградье). Вскоре, однако, фактическим главой этого образования стал один из командиров отрядов Бузрука, выходец из кокандского города Андижана Якуб-бек (1820—1877), бывший сановник кокандского хана. Под его руководством было подчинено и Дунганское ханство. Новое государство попыталось добиться для себя статуса вассала Китая. Власть Якуб-бека распространилась на весь Синьцзян, не встречая сопротивления со стороны китайских властей. Якуб-бек выступал под исламистскими лозунгами, содействовал распространению ислама и носил титул эмира, дарованный ему турецким султаном.

Исходно опираясь на поддержку Коканда, Якуб-бек вскоре перестал ему подчиняться. Негативно относясь и к России, и к Китаю, он предпочитал ориентироваться на Великобританию и Турцию. Это не устраивало российскую сторону, тем более что Якуб-бек стеснял русскую торговлю и его отряды нападали и на собственно русских представителей, и на ставших российскими подданными казахских и киргизских кочевников.

В Петербурге Якуб-бека считали одновременно турецким и британским «агентом» и относились к нему недоверчиво. Это сближало российскую и китайскую позиции в отношении Якуб-бека. Россия опасалась распространения панисламских настроений на земли Западного Туркестана, где это могло вредить российскому влиянию среди казахов и киргизов.

Местные и центральные власти Китая не могли быстро организовать экспедицию против Якуб-бека. Поэтому в 1864—

1865 г. они запрашивали Россию о возможности оказать им военную помощь против него. Российские власти, опасаясь спровоцировать протесты Британии, сначала уклонились от принятия китайских предложений. Но затем Россия стала предпринимать энергичные действия. Весной 1871 г. русские войска были введены на территорию Таранчинского ханства и стали продвигаться в направлении его центра — города Кульджи.

Илийский край, ограниченный со всех сторон горными хребтами, с немногими удобными перевалами через них, представлял собой выгодную стратегическую позицию. Удержав за собой плодородную долину реки Или, можно было заменить незащищенную границу России с Китаем в Семиречье, проходящую по степям, естественным речным рубезом, который было легко оборонять незначительными силами. Великобритания противодействовала продвижению России в Синьцзяне, опасаясь, что русские войска смогут проникнуть через кашгарские земли в Британскую Индию.

Хлопковые ткани и хлопок составляли основу экспорта из Центральной Азии в Россию. Нижегородская ярмарка стала главным центром российско-бухарской хлопковой торговли, а бухарские купцы стремились взять в свои руки весь хлопковый экспорт из региона. Экономический фактор оказывал влияние на политику.

С одной стороны, он содействовал формированию в России группы предпринимателей и политиков, которые требовали проникновения в Центральную Азию и обеспечения русским купцам равных прав и возможностей с местными торговцами. В этом смысле российские требования встречали жесткий отпор властей Бухары, Хивы и Коканда.

С другой — торговля с Россией была выгодна и азиатскому купечеству. В центральноазиатских городах возникли группы жителей, заинтересованные в сотрудничестве с Россией и стремящиеся повлиять на местную власть в духе, при-

мирительном по отношению к северному соседу. Поскольку торговля хлопком через Бухару шла трудно, русские власти решили сделать ее центром Ташкент. Отношение жителей этого города к российской торговле было более благожелательным, чем в Бухаре.

Правда, в городе имелась группа горожан (прежде всего, религиозных деятелей), которые ориентировались на Бухару. Но все жители были едины в неприязни к хану Коканда, которому принадлежал суверенитет над городом. Хан знал об отношении к нему ташкентцев и угрожал выселить их из города в другие подвластные ему земли. Угрозы только подогревали антиханские настроения.

Ситуация казалась благоприятной. Российские власти хотели бы сделать Ташкент самостоятельным бекством под русским протекторатом. В крайнем случае, Россию устраивал и статус-кво. Но переход Ташкента под власть Бухары российскую сторону не устраивал, так как это означало бы распространение на ташкентскую торговлю антирусских ограничений, которые были характерны для торговли бухарской.

В начале весны 1865 г. появились сведения о намерении бухарского эмира захватить Ташкент. Не дожидаясь выступления бухарцев, в апреле 1865 г. российские войска сами двинулись на Ташкент. Им навстречу подошли кокандские войска под командованием одаренного кокандского военачальника Алимкула. Однако вскоре он был убит в одной из стычек. В июне 1865 г. Ташкент был взят русскими войсками.

После потери Ташкента в Коканде возникла смута. В середине лета 1865 г. город захватили бухарские войска. Хан Малла (Молля) был свергнут, а на трон с помощью бухарцев был возведен ранее изгнанный из Коканда его брат Худояр, скрывавшийся до этого в Бухаре. Возникла угроза войны России с коалицией Бухары и Коканда. Но эти опасения не оправдались.

23 июня 1868 г. в Самарканде был подписан торговый договор между Россией и Бухарой, который фактически представлял собой мирный договор с торгово-экономическими статьями, сформулированными так, как этого добивалась российская сторона. Считалось, что договор является предварительным.

Бухарское правительство признало все завоевания России в Центральной Азии, согласилось с установлением привилегированного режима для русской торговли и свободой транзита российских подданных через бухарскую территорию. Бухара согласилась выплатить России контрибуцию, а в Самарканде было разрешено временно сохранить присутствие введенных туда русских войск.

Договор не содержал указаний на вассальный характер отношений Бухары с Россией. Все знаки суверенитета Бухары были сохранены. «Покровительственный» характер бухарско-русских отношений определялся тем, что правительство Бухары неформально обязалось «советоваться» по всем вопросам своей внешней политики с русскими властями — туркестанским генерал-губернатором К.А. Кауфманом прежде всего. При этом, однако, русские власти не получили права иметь в Бухаре постоянного уполномоченного, что ограничивало осведомленность России о ситуации внутри эмирата.

Нежелание обострять отношения с Британией, рассматривавшей наступательные действия в Центральной Азии через призму угрозы британским позициям на Среднем Востоке и в Индии, сдерживало Россию. В Лондоне не желали полного разгрома Бухары, а Россия не хотела осложнять отношения.

Страхи британского правительства имели под собой основания. Индийские княжества, опасавшиеся Британии, дважды посылали в середине XIX в. эмиссаров к русским властям в Оренбург и Туркестан с целью выяснить возможность сотрудничества против Британии. Одна из таких миссий при-

была в ставку русских войск во время боевых действий с Бухарой летом 1866 г. Это была делегация из небольшого полунезависимого индийского княжества Индур с полуострова Декан. Российские власти не придали значения ни одному из контактов с индийцами.

Со стратегической точки зрения в присоединении самой Бухары не было особой нужды: обладание Самаркандом позволяло России контролировать верховья Зеравшана — главной реки Бухарского оазиса. При необходимости путем отведения реки российские власти могли оставить Бухару без воды.

После 1873 г. российское правительство контролировало внешнюю политику Бухары и Хивы, не вмешиваясь в их внутренние дела. Правители Бухары поддерживали неофициальные, но тесные связи с Афганистаном. Бухара и Хива сохранили собственные валюты и содержали небольшие армии. Россия аккредитовала в Бухаре и Хиве своих дипломатических агентов, а бухарский эмир — представительство в Петербурге.

Потеря Ташкента в 1865 г. и Худжанда в 1866 г. вместе с последующими военными поражениями от русских войск ослабили международные позиции Кокандского ханства. В стране началась усобица между кипчакской и сартской группировками знати. Мелкие бийства воевали между собой, а ханская власть не могла их себе подчинить. Движение караванов через Фергану становилось опасным, а иногда невозможным из-за стычек местных владетелей. Это раздражало русские власти соседних областей, озабоченные торговлей с кашгарскими землями Китая, пути в которые лежали через Фергану.

В 1868 г. боевые действия между русскими и кокандскими войсками завершились подписанием торгового (и одновременно мирного) договора, условия которого соответствовали интересам русской торговли. Коканд был открыт для сбыта российских товаров. Хан Худояр признал все российские за-

воевания и вассальную зависимость от России. Фактически Кокандское ханство стало российским протекторатом.

В августе 1875 г. К.П. Кауфман во главе отряда выступил на Коканд из Худжанда. Нанеся поражение силам кокандской коалиции против Худояра, российские войска вынудили их 22 сентября 1875 г. подписать мирный договор, согласно которому Коканд передал России свои владения по правому берегу рек Сырь-Дарья и Нарым. Заключение мира на таких условиях вызвало возмущение, и в октябре 1875 г. в ханстве началось восстание. В течение нескольких месяцев оно было подавлено российскими войсками, вступившими в столицу 19 февраля 1876 г. Российские власти не стали восстанавливать на престоле хана Худояра. Кокандское ханство было упразднено и вместо него образована Ферганская область в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Вместе с другими кокандскими землями в состав российских владений вошли зависимые от Коканда территории Южной Киргизии. Северная часть Центральной Азии была фактически под российским контролем.

Российская экспансия, в том числе силовая, осуществлялась при заигрывании и взаимодействии с местной знатью. Военные власти активно и иногда умело использовали распри между региональными и этническими группировками. Российские представители стремились не столько к прямому захвату территорий, сколько к приобретению влияния на местных владетелей, их добровольно-вынужденному подчинению своей политике при сохранении местных традиций и механизмов регулирования отношений внутри центральноазиатских земель. При общем негативном отношении к российскому правлению подчинение России в регионе нередко считалось меньшим злом, чем подчинение Китаю, власти которого стремились утвердить господство в восточной части Центральной Азии через прямое использование силы против местных правителей, казни, физическое истребление племенной знати и массовые репрессии.

В 1882 г. разросшееся Туркестанское генерал-губернаторство было разукрупнено, из его состава выделили Степное генерал-губернаторство, в которое были включены северные районы современных казахских степей.

Первый этап договорного разграничения территориальных владений России и Китая в Центральной Азии приходится на начало 1860-х гг. 2 ноября 1860 г. был подписан русско-китайский Пекинский договор, в котором определялись условия делимитации русско-китайской границы в Приамурье, Приморье и к западу от Монголии. После его подписания начались демаркационные работы к югу от перевала Шабин-дабага. В сентябре 1864 г. в Чугучаке (Тарбагатай) был подписан протокол, определявший направление линии границы российских и китайских территорий до хребта Цунлин. Но условия Чугучакского протокола не были реализованы в течение более полутора десятилетий — отчасти из-за начавшихся в 1864 г. уйгурских и дунганских восстаний в Синьцзяне, в результате которых местная китайская администрация просто перестала существовать и российским представителям было не с кем осуществлять демаркацию границы. Пограничные столбы были установлены только в 1869—1870 гг. и лишь к северу от озера Зайсан.

Между тем, после продолжительных колебаний и длительной подготовки, китайское правительство приступило к подавлению дунган и уйгуров в западной части Китая. Оно уже могло себе это позволить, поскольку Тайпинское восстание было прекращено, а вторая опиумная война завершилась. В январе 1876 г. китайские войска под командованием Цзо Цзунтана начали военную операцию по восстановлению власти Китая в Восточном Туркестане.

В сентябре 1879 г. в Ливадии был подписан русско-китайский договор, согласно которому Россия договорилась вывести свои войска, но не со всей территории Илийского края, а лишь с небольшой ее части. Но и это было дипломатическим

успехом Китая, достигнутым в неблагоприятной для России международной обстановке в Европе. Китайская дипломатия находилась в контакте с британской и была осведомлена об опасениях России в отношении возможности антирусских коалиций. Вот почему она уверенно отстаивала права Китая на Кульджу. В целом Ливайдский договор был благоприятен для России, но в силу он так и не вступил.

Дело было в том, что договор вызвал возмущение в Пекине, обострив борьбу между сторонниками «морской» и «сухопутной» группировок китайских министров. Сторонники активизации сухопутной политики настаивали на необходимости победоносной войны с Россией, надеясь продемонстрировать мощь Китая и тем самым устроить «морские державы» — Британию и Францию. Представители «морской группировки» предлагали передать вопрос об Илийском крае в международный арбитраж.

Как бы то ни было, договор не был ратифицирован Китаем, хотя он был ратифицирован Россией. Весной 1880 г. возникли признаки намерения Китая попытаться выдать русские войска из Кульджи силой. В такой обстановке русско-китайские переговоры были возобновлены, и 12 февраля 1881 г. в Петербурге был подписан новый договор. По его условиям Россия согласилась передать Китаю более обширные территории из числа тех, которые были ею заняты в 1871 г. Петербургский договор определил линию российско-китайской границы на большей части ее прохождения в землях Центральной Азии до конца XX в. Вывод русских войск из Илийского края сопровождался бегством 70 тысяч уйгуров, дунган и казахов в российские владения из страха перед репрессиями китайских властей.

Негативное влияние Первой мировой войны гораздо сильнее сказалось на социально-политической обстановке внутри центральноазиатских владений России — прежде всего в казахских и киргизских кочевьях. В начале XX в. в этих землях

накопилось достаточно много противоречий, чтобы можно было ожидать возмущения. Стремясь закрепиться в регионе, российские власти способствовали притоку русских переселенцев в Центральную Азию — тем более что это совпадало с линией правительства П.А. Столыпина, поощрявшего переселенческое движение. Семиреченское казачество стало важным элементом хозяйственной жизни региона и системы его политико-административной организации. Казаки и переселенцы составили социальную опору русских военных властей.

В то же время развитие земледелия в степной зоне и речных долинах было основано на отведении под пашни наиболее плодородных почв. На них оседали переселенцы из России. Это означало изъятие из пользования кочевниками водопоев и территорий, пригодных для пастбищ. Экономические условия жизни кочевых народов усложнились. Местное коренное население чувствовало себя в неравноправном положении по отношению к пришлому русскому. Исламское духовенство, раздраженное строительством церквей и активностью православных иерархов, имело много предубеждений против русских властей.

Война обострила ситуацию, спровоцировав рост налогов, податей, введение военных реквизиций и сборов на нужды фронта. В дополнение ко всему летом 1916 г. императорское правительство, ввиду людских потерь на германском фронте, издало указ об обязательном призыве на тыловые работы «инородцев» из числа подданных Российской империи в ее туркестанских владениях. Мобилизации подлежали «мужчины из числа казахов и киргизов». Из Степного генерал-губернаторства мобилизации подлежало 230 тысяч человек, из Туркестанского — 250 тысяч человек.

Указ был подписан 25 июня 1916 г. и пришелся на период Рамазана, что было воспринято мусульманами как оскорбле-

ние их религиозных чувств и намеренное святотатство. Недовольство подогревалось и распространяемыми германской разведкой слухами о том, что на фронте выходцев из Туркестана используют в качестве «живого щита».

Оглашение указа вызвало возмущение в кочевьях, так как кочевые племена не хотели отправлять мужчин на фронт, не без оснований ссылаясь на невозможность обойтись без них в кочевой жизни. 4 июля 1916 г. протесты вылились в восстание, участники которого стали нападать на чиновников русской администрации, пытаясь найти и уничтожить списки призывников. Начались разгромы русских поселений. В литературе сообщается о массовых убийствах восставшими русских жителей в Прииссыккулье. На русско-китайской границе начались нападения на российскую таможенную стражу, которые, по литературным сведениям, были организованы контрабандистами, занимавшимися сбытом опиума в Китай.

В городах (прежде всего, в Ташкенте) рабочие уходили с предприятий, в сельской местности наемные работники отказывались от полевых работ. В степной зоне начались откочевки вглубь степей и гор, а также бегство со скотом и имуществом в Китай. Беспорядки охватили Самаркандскую, Сырдарьинскую, Ферганскую, Закаспийскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиреченскую, Тургайскую, Уральскую области. Наибольший размах восстание получило в Тургайской степи, где восставшие сформировали войско во главе с Амангельды Имановым. В пик восстания общее число его участников достигало 50 тысяч человек.

7 июля 1916 г. Туркестанский военный округ был объявлен на военном положении, а против восставших стали применяться войска. Выступления продолжались до конца января 1917 г. Последним очагом сопротивления власти оказался Закаспий. По литературным данным, общее число жертв беспорядков 1916—1917 гг. составило 100 тысяч человек.

Следует отметить, что многие вожди восстания из местной знати (киргизской и казахской) заблаговременно отправили семьи в Китай. В китайские пределы устремились и потоки переселенцев, спасавшихся от регулярной армии, направленной на подавление восстания. В 1916—1917 гг. проблема беженцев из России была одной из самых острых в русско-китайских отношениях.

После Февральской революции 1917 г. российское Временное правительство немедленно амнистировало всех участников восстания и разрешило им вернуться на родину. Но это было не просто сделать, поскольку прежние кочевья бежавших родов были уже заняты, а русское крестьянское и казачье население было против их возвращения. Это породило дополнительные противоречия, которыми воспользовались революционеры-большевики. Их логика состояла в заключении союза с беднейшими слоями кочевых обществ против имущих классов как пришлого, так и местного происхождения. Большевики и кочевники враждебно относились к казачеству, а казаки видели противников в кочевниках и подстрекавших их большевистских агитаторах.

Октябрьский переворот 1917 г. и свержение Временного правительства в Петербурге повлекли за собой дестабилизацию обстановки в Центральной Азии. Русские военные власти в Западном Туркестане утратили официальную легитимность. Местные большевики, в ряды которых влилось немало представителей коренных этнических групп, стали захватывать власть. Представители местной знати из числа коренного населения, с одной стороны, надеялись улучшить свое положение за счет ослабления контроля Петербурга, а с другой — опасались большевиков и их союза с малоимущими слоями коренного населения. При этом в среде местной знати не прекращали хождения панисламские и пантюркистские идеи, ориентированные на формирование в регионе независимой общности —

скорее в союзе с Турцией, чем с Китаем, Россией или Великобританией.

Основная масса населения была дезориентирована. Люди не испытывали симпатий к русскому самодержавию, и поэтому свергнувшие его большевики вызывали уважение и интерес. Правда, уравнилельные лозунги революционеров, их неприятие частной собственности, непримиримость к религии вызывали непонимание. При этом обобществление земли, воды и пастбищ сочеталось с традиционными представлениями кочевников, а та же идея применительно к владению конями и верблюдами вызывала страх.

Большевики отрицательно относились к религии вообще, с полным основанием указывая на необходимость сплочения всех малоимущих жителей Центральной Азии — мусульман, христиан, зороастрийцев и иудеев. Но гонения против ислама воспринимались местными жителями в иной плоскости. Оно казалось им проявлением настроя на уничтожение этнической самобытности местных народов, уже сжившихся с исламом и привыкших считать его элементом групповой идентичности.

Негативные стороны большевистской политики приобрели значение для ситуации не сразу. На первом этапе важнее были захват и перераспределение власти, расширение доступа к ней местных бедных слоев, фактический раздел национализируемого или просто разграбляемого имущества организаций и ведомств старого режима и представителей старой администрации края. В ходе передела власти и собственности на практике стали складываться основы политического союза большевиков, актив которых оставался по составу еще преимущественно русским и еврейским, и некоторых слоев коренного населения (прежде всего, городского), основная масса которого оставалась в позиции пассивного наблюдателя.

Однако социально-политического примирения не происходило. В регионе продолжалась вооруженная борьба против

новой власти, в которой до известной степени соединились силы антииностранный освободительный протеста и неприятия большевизма. Борясь с советской властью, местная знать, не оставившая надежд при поддержке народных масс вернуть себе независимость от России, нередко действовала параллельно с остатками белогвардейских частей, опорой которых было казачество. Вместе с тем цели руководителей обоих этих антисоветских потоков не совпадали, что определяло рыхлость антиправительственных движений, их неспособность выступать вместе. Противоречия между пришлым населением казачьих поселений и коренными жителями не забылись. Большевики, ведя борьбу с казачеством, использовали против него малоимущие слои коренных общин.

Наиболее мощной силой антисоветского сопротивления было движение басмачества. Рядовыми басмачами были обычные дехкане или скотоводы, по каким-либо личным, а иногда и политическим причинам оторвавшиеся от домашнего хозяйства. Вот почему систематическая борьба с басмачеством, которую советская власть повела с начала 1920-х гг., сопровождалась непропорциональными жертвами среди гражданского населения. Кишлаки, вокруг которых базировались басмачи, сжигались и уничтожались наряду с самими отрядами боевиков.

Важно иметь в виду, что басмачами повстанцев называли большевики. Сами повстанцы именовали себя моджахедами (борцами за веру). Поэтому их действия получали идейно-религиозную санкцию исламской и, вообще, местной этнокультурной традиции. Советская власть представляла как одно из воплощений «нечестивости» всего иностранного, чужого, пришлого и неисламского. Вот почему басмачи нападали не только на активистов-большевиков, но и на обычных русских жителей региона, в том числе тех, которые успели родиться на земле Центральной Азии, считали ее родной и фактически уже являлись коренными жителями.

Басмачи вели борьбу под лозунгами исламского освобождения и пользовались поддержкой местной знати, зажиточных слоев, образованных групп, духовенства и значительной части коренного населения вообще. Повстанцы получали помощь от Турции и Великобритании, которая, не сочувствуя исламу, использовала басмачество как инструмент подрыва российского влияния.

Борьба с басмачами завершилась их военным разгромом в основном в 1925—1926 гг. Однако их отдельные группы проникали в СССР из Афганистана до начала 1930-х гг. В туркменских Каракумах отдельные группы басмачей продолжали существовать до 1933 г.

§ 2. «Большая игра» и Центральная Азия

Очевидцем и в чем-то участником т.н. «Большой игры» был известный путешественник А. Вамбери (Ч. I. Гл. IV. § 1).

Относительно года и места рождения Арминия Вамбери в историко-справочной литературе существуют расхождения. В большинстве энциклопедических изданий отмечается, что он родился 19 марта 1832 г. на Дунае, в селе Дуна-Шердагели, на острове Шютт. А. Вамбери сам не знал точной даты своего появления на свет, так как в то время в Австро-Венгерской империи не было принято регистрировать рождение детей из таких, как его, бедных еврейских семей. Арминий Вамбери был человеком удивительной судьбы, он прошел сложный и трудный жизненный путь. Он рано лишился отца. В детстве перенес тяжелую болезнь, в результате которой остался хромым на всю жизнь. Этот физический недостаток причинял ему немало мучений, особенно во время его путешествий.

Начальное образование А. Вамбери получил в еврейской школе в Дуна-Шердагели, куда его семья переехала. Свое обучение он продолжил в коллегии монашеского католическо-

го ордена пиаристов в Сен-Георгене. Затем поступил в коллегию бенедиктинских монахов в Пресбурге (Братислава).

С детства Вамбери знал венгерский, немецкий, словацкий и еврейский языки, позже изучил латынь, французский, английский, испанский, итальянский, датский и шведский. В двадцатилетнем возрасте он овладел также русским, древнегреческим, стал заниматься турецким, арабским и персидскими языками. Страстная любовь к восточным языкам и природная склонность к странствиям зародили в нем мечту о путешествии в далекие страны. В 1857 г. Арминий сел в Галаце на пароход и направился в Стамбул.

Живя в течение четырех лет в Стамбуле, он изучал восточные манускрипты, начал печатать корреспонденции в европейских газетах и журналах, издавать научные труды. В 1861 г. он был избран членом-корреспондентом венгерской Академии наук и вознамерился совершить поездку в далекую Среднюю Азию, где, согласно предписанию его коллег, он должен был в числе прочих изучать «вопрос о происхождении мадьярского языка».

В конце марта 1863 г. А. Вамбери направился под именем турка Решид-эфенди из Тегерана в степи Туркмении с караваном мусульманских пилигримов (хаджи), возвращавшихся из Мекки. Одежда новоиспеченного дервиша состояла из тряпок, связанных у пояса веревкой, заплатанной войлочной куртки (джубба) и большой чалмы. Ноги странника были обернуты лоскутами грязной ткани, а на шее, как и положено настоящему хаджи, висел мешочек с Кораном. В таком наряде Вамбери надеялся слиться с толпой паломников, из которых (помимо купцов и других путников) состоял почти весь караван.

Мусульманские богомольцы, страдая от бездорожья, проехали через Мазендеран до юго-восточного побережья Каспийского моря. Дальнейший путь мнимого турецкого паломника лежал через Гурген и, вдоль Больших и Малых Балхан, страшную летом пустыню Каракумы к Хорезмско-

му оазису. Побывав в центре Хивинского ханства, он проплыл по Аму-Дарье до Кунграда, откуда снова возвратился в Хиву. Вамбери пересек затем с громадными мучениями и риском для жизни раскаленные пески Кызылкумов и прибыл в священную Бухару. Обратная дорога в Иран проходила через Карши, Самарканд, Керки, Андхой, Меймене, Герат и Мешхед в Тегеран. В марте 1864 г., спустя год после начала путешествия, он достиг столицы Ирана, откуда возвратился в Стамбул, а затем в Пешт (Будапешт).

В 1864 г. Вамбери опубликовал книгу о своих странствиях — «Путешествие по Средней Азии», вызвавшую громадный интерес в Западной Европе, России и Северной Америке. Она была переведена почти на все европейские языки. Первый русский перевод этой книги (с некоторыми сокращениями) был опубликован в Петербурге в 1865 г. Затем он был дважды переиздан в той же сокращенной редакции в Москве (1867; 1874).

Необходимо отметить, что в Западной Европе и России накануне путешествия А. Вамбери ходили страшные, отпугивающие слухи о Средней Азии. В мировой прессе еще не улеглись страсти вокруг казни в Бухаре двух англичан — Стоддарта и Конолли. Насильственная смерть окружила имена этих британских эмиссаров ореолом «христианских мучеников». В атмосфере подозрительности и враждебности к европейцам, возникшей как реакция на агрессивную политику Англии против Афганистана в первой половине XIX в., тайная поездка облаченного в дервишеский наряд немусульманина в страну, пользовавшуюся репутацией центра «дикого исламского фанатизма», таила в себе огромный риск. Поэтому читателей не могло не заинтересовать трудное и опасное странствие А. Вамбери по Средней Азии. Ценность книги венгерского путешественника состояла также в знании автором основ мусульманской религии, местных обычаев и восточных языков, в первую очередь языков среднеазиатских народов. Поэтому в Европе, малознакомой с Центральной и

Средней Азией, с восторгом приняли труд А. Вамбери. Его записки дали более четкое представление о малоизвестных народах и землях, климате и ландшафте Средней Азии. Особенно много новых сведений книга содержала о туркменах, их происхождении, родоплеменных делениях, быте, обычаях и истории. Она увлекла читателей оригинальностью, свежестью материалов и наблюдений. Книга А. Вамбери воспринималась как произведение особого, интригующего, занимательно-этнографического жанра.

А. Вамбери долгое время находился под влиянием версии о русской угрозе Британской Индии. Но в период написания книги о своем путешествии он не занимал еще крайних позиций в вопросе об англо-русских противоречиях в Средней Азии. Хотя его отношение к восточной политике Петербурга было осторожным и даже несколько предубежденным, он искренне считал, что именно Россия может содействовать прогрессу посещенных им стран. Резкая перемена его взглядов совпала по времени с обострением англо-русских противоречий в 70-80-х гг. XIX в. В этот период А. Вамбери часто выступает с англофильскими статьями, лекциями и брошюрами в мировой прессе.

Публицистические работы, изданные А. Вамбери в 70—90-х гг. XIX столетия, не принесли ему лавров. Он сам вынужден был констатировать, что его приверженность британским внешнеполитическим интересам оказала «сомнительную услугу» даже самой Англии. В дальнейшем он постепенно отошел от этой чуждой его природным дарованиям и основным интересам деятельности и целиком отдался преподавательской и научной работе. Умер Вамбери в 1913 г. С 1865 г. и до своей кончины он был профессором кафедры восточных языков Пештского, а затем и Пражского университетов.

Неудачный опыт А. Вамбери на поприще ближневосточной «текущей политики» резко контрастирует с прославив-

шим его имя сочинением «Путешествие по Средней Азии», которое является одним из замечательных памятников историко-географической и этнографической литературы XIX в. В знаменитой книге содержится немало ценных материалов, характеризующих виды землевладения, социальное неравенство, специфику племенной и государственной власти. Сравнительно подробные сведения Вамбери приводит о должностях, рангах, органах управления, системе взимания налогов, злоупотреблениях и произволе чиновников в Хивинском и Бухарском ханствах.

Весьма интересны приведенные Вамбери данные о торговле невольниками и использовании рабского труда в Средней Азии. В одной только Хиве, по его словам, было около 40 тысяч персидских рабов и вольноотпущенников. Многие исследователи считают эти цифры вдвое завышенными. Рассказ Вамбери о Бухаре свидетельствует об упадке эмирата в результате междоусобных распрей узбекской аристократии, деспотизма центральной власти, засилья высшего мусульманского духовенства. В книге А. Вамбери помещены и имеющие познавательное значение описания ряда археологических памятников на территории современных Туркменистана и Узбекистана.

Большого внимания заслуживают материалы Вамбери, касающиеся живых языков, фольклора и литературы среднеазиатских народов. Записки А. Вамбери о своих странствиях были настолько уникальны, что его даже заподозрили в подлоге⁵.

Политическая ситуация в регионе в эпоху путешествия А. Вамбери в Туркестан выглядела следующим образом. В середине XIX столетия основная часть территории Средней Азии входила в состав трех крупных государств — Хивин-

ского, Бухарского и Кокандского. Земли восточного побережья Каспийского моря, прикопетдагских районов, долины Атрека, Гургена и Мургаба занимали туркмены. Йомуты, гёклены, теке, сарыки и другие туркменские племена находились в той или иной степени зависимости от Ирана, Хивы и Бухары. Туркмены часто поднимали восстания против этих феодальных государств, непрерывно воевавших между собой за обладание Закаспием. Каджарские шахи, хивинские ханы, бухарские эмиры совершали карательные походы, грабя и разоряя туркменские кочевья и аулы. В 1858 и 1861 г., незадолго до появления А. Вамбери в Закаспии, туркмены нанесли два крупных поражения иранской армии под Карры-Кала и Мервом.

В этой исторически сложившейся обстановке туркменские отряды совершали ответные набеги на приграничные районы (главным образом, Хорасана), захватывая в плен мирное население, уводя скот и отнимая имущество. Непрерывные войны, доставлявшие неисчислимые бедствия простым иранцам, курдам, самим туркменам и другим народам, служили источником работорговли.

Вследствие этого необходимо отметить, что торговля невольниками-мусульманами, имевшая весьма ограниченный характер в эпоху раннего ислама, обрела большой размах с образованием держав Шейбанидов и Сефевидов в Средней Азии и Иране. В XVI в., после возникновения этих феодальных государств, проводившийся ими захватнический курс облачался, как правило, в форму религиозного противостояния. Правящие суннитские круги Хивы, Бухары, Коканда и идеологи шиизма, ставшего официальной государственной религией Ирана, считали друг друга «отступниками», «еретиками» и «неверными». Шиито-суннитская религиозная нетерпимость была идеологической основой постоянных грабительских набегов и войн, захвата и продажи в рабство пленных. В орбиту этой политики оказалось вовлеченным и

⁵ Цит. по: Вамбери А. Путешествие по Средней Азии / Арминий Вамбери; Пер. с нем. З.Д. Голубевой под ред. В.А. Ромодина; Предисл. В.А. Ромодина; Комментар. В.А. Ромодина, С.Г. Агаджанова. — М.: Восточная литература, 2003. — С. 9—18.

подвластное им оседлое, кочевое и полукочевое население: узбеки, туркмены, каракалпаки, кызылбаши, каджары, абдали, гильзай и другие племена Средней Азии, Ирана и Афганистана.

Обращает на себя внимание то, что Вамбери, повествуя о наблюдавшихся им случаях захвата пленников для продажи в рабство, выступает лишь в роли простого регистратора фактов.

В середине XIX в., во время путешествия А. Вамбери, земли низовий Аму-Дарьи, части Приаралья и Северного Прикаспия входили в состав Хивинского ханства, населенного в основном узбеками. Потомки бывших кочевых узбеков — кунграты, найманы, кипчаки и другие племена — расселялись вдоль крупных оросительных каналов. Подвластные Хиве туркмены обитали на северо-западных границах ханства, а также в нынешней Ташаузской (Дашковузской) области (веляте) Туркменистана. Узбеки и часть туркмен населяли малочисленные города, где жило и немало сартов — отореченных по языку потомков древних хорезмийцев. Хивинскими подданными считались и каракалпаки дельты Аму-Дарьи, переселившиеся сюда в XVIII — начале XIX в.

Хивинское государство переживало в середине XIX в. нелегкую пору своей истории, характеризовавшуюся непрерывными народными волнениями и междоусобной борьбой. Узбекские, туркменские, каракалпакские племенные вожди и знать стремились захватить политическую власть и установить свое господство над ханством.

Рост крупного землевладения, нещадная эксплуатация в Хиве крестьян и ремесленников вызывали многочисленные протесты, выливавшиеся в крупные мятежи. Упорный характер носила борьба с ханской властью туркмен-йомутов, предводитель которых Ата Мурад в 50—60-х гг. XIX в. не раз обращался в Петербург с просьбой о принятии их в российское подданство. Таково было положение в Хивинском

ханстве при Сеид Мухаммед-хане (1856—1864), в правление которого там побывал А. Вамбери.

Центральное место в книге А. Вамбери занимает описание Бухарского эмирата. Его территориальное ядро состояло из плодородных земель долин Зеравшана и Кашка-Дарьи. В пределы ханства входили также левобережье Аму-Дарьи в ее среднем течении, некоторые области афганского Туркестана и часть нынешнего Северного Таджикистана. Правившая в Бухаре династия Мангытов с трудом удерживала в повиновении население своих обширных владений. Фактически самостоятельными или полузависимыми были наместники и беки Шахрисябза, Гиссара, Джизака, Ура-Тюбе, Балха, Меймене, Андхоя.

Бухарское ханство населяли в основном узбеки и таджики, а также туркмены и присырдарьинские казахи. Менее значительные группы кочевого и оседлого населения составляли каракалпаки, занимавшие степные просторы на севере ханства. Бухара играла важную роль в торговых и экономических связях между Россией, странами Западной Азии и Дальнего Востока. Крупными городами эмирата, помимо Бухары, были Самарканд и Карши, славившиеся искусными ремесленниками. Бухара пользовалась репутацией одного из крупных центров мусульманского богословия.

Бухарский эмират представлял собой типичный образец восточной феодальной деспотии, опиравшейся на идею мусульманской теократии. Вместе с тем власть эмира нередко ограничивалась волей придворных клик, могущественных фаворитов, сильных предводителей кочевых племен. Верховные правители Бухары, носившие громкий титул «имом уль-муслимин»⁸, отличались, как правило, фанатизмом и жестокостью. Неуравновешенный Насрулла (1827—1860) при всей своей набожности пользовался репутацией «безумного развратника» и «мясника» (*кассаб*). Очень немногим, в сущности, отличался от него Музаффар ад-Дин (1860—1885), с

которым довелось встретиться А. Вамбери осенью 1863 г. в Самарканде.

Бухарский эмират граничил на востоке с другим крупным среднеазиатским государством — Кокандским ханством. Политическим и экономическим центром этого образовавшегося в середине XVIII в. феодального владения была Ферганская долина. К середине XIX в. Кокандское ханство постепенно расширило свою территорию до Памира, среднего течения Сырь-Дарьи, долины реки Или, западного Тянь-Шаня и пределов Кашгара. Между кокандскими и бухарскими правителями шла жестокая и упорная борьба за обладание Ходжендом и прилегающими районами — Ура-Тюбе и Джизака.

Население ханства состояло из оседлых и кочевых народов: узбеков, таджиков, казахов, дунган, киргизов, каракалпаков. Крупными городами, помимо Коканда, были Андижан, Наманган, Маргелан. Жители Ферганской долины и присырдарьинских районов занимались, главным образом, земледелием, кочевники Южного Казахстана, Семиречья, равнинных и горных районов Припамирья — скотоводством. Население ханства вело оживленную торговлю с Кашгаром, Западной Сибирью, Бухарой, Афганистаном⁶.

Господствующее положение в Кокандском ханстве принадлежало возглавлявшейся династией Минг оседлой и кочевой знати, получавшей содержание из казны и владевшей землями, которые давались за военную и гражданскую службу. Такова была в самых общих чертах историческая панорама Средней Азии во время путешествия Вамбери, как пишет В. Ромодин.

В своей нашумевшей книге Вамбери так излагает суть «Большой игры»: «Русско-английское соперничество в Средней Азии, — сказали мне, когда я вернулся в Англию, — это просто нелепость. Оставьте этот избитый и уже вышедший

⁶ Там же. С. 6—9.

из моды политический вопрос. Народ Туркестана — дикие, грубые варвары, и мы поздравим тебя, если Россия примет тяжкую и достойную обязанность нести цивилизацию в эти области. У Англии нет ни малейшей причины следить за политикой России с завистью и ревностью.

Время политических утопий прошло. Мы далеко ушли от превратившейся теперь в легенду русофобии, чтобы ждать того момента, когда русский казак и английский сипай, неся пограничную службу, столкнутся друг с другом носами. Столкновение двух колоссов в Средней Азии, которое политические мечтатели предвидели уже много лет назад, еще не так близко. Однако проблема, хотя и медленно, все же, без сомнения, постоянно обостряется, и, следуя обычному ходу вещей, без излишней горячности, нам хотелось бы познакомиться читателя с теми мотивами, по которым мы не можем одобрить равнодушия англичан к русской политике в Средней Азии. Прежде всего, зададим вопрос: Действительно ли Россия продвигается к югу и насколько это ей удалось? Еще 25 лет назад политике русских в Средней Азии уделяли совсем мало внимания. Захват Афганистана англичанами, русско-персидский союз и экспедиция против Хивы послужили причиной того, что в дипломатической переписке петербургского и лондонского кабинетов был впервые затронут вопрос о Туркестане. С тех пор снова установилось относительное спокойствие. Англия, обескураженная провалом своих планов, сразу же отступила, а Россия втайне продолжала свои действия, и в ее положении на границе с Туркестаном произошли существенные изменения. В западной части Средней Азии, а именно на Аральском море и на его берегах, русское влияние значительно возросло.

В успешном осуществлении русских планов в Средней Азии, таким образом, нечего сомневаться. Как уже говорилось, в интересах цивилизации мы должны пожелать русскому оружию наилучших успехов, однако все становится более

сложным, когда мы думаем о дальнейших последствиях будущих приобретений. Трудно ответить на вопрос, удовлетворится ли Россия Бухарой, сочтет ли Оксус границей своего влияния и своих планов. Не вдаваясь в слишком глубокие рассуждения, мы можем вполне определенно сказать, что петербургский двор постарается получить за свою политику, в течение многих лет проводимую в Великой пустыне ценою утомительных трудов и крупных расходов, более богатое вознаграждение, чем земли туркестанских оазисов. Во всяком случае, желал бы я посмотреть на политика, утверждавшего, что, овладев Туркестаном, Россия упустит возможность прямо или косвенно проникнуть в Афганистан или в Северную Индию, где политические интриги всегда находят плодотворную почву.

Будучи далеки от скверного чувства зависти и ревности, мы, тем не менее, считаем себя вправе не одобрять равнодушия Англии к планам русских в Средней Азии. Таково наше скромное мнение. Однако на вопрос, столкнутся ли, враждуя, в Азии английский лев с русским медведем, или же они по-братски поделятся завоеваниями, я, будучи лишь склонным к филологии дервишем и следуя изречению: «*Sutor non ultra crepidum*» (не суди о том, чего не знаешь — *М.Л.*), не осмелюсь ответить»⁷.

Большой интерес представляют работы, написанные в период «Большой игры». Помимо книги лорда Керзона, английский востоковед Френсис Г. Скрайн (Гл. II. § 2) посвятил истории создания Российской империи книгу «Экспансия России: 1815—1900 гг.». В работе Скрайна пересеклись одновременно взгляды ученого, прекрасно владеющего материалом, т.е. историей Центральной Азии, и непредвзятого наблюдателя — современника обострения англо-русских противоречий.

⁷ Там же. С. 301—303.

Скрайн писал в своей книге: «Российская империя — уникальнейший организм в мировой истории. Она занимает территорию большую, чем завоевания Александра Македонского, чем крепкие владения Рима, чем просторы владений Чингис-хана или Тимура, и уступает только Великобритании» (Skrine, 1903, p. 1). Скрайн рассматривает историю создания Россией своей империи в Азии с точки зрения развития ее внутренней политики. Наиболее крупные завоевания были сделаны в периоды, когда в стране господствовала реакция, а в периоды реформ Россия закрепляла достигнутое, проводя реформы также и в системе управления завоеванных территорий. Скрайн считает точкой отсчета реального присоединения Казахстана к империи 1822 г., т.е. указ Александра I о подчинении Среднего жуза Западно-Сибирскому генерал-губернаторству. Сравнивая две колониальные империи, Скрайн отмечает, что важным фактором, повлиявшим на ход российских завоеваний, было некоторое сходство исторических типов характеров между завоевателями и завоеванными ими «татарскими народами» (Скрайн называет это симпатией), чего и в помине не было в Британской Индии. Он пишет также, что «нельзя отрицать того факта, что русские несли прогресс своим присутствием на Востоке, и Средняя Азия в материальном отношении выиграла от этого завоевания так, как никогда в своей печальной истории» (Skrine, 1903, p. 306). Анализируя ситуацию в азиатских владениях двух империй, Скрайн считает, что у Русского Туркестана и Британской Индии много общего, в том числе они имеют схожие проблемы с исламом, который в перспективе может стать угрозой их господству.

Проблематика «Большой игры» нашла отражение в книге немецкого военного Г. Крамера «Россия в Средней Азии» (Ч. I. Гл. III. § 3). Этот автор, являвшийся крупнейшим экспертом по России в германском генеральном штабе, считал, что овладение Россией ядром Евразии позволит ей приблизиться

к мировому господству и, безусловно, угрожать британским владениям в Индии. Он отмечал, что продвижение русских в Среднюю Азию поставило Англию на грань паники. Чтобы отвлечь геополитическое внимание России от Азии, считает Крамер, Лондон спровоцировал антитурецкое восстание славян на Балканах, в которое Санкт-Петербург волей-неволей был вынужден вмешаться. Немецкий военный считал, что в 1876 г. у российского генерального штаба был разработан план вторжения в Индию, а война 1877—1878 гг. на Балканах сорвала его. Берлинский конгресс сделал вторжение невозможным; Великобритания и Россия ограничивались только демонстрацией силами на афганской границе. В дальнейшем Англия опасалась двух вещей: во-первых, заключения антибританского российско-афганского союза; во-вторых, разжигания Россией восстания в Индии (**Krahmer, 1897**).

В книге Д. Синора такой крупный вопрос, как т.н. «Большая игра», т.е. стратегическое соперничество России и Великобритании в Центральной, Восточной и Южной Азии с пассивным участием Китая, рассматривается в минимальной мере. Синор только подводит читателя к этой большой проблеме, заставляя сделать вывод, что эпоха, когда центральноазиатские народы могли играть выдающуюся роль в истории, прошла. Ему на смену пришел диктат европейских колониальных держав и соперничество между ними за обладание стратегически важным регионом Центральной Азии, которое американский журналист Ю. Скайлер называл «Большой игрой». Синор касается рассуждений лорда Керзона в той части, где он опасается влияния России на Британскую Индию. Англия серьезно опасалась вторжения России в свои владения, и лорд Керзон озвучил эти настроения, проговорившись, как заметил Синор, что Россия не рассматривает, в отличие от Англии, туземные народы в качестве «чужих и враждебных рас» (**Curzon, 1889, p. 389**).

Тему «Большой игры» затрагивает А. Богатуров (с соавторами) в упоминаемой выше книге «Международные отношения в Центральной Азии». Они пишут, что, сознавая значение Индии для экономической безопасности Великобритании, британское правительство уделяло внимание охране северных сухопутных рубежей индийских владений. В этом смысле особое значение имел Афганистан, который выглядел как естественный рубеж защиты Британской Индии от воздействий с севера.

С геополитической точки зрения Афганистан играл в региональных отношениях стабилизирующую роль как минимум в одном отношении: его земли разделяли сферы притязаний России и Британии. Обе державы стремились распространить влияние на Афганистан. Но обе понимали рискованность «встречной эскалации» экспансии, не желая вступать в прямую конфронтацию. Российско-британские трения помогали Афганистану оставаться самостоятельным, хотя фактически он был вынужден считаться с постоянным давлением со стороны Великобритании.

В 1835 г. афганский эмир обратился за помощью к России. Для изучения ситуации в Афганистан был направлен российский представитель («миссия И.В. Виткевича»). На пути в Кабул он сделал остановку в Кандагаре, где смог убедить кандагарского правителя вместе с Ираном и Афганистаном напасть на Герат, правитель которого ориентировался на Британию. Был подготовлен проект соответствующего афгано-иранского договора, гарантом которого должна была выступить Россия.

Хотя российское правительство дезавуировало И.В. Виткевича, опасаясь осложнений с Британией, в 1836—1837 гг. Иран попытался самостоятельно утвердиться в Герате. Это вызвало начало его войны с Британией. Потерпев поражение, Иран был вынужден заключить с ней невыгодный торговый договор. Нанеся поражение Ирану, британские силы стали готовиться к войне против Афганистана.

В октябре 1838 г. началась первая афгано-британская война, целью которой было свержение Дост Мухаммеда и повторение попытки возвести на трон Шуджу. Британские войска заняли афганские города, включая Кабул. Эмир бежал в северные районы страны под защиту узбекских и таджикских племен на левом берегу Аму-Дарьи, где сформировал боеспособные отряды, с помощью которых в ноябре 1840 г. напал на британцев, выступивших из Кабула походом на север. В условиях горной местности ему удалось полностью уничтожить одну из британских группировок.

В 1841 г. на всей территории Афганистана началась партизанская война, в ходе которой британцы несли большие потери. Шуджа не пользовался поддержкой местной знати и духовенства, так как его считали «ставленником неверных», и вскоре он был убит. Попытки передать власть его сыновьям не удались. В начале 1843 г. британцы сами пригласили Дост Мухаммеда занять трон в Кабуле и вывели войска из страны.

В марте 1855 г. в Пешаваре был подписан афгано-британский Договор о мире и дружбе. Эмир Афганистана согласился координировать свои военные кампании с Великобританией и выступать на ее стороне во всех возможных войнах. Стороны обязались также уважать владения друг друга, что означало фактическое признание афганской стороной утраты Пешавара. За это британская сторона обещала эмиру помощь в покорении узбекских и таджикских племен на левом берегу Аму-Дарьи, которые к тому времени были вассалами Бухары. Кроме того, Ост-Индская компания стала выплачивать эмиру регулярную денежную субсидию. Эти выплаты распространились и на наследников Дост Мухаммеда. Официально выплаты осуществлялись как компенсации за обязательства эмиров не совершать набеги на подконтрольные британцам индийские владения.

Вслед за подписанием договора с британцами в 1855 г., Дост Мухаммед захватил Кандагар, а в 1856 г. предпринял

свой первый поход в левобережье Аму-Дарьи, предварительно получив от британцев оружие и деньги на ведение кампании. В Лондоне понимали важность нейтрализации Афганистана. С 1857 г. в Индии началось антибританское восстание сипаев (1857—1859). В индийском обществе распространились слухи о «скором приходе» России в Индию в союзе с Афганистаном и Ираном. Это подогревало и без того мощные антибританские настроения индийцев.

Советники афганского эмира в это время предлагали ему воспользоваться затруднениями Британии и требовали начать поход на захваченный пенджабцами при поддержке британцев Пешавар. Но Дост Мухаммед проявил выдержку и сохранил нейтралитет, благодаря чему британское правительство перебросило войска с афганской границы на подавление восстания сипаев (1857—1859) в центральной части Индии.

За это эмир был еще раз вознагражден: в 1858 г. при поддержке британцев он предпринял второй поход на север и окончательно подчинил себе таджикские и узбекские бекства левобережья Аму-Дарьи. Фактически к концу 1850-х гг. Южный Туркестан оказался под контролем афганских правителей. В довершение ко всему в июне 1862 г. эмиру удалось взять Герат, после чего вскоре Дост Мухаммед умер.

Новым эмиром стал Шерали, который был вынужден начать войну со своими сводными братьями, отказавшимися признавать его верховенство. Война продолжалась шесть лет и закончилась победой Шерали. Его утверждение на троне было настороженно воспринято в Великобритании. Эмир стремился быть независимым. Он пытался укреплять армию и проводить реформы. Но, главное, он стремился лавировать между Британией и Россией, используя их противоречия для укрепления своей самостоятельности.

Желая изолировать эмира, в 1869 г. Британия предложила создать нейтральное пространство между российскими и

британскими владениями. Российские власти согласилась с идеей в принципе, предложив считать таковой территорию Афганистана в составе Кабула, Кандагара и Герата. Однако британская сторона настаивала на более пространной нейтральной полосе. Было предложено считать ею все земли, находившиеся фактически под управлением эмира Шерали. В этом случае Британия была готова действовать в качестве «гаранта миролюбия Афганистана». России предлагалось признать британский протекторат над Афганистаном.

Формулировка о землях, фактически находящихся под управлением Афганистана, была находкой британской дипломатии, поскольку она оставляла возможность для последующих переговоров об уточнении линии разграничения между Афганистаном и его северными соседями (Бухарой и туркменскими племенами), на доминирование в землях которых претендовала Россия. Установить, какие именно из полунезависимых северных пограничных бекств и племен фактически подчинялись афганским эмирам, а какие — бухарским, было иногда просто невозможно.

Конкретизируя свой проект, британское правительство предложило считать афганскими вассалами таджикские и узбекские бекства на левом берегу Аму-Дарьи, а также памирское ханство Бадахшан вместе с Ваханским коридором. Аргументы Лондона показали в Петербурге сомнительными. Но российское правительство едва завершило кампанию против Бухары и готовилось к войне с Хивой. Осложнять отношения с Лондоном не хотелось.

В ходе русско-британских переговоров с октября 1872-го по январь 1873 г. был согласован вопрос о северной границе Афганистана так, как это было сформулировано в британских предложениях. Соглашение было оформлено в виде обмена нотами. Состоялось, таким образом, первое «афганское разграничение». Россия обязалась удерживать бухарского эмира от попыток распространить контроль на юг, а Велико-

британия — предупреждать стремление афганских владельцев расширяться на север.

В ноябре 1878 г. началась вторая афгано-британская война. Через год после ее начала эмир Шерали умер. Ставший эмиром Якуб подписал 26 мая 1879 г. с британцами Гандамакский мирный договор. По содержанию он был похож на договор России с Бухарой, однако в нем четко говорилось о запрете для Афганистана вступать в отношения с иностранными государствами. Подписание договора вызвало возмущение. В сентябре 1879 г. в Кабуле вспыхнуло восстание, в ходе которого были убиты все британские подданные, которые оказались в столице.

Последовала жестокая карательная экспедиция британских войск. Кабульское восстание было разгромлено, а его участники казнены. Ситуация, однако, не улучшилась, а антибританские выступления распространились по всей стране. В такой обстановке эмир Якуб, не пользовавшийся поддержкой племенных вождей и духовенства, отрекся от престола.

Британское правительство обратилось к России с просьбой разрешить выезд в Кабул Абдаррахмана, внука эмира Дост Мухаммеда и племянника эмира Шерали, который жил в российских владениях в Туркестане. В начале 1880 г. он прибыл в Афганистан и в июне взошел на престол.

Однако новый эмир согласился принять власть при условии, что Гандамакский договор будет пересмотрен. В итоге в 1880 г. был заключен новый афгано-британский договор. В соответствии с ним Британия сохранила контроль над внешней политикой Афганистана, который при этом терял часть своих территорий (горные перевалы) в пользу Британской Индии. Кроме того, британские войска были размещены в Кандагаре, который был провозглашен независимым владением. Хотя новый эмир пошел на существенные уступки по условиям договора, он вынудил британцев в 1880 г. полно-

стью вывести войска из страны, а также из Кандагара, который после колебаний британское правительство, в конце концов, тоже передало Абдаррахману. Эмир сохранил самостоятельность в вопросах внутренней политики, но в целом Афганистан оказался под протекторатом Британии. Афганистан был официально признан Британией независимым государством только после третьей афгано-британской войны в 1919 г.

Частью «Большой игры» был Иран. В 1841—1856 гг. западные державы подписали с Ираном серию неравноправных договоров, по существу вводивших в стране режим капитуляций. В таких условиях страна не могла проводить самостоятельную внешнюю политику. Пользуясь трудностями Ирана, Великобритания и Россия стремились подчинить его своему влиянию. Иранские правители, не имея сил противостоять обеим державам, пробовали использовать Россию против Британии и наоборот. Северная часть Ирана попала под российское влияние, а южная — под британское.

Одной из причин внимания Великобритании к иранской политике было стремление воспрепятствовать переходу под иранский контроль пограничного между Ираном и Афганистаном Гератского ханства. Британские стратеги понимали, что самым удобным и коротким маршрутом из России в Северную Индию был «южный путь» — из Закаспия через Герат, Кандагар и далее в Белуджистан и Кашмир.

Правда, существовали еще два других маршрута. Северный — пролегал из России через земли Хивы и Бухары, огибая горы Памира с западной стороны. Восточный — вел в Индию через восточную часть Ферганской долины и далее в Кашгар, обходя Памир с восточной стороны, и земли Кашмира. Но оба эти маршрута были сопряжены с движением через труднопроходимые пустыни и горные массивы. Дорога через Герат и Кандагар была удобней и пролегалла по хорошо обжитым регионам.

Поэтому британские военные старались захватить контроль над южным маршрутом. Отсюда — трения Британии с Афганистаном из-за Кандагара, а с Ираном — из-за Герата. Учитывая, что между владениями туркменских племен, над которыми с севера и запада нависала Россия, землями гератских владетелей и афганских эмиров границы были символическими, британские стратеги представляли себе вероятность внезапного перемещения (откочевки) туркмен из северных районов их обычного обитания в земли Герата или Афганистана. Такие перемещения нередко сопровождалась стычками. В этом случае мог возникнуть конфликт, способный спровоцировать войну с участием России. Вот почему, в частности, в ходе двух войн с Ираном из-за Герата в 1837 и 1856 г. Британия добилаь от Тегерана признания ее права быть посредником между Ираном и Афганистаном в любых спорах из-за обладания Гератом.

Территории восточного побережья Каспийского моря представляли собой степи и полупустыни, вперемешку с оазисами. Формально на власть над ними претендовали все ближайшие крупные государства — Иран, Хивинское ханство, Бухара и Афганский эмират. Но власть всех государств над оазисами была символической. Оазисы завоевывались более сильными странами, признавали их верховенство и соглашались платить дань. Но как только иностранные войска уходили, оазисы начинали жить обычной жизнью и управляться местной знатью, которая могла продолжать считать себя вассальной по отношению к завоевателям, а могла и отказать им подчиняться до нового нашествия.

Реальный контроль Ирана, Хивы, бухарских и афганских эмиров над туркменскими оазисами на востоке от Каспия определялся способностью соответствующих правителей осуществлять победоносные походы с целью демонстрации силы, если не сбора дани. Если дела в Иране, Хиве или других государствах шли неважно, туркменские племена ав-

томатически становились независимыми. Ясно зафиксированных границ между владениями государств в Закаспии не было или, можно сказать, эти границы были условны.

Движение России в Закаспий приобрело систематичный характер после приобретения Красноводска на восточном берегу Каспийского моря в 1869 г. Обретение стратегических позиций в Семиречье, Ферганской долине, а также в Бухаре и Хиве в начале 1870-х гг. облегчало России расширение плацдарма на восточном побережье Каспия.

Северные земли Ирана страдали от регулярных набегов туркменских племен с целью захвата рабов, лошадей, верблюдов и источников питьевой воды. Попытки шахских властей обеспечить эффективную защиту своих неукрепленных рубежей с зоной туркменских кочевий не приносили успеха.

Сложность борьбы против туркмен была связана с особенностями их жизни. Кочевники предпочитали селиться на окраинах оазисов, откуда при опасности им было легко отступить в пустыню. Даже оставаясь в пределах оазисов, туркменские племена селились мелкими аулами размером до 300 юрт, часто переходя с места на место.

При этом Иран имел на границе с кочевниками единственную крепость Серахс, что было недостаточно, чтобы контролировать их передвижения. Кочевники со своей стороны никогда не пробовали взять Серахс, поскольку эта крепость была для них не опасна: гарнизон укрепления не решался выходить на помощь караванам, даже если кочевники их грабили недалеко от крепостных стен.

Совершая набеги, туркмены часто доходили даже до Мешхеда — центра пограничной иранской провинции Хорасан. Появление русских войск в Закаспии несло для Ирана опасность потери позиций в зоне туркменских племен. Но оно сулило и прекращение туркменских набегов. Возможно поэтому, несмотря на российскую экспансию в Закаспии, российско-иранские отношения оставались стабильными. Россия

помогала шаху в обеспечении его личной безопасности. Укомплектованная иранцами, но находившаяся под командованием русских офицеров казачья бригада шаха в конце XIX в. была его самым надежным армейским формированием.

Первым крупным шагом к завоеванию Закаспия Россией была экспедиция в 1880—1881 гг. в населенный туркменами Ахалтекинский оазис. 12 января 1881 г. после длительной осады русские войска взяли крепость Геок-Тепе — главную цитадель этой области. Гарнизон оказал упорное сопротивление, и обе стороны понесли большие потери. Жестокость схватки усугубилась насилиями победителей (косяк русского отряда составляли уральские казаки) в отношении гражданского населения. (12 января в современном Туркменистане отмечается как день общего поминовения погибших в трагических событиях той поры).

Сообщения о жестокостях попали в русскую и западную печать и вызвали негативную реакцию императорского правительства в Петербурге. Молодой генерал М.Д. Скобелев, который командовал штурмом Геок-Тепе, в знак осуждения его методов ведения войны был отозван из Центральной Азии и переведен в Минск. 5 мая 1881 г. была образована Закаспийская область с центром в Ашхабаде, которая оставалась в подчинении Кавказского округа до 1890 г.

Ахалтекинский оазис считался одним из главных оплотов туркменской независимости, и падение Геок-Тепе произвело сильное впечатление в регионе. Вожди и старейшины других племен стали серьезнее относиться к предложениям русских властей установить правила, гарантирующие безопасность торговых караванов, проходящих через туркменские земли.

16 ноября 1881 г. в Ашхабаде ахалтекинские старейшины на сходе с участием русских представителей утвердили «Клятвенное обещание», согласно которому местные племена обязались не воевать против русских властей, прислушиваться к их советам, прекратить нападения на караваны и

сопредельные земли, в том числе иранские. Оговаривалось также обязательство о прекращении торговли невольниками и выделении охраны проходящим караванам на условиях оплаты услуг местного эскорта. Взамен русские власти обещали не вмешиваться в религиозную жизнь и обычаи местных жителей и предоставить туркменским торговцам те же привилегии, которыми пользовались в России бухарские купцы.

Спустя месяц, 9 декабря 1881 г., было подписано русско-иранское соглашение о границах российских владений с иранскими пограничными провинциями Хорасан и Астерабад. Иранское правительство фактически санкционировало действия России в Закаспии. Оно облегчило дальнейшие действия русских властей. Вслед за ахалтекинскую знатью присягу российскому императору в 1882 г. принесли правители расположенного к востоку от Ашхабада Теджентского оазиса (г. Теджент), а затем и вожди ряда других туркменских племен.

Движение на восток продолжалось. Туркменский город Мерв (совр. Мары) был центром одноименного оазиса. Номинально он принадлежал Ирану, но на деле никому не подчинялся. В феврале 1882 г. в город Мерв тайно проник русский военный отряд. Его командир майор А.М. Алиханов-Аварский (из числа российских подданных-мусульман) убедил местных старейшин в выгоде добровольного подчинения России. В результате сложных маневров с использованием подкупа, силовых демонстраций и хитростей, в марте 1884 г. русские власти вынудили местную знать перейти в подданство Российской империи. Основная часть туркменских оазисов оказалась под российским контролем.

Для закрепления власти в новых землях российское правительство использовало политику переселения казаков и крестьян. К 1897 г. численность русских переселенцев в Закаспии достигла 175 тысяч человек. Строились учебные за-

ведения, больницы, церкви, мечети. Развитию края способствовала постройка 1880—1888 гг. Закаспийской железной дороги. Средняя Азия стала втягиваться в российскую экономику.

В 1870—1880-х гг. были оформлены как северные, так и южные границы Афганистана. При этом основные этносы Афганистана (пуштуны, таджики и узбеки) оказались разделенными государственными границами. В 1893—1895 гг. была проведена демаркация границы Афганистана и Британской Индии, включавшей современный Пакистан, по «линии Дюранда».

После аннексии Британией населенного сикхами Пенджаба в 1849 г. ее владения вплотную подошли к границам Афганистана. Эта линия разделила исторически сложившуюся зону проживания пуштунских племен, часть которых была отнесена к Афганистану, а часть оказалась на территории, отошедшей под британский контроль. Так образовались афганский (западный) и британский (пакистанский, восточный) секторы исторического Пуштунистана. Владение дурранийских эмиров (афганский г. Пешавар) оказалось в составе Британской Индии, перейдя позднее к Пакистану.

«Линия Дюранда» — демаркационная линия, соглашение о которой было подписано в Кабуле 12 ноября 1893 г. эмиром Афганистана Абдаррахманом и секретарем по иностранным делам вице-короля Британской Индии Генри Мортимером Дюрандом.

Важно, что афганская сторона считала демаркационную линию 1893 г. временной, установленной сроком на сто лет. Однако в самом тексте соглашения о «линии Дюранда» о сроке его действия ничего не было сказано. Демаркация была проведена без участия непосредственно представителей пуштунских племен, вожди которых считали себя на этом основании свободными от обязательств ее соблюдать. Они ее и не соблюдали, до сегодняшнего дня свободно ми-

грируя со своими племенами сквозь нее из Афганистана в Пакистан и обратно по горным тропам.

Стремление обезопасить индийские владения с севера отчасти побудило Британию замыслить военное вторжение в Тибет, бывший уже вассальным владением Китая. В 1901 и 1903 г. британские представители направляли далай-ламе, правителю Тибета, письма с предложениями согласовать линию границ Тибета с княжеством Сикким, включенным в состав Британской Индии. Эти письма были оставлены без ответов.

Русская дипломатия противодействовала британским интригам. В Тибете присутствовали российские агенты из числа буддистов — калмыков по национальности. Русские дипломаты и император Николай II обещали поддержку далай-ламе.

В Лондоне учитывали возможность столкновения с Россией по тибетскому вопросу и предпринимали соответствующие меры. В 1902 г. был подписан британско-японский союзный договор, который резко ухудшил для России условия реализации ее целей на Дальнем Востоке. Было очевидно, что в назревавшей русско-японской войне Британия будет помогать Японии против России. В свете предстоящего конфликта было очевидно и то, что британской дипломатии выгодно побуждать Японию начать войну против России как можно скорее.

В декабре 1903 г. в Тибет отправилась военная экспедиция британских войск. Одновременно между Россией и Японией нарастала напряженность, и в феврале 1904 г. началась крайне неудачная для России русско-японская война (1904—1905). Противостоять Британии по тибетскому вопросу стало некому. Британские войска начали продвижение к Лхасе, столице Тибета, и в июле 1903 г. захватили город. Далай-лама бежал во владения Китая — в Ургу. Британия навязала тибетскому правительству договор, со-

гласно которому оно было вынуждено признать предложенную британцами линию границы Тибета с Сиккимом, разрешить свободу торговли для британских купцов и обязаться выплатить контрибуцию. До выплаты контрибуции британские войска заняли принадлежащую Тибету долину реки Чумби.

Ситуация начала меняться по мере того, как британские руководители стали полагать, что германская угроза позициям Британии на Среднем Востоке опасней, чем русско-британские разногласия из-за Тибета. Больше всего Лондон обеспокоило окончательное оформление в 1903 г. между Турцией и Германией соглашения о предоставлении германским компаниям концессии на строительство Багдадской железной дороги. Во второй половине 1900-х гг. Лондон стал уделять повышенное внимание консолидации сил ведущих государств на антигерманской основе. В 1904 г. было заключено франко-британское соглашение о разграничении колониальных владений и интересов. Вслед за тем британская дипломатия стала продумывать возможности для урегулирования противоречий с Россией.

После не очень продолжительных переговоров 18 (31) августа 1907 г. в Петербурге была подписана русско-британская Конвенция по делам Персии, Афганистана и Тибета. Это был пространный договор, состоявший из трех частей с приложениями. Стороны подтвердили намерение соблюдать территориальный статус-кво в азиатских делах. Россия повторила, что считает Афганистан находящимся вне сферы ее интересов. Британия обязалась не изменять политический статус-кво в Афганистане и не позволять афганским правителям предпринимать действия против России.

В отношении Ирана было решено разделить его территорию на три зоны: северную, южную и промежуточную. В первой признавался приоритет интересов России, во второй — Британии, а третья объявлялась нейтральной.

Тибет был признан частью Китая. Россия и Британия обязались воздерживаться от попыток нарушать статус-кво в Тибете и не посылать в Лхасу своих агентов. Отдельным протоколом было подтверждено обязательство Британии вывести войска из долины Чумби по выплате тибетским правительством первых трех взносов по контрибуции.

Таким образом, Россия постаралась «остановить» британское проникновение в Тибет сходно с тем, как Британия помешала российской экспансии в Илийском крае. Другое дело, что остановить проникновение Британии в Тибет российской дипломатии фактически не удалось. Оно только несколько замедлилось. Но «Большая игра» как систематическая конфронтация России и Англии если не завершилась, то приостановилась.

Таким образом, заключают авторы, к началу XX в. европейские державы, включая Россию, в основном завершили раздел тех азиатских государств и территорий, которые не были в состоянии защитить себя. Государственность стран Центральной Азии была слишком хрупкой, чтобы противостоять военному и экономическому натиску России и Британии. Сказалось накопленное отставание народов региона, замкнувшихся в традиционном укладе и отстранившихся от определяющих тенденций мирового экономического, военно-технического, естественнонаучного и культурного развития. Основную часть XX в. народы Центральной Азии снова развивались в составе крупных иноэтничных государств — России, Китая, Ирана, Афганистана, Советского Союза и Британской империи.

Влияние событий Первой мировой войны в Центральной Азии ощущалось не особенно сильно. Афганистан и Иран не участвовали в войне. Хотя германская разведка пыталась вести на их территориях активную работу против держав Антанты, Россия и Британия имели достаточно рычагов, чтобы нейтрализовать враждебное влияние Германии.

Сложнее было исключить воздействие Османской империи⁸. Исламское население региона симпатизировало скорее ей, чем Британии или России. Турецкие агенты и носители протурецких симпатий в разных частях Центральной Азии вели агитацию против стран Антанты, подстрекая население к неповиновению и выступлениям против британских и русских властей. В целом, тем не менее, международная ситуация в регионе оставалась управляемой. В этом смысле русско-британские компромиссы, оформленные в предыдущие годы, себя оправдали.

Одной из последних крупных работ фундаментального характера, посвященных проблематике «Большой игры», стала монография П. Хопкирка «Большая игра: имперская борьба в Центральной Азии» (1992)⁹. Автор подробно (и с использованием новых архивных материалов) описывает перипетии англо-русского соперничества на протяжении длительного исторического периода, начиная с трагической гибели в 1842 г. капитана Артура Конолли в Бухаре. В качестве интересного концепта Хопкирк предлагает следующую идею: т.н. «Большая игра» была для России ее версией американского «Манифеста судьбы» для того, чтобы доминировать на континенте с учетом геополитических реалий и проблем обеспечения своей безопасности. Этот крайне важный для России фактор не учитывался или игнорировался Британией. Это и стало основной причиной того противостояния, которое вошло в историю под названием «Большой игры».

§ 3. Проблема евразийства

Оформление как политико-философской евразийской идеи относится к 1920-м гг., хотя фундамент для нее был заложен

⁸ См.: Васильев А.Д. Османская империя и государства Центральной Азии: политические и культурные контакты (XVI—XIX вв.). — М., ИВ РАН, 2014. — 350 с.

⁹ Hopkirk P. The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. — New York, London: Kodansha Globe, 1992. — 542 p.

еще на рубеже XIX—XX столетий. Парадоксально, но евразийская идея развивалась в условиях эмиграции, а не на родине такими учеными, как Н. Трубецкой, П. Савицкий, Н. Алексеев, Г. Вернадский, В. Ильин, Л. Карсавин и др. В это время на евразийских просторах возникло новое геополитическое образование — СССР — явно евразийского характера, но его официальная идеология враждебно относилась к немарксистским концепциям. Поэтому долгое время евразийская идея во многом была недоступна советским политикам, политологам и интеллектуалам. А в это время, мы имеем в виду геополитику как инструмент внешней политики, германская школа уже давно взяла на вооружение геополитическую концепцию «жизненного пространства» (*Lebensraum*), а англосаксонская школа — теорию «морской мощи» (*Sea Power*). Можно упрекать геополитику в недостаточной научности или ангажированности в целях политической конъюнктуры, но факт остается фактом: все крупные политические потрясения, международные конфликты и глобальные изменения на планете в XX в. проходили именно под знаком геополитики, конкретных геополитических интересов великих держав.

Принято считать, что отсутствие у Советского Союза ясно выраженной геополитической цели и геополитического видения немало способствовало его поражению в «холодной войне». В данном случае имеется в виду, что такой концепцией или доктриной могла или должна была стать евразийская идея. Родоначальники евразийства понимали евразийство двояко: как многообразие культур (религий), цивилизаций, сочетание различных этнических начал в рамках единого политического и, вероятно, цивилизационного пространства (механизма-государства) и как единое географическое пространство — собственно (центрально) Евразию.

Понимание Евразии как историко-географической дефиниции лежит на поверхности, оно очевидно: на протяжении последнего тысячелетия это пространство как минимум

трижды объединялось в огромные метагеополитические образования: Монгольскую империю, Российскую империю и СССР. Поэтому у ученых был так велик соблазн провести единую линию от этих исторических образований к современной евразийской идее, апеллируя к историко-географическому единству. Но при этом, например, исторические корни евразийства понимаются по-разному: в России принято искать свое евразийское начало в экспансии Московского государства (т.е. XVI в.), в Казахстане предпочитают видеть свое евразийское начало в эпохе создания «степных империй от Тянь-Шаня до Карпат», т.е. приблизительно на тысячу лет раньше.

По-настоящему евразийская идея получила свое развитие в СССР благодаря трудам советского историка Л.Н. Гумилёва (1912—1992), с именем которого связывают начало т.н. неоевразийства в 1970—1980-е гг. Следует отметить, что евразийство Гумилёва, базировавшееся на философском прочтении историко-географического материала, относящегося к эпохе Древней Руси и степных империй, носило во многом интуитивный характер, т.е. Гумилёв чувствовал (и пытался это доказать в своих трудах), что русский этнос и другие народы Центральной Евразии, в первую очередь тюркские, имеют нечто общее, что объединяет их. И эта общая составляющая, несколько абстрактная, лежащая на стыке истории, географии, политических нравов и этнопсихологических характеристик, и была положена в основу евразийства. В целом же все евразийские идеи были попыткой подчеркнуть «непохожесть» евразийских народов на другие цивилизационные и геополитические образования, прежде всего на Запад.

Согласно Л.Н. Гумилёву, как отмечал С.С. Беляков, «этнос не рудимент первобытности, не миф, не выдумка и даже не социальное положение (наподобие сословия), которое можно, в конце концов, сменить. По мнению Гумилёва, не только этногенез, но и межэтнические контакты определяются объ-

ективными законами, а не доброй или злой волей политиков, дипломатов, военных»¹⁰. Пассионарная теория этногенеза должна была ответить на три вопроса: Что такое этнос и какое место он занимает в историческом процессе? Какие законы определяют появление и развитие этноса? Как этносы взаимодействуют между собой?

Этнос — не сообщество похожих друг на друга людей, объединенных происхождением или психическим складом. Этнос — система, состоящая как из отдельных людей, так и из внутриэтнических группировок — субэтносов, консорциев, конвиксий. Их наличие не разрушает, а укрепляет единство этноса. Объединяется этнос не набором внешних признаков, а т.н. этнической традицией, системой стереотипов поведения, иерархией ценностей, культурных канонов, правил, которые каждый член этноса усваивает еще в детстве. Этот процесс социализации Л.Н. Гумилёв, вслед за биологом М.Е. Лобашевым, называл «сигнальной наследственностью».

Развитие этноса во многом определяется т.н. пассионарным напряжением: соотношением в этносе пассионариев (людей, отличающихся повышенной социальной активностью), субпассионариев (людей, отличающихся низкой социальной активностью) и гармоничных людей, занимающих промежуточное положение между пассионариями и субпассионариями. Самое корректное определение пассионарности выглядит так: «активность, проявляющаяся в стремлении индивида к цели (часто иллюзорной) и в способности к сверхнапряжениям и жертвенности ради этой цели».

Как отмечает С.С. Беляков, книги «Древняя Русь и Великая степь» и «От Руси до России» пестрят грубыми фактическими ошибками и своеобразными историческими фантазиями, которые и прежде встречались у Гумилёва. Большая часть этих ошибок, передержек и домыслов была связана с

попытками развенчать традиционные представления о монголо-татарском иге. Неподходящие свидетельства источников историк или игнорировал, или отказывал им в доверии. Известия о жестокостях монгольских завоевателей Гумилёв объяснял антимонгольской «черной легендой». Именно эти тюрко-монголофильские взгляды и принято связывать со своеобразным евразийством Гумилёва. Фактически же связь Гумилёва с евразийством представляется дискуссионной. Подобно евразийцам, он считал, что монголо-татарское иго принесло русскому народу и российской государственности больше пользы, чем вреда. Кроме того, Гумилёва объединяла с евразийцами, прежде всего, идея русско-тюрко-монгольского братства, но и здесь различий было больше, чем общего.

Л.Н. Гумилёв относился к редчайшему типу историков. Его нельзя назвать в полной мере ни востоковедом, ни тем более русистом. Еще со студенческих лет Гумилёв тяготел к всемирной истории, интересовался не столько частными историческими проблемами, сколько механизмом самого исторического процесса. Гумилёв прибегал к совершенно другому методу работы. Вместо того чтобы самому изучить (на языке оригинала) все источники и проштудировать все сколько-нибудь значительные статьи, монографии, диссертации, Гумилёв извлекал факты из обобщающих монографий, созданных предшественниками — историками и филологами. Источниками же пользовался по мере встречаемой необходимости¹¹.

Взгляды Л.Н. Гумилёва, который называл себя «последним евразийцем», безусловно, отличаются от идей первых евразийцев. У него отчетливо видна трансформация классического евразийства в «теорию этногенеза». От евразийства он воспринял экологический детерминизм и «исторические

¹⁰ Беляков С.С. Лев Николаевич Гумилёв // Вопросы истории. — 2012. — N 9. — С. 33.

¹¹ Там же. С. 34—36.

циклы». Его концепция этногенеза и евразийской общности предполагает эволюцию России/СССР в качественно новый межнациональный союз народов¹².

С политической точки зрения первым, кто внятно артикулировал евразийскую идею как геополитический проект, как нам представляется, был академик А.Д. Сахаров. В своем знаменитом выступлении на легендарном Первом съезде Верховного Совета в 1989 г., когда речь шла о сохранении единого государства на месте Советского Союза, Сахаров первым заявил о необходимости создания «Союза Евро-Азиатских Республик». Это был, очевидно, выраженный геополитический проект, поскольку великий ученый имел в виду сохранение единого экономического, политического, культурного пространства с общими внешнеполитическими и военно-стратегическими задачами при максимуме демократизации и сохранении национальной идентичности всех входивших в СССР народов.

К сожалению, эта идея не получила развитие и все закончилось тем, чем закончилось, т.е. распадом Советского Союза. Но концепция Н.А. Назарбаева о формировании ЕАС, о которой говорилось выше, явно несет на себе отблески идеи академика Сахарова — а именно, создавать союз, но союз равноправный, в котором был бы весом и учитывался политический голос каждой входящей в него республики.

В истории отношений Казахстана и России, тюркских и славянских народов было всякое. Об этом нужно помнить, когда из идеологических и политических соображений на нас обрушивается поток славословий в честь общей «евразийской судьбы». Сначала молодое древнерусское государство испытывало давление со стороны степных кочевников; затем русские земли были насильственно включены в состав гигантской тюрко-монгольской империи. От этой эпохи рус-

ское государство получило свою государственность, которая в различных вариациях существует и до настоящего времени. На следующей стадии Россия сама приступила к экспансии, постепенно присоединив (большой частью завоевав) тюркские народы Евразии, в том числе и казахов.

Казахи в составе Российской империи и СССР пережили много — плохого и хорошего: колонизацию и восстания, русификацию и модернизацию, геноцид и возрождение. На наш взгляд, общность евразийской судьбы казахов и русских проявилась именно в советский период, когда наши народы на равных делили тяготы индустриализации и коллективизации, войны и послевоенного восстановления, целинные и космические прорывы. Вот почему именно в Казахстане сильнее всех переживали за распад великой Евразийской державы — Советского Союза. Но не гонимся ли мы за фантомом евразийства, упорно пытаюсь восстановить утраченное?

С географической точки зрения только три страны, пожалуй, могут претендовать на то, чтобы считаться «евразийскими», т.е. лежащими одновременно и в Европе, и в Азии. Это Россия, Турция и Казахстан, территории которых лежат преимущественно на Азиатском континенте и частично — в Европе. Но при этом у России исторически более ярко выражен европейский вектор, а у Казахстана и Турции — азиатский. К слову говоря, если перед Турцией открываются двери Европейского союза, то перед Россией и другими странами СНГ они наглухо захлопываются. Значит ли это, что мусульманская тюркская Турция более «европейская» страна, чем Россия, Украина и другие славянские, романские и кавказские республики?

Значит, евразийство — это нечто большее, чем просто набор географических характеристик. Россия и Казахстан как раз и отвечают этому неуловимому понятию — Евразия. К ним также близки такие постсоветские государства,

¹² Орлик И.И. Евразийство: от зарождения до наших дней // Новая и новейшая история. — 2010. — N 1. — С. 60.

как Украина, закавказские республики, в меньшей степени — Беларусь, Молдова, Кыргызстан и т.д. Однако большинство из этих государств официально не поддерживают идею евразийства либо открыто отвергают — это Украина и Узбекистан. Тем не менее евразийство как исторический и цивилизационный феномен как геополитический и экономико-географический императив существует. Другое дело, что не все хотят открыто это признавать. Таким образом, всю ответственность за судьбу евразийства как геополитического проекта вольно или невольно берут на себя Россия и Казахстан — два наиболее евразийских государства к востоку от Евросоюза. Это государства, в которых идея евразийской общности официально признана если не на государственном уровне, то на уровне общественного мнения как неподвергаемая сомнению константа.

Литература и источники к Главе I

- Anhagen A. Die Landwirtschaft in Transkaspien. — Berlin, 1905.
- Bell J. A Journey from St. Petersburg to Peking, 1719—1722 / Edition and Introduction by J.L. Stivenson. — New York: Barnes and Noble, 1966.
- Bennigsen A., Lemerquier-Quellejey Ch. Les musulmans oubliés. L'Islam en Union Soviétique. — Paris: Maspero, 1981. — 320 p.
- Benningsen A., Broxup M. The Islamic Threat to the Soviet State. — London, Canberra: Croom Helm, 1983. — 170 p.
- Bowden C.R. The Mongol Rebellion of 1756—1757 // Journal of Asian History. 1968. Vol. II. Pp. 1—31.
- Curzon H.G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. — London: Longmans, 1889. — 477 p.
- Fisher R. The Russian Fur Trade: 1550—1700. — Los Angeles: University of California Press; 1943.
- Golder F.A. Russian Expansion on the Pacific: 1641—1850. — Cleveland, 1914 (reprinted 1960).
- Heumann C. Les russes et les anglais dans l'Asie Centrale. — Paris, 1885. — 95 p.
- Junge R. Das Problem der Europäischen Orientalischer Wirtschaft. Dargestellt an den Verhältnissen der Sozialwirtschaft von Russisch-Turkestan. 1-er Bd. — Weimar: Kiepenheuer, 1915. — 516 S.
- Krahmer G. Das transkaspische Gebiet. — Berlin, 1905.
- Krahmer G. Russland in Mittelasien. — Leipzig: Zuckschwerdt, 1897. — 180 S. (Reprint: Münster, Hamburg: LIT-Verlag, 1997).
- Krausse A. Russia in Asia. A Record and a Study. 1558—1899. — London: Curzon Press; New York: Burnes, 1973 (1889, 1900) — 411 p.
- Lantzeff G., Pierce R.A. Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontiers to 1750. — Montreal, London: McGill-Queens University Press, 1973. — 276 p.

Lensen G.A. (ed.) *Russia's Eastward Expansion*. A Spectrum Book. — Prentice Hall, 1964 (The Global History Series).

Lewski K. *Rußland in Asien*. — Berlin, 1895.

Lessar P. *La Russie et l'Angleterre dans l'Asie Centrale*. — Paris, 1886.

Michell J. and R. *The Russians in Central Asia*. — London, 1865.

Pierce R.A. *Russian Central Asia. 1867—1917. A Study in Colonial Rule*. — Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1960. — 359 p.

Rohrbach U. *Die russische Weltmacht in Mittel- und Westasien*. — Leipzig, 1904.

Sebes J. *The Jesuits and the Sino-Russian Treaty of Nerchinsk (1689)*. — Rome, 1961 (Bibliotheca Instituti Historici S.I. Vol. XVIII).

Sinor D. *Inner Asia: History, Civilization, Languages. A Syllabus*. — Bloomington: Indiana University Press, 1969 (third reprinting — 1987). — XXII + 261 pp. (Uralic and Altaic Series — 96).

Skrine F.H. *The Expansion of Russia: 1815—1900*. — London: Cambridge University Press, 1903. — 386 p.

Treatgold D.W. *The Great Siberian Migration*. — Princeton: Princeton University Press, 1957.

Voyages. Ed. by R. Hakluyt. Vol. I. — London: Everyman's Library, 1907 (reprint 1962).

Wartenburg Y. von *Das Vordringen der russischen Macht in Asien*. — Berlin, 1900.

Глава II. Центральная Азия, ее история и место в современной политологии и геополитике

Невозможно изучать политологическую литературу о постсоветской Центральной Азии без знакомства с ее предшественницей — советологией и ее составной частью — советологическим среднеазиеведением. В этой связи в первой части книги дается краткий обзор данного направления западной историографии, которое являлось важной частью идеологической борьбы в эпоху «холодной войны». Мы исходили из того, что именно научные школы, сложившиеся в тот период и изучавшие Центральную Азию, заложили фундамент для последующих изысканий в сфере изучения современных политических процессов в регионе.

Внимательный анализ изучения работы механизма выработки политических решений на Западе, геополитических и стратегических подходов подводит к необходимости более внимательного изучения системы аналитических структур и их функционирования в рамках геостратегического и внешнеполитического дискурса, в том числе и на тех направлениях, которые затрагивают безопасность и геополитическое положение Центральной Азии.

К основным темам, которые интересуют зарубежных авторов, относятся: становление новых независимых государств в регионе, строительство ими государственности, их международное положение, геополитическое окружение, отношения с Россией и между собой, политика ведущих держав в регионе, влияние ислама, проблемы безопасности и т.д., т.е. зарубежных экспертов интересуют фактически все аспекты политической и социально-экономической жизни постсоветской Центральной Азии.

Даже при беглом знакомстве с литературой о Центральной Азии бросается в глаза, что среди всех центральноазиатских государств как объектов изучения западной политоло-

логией, безусловно, лидирует Казахстан. Это касается как количественных параметров опубликованной за рубежом литературы о нашей республике, так и степени разработанности. Вторая часть книги дает достаточно подробное представление обо всех концептуальных исследованиях, посвященных Казахстану, его истории, в том числе и недавней, и современных проблемах.

Приводимая здесь политологическая литература интересует нас в первую очередь с точки зрения констатации изменений в традиционном обществе, демографической и культурно-цивилизационной трансформации, исламской проблематики, т.е. в контексте тематики, которая затрагивает традиционное востоковедение. В ряде работ, особо посвященных внутренней эволюции постсоветских республик Центральной Азии, данная проблематика в той или иной степени освящается.

Цель данной главы — показать истоки, преемственность и связь современной политологии по Центральной Азии с советологией и традиционным востоковедением; обозначить центральноазиатские исследования в системе стратегических и аналитических структур Запада и в целом в мире; дать представление об основных направлениях центральноазиатских исследований, концепциях, теориях и отдельных книгах; выявить основную проблематику этих исследований; определить значимость Казахстана в системе центральноазиатских исследований и, наконец, раскрыть взаимосвязь политологии и геополитики в отношении Центральной Азии.

Законы геополитики чрезвычайно удобны для анализа политической истории, истории дипломатии и стратегического планирования. Эта наука имеет множество пересечений с социологией, политологией, этнологией, военной стратегией, дипломатией, историей религий и т.д. Косвенно, но подчас

очень наглядно, связана она и с экономикой, вплоть до того, что некоторые геополитики предлагали основать новую науку — геоэкономику. Во всяком случае в некоторых аспектах геополитического метода обращение к экономическим реальностям необходимо.

Исследователи и историки геополитической науки относят ее возникновение еще к античности, когда формировались представления о географическом детерминизме. Уже такие авторы, как Геродот и Полибий, рассматривали вопросы о влиянии географической среды на политические процессы. Греческие философы Парменид и Аристотель, изучавшие проблемы взаимосвязи географической дифференциации различных народов и их политического устройства, военной силы и т.д., утверждали силовое превосходство греческого мира именно по принципу превосходства промежуточной (умеренной) зоны над другими. Гиппократ применил этот принцип в отношении «права» превосходства его родного Крита над остальной Грецией. Аналогичные идеи о значении географических условий для внутренней и внешней жизни государства прослеживались в учениях других греческих философов — Платона и Полибия, а затем у их римских последователей — Цицерона и Страбона¹³.

Большое значение влиянию природы, особенно климата на человеческий социум, придавали многие средневековые мусульманские мыслители. Наиболее отчетливо эта концепция проявилась в трудах историка и географа Ибн Халдуна. Его заслуга состоит в том, что он вывел теорию исторических циклов, согласно которой страны с умеренным климатом регулярно завоевываются кочевниками; периодичность завоеваний составляет три-четыре поколения.

¹³ См.: Гаджиев К.С. Геополитика. — М.: Международные отношения, 1997. — 384 с.; Панарин А.С. Политология. — М.: Проспект, 1997; Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. — М.: Арктогея, 1997; Нартон Н.А. Геополитика. — М.: ЮНИТИ, 1999; Дергачев В.А. Геополитика. — Киев: ВИРА, 2000. — 448 с.; Тихонравов Ю.В. Геополитика. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 269 с.

Идеи Ибн Халдуна имеют уже непосредственное отношение к истории и геополитике Центральной Азии/Центральной Евразии.

Европейская политико-географическая мысль начинается на рубеже Средних веков и Нового времени с французского мыслителя Ж. Бодена, который в 1566 г. климатическими условиями оправдывал превосходство северных наций над южными. В XIX в. географическая школа перемещается в Германию. Но еще в предшествующем столетии И. Гердер сформулировал движущие силы цивилизации: климат, почву и географическое положение. Его идеи были продолжены К. Риттером, который ставил Европу в центр наиболее благоприятных с географической точки зрения континентов и разработал иерархическую систему регионального деления мира в рамках единого глобального пространства на две полушеры — сухопутную (континентальную) и водную (морскую). Это была заложена прямая основа для последующих геополитических теорий, в частности Ратцеля¹⁴.

Первым, кто ввел в научный оборот термин «геополитика», был шведский ученый Р. Челлен (1864—1922). Челлен определил геополитику как науку о «государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве». В своем основном труде «Государство как форма жизни» (1916) Челлен довел до логического конца идеи Ратцеля о «континентальном государстве» применительно к современной ему Германии. Одним из основных концептуальных положений Челлена является тезис о том (в книге «Великие державы, 1910 г.), что малые страны, в силу своего географического положения, обречены на подчинение великим державам в рамках т.н. «географической судьбы», обширных хозяйственных комплексов и т.д.

¹⁴ См.: Ratzel F. Politische Geographie. — Berlin, 1887; idem. Über die Gesetze des räumlicher Wachstums der Staaten. — Berlin, 1901; idem. Das Meer als Quelle der Völkergrösse. — Hamburg, 1900.

Революционный вклад в геополитику как прикладную научную дисциплину внес британский ученый и политик Х.Дж. Маккиндер (1861—1947), которому принадлежит заслуга создания теории о естественном противоборстве «мирового острова» и «мирового океана», т.е. континентальных держав Евразии и морских империй Западной Европы и Северной Америки. Его необычная для того времени теория изложена в таких трудах, как «Географическая ось истории» (1904), «Демократические идеалы и реальность» (1919). Маккиндер пришел к выводу, что с планетарной точки зрения в центре мира лежит Евразийский континент, а в его центре — «Сердцевина мира» (*Heartland*), сосредоточие континентальных масс Евразии. Это наиболее благоприятный географический плацдарм для контроля надо всем миром.

Маккиндер считал, что главной задачей англосаксонской геополитики является недопущение образования стратегического континентального союза вокруг «географической оси истории» — России. Следовательно, стратегия сил «внешне-го полумесяца» состоит в том, чтобы оторвать максимальное количество береговых пространств от сердцевины Евразии и поставить их под влияние «островной цивилизации»¹⁵. Российский исследователь А. Дугин дал такую оценку теории Маккиндера: «Именно Маккиндер заложил в англосаксонскую геополитику, ставшую через полвека геополитикой США и Североатлантического союза, основную тенденцию: любыми способами препятствовать самой возможности создания евразийского блока, созданию стратегического союза России и Германии, геополитическому усилению *heartland*'а и его экспансии»¹⁶.

Здесь, забегая вперед, уместно сделать некоторое отступление. В 2013 г. в Великобритании увидела свет новая книга

¹⁵ См.: Mackinder H. Geographical Pivot of History // Geographical Journal. 1904; idem. Democratic Ideals and Reality. — New York, 1919.

¹⁶ Дугин А. Указ. соч. С. 48.

о регионе — «Центральная Азия в международных отношениях: наследие Харольда Макиндера». Появление этого коллективного труда стало возможным благодаря инициативе двух исследователей — Ника Мегорана (Университет Ньюкастла) и Севары Шараповой (Академия государства и социального строительства при Президенте РУ). Данное издание доказывает, что значение геополитической теории великого британца не устарело и все еще актуально. Основополагающая идея настоящего издания состоит в том, что теория Макиндера, основательно подзабытая во второй половине XX в., ожила после распада СССР и с появления новой геополитической конфигурации в Евразии. Авторы книги, столкнувшись с разнообразием мнений и оценок актуальности наследия Макиндера, решили собрать их воедино, чтобы выяснить, насколько применима его геополитическая теория в современных условиях¹⁷.

Н. Мегоран и С. Шарапова полагают, что правильность или, наоборот, неточность этой теории можно проверить в ее приложении к Центральной Азии. Собственно говоря, эта идея и послужила толчком к подготовке издания. Они отмечают, что сам геополитик не смог дать точного географического определения для Центральной Азии, но понятно, что он имел в виду географически более обширную территорию, чем принято считать сегодня. Авторы отмечают, что теоретическое наследие Макиндера используется (на постсоветском пространстве) как прозападными специалистами, так и антиатлантически настроенными евразийцами. В обоих случаях его геополитические идеи находят свое применение.

В композиционном плане книга состоит из трех частей. Первая часть включает в себя исторические сюжеты (в каких международных условиях формировались геополитические взгляды Макиндера). Во второй части различные авторы рас-

¹⁷ Central Asia in International Relations: the Legacies of Halford Mackinder / Eds by N. Megoran and S. Sharapova. — London: Hurst & Company, 2013. — XVI+331 pp.

сматривают, как идеи Макиндера в частности и геополитика в целом «приживаются» в постсоветских государствах — России, Таджикистане и Узбекистане.

В современной России чешский исследователь М. Хаунер выделяет три течения: т.н. западников (сторонников интеграции с капиталистическим Западом), традиционалистов (мы бы их назвали раньше «славянофилами» и «почвенниками») и неоевразийцев. К неоевразийцам автор, естественно, причисляет в первую очередь Л. Гумилёва, чьи идеи стали мостом между классическим евразийством и его постсоветской версией. Хаунер отмечает, что неоевразийство представлено широкой группой специалистов — политологов, политиков, кинодеятелей и экологов. Их привлекла в теории Макиндера уникальность хартленда, который в этой интерпретации из негативного, как у Макиндера, превращается в позитивный образ. Автор относит к этому течению философа А. Дугина, писателя Э. Лимонова и Президента Казахстана Н. Назарбаева. Он выделяет также «коммунистическое евразийство» как самостоятельную подгруппу.

Хаунер, изучая теорию и политическую практику евразийства в Казахстане, задается вопросом: Казахстан — новая ось Евразии? На такую мысль исследователя натолкнули инициатива Казахстана по созданию Евразийского союза и культ Л. Гумилёва в республике, а также перенос столицы в Астану. Автор подозревает, что за всем этим кроется скрытое желание казахстанского лидера уравновесить евразийством руссоцентрические тенденции в процессе интеграции¹⁸. В заключение автор подчеркивает, что после 1991 г. Россия стала более «азиатской». Он склоняется к мысли, что буквальное следование евразийству неизбежно подтолкнет Россию к попытке восстановления имперского статуса.

¹⁸ См. также: Kassenova N. Kazakhstan and Eurasian Economic Integration: Quick Start, Mixed Results and Uncertain Future. — Paris: IFRI, 2012. — 29 p. (RNV 14); McDermott Roger N. Kazakhstan — Russia: Enduring Eurasian Defence Partners. (Danish Institute for International Studies). — Copenhagen: DIIS, 2012. — 84 p.; Vielmini F. The Challenges of Eurasian Integration for Kazakhstan // ISPI — Analysis (Roma). 2013. N 151. — 7 p.

Третья часть монографии фокусируется на конкретных внешнеполитических и геополитических проблемах региона в постсоветский период. Американский эксперт К. Сейпл (Институт глобальных исследований) описывает развитие американо-узбекских отношений после 11 сентября 2001 г. в геополитическом ракурсе. У этого автора Х. Макиндер — «демократический империалист». Соответствующим образом как борьбу за либеральные ценности и демократию автор трактует политику США в 2000-е гг. в Евразии. Он считает, что геополитический инструментарий Макинтера вполне применим к американо-узбекским отношениям, и многое в них объясняет. Впрочем, Сейпл приходит к выводу, что политика Соединенных Штатов закончилась геополитическим и «геосоциальным» (термин Макинтера) провалом.

А. Дундич (МГИМО) описывает современную Центральную Азию как площадку для сотрудничества и борьбы за доминирование в духе нового издания «Большой игры». Автор поочередно отражает позиции и стратегии ведущих геополитических игроков (России, США и Китая) и акторов второго ряда (Евросоюза, Турции, Ирана, Пакистана и Индии). Автор приводит точку зрения некоторых российских экспертов, что у Китая существует своя собственная геополитическая модель региона, именуемая «Центрально-Восточная Азия». Он отмечает, что идеи Макинтера эволюционировали самым неожиданным образом: вместо игры с нулевой суммой возобладали многостороннее сотрудничество в сфере безопасности и экономики. Другая особенность новой «Большой игры» состоит в том, что центральноазиатские государства из объектов чужой геостратегии сами превратились в участников международной или геополитической игры. При этом стратегия Казахстана базируется на евразийстве в качестве метода (но не цели) позиционирования себя на международной арене. Окончательно стабилизировать хартленд, по мнению автора, сможет коллективное сотрудничество всех ведущих игроков — РФ, КНР, США и ЕС.

Казахстанские авторы Г. Дадабаева и А. Адильбаева рассматривают с позиций теории Макинтера новые геополитические вызовы Казахстану и Центральной Азии. Они вполне резонно обращают внимание на тот факт, что Запад своей традиционной стратегией по максимальной изоляции России от Центральной Азии способствует закреплению Китая в регионе. Л. Хекимоглу (Йоркский центр международных исследований и изучения проблем безопасности в Торонто) выступает с резкой критикой теории Макинтера, считая, что британец переоценивал многие географические факторы и недооценивал другие, в частности значение колоссальных расстояний из глубин Евразии до основных торговых маршрутов. Автор призывает, говоря о будущем Центральной Азии, «преодолеть тиранию географии», для чего требуется отказаться от мифов, берущих начало в теории Макинтера, а также от нелиберальных рецептов, навязываемых странам региона извне.

И в заключение соредакторы издания еще раз обращают внимание, что наследие Макинтера многопланово; он востребован как сторонниками его теории, так и противниками, которые, опираясь на концепцию хартленда, оправдывают необходимость реинтеграции постсоветского пространства. В разные периоды истории XX и начала XXI в., отмечают Н. Мегоран и С. Шарапова, концепция Макинтера самым неожиданным образом использовалась различными политическими силами и идеологическими течениями, вплоть до поздних атлантистов и американских неоконгов.

Американскому военному А. Мэхэну (1840—1914) принадлежит теория «Морского могущества». Мэхэн разработал т.н. шесть принципов, или критериев, по которым можно определить статус и геополитическое могущество того или иного государства. Мэхэн построил свою геополитическую теорию исходя исключительно из «морской силы» и ее интересов. Концепцию Мэхэна следовало бы назвать «геополитикой наоборот», т.е., если основатели геополитики делали

упор на преимущество континентальных держав, то Мэхэн выдвинул теорию о геополитическом преимуществе морских и океанических держав. Независимо от Маккиндера Мэхэн пришел к тем же выводам относительно главной опасности для «морской цивилизации». Этой опасностью являются континентальные государства Евразии. НАТО, а также другие блоки, направленные на сдерживание СССР (концепция «сдерживания» тождественна стратегической и геополитической концепции «анаконды»), — АСЕАН, АНЗЮС, СЕНТО, СЕАТО — являются прямым развитием основных тезисов адмирала Мэхэна, которого на этом основании вполне можно назвать интеллектуальным отцом всего современного атлантизма¹⁹.

Идеи Маккиндера продолжил другой американский геополитик Н. Спайкмен (1893—1943). Геополитическую формулу Маккиндера Спайкмен (Спикмен) предложил заменить своей: «Тот, кто доминирует над береговой зоной (внешний полумесяц — *Rimland*), тот доминирует над Евразией; тот, кто доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках». В своих книгах «Американская стратегия в мировой политике» и «География мира» Спайкмен выделил десять критериев, на основании которых следует определять геополитическое могущество государства. С точки зрения его вклада в геополитику Спайкмен отличается от своих предшественников тем, что не переоценивал геополитическое значение хартленда, а в качестве ключевого элемента рассматривал евразийский пояс прибрежных территорий («маргинальный полумесяц»)²⁰.

¹⁹ См.: Mahan A. The Influence of Sea Power in History: 1660—1793. — Boston, 1890; idem. The Influence of Sea Power upon the French Revolution and Empire: 1793—1812. — Boston, 1892; idem. The Interests of America in Sea Power. — Boston, 1897; idem. Problem of Asia and its effects upon International Politics. — Boston, 1900; Мэхэн М.Т. Влияние морской силы на историю (1660—1793). — М., Л., 1941; Мэхэн М.Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю (1793—1812). — М., Л., 1940; См. также: Дугин А. Указ. соч. С. 51—57; Тихонравов Ю. Указ. соч. С. 70—76; Дергачёв В.А. Указ. соч. С. 14—16.

²⁰ См.: Spykman N. Geography of Peace. — New York, 1942; idem. America's strategy in World Politics. — Washington D.C., 1942; См. также: Дугин А. Указ. соч. С. 61—67.

Одиозную известность из-за своих связей с нацистским режимом приобрел немецкий ученый К. Хаусхофер. Основная геополитическая дилемма, которую пришлось решать Хаусхоферу, состояла в том, какую позицию должна занять Германия: картина планетарного дуализма — «морские силы» против «континентальных сил», или талассократия (власть посредством моря) против теллурукратии (власть посредством земли), явилась для него тем ключом, который открывал все тайны международной политики, к которой он был причастен самым прямым образом²¹.

Другой немецкий ученый К. Шмитт (1888—1985) разработал еще одну важнейшую геополитическую теорию — теорию «Большого пространства» (*Grossraum*). Эта концепция рассматривает процесс развития государств как стремление к обретению наибольшего территориального объема. Принцип имперской интеграции является выражением логического и естественного человеческого стремления к синтезу. По Шмитту, развитие «номоса» Земли должно привести к появлению Государства-континента. Этапы движения к Государству-континенту проходят от городов-государств через государства территории. Появление сухопутного государства-континента, материкового «большого пространства», является исторической и геополитической необходимостью. Общая геополитическая картина, описанная Шмиттом, сводилась к напряженному цивилизационному дуализму, к противостоянию двух пространств — англосаксонского (Англия + Америка) и континентально-европейского, евразийского. Эти два «больших пространства» — талассократическое и теллурукратическое — ведут между собой планетарное сражение за то, чтобы сделать последний шаг к универсализации и перейти от континентального владычества к мировому²².

²¹ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет / Пер. с нем. И.Г. Усачёва. — М.: Мысль, 2001. — 426 с.

²² Schmitt C. Land und Meer. — Leipzig, 1942; idem. Der Nomos der Erde. — Köln, 1950; Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря. — В кн.: Дугин А. Указ. соч. С. 526—549; Тихонравов Ю. Указ. соч. С. 127—134.

Среди российских геополитиков приоритет должен быть за П. Савицким. Так, А. Дугин пишет, что «П.Н. Савицкий (1895—1968), пожалуй, первый (и единственный) русский автор, которого в полном смысле слова можно назвать геополитиком»²³. Россию Савицкий понимает не как национальное государство, но как особый тип цивилизации, сложившейся на основе нескольких составляющих: арийско-славянской культуры, тюркского кочевничества, православной традиции. Все вместе создает некое уникальное, «срединное» образование, представляющее собой синтез мировой истории. Савицкий обращается к Турану как к геополитической дефиниции в качестве позитивной ориентации.

Развитие американской, чисто атлантистской линии в геополитике после 1945 г. в основном представляло собой развитие тезисов Н. Спайкмена. Как сам он начал разработку своих теорий с коррекции Маккиндера, так и его последователи в основном корректировали его собственные взгляды. К последователям Спайкмена относятся Д.У. Мэйниг, У. Кирк, С.Б. Коен, К. Грэй и Г. Киссинджер.

В качестве последнего (хронологически) направления в истории геополитики как науки называется «неоевразийство». Неоевразийство настаивает на том, что однополярности современного мира следует противостоять. Однополярность (доминанция атлантизма в любых формах, как в чистом виде, так и через мондиализм) обрекает Евразию как геополитическое образование на историческое небытие. Отсюда вытекает концепция «новой биполярности», наиболее последовательным сторонником которой является А. Дугин. При этом концепция «новой биполярности» входит в противоречие с доктриной многополярного мира, которую официально провозгласило российское руководство совместно с Китаем. Ос-

новным содержанием геополитических дискуссий 1990-х гг., в первую очередь о геополитической судьбе Евразии, стала своеобразная интеллектуальная «дуэль» между российским исследователем А. Дугиным и американским политиком и ученом З. Бжезинским.

Безусловно, любые геополитические модели страдают схематичностью, излишним теоретизированием и абсолютизацией геополитических факторов. Как правило, они не учитывают более сложную модель социального, экономического и политического устройства мира и человеческого социума. «Чистая» геополитика во многом остается еще абстракцией, тем не менее ее связь с конкретной политикой и стратегией очевидна. Кроме того, геополитика, в силу объективных исторических обстоятельств, не учитывала последние достижения естественных дисциплин — биологии, физики и химии, которые все более настойчиво вторгаются в гуманитарные сферы.

В целом, резюмируя развитие геополитики как науки за прошедшие полтора столетия, следует признать, что Центральная Азия, несомненно, являлась частью геополитического противоборства. В течение столетий, даже тысячелетий, ее геополитическая судьба была связана с Евразией, т.е. с континентальными силами. Более того, Центральная Азия сама продуцировала континентальные импульсы в геополитическом смысле. Однако после распада СССР геополитическое будущее региона становится неясным. В регионе, используя геополитический жаргон, утверждают «силы Моря», теллуократии, приходит атлантизм. После знакомства с теорией геополитики очевидно, что Центральная Азия после 1991 г. приобрела существенное геополитическое значение для крупных мировых игроков.

Ряд концепций глобального и геополитического характера вызвал за последнее десятилетие широкий резонанс не только среди ученых, но и у широкой публики. Эти концепции,

²³ Дугин А. Указ. соч. С. 82; см. также: Савицкий П.Н. *Континент Евразия*. — М.: Аграф, 1997; его же: *Географические и геополитические аспекты евразийства*. — В кн.: Дугин А. Указ. соч. С. 507—514.

или теории, непосредственно затрагивают предмет исследования данной статьи — геополитику в Центральной Азии.

Западная геополитическая мысль должна была отреагировать соответствующим образом на новый вызов времени, которым стал закат или трансформация государств, базировавшихся на плановой хозяйственной системе и управлявшихся жестко выстроенной государственно-тоталитарной вертикалью. В качестве естественной альтернативы этой, как казалось тогда нежизнеспособной, модели должна была выступить рыночная экономика, базирующаяся на демократических государственных институтах. Эти идеи нашли полное отражение в работе американского политолога Ф. Фукуямы «Конец истории?» (1990), который объявил о конце истории ввиду неизбежных и масштабных изменений в сторону рыночной экономики и демократии в Китае и СССР. Главный тезис его эссе гласил, что экономической и политической модели, сложившейся на Западе, нет альтернативы, и все человечество должно адаптировать ее, как это сделали два крупнейших коммунистических гиганта — СССР и КНР. Таким образом, человечество пришло к концу своей политической истории, построенной на соперничестве различных политических и экономических моделей, а это означает, по мнению Ф. Фукуямы, конец истории²⁴.

Совершенно иное объяснение происходящего предложил другой американский политолог — С. Хантингтон в своей известной книге «Столкновение цивилизаций». Наблюдая в конце 1980-х — начале 1990-х гг. за ростом конфликтов на обширном пространстве, включающем в себя Балканы, Кавказ, Средний и Ближний Восток, Хантингтон пришел к выводу, что человечество приблизилось к началу новой эпохи, сутью которой является столкновение различных цивилизационных моделей. Для их идентификации Хантингтон использует исто-

рические, религиозные, культурно-политические и географические критерии. На авансцену истории, если в огрубленной форме следовать логике этого автора, выходит противостояние трех основных цивилизаций: христианской (евро-атлантической) с исламской, с одной стороны, и христианской с конфуцианской (азиатско-тихоокеанской) — с другой. Они приходят на смену противостоянию между евро-атлантической и евразийской (православной) цивилизациями. С. Хантингтон очерчивает линии разлома, по которым происходит цивилизационное столкновение на сегодняшний день: это Балканский полуостров, Кавказ, Турция, Центральная Азия, Алжир, Северная Индия и Синьцзян. Таким образом, основной силой, бросающей вызов Западу, выступает, согласно С. Хантингтону, исламский мир, который, однако, не располагает какой-либо институциональной формой в виде военно-политического блока или экономического союза, что делает его вызов заведомо обреченным на поражение²⁵.

В 1990-е гг. широкий резонанс получили работы известного американского политика З. Бжезинского. В концентрированной форме они изложены в его книге «Великая шахматная доска». Под этим названием автор подразумевает Евразийский континент, или несколько лет уже — территорию бывшего СССР. З. Бжезинский считает, что после распада Советского Союза только одно государство в мире отвечает требованиям, предъявляемым к статусу супердержавы. Только Соединенные Штаты Америки располагают в настоящее время достаточной военной, экономической и политической мощью, чтобы оказывать свое влияние в любой точке земного шара. Однако, чтобы сохранить свое лидирующее положение в мире и в будущем, считает Бжезинский, Соединенным Штатам необходимо поставить под свой контроль Евразию,

²⁴ Фукуяма Ф. Конец истории // Вопросы философии. — 1990. — N 3.; см. также: Лаумулин М. Новые сроки конца истории // Континент. — 1999. — N 5. — С. 49.

²⁵ Huntington S.P. The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. Vol. 72. N. 3, Summer 1993. Pp. 22—49; idem. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. — New York: Simon & Schuster, 1996.

на территории которой разыгрывается своеобразная шахматная партия. НАТО, ЕС, страны Центральной Европы, Россия и страны СНГ, Турция, Иран, Индия, Пакистан и Китай — каждый из этих факторов силы представляет собой как бы шахматную фигуру определенного военно-политического и экономического веса. Задача Америки состоит в том, чтобы расставить эти фигуры, играя на противоречиях между ними и используя их внутренние слабости, в такой конфигурации, которая позволила бы ей сохранить за собой контроль над этим суперконтинентом, а значит — и над всем миром²⁶.

Понятие «исламский полумесяц Евразии» ввел в своих работах Р. Барыльский. Под этим историко-географическим понятием Барыльский понимает пространство от Средиземного моря до Китая, т.е. от Турции до Восточного Туркестана, которое включает в себя страны Среднего Востока, Кавказ и Центральную Азию²⁷. Этот автор предлагает рассматривать систему «исламского полумесяца» как модель международных отношений в течение продолжительного исторического периода: англо-русское соперничество на Востоке в XIX в., советский железный занавес и политика изоляции, распад СССР и вызов России со стороны вновь образовавшихся государств в зоне исламского полумесяца. Характерной чертой этого пространства является многонациональный состав государственных образований. Автор делит государства «полумесяца» на северное полукольцо (советские, российские и китайские территории с мусульманским населением) и южное полукольцо (страны Среднего Востока). Разграничительная линия между обеими частями после 1991 г. переместилась на север, и если она окончательно исчезнет с коллапсом России, то это вызовет взрыв этнических конфликтов. Таким образом, Россия, а

²⁶ See: Brzezinski Z. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. — New York: Collins, 1997; Brzezinski Z. A Geostrategy for Eurasia // Foreign Affairs. 1997. Vol. LXXVI. No 5. Pp. 50—64.

²⁷ See: Barylski R.V. The Russian Federation and Eurasia's Islamic Crescent // Europe-Asia Studies. 1994. Vol. 46. N 3. Pp. 389—416.

также Турция и Иран заинтересованы в сохранении статус-кво и размыкании двух частей исламского полумесяца. Детонатором этого процесса (т.е. выход зоны исламского полумесяца из-под контроля великих держав) явился уход Советского Союза из Афганистана. Внутри этой системы вероятны комбинации ее элементов. Их три: 1) государства полумесяца фигурируют как суверенные; влияние Москвы преобладает, но не ведет к гегемонии; 2) восемь приграничных республик (пять в Центральной Азии и три на Кавказе) вовлекаются в сложную систему отношений по линиям Север — Юг и Восток — Запад; 3) объединение усилий России, Ирана, Турции и Пакистана по предотвращению дестабилизации северной части полумесяца.

С точки зрения этнической исламский полумесяц Евразии — это пространство, населенное тюркскими и иранскими народами, которое разделяло славянский и арабский миры. С геополитической точки зрения исламский полумесяц препятствовал выходу Российской империи, а затем СССР к теплым морям. Линия, разделяющая северное и южное полукольцо исламского полумесяца, совпадает с бывшими границами России и Советского Союза на юге.

Яростным оппонентом З. Бжезинского и в целом теории атлантизма выступает российский геополитик А. Дугин. В рамках своей концепции возрождения Евразийской геополитической силы он видит следующую роль Центральной Азии. Дугин пишет, что «новый евразийский порядок в Средней (Центральной) Азии основан на том, чтобы связать все эти земли с севера на юг жесткой геополитической и стратегической осью. При этом, как и всегда в подобных случаях, важно структурировать пространство исключительно в меридианальном направлении, способствуя долготному сближению отдельных областей»²⁸.

²⁸ Дугин А. Основы геополитики. С. 354.

Французский геополитик Э. Шопрад (автор «Словаря геополитики», недавно вышедшего в свет во Франции), утверждает, что «в Восточной Европе и Средней Азии Вашингтон и его союзники ведут игру против России, урезанную территориально. Повсюду — и в Восточной Европе, куда продвигается НАТО, и в гигантской битве за сферы влияния, которая разворачивается в Средней Азии, на Кавказе и Украине, Вашингтон со своими сателлитами (Германией, Турцией и Пакистаном) стремится подорвать российское влияние. Войны в Грузии, Азербайджане, Таджикистане и Афганистане являются элементами новой «Большой игры», которая разворачивается между Россией и американской империей. Узбекистан представляет собой разновидность терминала — в самом сердце Средней Азии, где заканчивается свободный для США путь от Индийского океана в самую глубь континента. При этом Туркменистан все больше отдаляется от Москвы в сторону Турции и США»²⁹.

Российские авторы В. Ангелов и Н. Турко в статье «Энергетика и геополитика» утверждают, что «весь Прикаспийский регион и Каспий объявлены зоной национальных интересов США. Именно здесь отмечается наибольшая активность крупнейших американских нефтяных корпораций, добывающих доминирующих позиций в регионе, используется неурегулированность статуса Каспийского моря»³⁰.

К числу таких специалистов по Центральной Азии, причем специалистов-практиков, относились эксперты, долгое время работавшие в сфере идеологической пропаганды, разведки и в околоправительственных аналитических центрах (Радио «Свобода/Свободная Европа», РЭНД Корпорейшн, посольство США в Москве, Федеральный институт восточноевропейских и международных исследований в Кёльне, Королевский ин-

ститут международных исследований в Лондоне, учреждения министерства обороны США, Гарвардский университет и т.д.); среди них — Б. Браун, Ч. Карлсон, Дж. Кричлоу, Г. Фуллер, Г. Глизон, У. Хальбах, Н. Малькольм и др.

Эти специалисты сосредоточились на обсуждении вопросов, непосредственно интересовавших западных политиков: судьба ядерного оружия в Казахстане, угроза исламского фундаментализма для республик Центральной Азии, этнический фактор и национальные отношения, переход к рыночной форме экономики, демократические реформы, возможности экономического сотрудничества с Западом. Внимание западной стороны привлекли, прежде всего, ядерная и исламская проблемы, в чем рельефно отразилась обеспокоенность Запада своей собственной безопасностью. В дальнейшем этот подход трансформировался в нечто вроде политической концепции, которая легла в основу рекомендаций политикам.

Первой крупной работой в политологии США, где была сделана попытка обобщить результаты начального этапа на пути самостоятельного развития среднеазиатских республик, выявить проблематику политических отношений в новых условиях и сделать прогноз политической эволюции постсоветских режимов в регионе, была книга Г. Фуллера «Центральная Азия: новая геополитика» (1992). Исследование было подготовлено в рамках проекта РЭНД Корпорейшн — «Крах Советского Союза: последствия для безопасности Соединенных Штатов», который подразумевал изучение альтернативных вариантов развития политических событий в различных регионах бывшего Советского Союза. Фуллер считал, что регион оказался на перекрестке интересов различных международных геополитических и идеологических группировок; по его мнению, это может быть ряд комбинаций:

- тюркская группировка против Ирана;
- тюркско-иранская группировка против арабских государств;

²⁹ Цит. по: Вторжение, N 7, Арктогея веб-сайт.

³⁰ Ангелов В.Д., Турко Н.И. Энергетика и геополитика // Дипломатический ежегодник. — 2007. — N 7.

- «Исламистан» в составе Турции, Ирана, Пакистана, Афганистана и Центральной Азии, обособленный от арабского мира и Индии;

- более обширная группировка на уровне всего мусульманского мира, которая может быть как направленной, так и ненаправленной против Запада или Израиля³¹.

В 1993 г. сенатор А. Кренстон сформулировал свое видение интересов США в регионе. Он начал с того, что призвал признать ошибочной политику США, отдающую предпочтение России. Этот регион, по мнению Кренстона, в будущем будет играть важную экономическую роль, что не должны игнорировать Соединенные Штаты, а с другой стороны — Центральная Азия является естественным барьером против распространения исламского фундаментализма из Ирана и Афганистана. Фактически Кренстон официально признал, что политика Соединенных Штатов была направлена на обеспечение влияния Турции как модели для центральноазиатских государств³².

Ч. Анделэнд и Н. Платт в книге «Фрагменты империи» (1994) отмечают, что все республики региона были вынуждены формировать свою внешнюю политику и строить отношения с другими государствами под воздействием комплекса факторов: экономических, этнических и геополитических³³. Дж. Кричлоу считает, что этнический фактор играет существенную роль в формировании внешней политики государств Центральной Азии. Причем степень его влияния отличная на разных уровнях реализации внешней политики. Кричлоу выделяет пять таких уровней: 1) отношения центральноазиатских государств между собой; 2) Центральная

Азия и СНГ; 3) отношения со странами Азии; 4) Центральная Азия и мусульманский мир; 5) Центральная Азия в мировом сообществе. Каждая из республик региона, в зависимости от характера обстоятельств и уровня отношений с внешним миром, в различной мере оперирует своей принадлежностью к тюркскому, мусульманскому или постсоветскому (СНГ) сообществу³⁴.

Ш. Хантер (Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон), изучавшая взаимосвязь Центральной Азии и стран Среднего Востока, считает, что будущее развитие и взаимодействие этих регионов будет базироваться на мощном культурно-историческом фундаменте. Запад не должен допустить образования мусульманского военного блока с участием каких-либо государств Среднего Востока и Центральной Азии, а обязан оградить последних от источников антизападного влияния.

Следует выделить книгу Р. Даннройтера (Международный институт стратегических исследований, Лондон) «Становление новых государств Центральной Азии», написанную в рамках программы МИСИ. Учитывая концептуальные установки своих предшественников и сделанные ими прогнозы относительно дальнейшей эволюции ситуации в регионе, Даннройтер попытался положить в основу своего исследования ряд тезисов, чья жизненность, на его взгляд, уже доказана практикой. Он пришел к выводу, что в 1991—1993 гг. регион развивался относительно стабильно (в отличие от Балкан и Кавказа), за что пришлось заплатить свою цену — демократией. Безусловно, вокруг Центральной Азии развернулось политическое соперничество, напоминающее «Большую игру» XIX столетия. Удивительно, что революционный, фундаменталистский Иран сумел проявить больше прагматизма и отказаться от исламской идеологии в пользу

³¹ Fuller G.E. Central Asia. The New Geopolitics. Prepared for the Under Secretary of Defense for Policy. — Santa Monica: Rand Corporation, 1992. P. V.

³² Cranston A. Out of Focus: US Policy toward Central Asia // Harvard International Review. 1993. Vol. XV. N 3. Pp. 30—31.

³³ Undeland Ch., Platt N. The Central Asian Republics: Fragments of Empire, Magnets of Wealth. — New York: The Asia Society, 1994. P. 39.

³⁴ Critchlow J. The Ethnic Factor in Central Asian Foreign Policy. — Washington, D.C., College Park (MD): Russian Littoral Project (N 17), 1993. P. 25.

экономического партнерства с государствами региона, в то время как Турция, сделавшая ставку на амбициозные планы тюркского единства, фактически потерпела неудачу, не сумев подкрепить эмоциональные пантюркистские планы более содержательной экономической основой³⁵.

М. Олкотт, рассуждая о возможности объединения Центральной Азии, склонна провести параллель между современным регионом и арабским миром в послевоенную эпоху: несмотря на то, что идея единства никогда не была воплощена в жизнь, она все же является действенным политическим фактором. Среди тех, кто отстаивает тезис о том, что Центральноазиатский регион со временем повернется лицом к Среднему Востоку, находится Д. Пайпс. Он сравнивает стремление новых мусульманских государств Центральной Азии воссоединиться с исламским миром с движением бывших советских сателлитов в Центральной Европе в сторону Запада. Х. Малик видит возможность для создания содружества мусульманских государств Юго-Западной и Центральной Азии в объединении республик региона в Центральноазиатский региональный союз, на базе которого будет строиться экономическое и оборонно-стратегическое пространство этого союза со странами ОЭС³⁶.

Все без исключения исследователи признают, что нельзя игнорировать Китай при анализе геополитического положения Центральной Азии. В настоящее время невозможно уверенно прогнозировать, как будут развиваться отношения центральноазиатских республик с КНР; это зависит от комплекса факторов, среди которых: либерализация коммунистического режима в КНР, эволюция российско-китайских отношений, внутрицентральноазиатские процессы, рост национализма в Восточном Туркестане (Синьцзяне), реакция

³⁵ Dannreuther R. *Creating New States in Central Asia*. — London: IISS, 1994. Pp. 4—5.

³⁶ *Central Asia and the World* / Ed. by M. Mandelbaum. — New York: Council on Foreign Relations Press, 1994. Pp. 17—46.

на него Китая и др. Как замечают Ч. Анделэнд и Н. Платт, именно Китай способен в будущем составить серьезную альтернативу доминированию России в регионе. Стратегия Китая в отношении Центральной Азии будет заключаться в постепенном, но неуклонном наращивании экономических связей, а за углублением экономического влияния неизбежно последует политическое.

Работа Н. Макфарлейна, профессора Оксфордского университета, «Западное присутствие на Кавказе и в Центральной Азии» (1999) возвращает нас к большой геополитике и интересам Запада в этих регионах. Автор именуется эти регионы «бывший советский Юг». В качестве стратегических задач Запада в лице его институтов и инструментов (комиссариаты и отделения ООН, представительства ОБСЕ, программы ЕС и НАТО, МВФ, ЕБРР) он называет следующие: поддержка демократизации, экономических реформ, суверенитета ННГ, региональной стабильности, предотвращение конфликтов. В практическом плане Макфарлейн в духе т.н. *Realpolitik* (реальной политики) советует западным политикам, с одной стороны, проводить и дальше политику, нацеленную на уменьшение влияния и контроля России, но, с другой стороны, поскольку нет иного выхода, поддерживать с Москвой конструктивные отношения, особенно в сфере урегулирования конфликтов и сохранения стабильности³⁷.

Другой геополитической задачей Запада, точнее США, является сдерживание политизированного ислама, а именно Ирана. Все эти частные задачи ведут к главной геополитической цели — установлению контроля над энергетическими ресурсами региона.

Созданная в середине 1970-х гг. по инициативе Дэвида Рокфеллера, а также ряда выдающихся общественно-политических деятелей Европы и Японии Трехсторонняя комис-

³⁷ See: MacFarlane N. *Western Engagement in the Caucasus and Central Asia*. — London: The Royal Institute of International Affairs, 1999. — X+72 pp.

сия, ныне насчитывает около 350 человек, среди которых — главы крупнейших корпораций, политики, руководители средств массовой информации, из Северной Америки, Западной Европы и Японии. В Америке Трехсторонняя комиссия приобрела особый вес и влияние, когда более двадцати ее членов вошли в администрацию президента Дж. Картера, включая его самого и помощника по национальной безопасности З. Бжезинского, одного из директоров комиссии. В разное время ее членами были президенты Дж. Буш-старший и У. Клинтон. Не меньшую политическую роль комиссия играет и в Японии, и в Западной Европе.

54-й доклад Комиссии за 2000 г. озаглавлен «Новая Центральная Азия: в поисках стабильности» и посвящен современной геополитике вокруг региона и ситуации внутри него к концу века. Основной мыслью авторов является идея о том, что через десять лет после распада СССР мир имеет дело с новой Центральной Азией. В статье отмечается, что в реальности возможности Запада в плане воздействия на внутренние процессы в регионе ограничены. Запад неизбежно столкнется с необходимостью сотрудничества в регионе с Россией, Китаем и некоторыми исламскими государствами. В Центральной Азии уже практически создан новый стратегический альянс против исламского экстремизма на базе «Шанхайской пятерки», который обещает быть эффективным и благосклонно воспринимается на Западе³⁸.

Последние рекомендации уже современной администрации Дж. Буша вновь сделала М. Олкотт в книге «Казахстан: невыполненное обещание». Она считает, что пришло время США оказать давление на Казахстан с тем, чтобы поближе продвинуть его к более представительским политическим институтам и экономической транспарентности. Но это давление должно быть таким умелым, чтобы оно не бросило

³⁸ Garnett Sh., Rahr A., Watanabe K. The New Central Asia. A Report to the Trilateral Commission: 54 (October). — New York, Paris, Tokyo: The Trilateral Commission, 2000. — 79 p.

Казахстан в объятия России и не привело к нарушению интересов западных нефтяных компаний. Конечной целью США является видеть Казахстан, как и другие государства Центральной Азии, реально независимыми и «не превращенными в куклы противников Америки»³⁹.

С особенной силой вспыхнули дискуссии среди американского стратегического истеблишмента вокруг роли США в регионе с началом американского военного присутствия в Центральной Азии. Ю. Румер (Институт национальных стратегических исследований) считает, что у США три возможных роли, которые они могли бы сыграть в своей стратегии в Центральной Азии: ограниченного партнера, гегемона и менеджера в области безопасности. Первую роль США фактически уже попробовали во время администрации Клинтона. Румер склоняется к тому, что США должны выбрать для себя роль «менеджера по безопасности», избегать превращения в «гегемона» и строить свою политику с учетом интересов России, Китая и Ирана⁴⁰.

Таким образом, начиная с 1992 г. и до настоящего времени, во всех рекомендациях американских экспертов красной нитью прослеживается идея о том, что интересы США распространяются (или должны распространяться) на Центральную Азию. В разные периоды причины и предлоги американского участия в делах региона были разными (ядерное разоружение в первой половине 1990-х гг., каспийские ресурсы — с середины 1990-х гг., сфера «жизненно важных интересов США» — 1997 г., демократизация, угроза воинствующего исламизма — постоянно, борьба с международным терроризмом — с 2001 г.), но подавались как обоснование для американского вмешательства в политику и в конечном счете в геополитику региона.

³⁹ Olcott M.B. Kazakhstan: Unfulfilled Promise. — Washington: Carnegie Endowment, 2002. — XII+321 pp.

⁴⁰ Rumer E. Flashman's Revenge: Central Asia after September 11 // Strategic Forum. December 2002. N 195. Pp. 1—8.

В контексте оценки возможных направлений политики США в регионе ЦА следует обратить внимание на факт принятия Соединенными Штатами 17 сентября 2002 г. и обнародования новой стратегии национальной безопасности. Для центральноазиатских государств самым важным моментом «Стратегии» является твердое намерение США не оставлять вне зоны своего стратегического влияния регионы Центральной Азии и Каспийского моря. В частности, в ее шестом разделе говорится об «укреплении энергетической безопасности США» за счет поставок энергоресурсов, в том числе и из Центральной Азии и Каспийского региона⁴¹.

Таким образом, можно констатировать, что в течение 1990-х гг. перед западными политологами стояли две задачи: первая — практическая; они должны были дать четкие и недвусмысленные рекомендации политическому руководству своих стран, как строить политику в отношении новых независимых государств Центральной Азии; вторая — теоретическая (ее можно назвать также «практической геополитикой»); для их решения делаются прогнозы, создаются концепции и моделируются те или иные варианты политической эволюции региона.

На примере публикаций западных политологов можно наблюдать эволюцию взглядов на геополитическую роль Центральной Азии и ее стратегическое значение для Запада. Оценки зависели от характера и состояния международных отношений в тот или иной момент. Но объединяющим все концепции характерным признаком является понимание всеми без исключения западными авторами того факта, что регион не должен быть оставлен без внимания Запада. При этом в качестве поводов для беспокойства Запада называются самые различные причины: угроза со стороны исламского фундаментализма, возвращение в регион России, судьба

⁴¹ Центральная Азия до и после 11 сентября: геополитика и безопасность. — Алматы: КИСИ, 2002. — С. 97—111.

демократизации, угроза этнических столкновений, значение ресурсов и т.д. — все это свидетельствует о том, что Центральная Азия рассматривается в глазах западных стратегов в качестве сферы геополитических и стратегических интересов Запада.

Российские востоковеды опубликовали в 1996 г. крупное коллективное исследование, посвященное региону. В статье рассматриваются возможности интеграции Центральной Азии, в том числе и бывшего советского пространства, взаимодействие в регионе внешних геополитических сил, роль России в целом, весь комплекс факторов, позволяющий говорить о евразийском феномене в контексте будущего развития Центральной Азии.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что самоценность Центральноазиатского региона ограничена, считает А. Малашенко⁴². Центральная Азия является сферой второстепенных интересов ведущих мировых держав; не имея морских коммуникаций, она полностью зависит от доброй воли и стабильности у соседей; представляет собой периферию в плане экономики и, наконец, не обладает существенным военным потенциалом. За истекшие годы здесь вряд ли могло что-либо измениться кардинальным образом. Тем не менее периферийность Центральной Азии в известном смысле кажущаяся, ибо от того, как будут развиваться события в регионе, зависит ситуация в сопредельных с ним государствах, в первую очередь в России и странах мусульманского мира.

Российские авторы не могли не обойти вниманием проблему евразийства, которая как геополитическая доктрина касается и России, и Центральной Азии. Характерно, что повсюду понимают термин «Евразия» по-своему. В этой связи В. Белокриницкий рассматривает несколько вариан-

⁴² Малашенко А. Ислам в центральноазиатском обществе: динамика воздействия // Форум: Центральная Азия в евразийской перспективе. Восток. — 1996. — N 5. — С. 29—36.

тов евразийства: российский, который базируется на идеях славяно-тюркского единства или даже синтеза в культурной сфере. Второй перспективой для Центральной Азии является европейско-евразийская ориентация. Главным носителем и проводником еще одного проекта для Центральной Азии, который можно условно обозначить как западно-азиатский или афразийско-евразийский, является Иран. Четвертой евразийской перспективой для Центральной Азии предстает ее дальневосточно-тихоокеанская проекция. Здесь главными действующими лицами, безусловно, являются Китай и Япония, а также Республика Корея⁴³.

Основной смысл геополитических конструкций российских политологов В. Хлюпина и В. Грозина в книге «Республика Казахстан. Геополитические очерки» состоит в том, что Казахстан сталкивается с тремя основными вызовами своей безопасности и своему геополитическому положению. Первый состоит в соседстве с Китаем, от которого исходит угроза территориальной и демографической экспансии. Второй вызов исходит от Узбекистана, причем такого же — территориального и демографического характера. Здесь присутствует также фактор борьбы за водные ресурсы, который, впрочем, существует и в казахстанско-китайских отношениях. И, наконец, третий фактор, угрожающий безопасности Казахстана, располагается в Каспийском регионе. Этот фактор имеет ярко выраженный международный, многосторонний, геополитический характер, так как в борьбу за каспийские ресурсы включились такие державы, как Россия, США, Турция, Иран и Европа. Авторы называют ее «последней геополитической битвой XX в.». Следуя этой логике, ее можно было бы назвать «первым геополитическим сражением XXI столетия»⁴⁴.

⁴³ Белокриницкий В.Я. Центральноазиатское единство — миф или реальность? // Форум: Центральная Азия в евразийской перспективе. Восток. — 1996. — N 5. — С. 36—47, 93—99.

⁴⁴ В. Хлюпин. Треугольник геополитического взрыва. Казахстан — Китай — Россия. Прошлое и настоящее пограничной проблемы. — М., 1999.

Все российские эксперты рассматривают угрозы безопасности региона как угрозу безопасности в конечном счете самой России. Таким образом, в политическом мышлении России геополитика в Центральной Азии по-прежнему ассоциируется с российской геополитикой. Это основное и принципиальное отличие российского подхода от западного к проблемам геополитики в Центральной Азии.

Во Франции в 1995 г. Венсан Фурньо, в течение длительного времени возглавлявший Французский институт исследований Центральной Азии (IFEAC), опубликовал книгу «История Центральной Азии», в которой последнюю главу посвятил современному развитию региона (**Fourniau, 1995**). Французский ученый исходил из того, что исчезновение СССР повлияло на международное равновесие, а также на региональные интересы различных пограничных территорий бывшего СССР. Ситуация усложнилась различиями, связанными с историей. Например, возник риск увидеть строительство Великого Узбекистана или Великого Таджикистана. Различия между республиками становятся все более явными. Фурньо пришел к выводу, что государства, которые наиболее представлены на международной арене, а это Казахстан или Узбекистан, желали бы сломить региональную логику, через которую Центральная Азия видится мировой политикой, в частности, чтобы избежать участи стать местом поединка региональных держав, таких как Турция, Пакистан или Иран. Фурньо выделяет три главных фактора, под влиянием которых будет развиваться дальнейшая ситуация в Центральной Азии — открытость исламскому миру, открытость азиатскому миру и стремление выйти на мировые рынки сбыта своей продукции, главным образом полезных ископаемых. Региональные державы, такие как Турция, Иран, Пакистан, соперничают друг с другом, а также с Россией и США за расширение своего влияния в регионе. Отмечается также соперничество Казахстана и Узбекистана за региональное

лидерство, причем, по мнению французских исследователей, победит тот, кто лучшим образом приспособится к новым геополитическим реалиям.

Другой известный французский специалист по Центральной Азии, сотрудник Национального центра научных исследований (CNRS), Оливье Руа в книге «Новая Центральная Азия» (Roy, 1997) считает, что появление пяти новых государств ознаменовало формирование нового геополитического пространства между Россией, Китаем, Ближним Востоком и Южной Азией. Однако назвать Центральноазиатский регион однородным достаточно сложно в силу существующего антагонизма между странами и попыток крупных держав и региональных центров силы укрепить и расширить свое влияние в регионе.

Британский автор Дж. Робертс затрагивает в своей книге «Каспийские трубопроводы» тему нефтепроводов, которые должны связать богатую ресурсами Центральную Азию с остальным миром (Roberts, 1996). В работе подчеркивается стратегическое значение для мировой экономики Каспийского моря и его ресурсов. Этот автор останавливается на трех основных проектах трубопроводов: Северном — через Россию; Центральном — через Кавказ, Турцию до Средиземного моря; Южном — через Иран к Персидскому заливу. Каждый проект имеет свои минусы и плюсы. Каждый проект несет как экономические выгоды, так и определенный политический риск. Однако какой бы проект не возоблада, заключает Робертс, ни Казахстан, ни другие постсоветские республики не могут не учитывать позицию России, этого крупнейшего политического и экономического игрока на Каспии. Таким образом, здесь сталкиваются интересы трех сил: России, которая хочет контролировать будущий поток нефти и газа и отстаивает свой проект; Соединенных Штатов, которые делают ставку на средиземноморский проект и пытаются умиротворить Кавказ; собственно производителей нефти — трех

прикаспийских республик, для которых выгодно иметь несколько альтернативных трубопроводов.

Исследователи Женевского Института международных исследований и развития Мохаммед-Реза Джалили и Тьерри Келльнер рассматривают в своей фундаментальной монографии «Геополитика новой Центральной Азии» (Djalili, Kellner, 2001) геополитическую трансформацию в Центральной Азии сквозь призму наличия в XX в. двух мировых геополитических порядков. С завершением «холодной войны» и распадом СССР, мировой геополитический порядок перешел в фазу трансформации. Динамический процесс формирования нового геополитического порядка характеризуется нестабильностью, появлением дестабилизирующих факторов в международных отношениях. Главным изменением в Центральной Азии стало появление на политической карте мира новых государств и возвращение региона на политическую сцену, где он отсутствовал с момента его поглощения Российской империей. Важность этого изменения превышает, по мнению авторов, просто факт признания международным сообществом появления пяти новых государств в этой части мира. Джалили и Келльнер отмечают, что интеграция региона в составе СССР и «холодная война» заметно снизили статус и значимость региона, сведя его к рангу отсталой аграрной периферии, изолировав его от остального Евразийского континента. Распад СССР в 1991 г. открыл страны Центральной Азии для контактов с политическим окружением, от которого они были изолированы в течение полутора столетий. Этот процесс, для которого характерно чередование неопределенности, периодов успехов, внешнеполитического энтузиазма, разочарований и, наконец, здорового реализма, будет продолжаться до стабилизации ситуации в региональном масштабе.

Отдельной группой стоит литература, посвященная политике региональных держав в Центральной Азии. Запад-

ная историография политики Турции в Центральной Азии в целом достаточно обширна и подробно разработана. Тон в изучении новой геополитики с учетом турецкого фактора был задан еще в 1993 г. тем же Г. Фуллером. В 1994 г. увидели свет работы О. Сандера «Турция и тюркский мир» (Sander, 1994) и А. Мэнго «Турция и вызовы ее новой роли» (Mango, 1994), в которых анализировались ее отношения с независимыми тюркскими государствами. В этот ряд следует отнести книги С. Блэнка (в соавторстве) «Стратегические позиции Турции в мировых делах» (Blank, Johnsen, Pelletier, 1994) и «Турция в постсоветской Центральной Азии» Г. Уинроу (Winrow, 1995), в которых рассматривалась возможная геополитическая роль Анкары в регионе с учетом интересов Запада.

В коллективном труде «Соперничество региональных держав в новой Евразии» (под ред. А. Рубинштейна и О. Смоленского) рассматривалась конкуренция между тремя государствами (причем Россия уже была отнесена к разряду региональных, а не мировых держав) — Россией, Турцией и Ираном (Rubinstein, Smolansky, 1995). В 1996 г. в результате сотрудничества турецкого и западного политологов появилась более сбалансированная (с учетом турецких интересов) книга Б. Гокая и Р. Лэнгхорна «Турция и новые государства Кавказа и Центральной Азии» (Gokay, Langhorne, 1996).

В 1998 г. увидела свет работа немецкого исследователя У. Хальбаха «Россия и Турция» (Halbach, 1998, N 6). Его основным тезисом была посылка, что на безопасность Центральной Азии, а также стабильность на более широком пространстве — Евразии будут оказывать или уже оказывают влияние российско-турецкие отношения, точнее противоречия. Центральная Азия была затронута российско-турецким соперничеством в меньшей степени, чем Кавказ. Для Казахстана узловым является вопрос о маршруте будущего основного трубопровода, и в зависимости от решения этого вопро-

са — Джейхан или Новороссийск — Казахстан остановится в своем выборе стратегического партнера в XXI в.

Среди крупных работ последних лет по данной проблеме следует назвать монографию Х. Кремера «Меняющаяся Турция» (Kraemer, 2000) и фундаментальную работу Б. Араса «Новая геополитика в Евразии и позиция Турции» (Aras, 2002). В ней турецкий автор (проф. Ун-та Фатих) рассматривает роль Турции на Каспии и делает сравнительный анализ политики Греции, Ирана, Израиля, США, ЕС в Центральной Азии.

Хуман Пеймани рассматривает регион с точки зрения соперничества в нем трех держав — Турции, Ирана и России (Peimani, 1998) в увидевшей свет в 1998 г. в Лондоне книги «Региональная безопасность и будущее Центральной Азии». Турция, считает автор, является проигравшей стороной в этом соревновании.

Среди литературы, посвященной Ирану и его стратегии в Центральной Азии, в первую очередь необходимо назвать опять же Г. Фуллера с его работой «Геополитика Ирана» (Fuller, 1991). Затем эту тему продолжил английский автор К. Маклахан в работе «Границы современного Ирана» (McLachlan, 1994). В рамках исследований КИМО в Лондоне в 1995 г. увидела свет работа Э. Херцига «Иран и бывший советский Юг» (Herzig, 1995), в которой интерпретировались основные направления внешней политики ИРИ на Кавказе и в Центральной Азии. Ряд авторов (Mesbahi, 1997; Tarok, 1997; Efezil, Stone, 2001; Abidi, 1995) рассматривали политику Тегерана по конкретным направлениям в региональном и проблемном контексте. Основным вывод этих экспертов сводится к тому, что существенным геополитическим фокусом Ирана является регион Ближнего Востока. Что касается Центральной Азии, то здесь Тегеран старался проводить умеренную политику.

Забегая вперед, следует добавить, что в 2003—2004 гг. детальные исследования по иранской стратегии в Централь-

ной Азии написал Э. Херциг: «Иран на Кавказе, Каспии и в Центральной Азии» (Herzig, 2003) и «Регионализм, Иран и Центральная Азия» (Herzig, 2004). В данных исследованиях в принципе повторяются прежние западные оценки роли Тегерана в соседних регионах, но с учетом несколько изменившейся геополитической и международной обстановки.

Отношения Центральной Азии с арабским миром нашли скромное отражение в зарубежной литературе (за исключением немногочисленных работ Д. Пайпса). Можно назвать такие публикации, как изданная в Каире книга «Россия, Центральная Азия и арабский мир» (1993) и изданный в ОАЭ сборник «Каспийские энергетические ресурсы и их значение для Персидского залива» (2000).

Отдельным сюжетом является проблема влияния ислама на Центральную Азию. Этой проблематике посвящены работы М. Хагайеги «Ислам и политика в Центральной Азии» (Haghayeghi, 1995), «Политический ислам и конфликты в России и Центральной Азии» под редакцией Л. Йонсон и М. Эсенова (Jonson, Esenov, 1999), Я. Роя «Ислам в СНГ: угроза стабильности?» (Ro'i, 2001), «Центральная Азия и ислам» А. Штрассера (Strasser, 2002), «Ислам и государство в Центральной Азии» (Central Asia, 2003).

Проблемы отношений Центральной Азии с Индией имеют обширное освещение в зарубежной, преимущественно индийской и частично в западной, литературе, несмотря на узкую в реальности область для исследований. Индийская тематика имеет вторичный характер и вытекает из влияния, которое мог бы потенциально оказать на регион Пакистан, который, в свою очередь, связан с регионом в силу собственного влияния на Афганистан.

Среди ранних индийских изданий о регионе можно назвать сборники «Этничность и политика в Центральной Азии» (Warikoo, Dawa, 1992) и «Возникновение нового порядка в Центральной Азии» (Warikoo, 1995). Индийское виде-

ние личных интересов в регионе изложили в своих работах М. Пури — «Центральноазиатская геополитика» (Puri, 1997) и Дж. Бакш — «Геополитическая конвергенция России, Индии и центральноазиатских республик» (Baksh, 1996).

Одной из наиболее активных индийских экспертов по региону является Анита Сенгупта, автор многочисленных статей и книг по самым различным проблемам Центральной Азии. В 2002 г. индийская исследовательница опубликовала крупную монографическую работу — «Трансформация идентичности в Центральной Азии» (Sengupta, 2002), в которой рассматривала процесс формирования государств-наций в регионе (в основном на примере Таджикистана и Узбекистана).

Другими крупными исследователями индийско-центральноазиатской проблематики являются Н. Вохра — автор книги «Культура, общество и политика в Центральной Азии и Индии» (Vohra, 1999), С. Гопал — «Индия и Центральная Азия» (Gopal, 2000) и Девендра Каушик — ветеран индийской школы изучения СССР и Советской Средней Азии (Kaushik, 2002—2003). Большинство индийских авторов являются последователями марксистского направления в науке, обучались в Советском Союзе и своих работах после распада СССР в целом сохранили подходы и воззрения, полученные ранее. Геополитические процессы в Евразии они, как правило, рассматривают в ракурсе желательного объединения Индии, России и центральноазиатских республик для совместного противостояния Пакистану и в целом исламскому давлению, Китаю и Соединенным Штатам.

Среди западных авторов по индийской тематике писали С. Блэнк в работе «Рост индийского фактора в Центральной Азии» (Blank, 2003) и Д. Ритц в «Соперничестве Индии и Пакистана в Центральной Азии» (Reetz, 2002). Еще ранее французский политолог Г. Этьен посвятил политике Пакистана в регионе работу «Пакистан и Центральная Азия»

(Etienne, 1994). Южноазиатская проблематика затрагивается также в книге «Новая Центральная Азия и ее соседи» под редакцией П. Фердинанда (Ferdinand, 1994).

Комплекс отношений стран Центральной Азии с Россией после распада СССР и в первые годы независимости рассматриваются в книгах У. Одома и Р. Дуджаррика «Содружество или империя?» (Odom, Dujarric, 1995), М. Месбахи «Россия, региональные державы и международные связи Центральной Азии» (Mesbahi, 1994), П. Колсто «Русские в бывших советских республиках» (Kolstoe, 1995), Н. Мелвина «Русские за пределами России» (Melvin, 1995). В этих работах, как правило, основное внимание уделяется вопросу о том, сможет ли Россия восстановить свое влияние в регионе, насколько далеко способна продвинуться в установлении протектората над Центральной Азией, влиять на развитие событий в регионе в экономике и политике. Тема влияния России на регион рассматривалась в работе М. Уэббера «Интеграционные тенденции в СНГ: Россия и бывший советский Юг» и в книге Л. Джонсон «Россия и Центральная Азия» (1998).

Во второй половине 1990-х гг. тональность оценок западных авторов в отношении российской политики в регионе начинает меняться. На первый план выходят проблемы безопасности и, в соответствии с этим, изучается стабилизирующая роль Москвы и одновременно ее возможности по противодействию западному влиянию. Это коллективные труды: (под ред. М. Мандельбаума) «Новая внешняя политика России» (Mandelbaum, 1998), (под ред. Г. Чуфрина) «Россия и Азия» (Chufrin, 1999), (под ред. Р. Менона) «Россия, Кавказ и Центральная Азия» (Menon, 1999), (под ред. Л. Йонсон) «Россия и Центральная Азия: новый узел отношений» (Jonson, 1998).

Крупной серией политологических изданий была предпринятая американскими советологами т.н. «Евразийская серия» (*The International Politics of Eurasia*). Это была попытка

осветить со всех ракурсов грандиозный процесс геополитических сдвигов на постсоветском пространстве в результате крушения СССР и появления новых государств, формирования ими новой геополитики, столкновения интересов различных сил вовне и внутри Евразии.

Серию открыла книга «Историческое наследие в России и Новые государства в Евразии» (1994, под ред. Ф. Старра), которая задала тон в освещении всего комплекса проблем, связанных с новым статусом России после крушения Советского Союза и ее отношений с новыми субъектами международного права. В том же году было издано продолжение, посвященное формированию новой идентичности в евразийских государствах — «Национальная идентичность и этничность в России и Новых государствах Евразии» (1994, под ред. Р. Шпорлюка). 3-й том был посвящен «Религиозной политике в России и Новых государствах Евразии» (под ред. М. Бурдо); 4-й том — «Формированию внешней политики в России, Новых государствах Евразии» (1995, под ред. А. Давиши, К. Давиши); 5-й том вышел под названием «Государственное строительство и военная мощь в России и Новых государствах Евразии» (1995, под ред. Б. Пэррота); 6-й том был посвящен «Ядерным вызовам в России и Новых государствах Евразии» (1995, под ред. Дж. Квестера); 7-й том освещал внутренние проблемы — «Политическая культура и гражданское общество в России и Новых государствах Евразии» (1995, под ред. В. Тисманэану).

После выхода 7-го тома серия была дополнена книгой, посвященной проблеме геополитической борьбы региональных держав — «Соперничество региональных держав в Новой Евразии — Россия, Турция и Иран (1995, под ред. А. Рубинштейна и О. Смолянского). В дальнейшем «Евразийская серия» пополнялась спорадическими изданиями. Так, в 1997 г. был выпущен сборник «Конфликты, расколы и изменения в Центральной Азии и на Кавказе (под ред. К. Давиши и Б.

Пэррота). В 1997 г. под редакцией К. Давиши был опубликован труд «Международное измерение посткоммунистического транзита в России и новых государствах Евразии». И, наконец, в 2000 г. увидел свет как бы завершающий коллективный труд, подводивший итоги под сложным периодом 1990-х гг. — «Строительство систем безопасности в Новых государствах Евразии: субрегиональная кооперация на постсоветском пространстве» (под ред. Р. Дуэн и О. Павлюк).

Центральная Азия рассматривается также в контексте российско-китайских отношений в работах Чжан Юнсина и Р. Азизяна «Китайские и российские перспективы в Центральной Азии» (**Zhang Youngjin, Azizian, 1998**), М. Берлза «Китайская политика в отношении России и центрально-азиатских республик» (**Burles, 1999**), «Сближение или соперничество? Российско-китайские отношения в меняющейся Азии» под редакцией Ш. Гарнетта (**Garnett, 2000**) и Э. Мерри «Россия и Китай в Азии: смены ролей великих держав» (**Merry, 2002**).

В 1997 г. Гудрун Вакер (Федеральный институт восточноевропейских и международных исследований) посвятила специальную работу китайско-центральноазиатским отношениям — «Центральноазиатские государства СНГ с китайской перспективы» (**Wacker, 1997**). Она считала, что Китай очень внимательно отслеживал развитие событий в регионе с момента обретения ими независимости. В итоге в Китае сложились определенные принципы поведения в отношении этих государств. Для удобства автор пронумеровала эти принципы и изложила в тезисном виде.

Первым, кто обратил внимание на тот факт, что Китай фактически превратился в одного из влиятельных игроков «Большой игры» вокруг каспийской нефти, был пакистанский журналист А. Рашид в работе «Стратегическая роль Китая в Центральной Азии» (**Rashid, 1998**).

В 1998 г. директор Центра по изучению европейской интеграции (ЦЕИ) при Боннском университете Людвиг Кюнхардт в работе «Европа в раскладе сил XXI века» одним из первых сформулировал геополитические цели Европейского союза (**Kühnhardt, 1998**). Он исходил из того, что на Кавказе и в Центральной Азии давно назрела необходимость более активного участия ЕС, однако в этих регионах еще очень высок риск вовлечения Европы в блоковое соперничество за нефть и в региональные конфликты. Другие немецкие политологи, в частности А. Крейкемейер, обращали внимание в работе «Конфликты и кооперация в Каспийском регионе» на то, что к концу XX в. в мире обозначается противостояние двух центров экономической силы, конкурирующих между собой, — США и ЕС.

По мнению других немецких аналитиков, Х. Эрхарда и О. Тренерта, которое они изложили в работе «Роль НАТО, ЕС и ОБСЕ в Каспийском регионе», Каспийский регион следует рассматривать в соответствии с интересами НАТО как зону, попадающую под действие целей и принципов Вашингтонского договора и Новой стратегической концепции. Согласно этим документам, государства региона рассматриваются как часть конфликтной зоны на южном фланге НАТО и попадают в сферу активности южного командования альянса. Со стратегической точки зрения, таким образом, эти государства рассматриваются как фундамент для обеспечения безопасности альянса, что зафиксировано в соответствующих документах и директивах НАТО (**Ehrhardt, Thränert, 1998**). Немецкие авторы называют Европейский союз второй важной политической силой, которая намерена играть в Каспийском регионе собственную роль и имеет здесь свои интересы.

В 1998 г. фракция СДПГ в Бундестаге подготовила документ «Регион будущего — Каспийское море: немецкие интересы и европейская политика в закавказских и центрально-

азиатских государствах», изданный в форме книги и посвященный стратегии Евросоюза в Каспийском регионе. Этот документ являлся фактически первой попыткой оформить европейские интересы в регионе на концептуальном уровне (**Zukunftregion, 1998. S. 40—43**).

В целом литература, посвященная каспийской геополитике и нефтяной проблематике, чрезвычайно обширна и ее количество возрастает, начиная с середины 1990-х гг. по мере роста международного интереса к Каспийско-Центральноазиатскому региону и его энергетическим запасам. Для полноты картины следует назвать многочисленные работы С. Блэнка, в том числе «Энергия, экономика и безопасность в Центральной Азии» (**Blank, 1995**), а также Р. Форсайта «Политика и нефть на Кавказе и в Центральной Азии» (**Forsythe, 1996**), Ч. Бленди «Каспий: проблемное море» (**Blandy, 1997**), «Научные, экологические и политические проблемы в Прикаспийском регионе» М. Глянца и И. Зона (**Glantz, Zohn, 1997**), Р. Соколовского и Т. Чарлик-Пелей «НАТО и каспийская безопасность» (**Sokolsky, Charlik-Paley, 1999**) и коллективный труд «Безопасность и внешняя политика на Кавказе и в Центральной Азии» под редакцией Г. Берча и др. (**Bertsch, Cassidy, Scott, Beck, 1999**). Эти труды носят комплексный характер и включают в себя, помимо геополитических проблем, также экономические, а иногда и технические, экологические, правовые, что вполне объясняется характером рассматриваемых вопросов.

Продолжая обзор монографических серий, начатый ранее (Ч. I. Гл. 3), нельзя не сказать о т.н. «Зеленой серии», выходящей в рамках проекта исследований Дэвис-центра (Гарвардский университет) и японского Фонда Сасакава по Центральной Азии. В рамках «зеленой серии» увидели свет пять монографий: «Центральная Азия в период транзита» (1996), «Центральная Азия: вызовы независимости» (1998), «Центральная Азия и глобальная экономика» (2000), «Цен-

тральная Азия: надвигающаяся буря?» (2002) и «Центральная Азия: конец транзита» (**Rumer, 1996—2005**). Кроме того, в рамках этого проекта параллельно выходили в свет сокращенные или дополненные варианты этих коллективных монографий в Японии «Проблемы Центральной Азии и Южного Кавказа» (**Rumer, Lau Sim Yee, 2002—2004**) и в Казахстане⁴⁵.

Работа Н. Макфарлейна, профессора Оксфордского университета, «Западное присутствие на Кавказе и в Центральной Азии» (1999), вышедшая в серии регулярных публикаций Королевского института международных отношений, возвращает нас к большой геополитике и интересам Запада в этих регионах. Делая выводы в отношении политики Запада в регионе на протяжении 1990-х гг., автор вынужден констатировать, что она по многим параметрам не достигла поставленных целей. Таким образом, делает вывод Макфарлейн, в рамках повестки дня Запада на Кавказе и в Центральной Азии имеет место столкновение нормативных ценностей Запада (суверенитет, стабильность, демократия) с его геополитическими интересами. Существует еще одно препятствие на пути утверждения западных «нормативных ценностей», о котором вскользь говорит Макфарлейн. Это неспособность самого социума в постсоветских республиках к адаптации ценностей гражданского общества, что вновь возвращает нас к традиционной ориенталистике (**MacFarlane, 1999**).

Книга известного западного журналиста и политолога пакистанского происхождения Ахмеда Рашида «Джихад: подъем воинствующего ислама в Центральной Азии» посвящена угрозе региону Центральной Азии со стороны радикального исламизма (**Rashid, 2003**). Широкую известность А. Рашиду принесла его предыдущая книга «Талибан: ислам, нефть и фундаментализм в Центральной Азии» (2000) и последовав-

⁴⁵ См.: Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы / Под ред. Б. Румера. — Алматы: East Point, 2002—2004.

шие после событий 11 сентября статьи в ведущих мировых изданиях. В условиях ажиотажного спроса на афганскую и исламскую тематику Рашид был первым, кто подробно рассказал западному читателю, кто такие талибы, Бен Ладен, террористическая группировка «Аль-Каида» и чего они хотят. В то же время Рашид не новичок в центральноазиатской проблематике. В своей книге Рашид сконцентрировался на трех главных исламистских организациях в регионе — «Партии исламского возрождения» (ПИВ) в Таджикистане, «Исламском движении Узбекистана» (ИДУ) и «Хезб ут-Тахрире». Однако, помимо исламской тематики, что немаловажно, автор затрагивает широкий круг проблем геополитической борьбы, которая разворачивается вокруг Центральной Азии.

К числу докладов т.н. Трехсторонней комиссии (*Trilateral Commission*), состоящей из представителей США, ЕС и Японии, относится 54-й доклад Комиссии за 2000 г., который озаглавлен «Новая Центральная Азия: в поисках стабильности» и посвящен современной геополитике вокруг региона и ситуации внутри него к концу века (**Garnett, Rahr, Watanabe, 2000**). Авторами доклада являются известные политологи Ш. Гарнетт (США), А. Рар (ФРГ) и К. Ватанабе (Япония).

Основной мыслью авторов является идея о том, что через десять лет после распада СССР мир имеет дело с новой Центральной Азией. В статье отмечается, что в реальности возможности Запада в плане воздействия на внутренние процессы в регионе ограничены. Запад неизбежно столкнется с необходимостью сотрудничества в регионе с Россией, Китаем и некоторыми исламскими государствами. Угрозы для стабильности государств региона исходят из таких сфер, как драматическое падение стандартов здравоохранения и образования, отсутствие транспортной и социальной инфраструктуры, образование разнообразных религиозных и общественных организаций. Эти проблемы являются фундаментом для обострения таких проблем, при-

нимающих уже международный характер, как терроризм и наркоторговля.

После событий 2001 г. среди американского политологического истеблишмента, занимавшегося разработкой внешнеполитических и стратегических доктрин и политически близкого к правящей республиканской администрации, развернулась дискуссия о том, какую роль предстоит играть Соединенным Штатам в Центральной Азии. По сути дела, речь шла о ревизии всей американской стратегии в отношении региона, которая осуществлялась в течение 1990-х гг. Новое видение роли Америки в регионе озвучил Ю. Румер в своей нашумевшей работе «Реванш Флешмэна» (**Rumer E., 2002**).

Исследование известного немецкого политолога Уве Хальбаха «Больше не постсоветское пространство?», опубликованное в серии Германского института международной политики и безопасности, представляет большой интерес для всех, кто занимается вопросами геополитики, международных отношений и региональной безопасности (**Halbach, 2002**). Исследование Хальбаха как бы подвело итог развитию Центральной Азии, а рубежом стала трагедия 11 сентября. По мнению автора, террористические акты и последовавшая за этим антитеррористическая операция американцев в Афганистане активизировали процессы, которые подспудно назревали на постсоветском пространстве в течение десяти лет после распада СССР. В целом Хальбах приходит к следующему выводу: СНГ фактически выполнило задачу процесса «цивилизованного развода» бывших братских республик СССР и дальнейшая интеграция или дезинтеграция постсоветского пространства будет идти уже по иным сценариям.

Новую попытку переосмыслить геополитическое положение Центральной Азии и ее геостратегическое значение для Запада предпринял международный коллектив авторов под эгидой Американской академии искусств и наук в Кембридже. Новое издание под редакцией Р. Легволда

«Мыслить стратегически: великие державы, Казахстан и центральноазиатские связи» написано по модели известных многосторонних докладов по стратегической тематике, прежде всего Трехсторонней комиссии (Legvold, 2003). В заключение к своему эссе и ко всей книге автор выдвигает следующий тезис. Центральная Азия не должна вновь стать новым геополитическим центром Евразии. Судьба поставила Казахстан в центр пересекающихся связей во Внутренней Азии. Потенциал угроз стабильности и безопасности региона еще значителен. Поэтому США и их союзники не должны допустить возникновения в Центральной Азии хаоса, экстремизма и конфликтов. Логически продолжая мысль американского аналитика, напрашивается вывод, что начинать осуществление своей стратегии Запад будет с Казахстана, у которого кризисный потенциал совершенно невелик, но который располагает крупнейшими ресурсами и ключевым геополитическим положением в регионе Внутренней Азии и привлекает интерес всех без исключения внешних игроков.

Большое внимание вопросам формирующейся в Центральной Азии с начала нового столетия сложной системы международной безопасности уделял британский исследователь Р. Аллисон (КИМИ). В 2001 г. под его редакцией (совместно с Л. Йонсон) свет увидела коллективная монография «Центральноазиатская безопасность в новом международном контексте» (Allison, Jonson, 2001). Несмотря на тот факт, что книга вышла незадолго до событий 11 сентября и, соответственно, до радикальной перестройки всей системы региональной безопасности, Аллисон и его коллеги предугадали формирующийся облик новой системы безопасности в Центральной Азии. По их мнению, она должна была носить многоуровневый и комплексный характер. В дальнейшем Р. Аллисон развил эту тему в других работах, но концептуально остался на прежних позициях (Allison, 2002—2005).

Французский автор Гаэль Рабаллан выпустил в 2005 г. книгу «Центральная Азия или фатальность анклавности?»⁴⁶. Работа посвящена проблемам и специфике географического положения региона, зажатого между крупными геополитическими силами в центре Евразии, уделяя особое внимание т.н. проблеме «замкнутости» (*land-locked*). В этом автор видит главную причину всех геополитических проблем региона, лишённого доступа к свободному выходу к мировым коммуникациям. Роберт Легвольд посвятил свою очередную работу «Новая стратегия США в Центральной Азии»⁴⁷ пересмотру и выработке новых подходов в политике Вашингтона в регионе. Данное исследование вполне логично перекликалось с новой на тот момент концепцией Ф. Старра «Большой Центральной Азии», вызвавшей столь бурную полемику в академической среде, и предложениями Национального совета по американской внешней политике по изменению подходов Соединенных Штатов в тактике и стратегии в отношении отдельных стран региона.

Работа М. Олкотт «Второй шанс для Центральной Азии» привлекает внимание тем, что автор пытается подвести черту под «постсентябрьским» развитием региона, т.е. за период с 11 сентября 2001 г. и вплоть до бурных событий весны-лета 2005 г. (Olcott, 2005). Концептуальный подход в новой книге базируется на том тезисе, что «мировое сообщество» (читай — Запад) в свое время отвернулось от Центральной Азии. В результате еще более чем прежде возросла угроза появления здесь новых государств-неудачников (*failed states*).

Вторая глава книги «Мозаика власти в Центральной Азии: традиции, ограничения, стремления» (2007), которую условно можно перевести как «Рулетка великих держав», представляет наибольший интерес, поскольку посвящена геополитике

⁴⁶ Raballand G. L'Asie Centrale ou la fatalité de l'enclavement? — Paris: L'Harmattan, 2005. — 360 p.

⁴⁷ Legvold R. New US Strategy in Central Asia. — New York, 2005.

литике и международным отношениям в регионе. А. Матвеева (Лондонская школа экономики) уверена, что в путинский период произошло возвращение России в Центральную Азию, которая прежде не играла никакой роли для российской внешней политики. Ю. Румер (Национальный оборонный университет Пентагона) анализирует политику США в регионе. Румер, который уже немало написал об американской стратегии в регионе⁴⁸, в качестве своей главной посылки выдвигает тезис, что Центральная Азия в 1990-е гг. была периферией для глобальной стратегии США. Поворотным пунктом стали события после 11 сентября 2001 г. Но «дружба» между местными режимами и Вашингтоном длилась недолго, отмечает автор. После того как Ташкент использовал силу в Андижане и отверг ультиматум Запада, а Москва и Пекин всячески его в этом поддержали, политика США в регионе зашла в тупик.

Г. Ваккер, как и прежде, фокусирует внимание читателя на отношениях Китая и Центральной Азии. Она считает, что Пекин использует ШОС в качестве инструмента для усиления своего влияния в регионе на многостороннем уровне. А. Шмиц, которая в своих прежних работах обычно концентрировалась на внутривосточной эволюции стран региона, на этот раз пишет об отношениях ЕС с ЦА. Автор считает, что, несмотря на сильное влияние России и Китая на Центральную Азию, у Евросоюза остается пространство для маневра, чтобы выступить в качестве противовеса двум региональным супердержавам. Этому же сюжету посвящена статья известного политика (СДПГ), большого друга Казахстана Г. Эрлера, включенная в сборник⁴⁹. Он обращает внимание на новую

⁴⁸ См., например: Rumer E., Trenin D., Zhao Huasheng. Central Asia. Views from Washington, Moscow and Beijing. With an Introduction of R. Menon. — Armonk, New York, London: M.E. Sharp, 2007. — VII+224 pp.; см. также нашу рецензию: Казахстан-Спектр. — 2007. — N 4. — С. 104—106.

⁴⁹ Гернот Эрлер в течение многих лет возглавлял Германское общество друзей Казахстана (позже — Германо-Казахстанское общество), долгое время являлся заместителем (статс-секретарем) министра иностранных дел ФРГ.

стратегию ЕС, принятую под эгидой Германии в мае 2007 г., и которой немецкий социал-демократ придает большое значение для развития отношений между Европой и регионом.

Р. Фрайтаг-Вирмингхаус посвятил свой раздел политике Турции. Он считает, что прежняя стратегия Анкары, построенная на пантюркизме, потерпела крах. В дальнейшем Турция сосредоточилась на том, чтобы стать в ЦА медиатором между Россией и США. Н. Джексон изучает такие острые для безопасности региона вопросы, как наркоугроза и терроризм. Она скептически оценивает вклад в решение этих проблем со стороны ОДКБ и ШОС. Две статьи далее посвящены Узбекистану. И. Дирсен делает вывод, что все попытки Брюсселя побудить Ташкент к прогрессу в сфере прав человека завершились фиаско. М. Олкотт, которая не нуждается в представлении, возвращает нас к проблеме американо-узбекских отношений в контексте событий в Андижане. Она оценивает сложившуюся ситуацию в отношениях Узбекистана и Запада как вызов последнему, что требует выработки со стороны США и ЕС скоординированной и компетентной политики.

Четвертая глава — «Сферы политики» — охватывает отдельные аспекты экономического и политического развития стран региона. Среди материалов, представленных в данной главе, следует выделить статью Р. Гёца, который весьма прозорливо предупреждает европейских политиков об опасности и иллюзорности их попыток соревноваться с Газпромом за контроль над энергоресурсами региона, а стратегию диверсификации ЕС просто характеризует как «миф». Его мысль продолжает К. Вестфаль, утверждающий, что в случае реального выбора богатые углеводородами страны региона охотнее предпочтут Европе Россию и Китай. Остальные статьи главы посвящены наиболее острым экологическим и социальным проблемам региона.

С. Пейруз посвятил свою работу «Экономические аспекты китайско-центральноазиатского сближения» политике

Китая в регионе⁵⁰. Авторы выделяют четыре основные проблемы торгово-экономических отношений сторон. Первая глава посвящена истории и характеру этих отношений. Пейруз обращает внимание на тот факт, что с самого начала эти отношения приняли неравноправный характер в пользу КНР. В качестве второй проблемы автор выделяет роль пограничных пунктов в налаживании приграничной торговли. Третья глава работы освещает вопрос китайских инвестиций в экономику и инфраструктуру региона. Китайскую сторону интересуют четыре направления для инвестирования: цветная и черная металлургия, гидроэнергетика, транспортная инфраструктура, телекоммуникации. И, наконец, последняя глава посвящена анализу отношений в углеводородной сфере. Именно эту область Пейруз считает ключевой в многовариантной стратегии КНР в регионе. Он также предполагает, что географически замкнутый характер положения Центральной Азии определит решающую роль Китая для будущего региона. Фактически Китаю предстоит сыграть в XXI в. для региона ту же роль, что сыграла для него Россия в XIX и XX в.

М. Ларюэль изучила политику России в Центральной Азии с точки зрения влияния на формирование тактики и стратегии Москвы фактора русского национализма, т.е. ее работа «Центральноазиатская политика России и роль русского национализма» в большей степени посвящена не самой Центральной Азии, а внутривнутриполитическим процессам и борьбе внутри российской элиты за выработку внешней политики в регионе⁵¹. В некотором смысле Ларюэль повторяет свои идеи и соображения, высказанные ранее, и с которыми наш читатель имел возможность ознакомиться в переводах

ее книг⁵². В новой работе французская исследовательница описывает «возвращение России» в регион в новом столетии и все связанные с этим политические и экономические последствия. Затем в двух разделах автор подробно описывает российскую политическую сцену с точки зрения отношения к Центральной Азии. Как считает Ларюэль, повестка дня отношений между РФ и странами ЦА состоит из трех основных пунктов: т.н. «мягкая сила» (культурное влияние и языковое присутствие), проблема русской и русскоязычной диаспоры, вопросы миграции. В целом автор приходит к выводу, что все группировки, течения и круги российской политической элиты, несмотря на идеологические различия, склонны рассматривать присутствие (доминирование) России в Центральной Азии как благо и необходимость, причем каждая политическая сила оперирует своими аргументами в пользу этого вывода.

После нескольких лет, на протяжении которых академический и творческий тандем Марлен Ларюэль и Себастьяна Пейруза публиковал большую серию статей, посвященных отношениям стран Центральной Азии с Китаем и политике КНР в регионе, стало очевидно, что скоро авторский союз подготовит фундаментальную монографию. Так и произошло в 2009 г., когда свет увидела их совместная книга «Китай как сосед: центральноазиатские стратегии и перспективы»⁵³.

Авторы — не новички в науке. Наоборот, М. Ларюэль, например, известна своими фундаментальными трудами о Казахстане, в частности, монографией «Русские в Казахстане» (2004), а также своими работами по истории российского евразийства. Ее супруг С. Пейруз — автор книг о Туркменистане (2007) и современной истории Центральной Азии. Кроме

⁵⁰ Peyrouse S. The Economic Aspects of the Chinese-Central Asia Rapprochement. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies? 2008. — 73 p.

⁵¹ Laruelle M. Russia's Central Asia Policy and the Role of Russian Nationalism. — A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Johns Hopkins University-SAIS. — Washington, D.C., 2008. — 79 p.

⁵² См.: Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи / Пер. с фр. Т.Н. Григорьевой. — М.: Наталис, 2004. — 287 с.; Ларюэль М., Пейруз С. «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность / Предисл. Н. Космарской. Пер. с фр. Т. Григорьевой. — М.: Наталис, 2007. — 360 с.

⁵³ Laruelle M., Peyrouse S. China as a Neighbor: Central Asian Perspectives and Strategies. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. — 201 p.

того, оба автора являются профессиональными востоковедами, русистами и политологами.

В основу концепции своей книги авторы закладывают следующий тезис: с 2000 г. Китай начинает играть все более значительную роль в Центральной Азии и к сегодняшнему дню он достиг такого положения, с которого вполне способен угрожать традиционному доминированию России в этом регионе. Монографию открывает пространное вступление, посвященное роли советского наследия, современного влияния России и т.н. «китайскому вопросу» в ЦА. Больше всего французских ученых удивляет тот факт, что Россия как бы забыла о той огромной роли, которую играли императорская, а затем и Советская Россия в регионе. С различными вариациями российские политики в течение всего постсоветского времени рассматривали российское влияние как нечто само собой разумеющееся, раз и навсегда установившийся порядок вещей, который не нужно защищать.

Как предполагают авторы, соседство ЦА с Китаем должно разрушить эту историческую самоуверенность и геополитическое заблуждение. КНР в отношении ЦА долгое время проводила традиционную китайскую политику — «ждать и наблюдать». В целом Пекин долго рассматривал регион как буферную зону. Но географическая близость и новые экономические реалии, похоже, подталкивают Китай к изменению статус-кво. Это почувствовали на себе все страны региона, в отношении которых Пекин осуществляет гибкую дипломатию и проводит политику «мягкой силы» и которым в один прекрасный момент было дано понять, что их не рассматривают в качестве равных партнеров. Только Казахстан располагает особым статусом, зафиксированным в редко даруемом Китаем кому-либо титуле «стратегического партнера».

Далее авторы останавливаются на т.н. «китайском вопросе». По их мнению, этот вопрос имеет много измерений. Первое относится к международной системе отношений и геополитике.

Другое измерение имеет внутренний характер: данная проблематика используется в зависимости от контекста внутриполитической ситуации в каждой стране. Целью своей работы авторы ставят решение следующей проблемы: выяснить, является или будет являться реакция стран ЦА на растущее китайское влияние положительным или отрицательным явлением? Ответить на этот вопрос авторы считают своей главной задачей, т.е. выяснить, как в реальности относятся лидеры и элиты государств региона к присутствию КНР, своему порой двусмысленному положению между Китаем и Россией.

В разных республиках ЦА сформировалось различное видение «китайского вопроса». Для трех государств региона он не имеет такого острого цивилизационного и геополитического контекста, как для Казахстана и Кыргызстана. Кроме того, Китай, сам того не желая, спровоцировал резкую эволюцию академической синологии в сторону политических и международных отношений.

Таким образом, приходят к выводу авторы, чем дальше страны ЦА находятся от КНР, тем выше уровень релевантности к Народной Республике. И, наоборот, в Казахстане и Кыргызстане, где китайское присутствие является повседневной реальностью, соответственно, выше и уровень синофобии. В заключение авторы говорят об отличиях между синофильскими и синофобскими лобби. Синофилы, которых немало в политических и торгово-экономических кругах, вынуждены тщательно маскировать свое отношение к Китаю, т.к. дискуссия на публичном уровне мгновенно вызовет в их адрес резкую негативную реакцию в общественном мнении. С другой стороны, синофобы ограничены в пропаганде своих взглядов общими институциональными (международными интересами страны) рамками, выход за которые грозит ухудшить международное положение их родного государства.

Французские исследователи отмечают, что Китай ведет тонкую игру в регионе. Пекин вовсе не стремится вытеснить

Россию из ЦА в качестве гаранта безопасности региона. Наоборот, Китай вполне устраивает, что Москва несет основные финансовые расходы за поддержание стратегического баланса в регионе. Однако если в один прекрасный момент Пекин поставит своей целью вытеснение Москвы с первых ролей в регионе, то он может натолкнуться на ожесточенное сопротивление со стороны России. Но Китай ведет политику с упором на двусторонние отношения, что не позволяет центральноазиатским государствам и России выстраивать единый фронт в переговорах с КНР (как в случае с трансграничными реками).

В конце концов, авторы приходят к неожиданному (с точки зрения логики всей работы) выводу. Настоящей проигравшей стороной в результате российско-китайского альянса являются не государства региона, а США и ЕС. Этот альянс не дает возможности развивать в регионе процессы демократии и либерализации местных режимов. Но не только это. Китай, где потенциально, а где уже реально, своим присутствием не оставляет шанса западному бизнесу закрепиться в регионе. При этом Пекин ловко маскирует свою политику по сдерживанию Запада, оставляя Москве играть неблагоприятную роль антизападной силы в регионе. В завершение Ларюэль и Пейруз твердо констатируют, что истинные интересы стран Центральной Азии твердо требуют присутствия в регионе третьей силы, которая могла бы выступить (в интересах самих стран ЦА) сдерживающей и уравнивающей силой в противовес российско-китайскому альянсу.

Японское академическое сообщество также откликнулось на повышенный интерес к региону коллективной монографией «Японская дипломатия на Шелковом пути» (2009). Данная работа, которую возглавили в качестве редакторов Уяма Томохико и Хиросе Тецуя (в сотрудничестве с К. Ленном), посвящена предыстории и современной политике Токио в Центральной Азии и охватывает практически все

аспекты сотрудничества Страны восходящего солнца с нашим регионом⁵⁴.

Какие проблемы ставят во главу угла авторы? Они исходят из того, что Японии пора отходить от своей прежней политики в регионе, когда Токио, формально действуя солидарно со всем Западом, делал акцент на экономическую помощь, благополучно закрывая глаза на демократическую тематику, которой придавали такое важное значение США и Европа. Авторы считают, что Японии пора подключиться к процессу демократизации региона. В качестве второго важного тезиса авторы предлагают Токио отказаться от геополитического подхода к Центральной Азии в пользу политики поддержки развития, т.е. делать упор на экономическую составляющую своих отношений со странами региона. К слову, центральноазиатская политика Японии и раньше никогда не демонстрировала тягу к какой-либо геополитизации.

Исследователи признают, что Центральная Азия никогда не рассматривалась японскими правящими кругами в качестве критически важного аспекта их дипломатической и внешнеэкономической стратегии. И, по-видимому, положение дел и останется на этом уровне, хотя создается впечатление, что авторам хотелось бы обратного. В качестве важнейшего условия продолжения японской политики в регионе они ставят отказ Токио от конкуренции с Россией и Китаем в какой-либо форме. Но Япония могла бы, по их мнению, найти конструктивный путь для налаживания совместного сотрудничества с этими державами.

В книге подчеркивается, что уже невозможно закрывать глаза на растущее экономическое влияние в этом регионе КНР и Южной Кореи. Будучи также североазиатской державой, Япония могла бы предложить своим соседям некую концепцию совместной стратегии в регионе, т.е. фактически вы-

⁵⁴ Len C., Tomohiko U., Tetsuya H. (eds.). Japan's Silk Road Diplomacy. Paving the Road Ahead. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. — 206 p.

ступать единым фронтом. Авторы не скрывают, что главным (если не единственным мотивом) стратегической активности Японии является фактор заинтересованности в энергетических ресурсах и таковым он и останется на перспективу.

Какие аспекты международной политики в Центральной Азии привлекают авторов книги в первую очередь? Это, безусловно, фактор ШОС. Япония и ее стратегическое сообщество уже давно интересуются шанхайским процессом, и это отнюдь не праздное любопытство. Учитывая присутствие в организации Китая и России, держав, определяющих безопасность (или небезопасность) Японии, вполне понятен интерес Токио.

Другой важный сюжет, затрагиваемый в монографии, это взгляд на центральноазиатскую политику Японии в контексте ее паназиатской стратегии и стратегических отношений с США. Первый (паназиатский) фактор наглядно проявился в новой концепции Токио в отношении региона. Если поначалу она строилась по формуле диалога — «ЦА плюс Япония», затем на основе т.н. «Евразийской стратегии», то в дальнейшем Токио разработал новое видение своего отношения к региону в рамках т.н. «Арки свободы и процветания».

Применительно к нашему региону этот проект имеет специальный формат, озвученный тогдашним премьером Асо Таро в ноябре 2006 г.: «Центральная Азия как коридор мира и стабильности». В ходе расшифровки данного проекта выясняется, что японские стратеги под этой функцией понимают роль ЦА как коридора к Афганистану. Тем самым указанный проект является просто-напросто модификацией известной американской концепции «Большой Центральной Азии» (2005). Это означает, что политика Токио тесно связана со стратегией его старшего партнера, по крайней мере на концептуальном уровне. В геополитическом плане это означает, что Япония неизбежно будет следовать за Соединенны-

ми Штатами и рано или поздно будет вовлечена в конфронтацию с Россией и Китаем за влияние в ЦА.

Тем не менее авторы оставляют для Японии возможность сформулировать собственный геополитический подход. По их мнению, это могли быть проекты «Расширенной Восточной Азии (совместно с Китаем и Южной Кореей) или «Восточной Евразии» (те же и Россия). Эти проекты могли бы теоретически стать совместной площадкой и для Японии, и для Центральной Азии, включая всех заинтересованных игроков.

Таким образом, в своей центральноазиатской политике Япония вновь сталкивается с дилеммой (как и на многих других внешнеполитических направлениях): подчинить ее своим интересам (что неизбежно придаст ей азиатский характер) или следовать в русле американской стратегии, что делает ее заложницей геополитики США со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

Примечательным относительно периода второй половины 2000-х гг. является тот факт, что Центральной Азией и Казахстаном продолжили, после значительного перерыва, заниматься в Южной (романо-язычной) Европе (имеются в виду Италия и Испания), в то время как в традиционных центрах Франции, Великобритании и Германии интерес к нашему региону все это время не ослабевал. В Милане в 2008 г. увидел свет коллективный труд «Народ юрты: Казахстан от возникновения до современности», выпущенный болонским фондом «Касса ди Риспармио» (под ред. Ф. Фаччини). Это фундаментальное историко-этнографическое и социополитологическое издание, призванное дать максимально полное представление о нашей стране итальянскому читателю (см. ниже).

Книги, изданные в Испании, полностью сфокусированы на современности. Работа «Великие державы и региональная интеграция в Центральной Азии: местная перспектива» (на

англ. яз.), написанная при активном участии казахстанских специалистов, подготовлена к изданию фондом «Опекс» при МИД Испании⁵⁵. Координаторами и идеологами книги выступили представители указанного фонда Марио Эстебан и Николас де Педро. Сравнительно небольшое по формату издание посвящено проблемам геополитики и международному положению Центральной Азии. В структурном плане работа рассматривает политику основных мировых акторов и заинтересованных держав в регионе — России, Китая, США, Турции, Японии и Евросоюза.

Внимание испанских соавторов сфокусировано в первую очередь на отношениях Европейского союза с Центральной Азией, хотя они дают возможность казахстанским коллегам высказать свою точку зрения относительно политики других держав (мы не останавливаемся на них, поскольку с мнением наших авторов казахстанская аудитория знакома достаточно близко). М. Эстебан считает, что Россия осуществляет политику закрепления своего тающего влияния в регионе посредством укрепления инструментальной базы в рамках регионального сотрудничества (ЕврАзЭС и ОДКБ). Относительно политики Китая испанский эксперт придерживается мнения, что Китай играет растущую роль в регионе и явно лидирует в ШОС.

Соединенные Штаты, по его мнению, сконцентрированы исключительно на реализации своего проекта Расширенной (Большой) Центральной Азии с целью «реинтеграции» региона с Южной Азией, прежде всего с Афганистаном и Пакистаном. Турецкий геополитический проект, как и прежде, базируется на идее тюркского единства. Япония испанский политолог считает крупнейшим донором в регионе, что, с нашей точки зрения, является достаточно сомнительным тезисом. Но он прав в том, что стратегия Токио в ЦА мотивиро-

вана стремлением компенсировать влияние КНР и составить ему некий «азиатский» контрбаланс.

Геополитическая активность Евросоюза в регионе завязана на принятую в 2007 г. «Стратегию ЕС в ЦА по новому партнерству». И именно этот документ, как считает испанский эксперт, не учитывает геополитический контекст ситуации в Центральной Азии, что является его серьезным изъяном. Исходя из этого, испанские аналитики данной работой взяли себя компенсировать недостаток геополитического анализа, которым страдает стратегия ЕС.

Н. де Педро исходит из того, что Центральная Азия представляет собой регион растущего значения для Европы. Это значение вытекает из четырех причин: 1) регион — источник угроз, затрагивающих потенциально интересы ЕС; 2) энергетические ресурсы; 3) в регионе пересекаются интересы России, Китая и Америки; 4) регион граничит с Афганистаном. В отличие от других геополитических акторов, присутствие ЕС в регионе приветствуется как правящими режимами, так и оппозиционными силами. Особенно сильно чувствуется стремление идентифицировать себя с Европой у Казахстана, который в 2010 г. должен занять пост председателя ОБСЕ. ЕС в своей политике в регионе избегает геополитических игр, делает акцент на экономическое сотрудничество и образование, что принесет плоды в будущем, когда на сцену выйдет новое поколение региональных лидеров, уверен испанский аналитик.

Другой особенностью стратегии ЕС является принципиальная поддержка региональной интеграции, но это скорее недостаток, а не преимущество европейской политики, поскольку различия между отдельными республиками региона просто бросаются в глаза. Но в целом, резюмирует автор, повестка дня ЕС для ЦА проста и содержит вполне прагматичные и понятные задачи: способствовать экономическому развитию и интеграции региона; снизить уровень политиче-

⁵⁵ Great Powers and Regional Integration in Central Asia: a local Perspective / Eds. By M. Esteban and N. de Pedro. — Madrid: Exlibris Ediciones, 2009. — 140 p.

ской зависимости стран региона от внешних сил; делать так, чтобы регион избежал втянутости в конфронтацию в духе «холодной войны».

Подготовленное организацией по международному сотрудничеству с азиатскими странами «Каса Асия» при МИД Испании издание «Ситуация с системой управления в Центральной Азии», при активном участии французских, центральноазиатских и испанских экспертов, посвящено внутреннему развитию региона⁵⁶. В книге рассматриваются следующие вопросы: характер возникших в регионе политических режимов и социально-экономических отношений с точки зрения исторических и структурных особенностей региона; экономическая и социальная эволюция постсоветского Казахстана; проблема эффективного управления в Узбекистане; экономические и политические отношения между Испанией и Центральной Азией. В книге также дается статистический обзор экономического и политического положения в каждой из республик региона. Проблемы стратегии и политики ЕС в регионе затрагиваются также в работах С. Пейруза⁵⁷.

Среди публикаций, посвященных отношениям ЕС и ЦА, следует назвать обзорный доклад о сотрудничестве между Финляндией и государствами Центральной Азии и Южного Кавказа, подготовленный экспертной группой во главе с Ф. Старром по заказу МИД Финляндии⁵⁸. Доклад отражает уровень сотрудничества, методы и основные направления политики Хельсинки в этих регионах. Из доклада можно понять, что политика Финляндии развивается в целом в русле общеевропейской стратегии (экономическая кооперация, борьба с

угрозами и т.д.), но Хельсинки отдает предпочтение таким направлениям, как поддержка НПО, гендерного равноправия, предотвращение конфликтов, миграция, банковский сектор. Доклад примечателен тем, что он содержит четкие рекомендации финскому правительству, как строить в дальнейшем свою политику в этих регионах, что нельзя объяснить ничем иным, как присутствием в авторском коллективе Ф. Старра⁵⁹.

Сам профессор Фредерик Старр под тяжестью многолетней критики со стороны академического сообщества (центральноазиатского, российского и западного⁶⁰) — и особенно вследствие явных неудач в политике администрации Дж. Буша — был вынужден фактически дезавуировать собственную идею о формировании Большой (расширенной) Центральной Азии⁶¹. Его объяснения и комментарии можно свести к следующему: меня неправильно поняли.

Затрагивая тему активности Ф. Старра и его коллег по Институту Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Дж. Хопкинса в Вашингтоне (ИЦАК), следует отметить, что его центр по-прежнему удерживал пальму первенства в сфере центральноазиатских исследований. О некоторых работах мы уже писали на страницах данного издания (А. Коэн «Казахстан: дорога к независимости: энергетическая политика и рождение нации»; С. Горак и Я. Шир «Высвобождение от тоталитаризма? Туркменистан при Бердымухамедове»)⁶².

⁵⁶ La situation de la gouvernance en Asia Central. Coordinada pro G.M. Tabener, E. Soms Bach. — Madrid: Casa Asia, 2009. — 101 p.

⁵⁷ Peyrouse S. Facing the Challenges of Separatism: The EU, Central Asia and the Uyghur Issue. EUCAM Policy Brief. N. 4, January 2009. — Bruxelles: EUCAM, 2009. — 16 p.; Peyrouse S. Business and Trade Relationships between the EU and Central Asia, EUCAM Working Paper. N 1, June 2009. — Bruxelles: EUCAM, 2009.

⁵⁸ Starr S.F., Cornell S., Oksajärvi Snyder M. Evaluation Finland's Development Cooperation in Central Asia and South Caucasus (Evaluation report 2009:1). — Helsinki: The Ministry for Foreign Affairs of Finland, 2009. — VI+70 p.

⁵⁹ Позиция ЕС в отношении стратегического характера сотрудничества с Казахстаном содержится также в: Le Kazakhstan: Partenaire Stratégique de l'Europe. — Dans le livre: Diplomatie. Affaires Stratégiques et Relations Internationales. — Paris: AREION, 2009. — 16 p.

⁶⁰ См.: Tulepbergenova G. The Greater Central Asia Project: Present State and Evolution // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2009. N 2. Pp. 5—10.

⁶¹ Starr S.F. Rediscovering Central Asia // The Wilson Quarterly (The Woodrow Wilson International Center for Scholars.). 2009. Summer; Starr S.F. In Defense of Greater Central Asia. — Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — A Joint Transatlantic Research and Policy Center Johns Hopkins University-SAIS, 2008. — 18 p.

⁶² См.: Рецензия: Cohen A. Kazakhstan: the Road to Independence. Energy Policy and the Birth of a Nation. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. — 287 p. // Казахстан-Спектр (КИСИ). — 2009. — N 2. — С. 111—112; Рецензия: Horák S., Šir J. Dismantling Totalitarianism? Turkmenistan under Berdimuhamedow. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. — 97 p. // Казахстан-Спектр (КИСИ). — 2009. — N 3. — С. 114—115.

Проблемы отношений Китая и Центральной Азии, политики КНР в регионе, ШОС и сопутствующие вопросы затрагиваются также в многочисленных статьях этих и других авторов (в основном в специальном номере журнала «Ежеквартальный Форум Китай — Евразия» в 2009 г.)⁶³. Соответственно, проблематику отношений между Индией и Центральной Азией можно найти в другом номере этого издания⁶⁴. Проблемы региональной безопасности (наркотрафик, ШОС и другие международные структуры) также затрагиваются западными авторами⁶⁵. Не оставлена без

внимания и проблема Афганистана в региональном контексте⁶⁶.

Фонд им. Ф. Эберта издал в 2008 г. для немецкоязычного читателя книгу «Центральная Азия: взгляд вовне» на немецком и русском языках. Издание должно было показать немецкой аудитории, как видят внешнюю политику своих стран местные эксперты⁶⁷. Это была уже третья книга в данной серии. Группа французских ученых П. Шовен, Р. Летоля и С. Пейруз написали «Историю современной Центральной Азии»⁶⁸. Проблемы экологии в Центральной Азии затрагиваются в работе одного из этих французских экспертов Р. Летоля «Аральское море»⁶⁹. С. Пейруз также поднимает в небольшом эссе проблемы сельского хозяйства в регионе⁷⁰.

В российской политологической, геополитической и в некоторой степени востоковедной литературе второй половины 2000-х гг. выделяется книга о Центральной Азии «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия»⁷¹. Это достаточно необычное историко-философское эссе с сильными элементами геополитического подхода вышло из-под пера Андрея Казанцева, тогда сотрудника Центра Евро-Атлантической безопасности МГИМО МИД России⁷².

⁶³ См.: Clarke M. China's Integration of Xinjiang with Central Asia: Securing a "Silk Road" to Great Power Status // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2008. Vol. 6. N. 2. Pp. 89—111; Laruelle M., Peyrouse S. Editors' Note: Central Asian Perceptions of China // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2009. Vol. 7. N. 1. Pp. 1—8; Laruelle M., Peyrouse S. Cross-border Minorities as Cultural and Economic Mediators between China and Central Asia // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2009. Vol. 7. N. 1. Pp. 93—119; Oresman M. Reassessing the Fleeting Potential for U.S.-China Cooperation in Central Asia // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2008. Vol. 6. N. 2. Pp. 5—14; Peyrouse S. La présence chinoise en Asie centrale. Portée géopolitique, enjeux économiques et impact culturel. Etudes de CERI. 2008. N 148; Peyrouse S. Chinese Economic Presence in Kazakhstan. China's Resolve and Central Asia's Apprehension // Chinese Perspectives. 2008. N 3. Pp. 34—49; Peyrouse S. Central Asia's growing Partnership with China, EUCAM Working Paper N 4. October 2009. — Bruxelles: EUCAM, 2009. — 15 p.; Schicor Y. China's Central Asian Strategy and the Xinjiang Connection: Predicaments and Medicaments in a Contemporary Perspective // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2008. Vol. 6. N 2. Pp. 55—74; Šir J., Horák S. China as an Emerging Superpower in Central Asia: The View from Ashkhabad // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2008. Vol. 6. N 2. Pp. 75—88; Spechler M.C. Why Does China Have No Business in Central Asia? // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). 2009. Volume 7. N 2. Pp. 3—15; Sutter R. Durability in China's Strategy toward Central Asia — Reasons for Optimism // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). 2008. Vol. 6. N 1. Pp. 3—10.

⁶⁴ Balooch M. Iran and India's Cooperation toward Central Asia // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). 2009. Vol. 7. N 3. Pp. 25—30; Kaw M.A. Restoring India's Silk Route Links with South and Central Asia across Kashmir: Challenges and Opportunities // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). 2009. Vol. 7. N 2. Pp. 59—74; Panda J.P. India's Approach to Central Asia: Strategic Intent and Geopolitical Calculus // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). 2009. Vol. 7. N 3. Pp. 103—114.

⁶⁵ Germanovich G. The Shanghai Cooperation Organization: A Threat to American Interests in Central Asia? // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2008. Vol. 6. N 1. Pp. 19—38; Peyrouse S., Laruelle M. The Shanghai Cooperation Organization: Successes and Challenges // The Journal of Central Asian Studies (Kashmir University). 2009. Vol. 28. N 1. Pp. 1—14; Swanström N. Shanghai Cooperation Organization and the Aftermath of the Russian Invasion of Georgia // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2008. Vol. 6. N 3. Pp. 3—8; Yang Shu. Reassessing the SCO's Internal Difficulties: A Chinese Point of View // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). 2009. Vol. 7. N 3. Pp. 17—24; Hanova S. Perspectives on the SCO: Images and Discourses // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). 2009. Vol. 7. N 3. Pp. 63—82; Peyrouse S. Drug-trafficking in Central Asia. Policy Brief. Institute for Security and Development Policy (Stockholm). N 8, September, 2009. Pp. 1—4.

⁶⁶ Gleason G., Hanks R.R., Bosin Y. Afghanistan reconstruction in regional perspective // Central Asian Survey (Oxford). 2009. Vol. 28. Issue. Pp. 275—287; Starr S.F. A Regional Approach to Afghanistan and Its Neighbors // Strategic Asia 2008—2009. — Seattle: National Bureau of Asian Affairs, 2008. Pp. 333—362; Chan S. Breaking the Impasse in Afghanistan: Problems with Neighbours, Brothers and Guests // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm) 2008. Vol. 6. N 4. Pp. 103—128; Khan S. Stabilization of Afghanistan: U.S./NATO Regional Strategy and the Role of SCO // The China and Eurasia Forum Quarterly (ISDP, Stockholm). 2009. Vol. 7. N 3. Pp. 11—16.

⁶⁷ Zentralasien: der Blick nach Aussen. Internationale Politik aus zentralasiatischer Sicht. — Berlin: Fridrich Ebert Stiftung, 2008. — 615 S.

⁶⁸ Chuvin P., Létolle R., Peyrouse S. Histoire de l'Asie centrale contemporaine. — Paris: Fazard, 2008. — 375 p.

⁶⁹ Létolle R. La mer d'Aral. — Paris: L'Harmattan, 2009. — 318 p. (аналогичные проблемы поднимает другой автор: MacKay J. Running dry: international law and the management of Aral Sea depletion // Central Asian Survey (Oxford). 2009. Vol. 28. Issue 1. Pp. 17—27.

⁷⁰ Peyrouse S. The Multiple Paradoxes of the Agriculture Issue in Central Asia. EUCAM Working Paper N 6. — Bruxelles: EUCAM, 2009. — 14 p.

⁷¹ Характерно, что данная монография получила премию Российской ассоциации политической науки за 2008 г.

⁷² Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. — М.: Наследие Евразии, 2008. — 251 с.

Во главу угла своего исследования автор ставит проблему: является ли Центральная Азия как отдельная часть мира «преходящим краткосрочным казусом» или существование этого региона представляет собой важную константу современной мировой политики. Автор задается вопросом: не исчезнет ли вскоре недавно возникший международный регион, распавшись на составные части или будучи «разорван» между другими частями мира (АТР, Ближним Востоком, Южной Азией и т. д.)? По мнению А. Казанцева, вопрос об исчезновении Центральной Азии в ее нынешних границах постоянно возникает в связи с ее пестротой, изменчивостью ее идентификаций во всех измерениях (географическом, культурном, экономическом и пространстве безопасности), постоянным появлением таких поддерживаемых Западом проектов ее реорганизации, как «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия» и т.д.

Автор исходит из того, что государства Центральной Азии, по сути, не придерживаются в своих политиках никаких общеобязательных стандартов, ценностей и принципов. В этом регионе нет и никаких механизмов принуждения, действующих в этом направлении. Следовательно, и их региональная идентичность становится весьма неопределенной. Таким образом, делает вывод автор, в Центральной Азии как международном регионе возникает сложный комплекс неопределенности, нестабильности и непредсказуемости на разных уровнях.

А. Казанцев перечисляет основные западные политико-географические проекты для Центральной Азии. К ним он относит следующие: 1. Укрепление национальной государственности стран Центральной Азии. 2 «Тюркский мир». 3 Внутреннюю интеграцию в Центральной Азии. 4 «Шелковый путь» и идеи «альтернативной интеграции» на постсоветском пространстве. 5 Проект «Большого Ближнего Востока». 6. Проект «Большой Центральной Азии». 7. Рост влияния евро-ат-

лантического пространства на Восток. Вывод автора заключается в следующем: ситуация постоянно сменяющихся и банкротящихся проектов реорганизации Центральной Азии говорит о серьезной непоследовательности и низкой эффективности деятельности западной коалиции в регионе.

Автор заключает, что наблюдаемое в современной Центральной Азии как международном регионе отсутствие устойчивых формальных и неформальных институтов несет с собой целый ряд негативных последствий. В частности, резко увеличивается региональная неопределенность, нестабильность, не создаются условия для продуктивного сотрудничества и реализации интеграционных проектов из-за высоких транзакционных издержек. По его мнению, ситуация большой геополитической неопределенности в регионе сложилась исторически. Она накладывается на высокую степень внутривосточной неопределенности в рамках неопатаримониальных систем и чрезвычайно нестабильные, но «многовекторные» внешнеполитические и внешнеэкономические контакты. Это также проявляется в членстве центральноазиатских государств в беспрецедентно большом количестве международных региональных организаций с противоречащими друг другу интеграционными векторами и обязательствами. На описанные выше факторы неопределенности накладывается, еще более их усиливая, высокая региональная нестабильность.

Внешние силы борются за идентичность региона, за присоединение его к тем или иным частям Евразии (постсоветское пространство, исламский мир, Европа, АТР). Частью этой борьбы является политика в области транспортных и энерго-транспортных маршрутов. Складывающаяся в результате структура региональных взаимодействий радикально отличается от «Большой игры» XIX в. Теперь в Центральной Азии имеется значительно большее количество внешних игроков.

В заключение автор формулирует три вывода: 1. При движении с запада на восток постсоветского пространства видно существенное повышение геополитической неопределенно-

сти, имеющее глубокие исторические корни. 2. Сложившаяся в некоторых центральноазиатских странах неопатримониальная политическая система способна поглотить и потратить «нецелевым образом» очень большие (а, возможно, вообще любые) средства внешних спонсоров, направленные на реализацию тех или иных проектов развития. С другой стороны, Центральная Азия как международный регион не способна поддерживать свою стабильность без постоянной внешней помощи и гарантий безопасности извне. В этом плане выбор между ответственностью за ситуацию (т.е. серьезными финансовыми вложениями) или стремление к «свободе рук» является основной дилеммой российской политики в данной части мира. 3. В силу того, что ряд стран Центральной Азии легко номинально принимает любые интеграционные проекты, не беря на себя реальных обязательств, нельзя считать вступление их в те или иные международные организации (или выход из них) признаком успеха или неуспеха политики внешних игроков.

Появление коллективного труда «Воссоединение Индии и Центральной Азии: растущее значение факторов безопасности и экономики» под руководством профессора Нирмалы Джоши вновь возвращает в повестку дня тему индийско-центральноазиатских связей. Характерно, что данная монография появилась не в Дели, и не в одной из столиц стран региона, а в Вашингтоне — в рамках исследовательской программы Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Джонса Гопкинса, возглавляемого в течение многих лет профессором Ф. Старром. Это означает, что проблема выросшего геополитического значения Индии и ее влияния на регион Центральной Азии вызывает самое пристальное внимание в США и на Западе в целом⁷³.

⁷³ Joshi N. (ed.) *Reconnecting India and Central Asia: Emerging Security and Economic Dimensions*. A Joint Transatlantic Research and Policy Center, Johns Hopkins University-SAIS. — Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2010. — IX+182 pp.

Монография посвящена, строго говоря, двум основным проблемам, обозначенным в заглавии работы: безопасности и экономике. Но в книге присутствует и третье измерение — это положение двух партнеров в мире в контексте новых изменившихся геополитических реалий. В целом авторы книги, несмотря на выбранные для себя сюжеты своих разделов, проповедуют один подход: они рассматривают отношения между Индией и регионом ЦА в контексте существования «Большой (Расширенной) Центральной Азии», в которую включают, помимо собственно нашего региона, также Южную Азию, Афганистан, Иран и Турцию. Выбранный метод распространяется не только на сферу геополитики и безопасности, но и на область экономических связей. Тем самым взаимодействие Индии с центральноазиатскими государствами, само по себе достаточно скромное, в данном контексте приобретает совсем другое, более весомое измерение.

Авторы исходят из того, что геополитическое значение ЦА для Индии не вызывало сомнений в прошлом, не вызывает оно сомнений и в настоящем. Для индийского стратегического мышления ЦА представляет собой часть широкого стратегически важного для Индии пространства. В Дели считают, что меняющаяся геополитическая и стратегическая обстановка в Евразии требует индийского участия для «восстановления» той роли, которая (якобы — *М.Л.*) была прерогативой Индии в этом регионе в прошлом. При этом Дели будет стараться играть «конструктивную роль» в ходе той геополитической борьбы за ресурсы региона, которые влекут сюда глобальных игроков.

«Большая игра» вокруг региона с точки зрения Дели выглядит следующим образом. Налицо две тенденции — сотрудничество и соперничество между двумя парами геополитических игроков: США и ЕС, с одной стороны, Россией и Китаем — с другой. При этом Индия (по инерции) сотрудничает с Россией, но перед лицом растущего влияния Китая все

больше склоняется к партнерству с Соединенными Штатами. Любопытно, однако в Дели уверены, что в Центральной Азии разделяют индийскую точку зрения о недопустимости доминирования какой-либо одной державы. В то же время индийские эксперты также уверены, что позиции России и Индии на будущую роль КНР в регионе совпадают, которая представляется им как внушающая озабоченность.

Другая озабоченность Дели заключается в том, что Центральная Азия может стать частью стратегически опасного для Индии соседства, т.е. сферой влияния расширенного Аф-Пака. В дальнейшем все внимание авторов сосредоточивается на проблеме Афганистана, который должен стать, по их мнению, предметом общей заботы Индии и государств региона. Авторы позволяют себе критиковать политику администрации Б. Обамы в Афганистане в той ее части, которая предполагает заигрывание с т.н. умеренными талибами и поощрение в Пакистане тех сил, которые стояли за терактом в Бомбее в 2008 г.

Сердцевиной индийских интересов в ЦА, как явствует дальше из текста, являются энергетические ресурсы региона. Эпицентром этих интересов становится Казахстан, с которым Индия заключила Соглашение о стратегическом партнерстве. Благодаря этому факту, а также возможному вхождению Афганистана в СААРК (Ассоциация по региональному сотрудничеству Южной Азии), Индии удастся сформировать некое подобие регионального блока в духе своей осуществляемой с начала 1990-х гг. политики «поворот лицом к Западу». Подобное развитие событий вывело бы Дели в лидеры (в т.ч. и перед лицом Запада) БЦА. В свою очередь, реализация проекта БЦА позволила бы наладить торговые и транспортные связи Индии с ЦА, которые столь жизненно ей необходимы.

В этой связи авторы берут на себя смелость сформулировать обновленную геополитическую повестку дня для Дели. В качестве партнера по реализации данного геополитическо-

го проекта (объединение Центральной и Южной Азии) Индия могла бы заинтересовать и привлечь США. На практическом уровне участие Америки выразилось бы в оказании своего влияния по стабилизации Пакистана. Кроме того, как предполагают авторы, стратегическое партнерство между Дели и Вашингтоном из Афганистана могло бы быть распространено и на Центральную Азию. В этом случае стратегическая ось могла быть превращена в геополитический треугольник США — Индия — Россия.

По ходу текста авторы сами называют Индию «опоздавшим актором» в ЦА. Это объясняет их некоторую заикленность вокруг геополитических вопросов. Авторы явно стремятся представить Индию в качестве глобального игрока и тем самым мотивировать ее интересы в регионе. Отсюда также стремление привязать Индию к неким стратегическим треугольникам (с участием США, России или Китая). Однако в реальности интересы Индии скромнее и носят, скорее, региональный характер. Этот факт ставит Дели в один ряд с такими игроками, как Тегеран, Исламабад или Анкара. Складывается впечатление, что местами авторы отдают себе в этом отчет.

Но и без этого вывода данная книга, несомненно, представляет интерес, поскольку дает представление о процессе формирования индийского геополитического мышления, который стартует прямо на наших глазах вместе с Индией, которая ищет достойное для себя геополитическое место в мире. И это тем более интересно, поскольку для осуществления данных целей выбран именно наш регион, который уже давно стал своего рода геополитическим объектом (или призом) номер один в «Большой игре» на «евразийской шахматной доске». И Индия не хочет и не может стать исключением.

Индийскую проблематику продолжила коллективная монография французских и индийских ученых «Карта Центральной Азии в восприятии и стратегии Индии». Книга из-

дана под редакцией известных французских востоковедов Марлен Ларюзель и Себастьяна Пейруза, которые, в свою очередь, привлекли к работе таких ветеранов индийского центральноазиоведения, как А. Патнаик, К. Варико, С. Чаттарджи, А. Сенгупту, С. Гопала и др.⁷⁴

С композиционной точки зрения книга состоит из трех частей. Первая часть посвящена общей истории Индии и Центральной Азии как связующему мосту к настоящему. Отношения между двумя цивилизациями и регионами показаны с точки зрения их исторического соседства, интенсивности контактов и последующей «разорванности» связей. В этой связи любопытно, как в исторической памяти новой постколониальной индийской элиты в мифологизированном виде отразились исторические связи с Центральной Азией, которые, без сомнения, повлияли на формирование представлений и стратегических подходов уже в современное время. Главный вопрос этой части состоит в следующем: будет ли работать механизм исторических связей двух регионов в XXI в.?

Авторы подчеркивают, что основными причинами появления данного издания были два парадокса. Первый касается того факта, что проблема отношений между Индией и странами Центральной Азии стала традиционным сюжетом с точки зрения классической геополитики. Но парадокс состоит в том, считают авторы, что по-настоящему данный вопрос фактически не исследовался на политическом, экономическом, стратегическом и культурном уровне взаимодействия. Основным связующим звеном в области безопасности для обеих сторон остается Афганистан («отсутствующая связь», как называют его авторы). Вторым парадоксом является тот факт, что, несмотря на относительно высокий уровень развитости центральноазиатских исследований в Индии, ин-

дийская политологическая школа игнорируется на Западе и практически находится в изоляции. Индийские достижения в этой сфере признаются в основном под эгидой востоковедения.

Выводы из данного труда следуют неутешительные для индийской стороны. Исследователи констатируют пропасть между немалым потенциалом для создания индо-центральноазиатского альянса и той слабостью своего присутствия в регионе, которую демонстрирует Дели к концу первой декады XXI столетия. Очевидно, что Индия осталась в стороне от той схватки в жестком стиле, которую вели Россия и США на геополитическом уровне, и Россия, США и Китай — за обладание энергоресурсами. Тем самым Индия могла бы встать в один ряд с державами, использующими для влияния экономические рычаги — Евросоюзом, Южной Кореей и Японией.

В качестве потенциала для наращивания своего влияния в Центральной Азии Индия располагает демократическим багажом, который рано или поздно будет востребован народами региона, а также своими хорошими отношениями с Россией. Индия, как и центральноазиатские республики, заинтересована в преодолении маргинального положения Ирана в регионе и его более тесной интеграции в региональные дела. Но, констатируют авторы, Индия никогда не сможет заменить Китай в экономическом смысле. Среди всех стран региона первоочередной интерес для Индии представляет Казахстан. Стороны могли бы успешно сотрудничать в самых разных областях: космосе (особенно после ухода России из Байконура), атомной энергетике и информационных технологиях. В целом три государства — Индия, Казахстан и Россия — могли бы составить, по мнению авторов, успешный геоэкономический треугольник.

К предыдущему изданию тематически примыкает коллективная монография (под ред. К. Варико, университет Дж. Неру) «Религия и безопасность в Южной и Центральной

⁷⁴ Mapping Central Asia. Indian Perceptions and Strategies / Eds. by M. Laruelle and S. Peyrouse. — Farnham: Ashgate, 2011. — 248 p.

Азии»⁷⁵. Авторский коллектив рассматривает проблему в широком международном контексте: возрождение Талибана в Афганистане, талибанизация Пакистана, политика и практика исламского терроризма в Индии, исламский экстремизм в Кашмире, исламский экстремизм и террористическая сеть в Бангладеш, дестабилизирующая роль партии «Хизб-ут-Тахрир» в Центральной Азии, роль мусульманских лидеров в Таджикистане, этнорелигиозный сепаратизм в Синьцзяне и др.

Очередное исследование, увидевшее свет также в рамках программы Института ЦА и Кавказа при Университете Дж. Гопкинса, принадлежало перу Никласа Сванстрёма и посвящено новой роли Китая в Центральной Азии. Исследование «Китай и Большая Центральная Азия: новые границы?» продолжает академический дискурс, заданный его старшим коллегой Ф. Старром⁷⁶. Как известно, именно Старр ввел в научный и политический оборот понятие «БЦА». Но Сванстрём идет дальше: для шведского ученого БЦА — это не только собственно Центральная Азия и Афганистан, но и Пакистан, Иран и Монголия (возможно, часть Кавказа с Азербайджаном).

Сванстрём пытается выявить основные моменты китайской стратегии в регионе БЦА. Скорее всего, Китай исходит из того, что через некоторое время (речь идет об одном-двух поколениях) геополитическая ориентация государств, входящих в БЦА, может кардинально поменяться и не стоит говорить, в какую сторону. Растущее китайское влияние уже вступает в противоречие с интересами США, России и ЕС, но вопрос — приведет ли это к кооперации или конфликту — пока остается открытым. Автор рассматривает также проблему с точки зрения европейских интересов. Он

высказывает мысль, что ЕС и КНР могут и должны форсировать трансевразийские транспортные связи. В случае, если такой альянс сложится, это может самым благотворным образом сказаться на экономическом положении государств БЦА, не считая того, что от этого выигрывают сами Европа и Китай.

Книга американского исследователя Александра Кули «Большая игра и местные правила: новый контекст политики великих держав в Центральной Азии» больше напоминает по стилю политический триллер, чем политологическое исследование. Автор подходит к анализу ситуации в регионе с позиций т.н. «Большой игры» — явного и скрытого соперничества великих держав⁷⁷.

Кули считает, что парадигма геополитического поведения каждой из держав в регионе была изначально задана основными рамочными условиями. Для США такими условиями стала необходимость проведения антитеррористической операции в Афганистане. Москва сама себя поставила в изначально сложное положение, позиционируя Россию в качестве привилегированного игрока в ЦА, что наложило на нее определенные обязательства и в некотором смысле ограничило свободу маневра, поскольку у нее не хватает ресурсов для проведения политики в качестве патрона.

Для Китая центральным фактором его региональной политики стало формирование ШОС, которая превратилась одновременно и в мотив, и в инструмент активизации политики на западном направлении. Поначалу основным поводом для активной политики в регионе Пекина были проблемы безопасности (СУАР), которые в дальнейшем трансформировались в серьезные экономические интересы и геополитические амбиции. В качестве наиболее убедительного примера того, как в результате геополитического соперничества нару-

⁷⁵ Religion and Security in South and Central Asia / Ed. by K. Warikoo. — London, New York: Routledge, 2011. — 217 p.

⁷⁶ Swanström N. China and Greater Central Asia: New Frontiers? — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2011. — 84 p.

⁷⁷ Cooley A. Great Games, Local Rules: the new Great Powers Contest in Central Asia. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — XIV+252 pp.

шается политическая стабильность, автор приводит пример Кыргызстана.

А. Кули категорически подчеркивает, что центральноазиатские государства, даже самые слабые, не являются пассивными наблюдателями за маневрами великих держав, а, напротив, активно участвуют в этой геополитической борьбе. В конечном итоге исследователь приходит к крайне важному выводу: в ходе геополитической борьбы за Центральную Азию окончательного победителя не обнаружилось. Таким образом, заключает А. Кули, Центральную Азию можно рассматривать как своеобразную миниатюрную модель или прообраз многополярного мира, где интересы великих держав соприкасаются, а равновеликая мощь и взаимное соперничество заставляют их волей-неволей вести себя осторожно в отношении друг друга и учитывать интересы других сторон. В книге автор приводит немало примеров не только соперничества, но и сотрудничества этих игроков. Свое исследование автор считает полезным не только тем экспертам, которые специализируются на изучении геополитики Евразии, но и как одну из первых работ, в которых прорисовываются контуры будущего «постзападного мира».

Другая книга М. Ларюэль и С. Пейруза носит название «Глобализирование Центральной Азии: геополитика и вызовы экономического развития». На этот раз авторы рассматривают регион с точки зрения влияния на него процессов глобализации. Таким образом, геополитика в книге рассматривается с точки зрения геоэкономики. Богатые природные ресурсы региона влекут к себе глобальных геополитических игроков, среди которых доминируют Россия и Китай⁷⁸.

Местные режимы на этом фоне сталкиваются с дилеммой: с одной стороны, им необходимо реализовывать свои

ресурсы на международных рынках; с другой — удерживать над ними контроль в целях сохранения суверенитета своих государств перед лицом агрессивного поведения глобальных экономических игроков. Таким образом, по мнению авторов, внутренние потребности к развитию стран ЦА становятся ключевым фактором в процессе привлечения и появления внешних игроков и формируют тот механизм, который обеспечивает им место в глобализованном мире.

В первой части книги авторы рассматривают «Большую игру» и т.н. «малые игры» с точки зрения стратегии и методов внешних игроков, соответственно, больших и малых. Список таких игроков, вовлеченных в центральноазиатскую политику, достаточно обширен. Каждому крупному игроку посвящена в книге отдельная глава. Открывает данный список Россия, для которой характерно стремление действовать, исходя из старых мотивов (сохранение влияния в имперском духе), в то время как реальность сталкивает Москву с новыми вызовами. С точки зрения долгосрочной перспективы ученые рассматривают шансы России сохранить свое влияние в прежнем объеме довольно пессимистично.

Для Соединенных Штатов авторы находят довольно удачное определение: «слишком удаленный, но, тем не менее, неизбежный партнер». Исследователи считают, что проблема стратегической безопасности остается главным мотивом всей активности США в ЦА. В отношении Европейского союза исследователи ставят вопрос в форме дилеммы, с которой сталкивается ЕС и на чем сделать выбор (в их интерпретации это «двойной вызов»): мягкая сила или реальполитик? Авторы склоняются к выводу, что в политике Евросоюза в отношении ЦА начал превалировать подход, продиктованный нуждами стратегической безопасности. Объясняя неудачи европейской стратегии, они объясняют их бюрократическими сложностями и ограниченной эффективностью внешнеполитического механизма ЕС. Авторы даже ставят

⁷⁸ Laruelle M., Peyrouse S. Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development. — New York, Armonk: M.E. Sharpe, 2013. — 376 pp.

под сомнение основной инструмент европейского влияния — экономический⁷⁹.

Характеризуя стратегии и политику более мелких геополитических игроков, авторы находят для каждого из них емкое определение. Политика Турции в Центральной Азии эволюционировала от «культурной стратегии (видимо, имеется в виду упор на общетюркское наследие) к торговому прагматизму». В отношении Ирана вывод делается прямо противоположный: от декларированного стремления к торгово-экономическому партнерству Тегеран перешел к геополитической повестке дня. Эмираты Персидского залива и Израиль характеризуются в книге как «альтернативные партнеры».

Стратегию Индии и ее отношения с центральноазиатскими партнерами ученые называют несостоявшимися надеждами и постепенным избавлением от иллюзий. И этот вывод, по-видимому, в равной мере относится к обеим сторонам. В отношениях с Пакистаном с государствами ЦА присутствовали, с одной стороны, неоправдавшиеся надежды Исламабада (превратить регион в свой стратегический тыл), а с противоположной стороны, политические подозрения (подрыв Пакистаном и его политикой в Афганистане региональной стабильности).

Политика Японии, по словам авторов, также проделала довольно простую эволюцию — «от идеализма к реализму». В основе действий Южной Кореи в регионе был заложен голый прагматизм (опирающийся на коррупционные связи), который позволил авторам назвать его «дискредитированным, но все же растущим присутствием». В один ряд с этими странами авторы ставят Малайзию, считая, что малайский опыт успешного с экономической точки зрения авторитариз-

⁷⁹ См. также: Boonstra J, Laruelle M. EU-US cooperation in Central Asia: parallel lines meet in infinity? — EUCAM Policy Brief, N 31, 2013. — 5 p.; Fjaestad R., Overland I. Norway and Central Asia (EUCAM Policy Brief N 16). — Madrid: EUCAM, 2013. — 5 p.; Tsertsvadze T., Boonstra J. Mapping EU development aid to Central Asia. — (EUCAM Factsheet N 1). — Madrid: EUCAM, 2013. — 13 p.; Tsertsvadze T., Axyonova V. Trading values with Kazakhstan (EUCAM Policy Brief N 32). — Madrid: EUCAM, 2013. — 5 p.

ма сыграл свою роль в поисках режимами региона оптимальной политико-экономической модели.

Вторая часть монографии посвящена исключительно проблемам экономического развития стран Центральной Азии в контексте их вовлечения в глобализированные связи. Обратим внимание на ценность настоящего издания. К несомненным достоинствам книги относится богатый фактический и статистический материал по многим и, особенно, экономическим аспектам развития стран ЦА. Появление данной монографии является свидетельством отхода зарубежной (в первую очередь западной) политологии от традиционного изучения региона с точки зрения геополитики, что доминировало в 1990—2000-е гг., к подходу исследования реального места региона в мировой политике и экономике с геоэкономических позиций. При этом здесь рассматривается как влияние глобальной экономики и процессов глобализации на Центральную Азию, так и, наоборот, трансформация международных экономических связей за счет появления Центральной Азии.

В другой работе М. Ларюэль приходит к выводу, что внешнеполитический выбор нередко определяется внутренними причинами, тем более в молодых государствах, которым необходимо обрести легитимность как международную, так и внутри страны. Она обращает внимание на следующие принципиальные моменты⁸⁰.

Так, автор отмечает, что сегодня уже нельзя говорить о единстве Центральной Азии в международных делах: Ашхабад и Бишкек или Астана и Ташкент смотрят на мир по-разному. При этом дискуссии о роли Центральной Азии в международных делах зачастую страдают двумя недостатками: во-первых, основной фокус направлен на внешних акторов, ближних или дальних, а сами центральноазиатские

⁸⁰ Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии // Pro et Contra (МЦК). — 2013. — N 1-2. — С. 6—20.

страны рассматриваются как пассивные, как жертвы геополитической игры, на ход которой они никоим образом не могут повлиять; во-вторых, все внимание сосредоточено на том, как ведут себя государства Центральной Азии в отношении основных международных проблем, при этом их позиция никак не связывается с тем, что происходит внутри самих стран.

М. Ларюэль заключает, что национальная идентичность — один из основных элементов внешней политики и она, по крайней мере, столь же важна и для политики внутренней. Государства Центральной Азии вынуждены иметь дело с несколькими разнонаправленными процессами. Власть придает большую ценность суверенитету. Центральноазиатские страны хотят быть открытыми для мира, но при этом отгородиться от соседей.

Марта Б. Олкотт выступает с критикой своих коллег, отмечая, что нередко аналитики, а то и политики пишут и говорят о проблемах этих стран так, будто все это время они существовали в вакууме, практически не замечая изменений, которые произошли там за последние два десятилетия. В нынешних дискуссиях о судьбе Центральной Азии все то, что произошло более чем за два десятилетия со времени появления в этой части мира независимых государств, зачастую несправедливо игнорируется и полностью вырывается из контекста глобальных тенденций и более общих проблем. Все пять центральноазиатских стран сейчас уже совершенно другие по сравнению с тем, какими они были в декабре 1991 г., когда Советский Союз прекратил свое существование⁸¹.

Она предсказывает, что все эти изменения окажут воздействие на следующее поколение жителей Центральной Азии. Советская идентичность здесь очевидным образом исчезает, как и падает влияние русского языка. Национальная иден-

⁸¹ Олкотт М.Б. Государства Центральной Азии идут своим путем // Pro et Contra (МЦК). — 2013. — N 1-2. — С. 70—76.

тичность здесь все еще находится в процессе становления и пока не сформировалась даже в пределах какой-либо одной страны. Региональная, этническая и религиозная идентичность накладывается на модель по большей части светской национальной идентичности, которую пытаются привить населению власти каждой из этих стран.

М. Олкотт приходит к выводу, что в регионе отсутствует ощущение общей центральноазиатской идентичности, особенно у представителей молодого поколения. Спустя 21 год после обретения независимости пять стран, вместе образующие то, что называется «Центральной Азией», в будущем, вероятно, столкнутся с серьезными проблемами.

Она заключает, что большая доля критики в адрес США и ЕС связана с тем, что многие в Центральной Азии называют двойными стандартами. Хотя речи о выходе Казахстана из Таможенного союза не идет, тем не менее нет и никаких признаков того, что Астана намерена воплощать в жизнь планы России по углублению экономической интеграции. Кроме того, есть еще, конечно, и Китай, слишком щедрый, чтобы ему противостоять, и слишком большой, чтобы его игнорировать. И в Вашингтоне, и в Центральной Азии нередко можно услышать, что если в Афганистане или в самом регионе начнутся серьезные волнения, которые, подобно атакам террористов 11 сентября, могут представлять непосредственную угрозу безопасности США, то Соединенные Штаты и НАТО отреагируют на это. Однако далеко не очевидно, что так оно и будет. Тем самым, по словам Олкотт, местные режимы и общественное мнение пребывают в некотором роде в заблуждении относительно намерений и возможностей США.

Джеффри Манкофф (заместитель директора программы «Россия — Евразия» Центра стратегических и международных исследований, США) достаточно критически оценивает роль Америки в регионе. Он отмечает, что в последние два десятилетия политика США в этом регионе временами яв-

ляла собой неудобоваримую смесь двух подходов. В рамках первого, характерного для 1990-х, но и ныне еще продолжающего влиять на американскую политику, к Центральной Азии относились как к полю стратегической конкуренции с соседними державами, прежде всего Россией, а теперь еще и с Китаем⁸².

В рамках второго подхода, преобладавшего после 9 сентября 2001 г. и с новой силой подхваченного администрацией Обамы, Центральная Азия рассматривается в первую очередь через призму войны в Афганистане. В ближайшие десять лет центральноазиатским государствам предстоит столкнуться скорее с острыми внутренними вызовами, нежели с опасностью внешнего господства в регионе, и, следовательно, после 2014-го перед Вашингтоном станут принципиально иные задачи, нежели в 1990-х гг.

Соединенным Штатам необходимо переосмыслить свою стратегию в Центральной Азии, считает Манкофф. Они по-прежнему должны присутствовать в регионе, но при этом в большей мере, чем до сих пор, способствовать налаживанию здесь более эффективного управления (что отнюдь не синоним демократизации). Необходимо также осознать, что Россия и Китай — соседние державы с прочными экономическими и политическими связями в этом регионе — всегда будут иметь здесь более широкие интересы и что в многополярной Центральной Азии XXI в. возрождение стратегического соперничества по типу «игры с нулевой суммой», как в 1990-х, ни в коей мере не поможет излечить распространенные здесь социальные болезни.

Серьезным минусом стало то, что сотрудничество в области транзита и обеспечения безопасности в Афганистане способствовало созданию некоторой взаимозависимости между Вашингтоном и его центральноазиатскими партне-

⁸² Манкофф Дж. Политика США в Центральной Азии после 2014 г. // Pro et Contra (МЦК). — 2013. — N 1-2. — С. 41—57.

рами, усиливая напряженность в отношениях между США и другими соседями Афганистана — Ираном и Пакистаном. Оказалось, что США отчасти утратили рычаги влияния на страны Центральной Азии, а внутригосударственные и региональные проблемы здесь во многих отношениях обострились. Опасения оказаться слишком вовлеченными в местные проблемы отчасти способствовали тому, что попытки США активизировать региональную торговлю пока дали почти нулевой результат.

Москва опасается, что Соединенные Штаты попытаются сохранить здесь свое военное присутствие на долгие годы, а это нанесет ущерб ее собственным интересам в Центральной Азии. Избрание Барака Обамы в ноябре 2008 г. помогло вернуть проблему сотрудничества США и России в число приоритетных. Москва стоит на том, что США должны уйти из Центральной Азии, но только после того, как процесс стабилизации в Афганистане завершится. Северная сеть снабжения — это, пожалуй, лучшая иллюстрация того, как афганская война превратила Соединенные Штаты, Россию и все пять государств Центральной Азии в компаньонов. Это сотрудничество приглушило стратегическую конкуренцию между государствами Центральной Азии, обеспечив им финансовые и материальные выгоды, которые позволили их правительствам укрепить свои позиции.

После ухода США из Афганистана сфера их интересов в Центральной Азии неизбежно будет сужаться. С уменьшением своего присутствия и влияния в этом регионе Вашингтон испытывает искушение вернуться к стратегии, которой он придерживался на протяжении большей части 1990-х гг. и в рамках которой Центральная Азия рассматривалась, главным образом, через призму геополитической конкуренции с Россией, а также с Китаем. Однако главная цель политики США в 1990-х, а именно обеспечение суверенитета и независимости государств Центральной Азии, уже давно достигну-

та. И сейчас наибольшую угрозу стабильности этого региона (и в конечном счете интересам США) представляют уже не Россия или Китай, а внутрирегиональные патологии.

Эксперт приходит к выводу, что, поскольку доминирование России уже не является главной угрозой стабильности в Центральной Азии (а тем более интересам США в этом регионе), у Вашингтона нет особых причин рефлекторно противодействовать более широкому присутствию в регионе России. Вашингтону также следует быть осмотрительным, определяя свою роль в обеспечении безопасности в этом регионе. Сохранение повышенного военного присутствия в Центральной Азии после вывода войск из Афганистана может лишь способствовать возобновлению стратегического соперничества с Россией, а в дальнейшем и с Китаем.

Наконец, даже при всем своем стремлении отрешиться от прошедшего военного десятилетия США ни в коем случае не должны полностью отвернуться от этого региона. Это предостережение относится в первую очередь к Афганистану, но и ко всей Центральной Азии тоже. На стратегическом уровне государства Центральной Азии ценят присутствие США именно потому, что они понимают, что Соединенные Штаты не представляют и не могут представлять угрозу для их суверенитета и независимости⁸³.

Проблемы безопасности ЦА в последние четверть века невозможно рассматривать, игнорируя проблему Афганистана. Шарбану Таджбахш (Институт политических исследований, Париж) посвятила свое небольшое, но насыщенное исследование, подготовленное в рамках программы Института мира в Осло, связям Центральной Азии и Афганистана в контексте проблем безопасности. Исследовательница исходит из того, что т.н. «Большая игра» для Центральной Азии имеет как внешний, так и внутренний контекст. Для изуче-

⁸³ См. также: Kangas R. Is There a Viable Future for US Policy in Central Asia? — Bishkek: OSCE Academy, 2013. — 19 p.

ния всего контекста безопасности в регионе автор первоначально сгруппировала все вопросы в три большие группы, а затем скрупулезно исследовала различные детали общей картины⁸⁴.

Первая часть посвящена характеристикам регионального комплекса безопасности. К ним исследовательница отнесла самые различные факторы: географические, исторические, терроризм, ядерное нераспространение, водно-энергетические конфликты, этнорегиональные противоречия, особенности местных политических режимов. Основной причиной такого состояния дел, при котором в Центральной Азии отсутствует единый подход в отношении Афганистана, автор считает, во-первых, соперничество между странами региона; во-вторых, вынужденное балансирование этих стран между великими державами. Тем не менее Афганистан представляет для центральноазиатских государств одновременно и угрозу (как источник нестабильности, терроризма и наркотиков), и благоприятный шанс для активизации регионального сотрудничества в рамках процесса реконструкции своего южного соседа.

Автор выдвинула в своем исследовании в качестве концептуальных три тезиса. Первый гласит, что, несмотря на географическую близость, общее историческое наследие и общие интересы в сфере безопасности, в Центральной Азии преобладают центробежные, а не центростремительные тенденции.

Вторая часть работы охватывает глобальное влияние на региональную безопасность. Ш. Таджбахш классифицирует акторов, действующих в регионе, на две категории. К первой она относит великие державы — Россию, Китай и США; ко второй — Иран, Турцию, Индию и Пакистан. Отсюда второй тезис книги: стратегическая динамика в регионе ведет

⁸⁴ Tadjbakhsh Sh. Central Asia and Afghanistan: Insulation on the Silk Road, Between Eurasia and the Heart of Asia. — Oslo: Peace Research Institute, 2012. — X+62 pp.

к усилению соперничества между крупными игроками (и частично державами второго эшелона), с одной стороны, а с другой — она накладывается на внутрорегиональное соперничество. При этом великие державы прибегают к использованию многосторонних организаций. Так, за СНГ и ОДКБ стоит Россия; США стоят за НАТО и ОБСЕ; Китай — за ШОС.

Третий тезис базируется на том, что вовлеченность центральноазиатских государств в афганскую проблематику является отражением их собственной динамики в сфере безопасности. В данном контексте третья часть посвящена непосредственно Афганистану как ключевому фактору региональной безопасности. Комплекс отношений, связывающий центральноазиатские государства с Афганистаном, достаточно обширен. Автор большое значение придает этническому фактору как связующему звену между этими странами. В этом контексте исследовательница анализирует стратегии всех республик региона в отношении афганской проблемы. И в заключительном разделе автор изучает в комплексе весь треугольник действующих акторов (крупные игроки — центральноазиатские государства — Афганистан). Здесь она выделяет такие вопросы, как осознанное дистанцирование России, «политика чековой книжки Китая», мультилатерализм для Афганистана по-евразийски (по оси ШОС/ОДКБ), мультилатерализм для Афганистана по-западному («Новый Шелковый путь» и региональное экономическое сотрудничество в качестве панацеи от всех проблем).

В заключение исследовательница приходит к выводу, что афганская проблема для центральноазиатских государств представляет собой дилемму: или сблизиться с Южной Азией (к чему их подталкивают США), или оставаться частью геополитической Евразии (чего от них ждут Россия и Китай). Она считает, что потенциал для регионального сотрудничества серьезно подрывается именно геополитическим сопер-

ничеством крупных акторов, а внутри региона — отсутствием доверия между собой. В целом с такими выводами автора следует согласиться.

Подготовленное в рамках проекта ИМЭМО исследование «Вызовы безопасности в Центральной Азии» посвящено в основном проблеме Афганистана. Известный российский эксперт Д. Малышева (ИМЭМО РАН) опасается, что если в Центральной Азии произойдет расширение американо-натовского присутствия, как военного (базы), так и экономического, на основе преобразования ныне функционирующей Северной сети в трансконтинентальную сеть, которая полностью покроет территорию бывшего СССР, это будет способствовать реализации широких стратегических целей США и их союзников. Целью подобного военно-стратегического контроля станет сдерживание Китая, контроль над Афганистаном, подрыв экспортной монополии России и переориентация структур безопасности государств Центральной Азии с постсоветских на натовские⁸⁵.

Основной вывод коллективной монографии звучит следующим образом. Для Центральной Азии риски, связанные с предполагаемым уходом из Афганистана войск коалиции, проистекают из возможного возвращения Афганистана к тому состоянию, в котором он был до иностранного вторжения в 2001 г., а также активизации исламских радикалов и усиления наркотрафика. Второй вывод касается перспектив ЦА в обозримый период в связи с афганской ситуацией. Даже в случае возвращения талибов к власти, полномасштабной войны между Афганистаном и республиками Центральной Азии не предвидится. Центральноазиатские государства постараются, как и в предыдущие годы, воспользоваться разнообразием векторов сотрудничества, предоставляемых им выгодным географическим положением. Разыгрывая различные

⁸⁵ Малышева Д.Б. Вызовы безопасности в Центральной Азии. — В сб.: Вызовы безопасности в Центральной Азии. — М.: ИМЭМО РАН, 2013. — С. 5—18.

внешнеполитические «карты» (российскую, американскую, китайскую, европейскую), государства региона попытаются извлечь максимальную выгоду от частично инициированной ими самими конкурентной геополитической борьбы.

Важной составляющей политологических исследований по Центральной Азии является направление, которое занимается внутривосточными проблемами региона, развитием и эволюцией местных режимов, их политическим генезисом. Рассматривать внутривосточные и социологические проблемы невозможно без изучения исторического, этнографического и востоковедного контекста, что и делают некоторые авторы.

В той или иной мере данная проблематика затрагивалась в работах Р. Помфрета «Экономика Центральной Азии» (Pomfret, 1995), Ш. Акинер «Конфликт или стабильность и развитие в Центральной Азии» (Akiner, 1997), Ш. Хантер «Центральная Азия после независимости» (Hunter, 1996), Ш. Акинер и С. Тидемана «Устойчивое развитие в Центральной Азии» (Akiner, Tideman, 1997) и О. Руа «Новая Центральная Азия: создание наций» (Roy, 2000) и др.

У. Хальбах успешно писал как по внутривосточной, так и по геополитической тематике. В конце 1990-х гг. увидели свет его работы: «Россия и Турция» (1998), «Ваххабиты на Кавказе и в Центральной Азии» (1998), «Казахстан между бедностью и богатством» (1998), «Угроза России с Юга» (1998), «Президентские режимы» (1999).

У. Хальбах в следующей работе «Президентские режимы» (Halbach, 1999) также дает сравнительный анализ центральноазиатских политических систем. Все пять государств региона роднит, несмотря на порой существенные местные отличия, один главный признак — сильная персонифицированная власть, оформленная как президентская. В основе политических реалий во всех центральноазиатских государствах

лежит социально-психологический импульс представления о президенте как об «отце нации» и сложившаяся еще в советский период и уходящая корнями в прошлое патронально-клиентная система.

В коллективном труде «Султанистские режимы» (под ред. Х.Е. Челяби и Х. Линца) на концептуальном уровне делается попытка типологизировать возникшие на обломках тоталитарных государств Восточной Европы и Евразии политические режимы. Авторы используют термин «султанизм», введенный М. Вебером, как «крайнюю форму патриониализма» (Chelabi, Linz, 1998). Дж. Гленн в книге «Советское наследие в Центральной Азии» (Glenn, 1999) также внимательно изучает институциональные и генетические черты сложившихся в регионе политических режимов. Любопытно, что этот автор первым поставил вопрос о т.н. бархатных революциях в регионе. При этом, отвечая на вопрос, «железный кулак» или бархатная революция, Гленн далеко не однозначен в своих выводах. По его мнению, в некоторых случаях, учитывая возможные последствия радикальной смены власти, для стабильности в регионе предпочтительнее «железный кулак».

Оливье Руа в своей работе «Современная Центральная Азия» (Roy, 2001) отмечает, что ключ к пониманию проблем региона лежит в осмыслении его собственной историко-политической культуры, которую он формулирует как культ сильной власти (как следствие, авторитарный президентализм), опирающийся на регионализм и политические кланы. Наследие советской политической культуры оказывает серьезное влияние на поведение современных центральноазиатских элит и вызывает неприятие оппозиции и критики в СМИ, психологическую неготовность к осуществлению глубоких преобразований в экономике, имитацию советской системы власти, культ личности, порой принимающий карикатурные формы (как, например, в Туркменистане). Другой важной

особенностью политического развития стран Центральной Азии является, по мнению О. Руа, институционализация региональных и клановых отношений. Региональные группировки могут быть как этнического характера (роды, кланы, жузы), так и происходить из административных единиц советской системы (колхозы и совхозы).

Книга профессора тюркологии Свободного университета в Берлине Барбары Кельнер-Хайнкеле и профессора Еврейского университета в Иерусалиме Якова Ландау «Языковая политика в постсоветских мусульманских государствах» посвящена языковой политике в шести постсоветских государствах — Азербайджане, Узбекистане, Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане и Таджикистане. В качестве посылки своего исследования авторы выбрали тезис о том, что ННГ Центральной Азии и Кавказа столкнулись после 1991 г. с многочисленными политическими, культурными и экономическими проблемами. К числу сложнейших задач, вставших перед этими государствами, они относят проблему дерусификации как часть общего процесса десоветизации. Сложность этой проблемы состояла в том, что новые режимы испытывали одновременно влияние двух факторов: со стороны националистических кругов и со стороны многочисленной русской (русскоязычной) диаспоры. Авторы рассматривают политику, направленную на укрепление и усиление роли т.н. титульных языков, как часть более общего процесса национального строительства, как первый шаг в формировании государства-нации.

В ходе непосредственного изучения проблемы авторы столкнулись с рядом вопросов, без ответа на которые было невозможно осветить проблему в целом и которые они расположили в следующей логической последовательности: 1. Почему правительства этих государств упорно делали акцент на развитие и популяризацию титульных языков несмотря на то, что русский язык зачастую был гораздо ближе политической и городской элите, выше по статусу и богаче по содержанию?

2. Как пытались власти проводить сложный и дорогостоящий процесс внедрения и развития национальных языков в условиях нехватки финансовых ресурсов и остроты других неотложных социально-экономических проблем? 3. Как, вообще, можно было осуществлять данный процесс при наличии лишь частичной поддержки со стороны титульного населения и сопротивлении со стороны других этносов, в первую очередь русского? 4. Каковы были различия при проведении языковой политики между шестью республиками и к каким различным результатам на сегодня они привели?

Не желая доводить до полного монолингвизма, политические лидеры этих стран нашли решение в новой формуле билингвизма, при которой дерусификация преследует цель поставить родной язык на первое место, а русский — на второе. На этом фоне особняком стоят проблемы языков и культур этнических меньшинств, которых затрагивает как процесс нативизации, так и дерусификации, сужая возможности для политического и культурного самовыражения. Избежать конфликтов, считают авторы, возможно только в том случае, если, с одной стороны, для славянского населения вместо культурного и лингвистического изоляционизма выбрать стратегию медленной адаптации и, с другой стороны, национальным правительствам вместо лингвистической конкуренции прийти к языковому консенсусу. Несмотря на поисковые решения, которые находят новые независимые государства, большинство проблем в языковой сфере остаются прежними.

Среди работ, посвященных культурному развитию и цивилизационной ориентации центральноазиатских государств, следует назвать также книгу турецкого ученого Б. Балджи, выполненную в рамках Французского института анатолийских исследований «Миссионеры ислама в Центральной Азии» (Balci, 2003). Автор проделал большую работу по изучению долгосрочных последствий миссионерской деятельности турецких и мусульманских учебных заведений в

регионе и обучения детей и юношества в школах и медресе Ближнего Востока. Выводы, к которым пришел Балджи, шокируют: турецкие и арабские исламисты целенаправленно работают с представителями элиты стран региона и, кроме того, проводят широкий воспитательный охват других слоев населения. Из стен таких школ выходят молодые люди, заряженные исламистской идеологией, с четко выработанными стереотипами и с определенным образом заложенным мировоззрением. И это не всегда открытый исламизм; большинство таких школ, особенно турецких, маскируются под светские. С учетом долгосрочной перспективы, имеет место целенаправленная деятельность на воспитание в будущем поколений с новой культурно-цивилизационной ориентацией, которая направлена на исламский Ближний Восток. При этом турецкие миссионеры, вольно или невольно, подыгрывают арабскому исламизму. Единственным способом избежать рокового пути развития, когда в будущем к власти придут люди, для которых будет родным или близким арабский язык, а тексты из Корана заменят идеологические установки, является дальнейшее строительство национально ориентированных государств, воспитание молодого поколения в национально-патриотическом духе, завершение строительства государств-наций в Центральной Азии.

Фундаментальный труд «На дорогах Тамерлана: путь Центральной Азии в XXI век» под редакцией сотрудника Национального оборонного университета США Д. Бургхарта и профессора Национального военного колледжа США Т. Сабонис-Хелф принадлежит к разряду популярных в американской политологии изданий в серии коллективных монографических работ (**Burghart, Sabonis-Helf, 2004**). Данная работа освещает современную (постсоветскую) историю нашего региона и пытается охватить максимально широкий круг вопросов. Д. Бургхарт изложил свое видение центральноазиатской проблематики. Американский исследователь

исходит из того, что регион унаследовал политическую систему, сложившуюся более 600 лет — при Тимуре. Автор считает, что центральноазиатские общества пронесли через советскую эпоху в неизменном виде традиционную систему отношений и кланово-племенную организацию. По его мнению, общественно-политические модели во всех пяти республиках региона близки друг другу как по внешним признакам, так и по своей природе.

Две книги, увидевшие свет в 2006 г., имеют ярко выраженный экономический характер. Это работы К.М. Макманна «Экономическая автономия и демократия» и Ричарда Помфрета «Центральноазиатские экономики в период независимости»⁸⁶. В первой книге делается сравнительный анализ экономической политики в таких разных странах, как Россия и Кыргызстан, причем автор увязывает уровень экономических реформ со степенью и скоростью демократических преобразований. Обе экономики и основанные на них режимы Макманн характеризует как «гибридные»: т.е. смесь политического авторитаризма с экономическим либерализмом, и, наоборот, наличие демократических институтов в политической системе и спорадическое государственное вмешательство в экономические процессы. Р. Помфрет давно известен своими работами 1990-х гг. по экономике постсоветского Казахстана и других республик Центральной Азии. Данная монография носит фундаментальный характер и освещает экономическое развитие государств региона за 15-летний период с момента обретения независимости.

Немецкоязычная политология в лице Й. Гравинхольта предложила вниманию общественности труд «Дурное государственное управление, предотвращение кризисов и дилемма политики развития на примере Центральной Азии». Данное исследование

⁸⁶ McMann K.M. Economic Autonomy and Democracy. Hybrid Regimes in Russia and Kyrgyzstan. — New York: Cambridge University Press, 2006. — 278 p.; Pomfret R. The Central Asian Economies since Independence. — Princeton (NJ): Princeton University Press, 2006. — 256 p.

написано полностью в духе концепций и подходов европейских авторов к региону как к конгломерату авторитарных режимов, с которыми, однако, Европа должна мириться ради сохранения стабильности и предотвращения кризисов, которые могут отразиться на безопасности самого Евросоюза⁸⁷.

В 2006 г. увидела свет книга Кэтлин Коллинс «Клановая политика и трансформация режимов в Центральной Азии», изданная в Кембриджском университете. Автор, которая провела многолетние полевые работы по сбору материалов в регионе, исходит из того, что т.н. клановая система является важнейшим неформальным институтом общественных связей в центральноазиатских обществах. Тем не менее трактовка автором характера местных режимов остается до конца неясной. В теоретическом плане Коллинс приближается к характеристике клановой системы, данной Максом Вебером как «патримониального господства», но в то же время она не разделяет общепринятого мнения, что эта система эволюционирует в сторону «политического клиентизма». В целом ее работа носит в большей степени этнографический характер, за что ей пришлось выслушать упреки своих западных коллег⁸⁸.

Книга профессора Королевского колледжа (Лондонский университет) Рейна Мюллерсона «Центральная Азия — шахматная доска и игрок в новой Большой игре» выделяется не только своим оригинальным содержанием, но, прежде всего, личностью автора⁸⁹. Мюллерсон использует термин «новая

Большая игра», но отнюдь не в геополитическом контексте. Книга содержит пространные исторические и культурологические эссе. Собственно говоря, этим сюжетам посвящены первые четыре части и обширное введение. Политические и геополитические проблемы поднимаются в пятой части, посвященной войне с международным терроризмом.

Центральной темой своей работы автор делает «цивилизационную миссию» (*mission civilizatrice*), под которой он подразумевает, по-видимому, политику в области прав человека. Отдельная тема этой книги — т.н. особый «центральноазиатский путь». Мюллерсон имеет в виду сложившиеся в государствах региона модели политического устройства, сочетающие в себе элементы представительной демократии (или ее симуляцию) и авторитарного правления. Согласно Мюллерсону, Центральная Азия была изначально традиционным мусульманским обществом, таковым она должна остаться и впредь.

В своем видении будущего Центральной Азии Мюллерсон исходит из того, что хотел бы видеть ее светским мусульманским обществом. Автор пишет, что Центральная Азия — это регион, где встречаются Восток и Запад и где происходит один из самых грандиозных социальных экспериментов XXI в.

В 2007 г. Германский Федеральный центр политического образования предпринял грандиозную попытку осветить в одном издании прошлое и современность Центральной Азии. Это коллективное исследование, увидевшее свет при поддержке легендарного издания «Остойропа», под редакцией М. Заппера, Ф. Вейхзеля и А. Хутерера, носит название «Мозаика власти в Центральной Азии: традиции, ограничения, стремления»⁹⁰.

Отметим, что с самого начала данный проект претендовал на размах и широкий формат рассматриваемых проблем.

⁸⁷ Graevingholt J. Schlechte Regierungsfuehrung, Krisenpraevention und das Dilemma der Entwicklungspolitik am Beispiel Zentralasiens. — Baden-Baden: Nomos Verlag, 2005. — 410 S.

⁸⁸ Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. — Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 376 p.

⁸⁹ Mullerson R. Central Asia: a Chessboard and Player in the New Great Game. — London: Kegan Paul, 2007. — 385 p. (Р. Мюллерсон — наш бывший соотечественник по Союзу ССР из Эстонии, в свое время он закончил юрфак МГУ и в годы перестройки был советником М. Горбачёва. Дальнейшая карьера автора также заслуживает уважения: Мюллерсон работал в руководстве МИД постсоветской Эстонии, Региональным Советником ООН по Центральной Азии. Несмотря на успешную дипломатическую службу (или благодаря ей) Р. Мюллерсон написал около десятка книг, в основном по международному праву. Годы, проведенные в Алма-Ате, дали ему возможность зафиксировать свои впечатления о нашем регионе в данной книге).

⁹⁰ Sapper M., Weichsel V., Huterer A. (Hrsg.) Machtmosaik Zentralasien. Traditionen, Restriktionen, Aspirationen. — Bonn: BPB, 2007. — 648 S.

Круг авторов, приглашенных к участию в издании, насчитывает 52 исследователя. В книге представлен фактически весь цвет современной немецкой политологии, занимающейся проблемами Центральной Азии и сопутствующими вопросами. Издание состоит из пяти глав, каждая из которых освещает соответствующую группу проблем. Первая глава «Пути в современность» объединяет пять докладов, которые вкратце описывают дореволюционную и раннесоветскую историю региона, а также проблемы культурной модернизации и судьбу ислама. Данная глава представляет интерес с точки зрения того факта, что она задает концептуальный и стилистический тон в осмыслении роли и влияния прошлого на постсоветские общества в Центральной Азии.

А. Нейнеманн-Грюдер и Х. Хабершток считают, что местные режимы могут рассматриваться как полуавтократические, или «султанистские». В своем анализе эти авторы останавливаются на трех государствах региона — Кыргызстане, Узбекистане и Туркменистане, чьи режимы вынуждены любой ценой сохранять стабильность, которая, в свою очередь, является залогом их легитимности. Главной дилеммой таких режимов авторы считают страх перед любыми внутривнутриполитическими изменениями или шагами в сторону реформирования, которые способны вызвать эрозию и даже крушение режима.

М. Ларюэль в своем разделе освещает вопросы национальной идентичности в условиях требования строительства государства-нации. В концептуальном плане она не добавила ничего принципиально нового, чего не было в ее предыдущих блестящих монографиях, посвященных этничности и государственности. П.Г. Гайс в разделе «Иные дороги к модерну» особо выделяет Казахстан как единственное государство в Центральной Азии, сумевшее путем реформирования правовой и административной системы совершить переход от неопатриархального режима к бюрократическому, развивающемуся

по модели стран Юго-Восточной Азии. Следующий раздел, написанный Б. Эшмент, также посвящен Казахстану. Она рассматривает сложное переплетение этнических и клановых проблем в контексте смены поколений в элите республики.

В рамках исследований ИЦАК увидели свет две индивидуальные работы сотрудницы этого центра Эрики Марат. Первая посвящена влиянию мирового кризиса на процессы трудовой миграции в Центральной Азии⁹¹. Э. Марат рисует следующую картину: основными странами — донорами рабочей силы являются три республики — Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан; странами-реципиентами — Россия и Казахстан. Если путинская Россия у автора — враждебное и ксенофобское для среднеазиатских мигрантов пространство, то Казахстан — «новый дом». Среди миграционных проблем Марат отмечает почти полное отсутствие межгосударственного сотрудничества в области скоординированной миграционной политики, а также социально-экономические проблемы, среди которых крайне низкий уровень оплаты, ужасающие условия труда и быта, узаконенное рабство и бесправие трудовых мигрантов, нелегальная миграция.

Э. Марат приходит к выводу, что глобальный кризис во все и не так сильно сказался на рынке гастарбайтеров. Большинство из присутствовавших остались там, где их застал кризис, хотя приток новых рабочих рук заметно сократился. Автор предлагает ряд мер, чтобы снизить зависимость экономики региона от экспорта рабочей силы, а также минимизировать его негативный эффект. Среди этих мер развитие малого и среднего бизнеса на родине; укрепление межгосударственного сотрудничества в этой области, особенно между Узбекистаном и Казахстаном; помощь со стороны международных организаций и структур (надо полагать, западных)

⁹¹ Marat E. Labor Migration in Central Asia: Implications of the Global Economic Crisis. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — Washington, D.C.: Johns Hopkins University-SAIS, 2009. — 48 p.

в подготовке персонала, компетентного в сфере трудовой миграции; расширение информационной кампании против нелегального трафика рабочей силы; инвестирование в среднетехническое образование; поддержка образования среди женщин; борьба с коррупцией.

Другой работой более широкого формата Э. Марат стало исследование «Армия и государство в Центральной Азии»⁹². Судя по подзаголовку книги («От Красной Армии до независимости»), автор планировала нарисовать широкое историческое полотно. Интересен сам выбор темы, поскольку подобная проблема никогда, насколько нам известно, не ставилась в западной политологии применительно к нашему региону. Речь идет с точки зрения политической науки не о военной истории и военных традициях в советском духе в среднеазиатском обществе, а о бонапартистском потенциале армии, т.е., в какой мере армия и военные являются политическим фактором на постсоветском пространстве в целом и в Центральной Азии в частности.

Для решения этой задачи Э. Марат поставила для изучения следующие вопросы: положение среднеазиатских военных в советское время; противоречивые оценки итогов афганской кампании («мы выиграли войну»); военные институты как часть государственно-национального строительства в постсоветское время; соперничество между различными региональными структурами в сфере безопасности; присутствие НАТО и Запада в Центральной Азии; трансформация от «интернационалистских» вооруженных сил к националистическим. Как мы видим, Марат смешала в одной работе исторические, социально-политические, организационно-технические и геополитические проблемы.

Лейтмотивом исследования является идея о том, что военные как политический фактор играли «осевую» роль в по-

⁹² Marat E. *The Military and the State in Central Asia. From Red Army to Independence.* — London: Routledge, 2009. — 176 p.

литической жизни, государственном строительстве, внешней политике и повседневной жизни центральноазиатского общества с самого начала XX в. и до настоящего времени. С этим тезисом (при всем высоком уровне исследовательской компетенции автора) вряд ли бы согласились советские лидеры, начиная с Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина и заканчивая их преемниками, современными президентами новых независимых государств, которые столько сделали и делают для того, чтобы армия никогда не смогла играть заметную политическую роль, а оставалась «верным мечом партии», т.е. инструментом правящих режимов. Но, при всей спорности некоторых выводов автора, данная книга представляет несомненный интерес, и прежде всего в силу неординарности выбранного сюжета исследования.

В 2010 г. в рамках данной программы появилось исследование Д. Абрамсона «Зарубежное религиозное образование и исламское возрождение в Центральной Азии: влияние и перспективы сохранения стабильности». Название исследования говорит само за себя: автор открыто предупреждает об опасности влияния внешнего исламистского псевдорелигиозного образования на формирование целого слоя будущих религиозных радикалов в республиках региона⁹³.

В 2011 г. упоминавшийся профессор Фредерик Старр собрал интернациональную команду для подготовки проекта «Ферганская долина: сердце Центральной Азии»⁹⁴. По мнению ученого, с населением 12 миллионов человек Фергана представляет собой один из самых населенных районов мира. Уникальность региону придают также такие факторы, как этническая и лингвистическая пестрота населения и политическая раздробленность, т.к. долина принадлежит сразу

⁹³ Abramson D.M. *Foreign Religious Education and the Central Asian Islamic Revival: Impact and Prospects for Stability.* A Joint Transatlantic Research and Policy Center, Johns Hopkins University-SAIS. — Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2010. — 50 p.

⁹⁴ Starr S.F. (ed.). *Ferghana Valley. The Heart of Central Asia.* — Armonk, New York, London: M.E. Sharpe, 2011. — XX+442 pp.

трем среднеазиатским государствам. При этом с географической точки зрения их части долины являются периферийными для столиц этих республик.

Данное фундаментальное издание состоит из 14 глав, которые охватывают историю региона с древнейших времен и до современности, при этом отдельные проблемы выделены в специальные главы, посвященные экономике, экологии, культуре, исламу и международному положению Ферганы. Но концептуальную линию задают введение и заключение, написанные профессором Старром. Ученый считает, что экономический вклад Ферганской долины в экономику каждой республики невероятно высок. Это самый крупный рынок во всей Центральной Азии; хлопководство делает долину вторым производителем «белого золота» в мире. С историко-географической точки зрения, подчеркивает Старр, Фергана остается наследницей древних маршрутов, соединявших Европу с Китаем и Индией. Развитая сеть железных дорог и газопроводов вполне может вернуть Фергане прежнее международное значение.

Американский эксперт со своей интернациональной командой приходит к неутешительным выводам. Регион страдает многочисленными социально-экономическими и экологическими проблемами, что и так хорошо известно. Главная проблема состоит в другом — Фергана стремительно утрачивает свою историческую гомогенность, и все три сектора долины развиваются в центробежном духе. И это результат скорее не советской эпохи (хотя именно ей регион обязан созданием административных барьеров), а постсоветской, т.к. только после получения независимости новые независимые государства приступили к активному строительству наций, что не могло не отразиться на культурно-исторической общности местного населения.

Авторы небольшого обзора, подготовленного международной кризисной группой и посвященного региону, счи-

тают, что в Центральной Азии происходят «разложение и упадок»⁹⁵. Чтобы прийти к подобному выводу, авторам пришлось внимательно изучить подробные статданные в социально-экономической сфере — здравоохранении, образовании, энергетике и транспорте. Проблемы охватывают практически все сферы социальной инфраструктуры каждой из республик (оговорки делаются для Казахстана), но в каждой стране есть своя специфическая область, которая поражена особенно сильно. В Кыргызстане и Таджикистане процесс упадка гражданской инфраструктуры подошел к краю пропасти и уже практически неостановим (хотя энергетика демонстрирует признаки выживания). В Узбекистане и Туркменистане особенно поражены здравоохранение и образование (но в упадке энергетика).

К предыдущему обзору примыкает другой — «Кризис управления в Центральной Азии», выпущенный Азиатским обществом в Вашингтоне⁹⁶. Его автор Ф. Шишкин (обозреватель «Уолл-Стрит Джорнал») рассматривает регион в двух плоскостях: с точки зрения развития каждой республики, и с позиции влияния геополитических игроков (России, Китая, США и ЕС). Для каждого из государств региона обозреватель находит емкое определение: Казахстан — это образчик электорального авторитаризма; Кыргызстан — страна вечной революции; Таджикистан — провальное государство; Туркменистан — подпитываемое газом королевство в песках; и, наконец, Узбекистан у него — это полицейское государство стратегического значения.

Книга американского исследователя (Университет Дж. Мэйсона) Эрика Макглинчи носит претенциозное название «Хаос, насилие и династийность: политика и ислам в Центральной

⁹⁵ Central Asia: Decay and Decline. Asia Report N 201. 3 February 2011. — Bishkek/Brussels: ICG, 2011. — III+42 pp.

⁹⁶ Shishkin Ph. Central Asia's Crisis of Governance. — Washington, DC: Asia Society, 2012. — 40 p.

Азии»⁹⁷. Вторую главу своей книги Макглинчи посвятил поиску советских корней постсоветского авторитаризма, что давно уже не является новаторством в мировой политологии. Три последующие главы посвящены непосредственно трем моделям и трем режимам Центральной Азии. Для каждого из них автор пытается найти емкую характеристику. Так, киргизскую модель он обозначает как «хаос»; узбекскую — «насилие»; казахстанскую — «династийность» (в смысле преемственности). Автор ставит на один полюс тотальную политическую нестабильность в Кыргызстане (события начала 1990-х гг., 2005 и 2010 г.); на другом полюсе — более чем стабильный Узбекистан, чей режим стоит на фундаменте репрессий 1990-х гг. и подавления андижанского мятежа в 2005 г. В центре между ними находится Казахстан, где угрозу стабильности режима, по мнению Макглинчи, несет именно его династийный характер.

Как считает автор, три ключевых фактора сыграли решающую роль в диверсификации различных моделей авторитаризма в Центральной Азии: степень вовлеченности (или, соответственно, невовлеченности) Москвы в местные дела; наличие или недостаток экономических (природных) ресурсов и разная степень влияния ислама. В целом, делает вывод исследователь, на диверсификацию режимов и их стабильность повлияла совокупность факторов. К ним он относит наследование прочного партийно-административного аппарата (Казахстан и Узбекистан); чрезмерную зависимость от иностранной помощи (Кыргызстан), которая делает правящий класс уязвимым; нехватку экономических ресурсов, что обрекает режим на применение насилия или на неизбежную децентрализацию, клановый регионализм и т.д. (Кыргызстан и Узбекистан); в свою очередь наличие богатых ресурсов (Казахстан) позволяет режиму избежать дилеммы между

децентрализацией и насилием. Автор делает вывод: политическая нестабильность, нехватка ресурсов, положенные на прочные исторические традиции исламо-ориентированных обществ, приводят к неизбежному превращению исламского фактора в фактор социальной и политической гравитации.

* * *

Современные геополитики продолжают рассматривать Центральную Азию как объект столкновения основных геополитических сил. Главной геополитической интригой данного процесса является проникновение в этот регион неевразийской державы в лице США, утверждение здесь атлантических интересов. Основным вопросом для геополитики является следующий: в зоне доминирования чьих интересов останется Центральная Азия, какой из геополитических центров силы в конечном итоге утвердит в регионе свое влияние. Необходимо отметить такие факты, как чрезвычайный эмоциональный накал дискуссий вокруг современных геополитических процессов и борьбы вокруг Центральной Азии, абсолютную убежденность в своей правоте атлантических геостратегов и полное неприятие роли Запада со стороны их евразийских оппонентов. Все эти проблемы, несмотря на их внешнюю абстрагированность и теоретизированность, имеют, тем не менее, самое непосредственное отношение к безопасности Центральной Азии и Казахстана в том числе⁹⁸.

Итак, казалось бы, что советология как жанр умерла вместе с Советским Союзом. На ее смену пришли практические исследования происходящих политических процессов в странах Центральной Азии. С высоты сегодняшнего дня отчетливо видно, что советология, сохранившая все свои родимые пятна новой политологии, посвященной Центральной Азии, ставила основной целью низвержение

⁹⁷ McGlinchey E. Chaos, Violence, Dynasty. Politics and Islam in Central Asia. — Pittsburgh (Pa): Pittsburgh University Press, 2011. — XIV+216 pp.

⁹⁸ Более подробно см.: Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Т. I —V. — Алматы: КИСИ, 2005—2010.

главного геополитического противника Запада во второй половине XX в. — СССР. Для этих целей использовалась критика громоздкой экономической системы социализма, не всегда удачной национальной политики Москвы и, главное, советской политической системы, базировавшейся на примате коллективного начала над индивидуальным и выражавшейся на этом историческом этапе в государственном и партийно-идеологическом контроле над обществом. У новой политологии цели остались прежние — отстаивать геополитические интересы Запада, используя неопытность молодых государств, их экономическую, технологическую и финансовую зависимость, внутренние проблемы и противоречия между собой.

Таким образом, западная политология более откровенно озвучивает то, о чем предпочитает молчать официальная политика. Настоящим поводом для беспокойства для западных политологов и политиков являются степень сближения новых независимых государств Центральной Азии с Россией, усиление государственного контроля над процессами в обществе и экономике, попытки самостоятельно формировать и отстаивать свои национальные интересы. Если в будущем на постсоветском пространстве возобладает принцип цивилизационного и исторического единства Евразии, то нам следует ожидать новой волны в политологии и новой политической критики в наш адрес, в независимости от уровня наших достижений в реформировании экономики и создания гражданских и демократических институтов.

Некоторые дальновидные авторы, которым небезразлична культурная и политическая судьба народов региона, бьют тревогу в отношении угрозы идеологической исламизации последующих поколений. Они настоятельно рекомендуют правительствам государств региона форсировать строительство государств-наций в духе государственного патриотизма.

Ряд авторов рассматривают внутреннее развитие государств Центральной Азии с точки зрения теории «этнополитики». Основной целью проводимой этими государствами этнополитики является, помимо строительства государства-нации как конечной цели, достижение национального единства на базе «титულიной нации».

Таким образом, прослеживается прямая связь между классической советологией эпохи «холодной войны» и современной политологией в той ее части, которая занимается проблемами Центральной Азии.

Глава III. История и место Казахстана в современной политологии

За годы независимости на Западе был издан ряд книг о современном Казахстане (с богатым историческим контекстом). Многие работы такого рода подробно представлены и цитируются в Части III настоящего издания.

Среди наиболее крупных работ: «Казахи» Марты Олкотт в США (второе и дополненное издание, 1995), «Формирование казахской идентичности — от племени к государству» Ширин Акинер в Великобритании (1995), «Современные казахи» под редакцией Ингвара Сванберга в Швеции и Великобритании (1999), «Казахстан» Катрин Пужоль (2000) во Франции, «Казахстан: отношения между центром и периферией» Салли Каммингс (2000) в Великобритании, «Казахстан: 1993—2000» группы немецких экономистов (2001), «Строительство государства и нации в Казахстане» (2002) Мари-Карин фон Гумппенберг в Германии, «Смена элит и политическая динамика в Казахстане» Андреи Шмитц (2003) в ФРГ и, наконец, вновь книга Марты Олкотт «Казахстан: непройденный путь» в США и России (2002 и 2003 соответственно).

Кроме того, за эти годы увидело свет большое количество работ менее крупного формата. Казахстан также фигурирует практически во всех коллективных и монографических изданиях, посвященных Центральной Азии в целом. В данной части мы ограничились обзором наиболее крупных работ о нашей стране.

Первым, кто попытался подвести предварительные итоги экономического развития Казахстана в первые годы независимости в книге «Казахстан: политические реформы и экономическое развитие» (1994), был сотрудник Института международных отношений в Лондоне Адам Диксон.

В 1997 г. в Осло в рамках исследований Норвежского института городских и региональных исследований увидела

свет книга Й. Хольм-Хансена «Территориальное и этнокультурное самоуправление при строительстве государства-нации в Казахстане». Автор подчеркивает такие реалии этнокультурной жизни Казахстана, как доминирование русской культуры и языка. Автор считает, что сельские казахи ориентированы на патернализм и авторитаризм; при этом цель правительства — дерусификация, которая наталкивается на сопротивление других этнических групп. Автор считает стратегию Назарбаева по казахизации страны опасной, ведущей к расколу; новая казахстанская идентичность должна быть мультинациональной (**Holm-Hansen, 1997**).

Подробный сравнительный анализ конституционного устройства Казахстана дает немецкий исследователь О. Люхтерханд (Гамбургский университет). Он показывает эволюцию конституционного права в Советском Казахстане и подводит к состоянию Основного Закона на момент независимости (**Luchterhandt, 1999**), а также подчеркивает, что в Казахстане к 1991 г. наблюдалось то же противоречие между исполнительной и законодательной властью, что и в Москве на общесоюзном уровне.

В серии публикаций ИФО — Института в Мюнхене с 1992-го по 1998 г. увидели свет книги по экономическому развитию Казахстана: «Казахстан — экономика на переломе» (1992), «Казахстан — экономика в кризисе» (1993), «Казахстан — экономика еще дальше в раскачке» (1994), «Казахстан — появление экономических точек роста» (1995), «Экономика и реформы» (1996), «Между стабильностью и стагнацией» (1997). Как мы видим, даже названия работ отражают драматизм динамики процесса реформ в Казахстане. Заключает серию крупная работа, посвященная экономике Казахстана, — «Казахстан в 1997 г.: консолидация на все еще слабой базе». (**Ufer, Meimberg, Poser, Schonherr, Theuringer, 1992—1998**). В центре всех семи исследований всегда оставался ход реформ в Казахстане.

Совершенно иначе выглядит анализ экономического развития Казахстана, сделанный независимыми немецкими консультантами Л. Хоффманном, П. Бофингером, Х. Флассбеком и А. Штайнгерром в их книге «Казахстан: 1993—2000» (Hoffmann, Bofinger, Flassbeck, Steinherr, 2001). Основной целью исследования являлся не только анализ экономического и финансового состояния Казахстана с момента введения национальной валюты, но и изучение последствий политики МВФ в отношении предмета исследования.

Проблемами внутренней политики Казахстана много занимались Б. Эшмент и М.-К. фон Гумппенберг. Перу первой исследовательницы принадлежат такие труды, как «Внутриполитическое развитие в Казахстане» (1996), «Русская проблема в Казахстане» (1998), «Астана» (2001), «Российская политика в Центральной Азии» (2001) и мн. др. Гумппенберг также является одной из самых плодовитых и неутомимых специалистов по Центральной Азии и Казахстану. В рамках Федерального института увидели свет такие ее работы, как «Свобода слова и оппозиция в Казахстане» (1998), «Президент Казахстана между коллективистскими воспоминаниями и видением будущего» (1998), «Смена элит в Казахстане» (1999) и «Регионы Казахстана (2001)». Ее многолетние исследования о Казахстане завершились в 2002 г. фундаментальной монографией «Строительство государства и нации в Казахстане».

В серии периодических изданий Королевского института международных отношений в 2000 г. увидела свет работа о Казахстане, написанная сотрудницей Эдинбургского университета С. Каммингс, которая в течение двух лет непосредственно находилась в Казахстане по проекту британского Совета по экономическим и социальным исследованиям. Таким образом, ее книга «Казахстан: отношения между центром и периферией» представляет собой не плод академических или кабинетных изысканий, а является продуктом непо-

средственных наблюдений. Основной целью книги, как заявляет автор в предисловии, является выяснение соотношения гомогенности и многообразия казахстанского общества в рамках политики центра и реакции на нее различных групп и регионов населения. Суммируя все факторы, угрожающие Казахстану как унитарному государству, Каммингс относит к ним следующие: правовые противоречия, социально-экономические проблемы, географические размеры, демографию, геополитическую ситуацию, зависимость от иностранного капитала, соперничество различных альянсов. Два последних фактора автор считает наиболее опасными.

Таким образом, резюмирует Каммингс, с момента обретения независимости Казахстан столкнулся с двумя угрозами своей унитарности: требованиями этнорегиональной автономии и децентрализации системы управления. Единственным выходом в плане укрепления унитарности Казахстана, считает Каммингс, стала комбинация модели унитарного государства с авторитарным режимом. В этой модели не слышны голоса провинциальных и местных интересов. История Казахской степи полна примеров, когда внешняя угроза сплачивала нацию и вела к национальному и государственному единству. Подобная ситуация существует и сейчас. Политическая элита сплочена общими интересами сохранить государственный суверенитет и территориальную целостность страны. Казахстанские политики действуют очень прагматично и избегают любой идеологической конфронтации. Будущее Казахстана будет зависеть от того, насколько долго удастся сохранить этот баланс интересов центра и периферии, представляющий собой сложную систему взаимопереплетенных и взаимозависимых экономических, этнических, социальных и политических отношений.

Автор немецкой монографии М.-К. фон Гумппенберг, издавшая книгу «Строительство государства и нации в Казахстане» (2002), далеко не дилетант в казахстанской про-

блематике. Гумпленберг начала работу над темой еще в первой половине 1990-х гг.; много жила в республике и часто посещала ее. В своей работе немецкая исследовательница сосредоточилась на проблеме образования Казахстана как государства-нации, и в этой связи ее интересует вопрос: насколько население республики оказалось захвачено этнонационалистическими устремлениями правящей элиты. В качестве теоретической базы своего исследования Гумпленберг выбрала традиционную для западной политической мысли классическую концепцию формирования наций. Но в Казахстане, считает автор, в процессе формирования новой национальной идентичности, имелись важные особенности.

Казахстан в своем развитии на пути к государству-нации столкнулся со многими проблемами; к ним автор относит территориальный вопрос, вопрос о гражданстве, языковую проблематику, культурную автономию для этнических меньшинств и перенос столицы. Автор исходила из той посылки, что с начала 1990-х гг. в Казахстане наблюдается растущая региональная дифференциация. Из-за различного экономического положения заметно ухудшение состояния в экономическом плане кризисных регионов и стремление регионов, находящихся в лучшем экономическом положении, к автономии. Растущее доминирование коренной нации толкает другие этнические меньшинства к сепаратизму. Одновременно географическое положение этносов обуславливает их центристское движение. Субэтнические разделительные линии накладываются на региональные линии конфликтов, углубляя их.

В заключение Гумпленберг подводит итог: Казахстану помогло выжить и сложиться как самостоятельному государству принятая в самом начале его развития концепция европейской государственности (с юридической, политической и культурно-цивилизационной точек зрения). Этот выбор позволил относительно безболезненно избежать фазы этно-

националистических амбиций и межэтнических конфликтов. Но автор книги считает, что Казахстану в будущем еще предстоит столкнуться с многочисленными внутривнутриполитическими вызовами, которые потенциально способны поставить под вопрос его национальную государственность.

В третьей части своей книги «Казахи», историческая часть которой часто цитировалась выше, Олкотт рассматривает историю Казахстана от революции до декабрьских событий 1986 г. В отношении периода Гражданской войны автор большое внимание уделяет истории и причинам падения Алаш-Орды. Олкотт не может отрицать высокую степень вовлеченности казахов в революцию и поддержки казахскими интеллигентами большевиков и считает, что причина этого кроется в том, что коммунисты смогли наилучшим образом сформулировать свою программу и ответить на экономические и политические запросы населения.

Олкотт объединяет в одной главе довольно значительный период в истории Казахстана: освоение целинных земель, хрущевское правление и брежневскую эпоху. Именно в это время произошло, как считает автор, возникновение «социалистического Казахстана». Олкотт считает, что в ходе целинной кампании и семилетки, когда массированными темпами шло развитие экономики республики и значительно выросло ее хозяйственное и стратегическое значение для Союза, были перечеркнуты скромные попытки казахской элиты по установлению контроля в республиканской партии, предпринятые в позднесталинский период.

Для всей этой эпохи Олкотт выделяет главный момент, дающий, на ее взгляд, понимание происходивших процессов. Москва оставила за собой прямое управление над всеми стратегическими объектами и отраслями (космос, оборона, тяжелое и среднее машиностроение, добыча стратегического сырья и т.д.), предоставив экономическую инициативу Алма-Ате преимущественно в аграрной сфере. Поэтому основная

экономическая активность Компартии Казахстана в эти десятилетия была сосредоточена вокруг сельского хозяйства. От казахстанского руководства требовали результатов в первую очередь именно в аграрном секторе. В то же время продолжение традиций советской аграрной политики в Казахстане, восходящей к коллективизации и освоению целины, подразумевало окончательный отказ казахов от их исторического наследия, т.е. полную и безоговорочную советизацию.

Но, резюмируя опыт послевоенного развития Казахстана, Олкотт вынуждена констатировать, что оно было в большей степени успешным. Из головной боли Москвы республика превратилась в брежневскую эпоху в один из важнейших с экономической точки зрения регионов страны. За четверть века Казахстан глубоко интегрировался в советскую систему и, главное, новая казахская (казахстанская) элита была также глубоко интегрирована в эту систему. Это положение вещей нашло полное отражение в эпоху Д. Кунаева.

Олкотт считает, что заслуга Кунаева состоит в том, что он из «своего казаха» для Москвы на начальных этапах карьеры превратился в «казахского агента» в высшем политическом органе страны, отражая, защищая и отстаивая интересы республики и ее новой элиты в центре. В последние годы правления Кунаева в партийном аппарате сложились новые группировки, которые, однако, не строились по этническому признаку: казахи и русские были в равной мере представлены как среди сторонников, так и противников Кунаева (Olcott, 1995, pp. 224—246).

Последнюю, четвертую, часть своей книги, написанную после распада Советского Союза и образования независимого Казахстана и вошедшую во второе издание монографии (1995), М. Олкотт посвятила событиям с 198-го по 1994 г. В свое время крылатым стало выражение американской исследовательницы о «катапультировании в независимость» Центральной Азии. В разделе, посвященном образованию

суверенного Казахстана, она также пишет о «нежданной свободе». Декабрьские события, по мнению автора, стали важной частью мифологии и собрания легенд, сопровождавших строительство казахского национального государства. Все рычаги экономического управления сосредоточились постепенно в руках главы правительства — Н. Назарбаева, который позиционировал себя в качестве ярого приверженца М. Горбачёва и его курса перестройки.

В заключительном разделе книги Олкотт рассматривает события, связанные со становлением независимого государства в Казахстане. Автор вполне резонно считает, что к этому времени Казахстан имел полноценное «право на рождение» в качестве самостоятельного государства. В ходе государственного строительства Назарбаев создал систему административного контроля (акимов областей), которая замыкалась непосредственно на нем. Эта система блокировала любые попытки федерализации Казахстана и сепаратизма на этнической и региональной почве. Параллельно по нарастающей шел процесс казахизации парламента, органов власти и управления.

Самой большой проблемой постсоветского Казахстана Олкотт считала существование в республике двух крупнейших этнических групп — русско-славянской и казахской. Их устремления она рассматривает как противоположные. Для казахов создание независимого Казахстана было исполнением вековой мечты, а для русских — просто жестоким поворотом судьбы. Таким образом, считает автор, эти противоречия должны были нарастать (Olcott, 1995, pp. 287—294).

В своей книге «Формирование казахской идентичности: от племени к национальному государству» (1995), как уже отмечалось в предыдущей части, Ш. Акинер изложила концепцию происхождения и развития казахского государства. Она обращается к проблеме национальной (государственной) идентичности современного Казахстана и казахов. Со-

гласно Акинер, в течение XIX—XX вв. казахское общество пережило ряд глубоких трансформационных процессов, сутью которых была эволюция от народа-племени к нации-государству. Средневековая история казахов была только прелюдией к этому рывку. Однако истоки казахской истории, как считает Акинер, следует искать за две тысячи лет раньше до создания современного государства (Akiner, 1995, p. 2).

Акинер приходит к выводу, что фундаментом современной казахской идентичности является советское наследие. Изменения, имевшие место в казахстанском обществе в советскую эпоху, представляют собой ту пропасть, которая отделяет казахов в Казахстане от их собратьев в Китае, Монголии и других странах. Именно в советскую эпоху произошла консолидация аморфной коллекции различных племен в единую полноправную советскую народность. При этом на формирование единой казахской «советской» нации влияли четыре фактора. Первый состоял в том, что этот процесс происходил в рамках тоталитарного режима, что определило, с одной стороны, мобилизацию ресурсов (в т.ч. и для нацстроительства), а с другой — предполагало соответствующее социальное манипулирование, принуждение и т.д. Второй фактор — это героика советского времени, определенный исторический оптимизм, строительство социализма и т.д. Третий фактор, о котором можно только догадываться, состоял в определенном поощрении со стороны казахской политической элиты процесса становления казахского национального самосознания. И, наконец, четвертый фактор заключался в том, что большинство тех, кто стоял в оппозиции модернизационным изменениям, повлекшим за собой разрушение традиционной кочевой культуры и образа жизни, предпочли бежать из Казахстана (или погибли во время коллективизации). Именно в своей совокупности эти факторы привели к тому, чего достичь при других условиях было невозможно или крайне сложно.

В качестве важного момента советской эпохи для Казахстана Акинер выделяет следующий: в этот период произошла консолидация советской и национальной (казахской) идентичности. Этому способствовали такие события, как война, коллективизация и индустриализация. В результате казахи еще больше удалялись от своего кочевого прошлого (Akiner, 1995, pp. 34—50). В 1970-е гг. Казахстан и казахское общество вступили в новую фазу, которая характеризовалась превращением их в самую большую (относительно) по численности этническую группу на территории собственной республики, стремлением к культурному и лингвистическому выживанию, возрождением родного языка.

Апофеозом процесса восстановления национальной идентичности стали декабрьские события 1986 г. В свою очередь, они вызвали к жизни появление различных общественных движений и в целом активизацию политической жизни в республике на фоне перестройки в СССР. Параллельно происходил рост интереса к исламу как к одному из корней национальной культуры. И, наконец, уже накануне независимости произошло официальное признание казахского языка в качестве государственного (наряду с русским) и пересмотр национальной истории в сторону ее большей «казахизации». Все это свидетельствовало о вступлении процесса формирования казахской идентичности в решающую фазу.

В постсоветскую эпоху на этот процесс в большей степени начали оказывать влияние четыре фактора: исламский, тюркский, номадический и почвеннический. Первые два фактора отражали одновременно внешнеполитические и цивилизационные ориентации, два других — культурные предпочтения тех или иных фрагментов новой казахской элиты. Почвеннический фактор (т.е. апеллирование к жузовому территориальному наследию) Акинер рассматривает в качестве наиболее опасного и чреватого фрагментацией Казахстана.

Таким образом, пишет Акинер, в современном казахском обществе развиваются две тенденции: националистическая и «интернационалистская». Первая представлена теми силами, чьим лозунгом является «Казахстан для казахов». Он осуждается публично, но в частной сфере многие воспринимают его с симпатией. «Интернационалисты» представляют собой небольшую часть населения; они связывают сохранение казахского государства с социальной стабильностью, поощрением иммиграции в республику, разработкой минеральных ресурсов и развитием производительных сил по модели таких стран, как Канада и Австралия. Это носители новой, буржуазной предпринимательской культуры.

В качестве позитивной перспективы Акинер отмечала зарождение в республике новой плюралистической формы национальной (государственной) идентичности — казахстанской. Автор избегала в 1995 г. делать какие-либо прогнозы в отношении будущего развития Казахстана, но предупреждала, что «будущее казахской нации и казахского государства будет зависеть в большей степени от того, как современное развитие соотносится с уроками прошлого» (Akiner, 1995, p. 82).

Книга известного французского востоковеда, руководительницы постоянного семинара по Центральной Азии в Национальном институте восточных языков и цивилизаций доктора Катрин Пужоль «Казахстан» (2000) восполнила в свое время досадный пробел в современной французской политологии, посвященной независимому Казахстану.

К. Пужоль является носителем традиций, заложенных во французской историографии такими метрами среднеазиоведения, как А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькежей и Э. Каррер д'Анкосс. Ей представилась удачная возможность приложить методы, разработанные ее предшественниками в 1960—1980-е гг. в отношении государств Центральной Азии, в условиях получения теми реальной независимости,

что предсказывали метры советологии еще в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Если англосаксонские авторы больше внимания уделяли геополитической проблематике, то французские авторы фокусировались в основном на проблемах национально-культурной идентичности, а также ислама.

Однако начало книги К. Пужоль позволяет думать, что она решила написать ее в большей степени в англосаксонском стиле с упором на геополитику. Она пишет, что «Казахстан вступил на международную арену благодаря своему Президенту Нурсултану Назарбаеву, а также своему чрезвычайно энергетическому и стратегическому потенциалу, который незамедлительно привлек внимание многочисленных партнеров, стремившихся обогнать друг друга» (Poujol, 2000, p. 3). История и география Казахстана, по мнению автора, определили его судьбу. Но ее финалом, пишет Пужоль, стала «победа современного мира и оседлой идеологии над кочевой свободой, победа письменной культуры над устной традицией».

К. Пужоль видит геополитические рамки, в которые попал Казахстан с первых дней своей независимости, следующим образом: с утратой СССР зимой 1991 г., Республика Казахстан проснулась, став четвертой мировой ядерной державой, в новом политическом, экономическом и социальном окружении, где все резко поменялось, сохранив странным образом знакомое обличье. Это было лишь первым шагом в новой исторической эпохе, которая должна была обязательно увязывать прагматичную политику социального равновесия с контролируемыми экономическими переменами для консолидации хрупкой государственной законности. Что ранее казалось естественным — склоняться соответствующим образом к традиционным связям с Россией, ее культурой и разносторонним населением, должно было быть пересмотрено (Poujol, 2000, pp. 4—5).

Казахстан на самом деле расположен в силовом поле, сдерживаемом окружающими его оседлыми государствами.

Являясь переходной зоной в человеческом, культурном плане, как и в географическом, Казахстан сегодня представляет продукт неординарного синтеза между различными способами экономического ведения хозяйства, подчиняющего себе кочевое скотоводство номадов, оседлое сельское хозяйство и промышленное освоение богатых сырьевых ресурсов. Наконец, он соединяет различные космогонические и религиозные представления (шаманизм, ислам и христианство) с некоторыми политико-социальными конструкциями, включающими или исключаящими традицию и современность.

Одно из главных противоречий, заложенное в фундамент независимого Казахстана, Пужоль угадывает в проблеме новой интерпретации казахско-русских отношений: «Таким образом, вопрос ставится в уменьшении пропасти, которая существует между экзогенным написанием истории (речь идет о советской историографии — М.Л.) и современной эндогенной заново переписанной историей в форме сведения счетов. Трудность состоит в том, что нужно попасть в точку с «привилегированной нацией»: соотносить казахскую нацию с территорией, которая существовала до нее и которую она обживает как титульная нация соответствующим образом, полностью не совпадающим с тем, который используется русскими».

Задачу и цель своей книги Пужоль видит в том, чтобы из структурного непонимания между принуждаемой культурой, которая критикует сегодня власть и ищет способы ретроспективно возобладать над прошлым, которое нужно поделить со многими другими этносами, и эксдоминантной культурой, которая должна ладить с новой политической реальностью, должен все же появиться необходимый консенсус для поддержания гражданского мира.

Структурно книга состоит из трех частей: «Казахское пространство и Евразия» охватывает историю территории Казахстана с древности до начала XX в., «Советский Казахстан»

— соответственно период с 1917-го по 1991 г. и, наконец, «Хрупкий гигант» — посвящена современному Казахстану.

Советский период представляет, безусловно, исторический разрыв между ролью степного региона в качестве «территории-моста» и частью нового, уже союзного государства. Но, несмотря на идеологическое разногласие между царизмом и большевизмом, новая историческая эпоха не свободна от феномена преемственности. Речь идет о том, что политическая практика, инспирированная советской властью, во многом использовала предыдущий имперский опыт.

В советский период получили продолжение процессы, начавшиеся в колониальную эпоху: завершение оседлости, модернизация образования, распространение грамотности, нивелирование общественных отношений и национализма. Это привело к появлению феномена, который автор называет «советской корректностью», т.е. компромиссом между казахским национализмом и советским режимом, лояльностью к нему казахской элиты и скрытым консерватизмом. В культурной области возник т.н. русско-мусульманский синкретизм. С этим наследием Казахстан вошел в постсоветскую фазу, которая, как считает Пужоль, еще не пройдена. С политической, юридической и психологической точек зрения Казахстан представляет собой многообразное общество, что является наследием советской эпохи. Следующей неизбежной задачей, стоящей перед новым казахским политическим классом, является консолидация общества. Молодое поколение республики демонстрирует удачную способность к адаптации современных политических и технологических инноваций, а это, в свою очередь, позволяет надеяться, что оставшийся путь Казахстан пройдет быстрее, чем это было до сих пор (Poujol, 2000, pp. 85—86).

Советский период ускорил до определенного уровня начатый при царизме распад традиционного общества: финал номадизма, модификация школьной сферы, борьба с неграмотно-

стью, изменение алфавита. Таким образом, большевистскому режиму не пришлось изобретать большую часть направлений в своей политике в Казахстане, ей оставалось лишь воспроизвести методiku власти, применявшуюся ранее, адаптируя ее к требованиям новой идеологии. В этом отношении политика территориальной демаркации в 1920-е гг., которая зародилась после нескольких переработок Республику Казахстан, знаменовала новый период в интеграционном процессе Казахстана в советскую централизованную систему.

Там, где практика царизма сталкивалась с вековым страхом вступить в конфронтацию с тем, что составляло сущность традиционных обществ, советские руководители после латентного периода использовали настоящий и полный слом прежних структур. Речь шла об уменьшении центральноазиатской специфики ради интеграции этого региона в остальную часть Союза ССР. Политика сталинских репрессий может быть понята именно под этим углом: это было нивелирование мозаики т.н. «локализмов», т.е. местных особенностей, опираясь фактически на латентно-инстинктивный национализм. Она сопровождалась юридическим разрывом (конституция, запрещение мусульманских законов и естественного права, секуляризация) и разрывом между поколениями.

Таким образом, советская система в Казахстане была наложена на существовавшие структуры, которые она радикально трансформировала, но не блокировала полностью. Из этого проистекает компромиссное решение между видимой стороной — «по-советски корректной» и невидимой стороной — «охранительной».

В целом, оценивая советский период, Пужоль считает, что на его центральной фазе (1950—1870-е гг.) все-таки произошла экономическая и культурная интеграция Казахстана (включая казахский этнос) в советское пространство. Но одновременно в этот период были заложены основы для постепенного утверждения идеи о казахском суверенитете. На по-

литическую повестку дня эта идея была вынесена в период перестройки во второй половине 1980-х гг. Таким образом, к своей независимости Казахстан подошел, разрываясь между двумя своими идентичностями — советской (со всеми сопутствующими параметрами) и национальной, т.е. казахской.

Третья часть книги К. Пужоль — «Хрупкий гигант» — посвящена современному Казахстану. В ней автор группирует проблемы по трем основным направлениям, которые, на ее взгляд, заслуживают внимания при изучении современного Казахстана: 1) политическая жизнь республики, политические и юридические изменения, обеспечение безопасности республики, власть и оппозиция; 2) внешняя политика Казахстана, участие в международных и региональных организациях, отношения с Россией, «привилегированное партнерство» с США, «внимательное соседство» с Китаем; 3) проблемы культуры и глубоких мутаций в обществе, перестройка системы образования и молодежная политика, религиозный ренессанс, шоковое состояние здравоохранения.

Пужоль считает, что Казахстан на международной арене испытывает на себе т.н. перекрестное, «сдерживаемое» влияние с различных сторон. Новые партнеры Казахстана начали завязывать специфический диалог, в котором их восприятие молодого государства варьируется в соответствии с их собственными культурными, экономическими и политическими потребностями. Для Турции, очень динамичной в данном регионе с конца перестройки, активность в Центральной Азии была естественным продолжением ее политики в тюркском мире и одновременно в отношении к ее мифической колыбели, а также предоставленной возможностью воскрешения активной роли тюркоязычных государств и их влияния. После фазы эйфории в отношениях между Турцией и новыми тюркскими государствами, длившейся до 1993 г., наступил период разочарования, который в итоге перерос в прочные и солидные отношения.

Для арабских стран Казахстан — объект прозелитизма (хотя ислам здесь менее закреплен, чем в Узбекистане) и потенциальный экономический партнер. Для Ирана Казахстан является, с одной стороны, относительно доступным рынком, также как ключевой зоной в географии энергетических ресурсов XXI в., с другой стороны, возможная площадка исламистского экстремизма, несмотря на суннитскую приверженность населения. Для Пакистана — это противовес Индии, перспективный рынок, который мог бы постепенно освободиться от российской опеки благодаря афганской дороге до Индийского океана, и отсутствующее звено для формирования «исламистского блока» с соседним Узбекистаном.

Открытие Казахстана внешнему мусульманскому миру после десятилетий советского затворничества, имевшего непроизвольно охранительный эффект, приведет, без сомнения, к некоторой аккультурации исламской модели: арабской, пакистанской или турецкой, представляющей разобщающие векторы трудного процесса возвращения в исламское лоно. Его влияние, однако, менее значительно в Казахстане (за исключением Юга страны) в противоположность тому, что происходит в некоторых районах Узбекистана или Таджикистана.

Во внутреннем устройстве Казахстана в полной мере отразилось его оригинальное состояние, вытекавшее из синтеза европейской модели, трансплантированной из России, и внутреннего тюрко-мусульманского стержня, сохранявшегося в традиционной сфере. Полиэтнический, мультиконфессиональный характер казахстанского общества, по мнению автора, был серьезно травмирован принудительным оседанием и секуляризацией. Пужоль не оригинальна, считая, что система власти в Казахстане функционирует на основе системы клиентизма, который, в свою очередь, является результатом системы регионального управления, восходящей к старой жузовой системе. Эти факторы, считает автор, обе-

спечивают общественные отношения и несут явный отпечаток аграрного менталитета, подминая под себя и социальные отношения в городских слоях.

В конце 1990-х гг. в политике Казахстана, замечает автор, явно выделились приоритеты его развития: создание национального (казахского) государства, гармонично существующего в условиях глобализации (*mondialisation*) международных отношений, лидирующего в регионе в качестве «снежного барса» и остающегося верным своему евразийскому окружению. Все эти посылки дальнейшего развития Казахстана, обращает внимание Пужоль, зафиксированы в программе его развития до 2030 г. Средством достижения поставленных целей является лингвистическая, этническая и социопрофессиональная казахизация общества. Однако на внутреннюю эволюцию Казахстана большое влияние оказывают внешние факторы.

В частности, во многих населенных пунктах открывают свои двери многочисленные турецкие лица (светские и религиозные). Они предлагают альтернативное современное обучение (прежде всего, деруссифицированное), которое представляет собой смесь американской протестантской суровости и пантюркистских политических рассуждений, к чему очень чувствительна некоторая часть общества.

Изучая культурную политику в постсоветском Казахстане, автор ставит вопросы, на которые сама не может дать ответа: власти проводят такую общеобразовательную политику, которая испытывает двойную зависимость: отбросив советскую модель, обвиненную в тоталитаризме и в удушении культур, она находится в поиске нового *modus vivendi* (состояния), стараясь не разжечь межэтническую напряженность. Но как выполнить эту сложную миссию с обескровленным государственным бюджетом в полиэтническом социальном континууме, ранимом в отношении социального неравенства? Как сдерживать тенденцию к переквалификации

персонала, очень низко оплачиваемого, как сдержать волну отъезда русских кадров, страдающих от новых политических и культурных ориентаций республики, преимущественно национальных, что значительно ухудшило их статус? Как избежать процесса культурного разложения, который уже глубоко проник в среду молодого поколения? (Poujol, 2000, p. 116).

В качестве единственного лекарства автор предлагает Казахстану время и ожидание: только сейчас общество, а *posteriori* оценивает воздействие европейской культуры, вызванной советизацией. Этим объясняется увеличение призывов к возврату традиционной морали, которое замечено в официальных посланиях и средствах массовой информации Казахстана. И только после выхода из настоящей переходной стадии, где эйфория одних и ностальгия других уступают постепенно место чаяниям всех, Казахстан очнется от травматизма, вызванного развалом структуры своего образа жизни, мыслей и действий (Poujol, 2000, p. 121).

Социально-экономические изменения в Казахстане носили брутальный характер и отличались, с одной стороны, десоветизацией, перестройкой системы образования, а с другой — унификацией и созданием «транснациональной» идеологии, за которой скрывалось стремление правящей элиты сохранить политический контроль. В сфере образования, как считает автор, значительную роль призваны сыграть иностранные лица, например турецкие — светские и религиозные, которые предоставляют возможность получения альтернативного, дерусифицированного образования. Усилия, направленные на поддержку в Казахстане казахского языка как государственного, Пужоль оценивает как беспрецедентные. Наиболее наглядные изменения идеологического характера можно заметить в сфере гуманитарных наук. На место «советских» дисциплин — научного атеизма, марксистской теории, истории КПСС, соцреализма — пришли новые: история религии, история Казахского государства, рыночная

экономика и культурология.

Неотъемлемой частью происходящих в Казахстане изменений общественного характера автор считает религиозный ренессанс. В то же время традиционные религии — ислам и православие — ведут в сотрудничестве между собой и властями борьбу против резко усилившейся популярности различных сект. По мнению французской ученой, территория Казахстана после независимости превратилась в полигон для различных парамедицинских, антинаучных и иррациональных учений, приманивая к себе разнообразных колдунов, шаманов, гипнотизеров, шарлатанов и пропагандистов гербалайфа. Другой сферой, где происходит десоветизация общественного сознания, является бурное развитие альтернативной официозу прессы, появление различных криминальных, скандальных и эротических изданий. Таким образом, все эти явления разрушают консервативный и морализаторский характер советского общества, частью которого был Казахстан. Неудача традиционных религий носит, по мнению Пужоля, планетарный характер, и в этом случае Казахстан не является исключением (Poujol, 2000, p. 115).

Таким образом, прохождение Казахстаном транзитной фазы сопровождается неизбежным травмированием общественного сознания и падением уровня жизни. Оно должно обязательно завершиться освобождением как от эйфории и излишних иллюзий, так и от ностальгии по прошлому, что является непереманным следствием происходящих в этой республике разрушения и перестройки привычного образа жизни, мыслей и действий.

В заключение К. Пужоль отмечает, что история Казахстана носит парадоксальный характер. В течение столетий его территория была сферой господства специфически кочевого образа жизни и лингвистической монополии тюркофонов. В XVIII—XIX вв. она была интегрирована в сферу русской политики, что сопровождалось началом процесса оседания, по-

явлением администрации, здравоохранения, русификацией школьного образования, строительством каналов, зарождением капиталистических отношений, появлением славянского элемента и православной религии.

Постсоветский переходный период не закончен, считает Пужоль. Переустройство Казахстана, которое должно совершиться, требует большего времени, чем потребовалось бы на то, чтобы «катапультироваться в независимость». Чтобы заставить общество, которое внезапно утратило свои ориентиры, новые отношения должны были четко детерминировать, что дозволено и не дозволено. Политические деятели постсоветского Казахстана должны проявить воображение, чтобы создать кодекс законов, понятный для всего общества в целом, особо осторожно выделяя «самобытную общность» доминирующей нации, к которой в основном они принадлежат. Этот амбициозный проект допускает выборочный пересмотр истории, основанный на экзальтации казахского национализма, в частности к праву на землю. Но он не выполним без социального всплеска (Poujol, 2000, p. 123).

Однако выводы французской ученой в целом оптимистичны. Казахстан имеет преимущества, из которых он должен извлечь пользу, если стечение внутренних и внешних обстоятельств ему в этом предоставит возможность. Богатый редкими полезными ископаемыми, обладая квалификационной рабочей силой и населением, привыкшим к лишениям, предприимчивой молодежью, способной адаптироваться к политическим и технологическим инновациям, Казахстан может надеяться на будущее такое же продолжительное, как и его прошлое.

С глобальной точки зрения, пишет Пужоль, Казахстан призван сыграть свою роль в трансконтинентальных экономических связях и вернуться к своей исторической миссии оси Евразийского континента. Переживший в свое время целую серию культурных шоков, Казахстан в действитель-

ности представляет собой удачный синтез между азиатским Востоком и европейским Западом, между казахским и русским началом, между атеизмом и православием, исламом и шаманизмом. Будущее Казахстана, заключает автор, без сомнения, будет связано с Западом. Однако азиатское наследие, конечно, еще будет оказывать свое влияние на казахское общество, которое демонстрирует время от времени попытки оживить свои кочевые корни. Эти попытки — вернуться к побежденной кочевой идентичности или искусственно реконструировать ее — являются, без сомнений, иллюзорными, заключает автор.

Как следует из книги д-ра К. Пужоль, она больше внимания уделяет внутренним, культурным и социально-психологическим факторам, оказывающим влияние на эволюцию Казахстана. Это главное отличие ее книги от работ своих англосаксонских коллег, которые в большей степени концентрируются на геополитических вопросах, касаясь современного развития Казахстана или ситуации в Центральной Азии. Вызывает удивление и тот факт, что автор практически не уделяет внимания исламу, учитывая, какие богатые традиции исламологии существуют у французской историографической школы. На наш взгляд, стремление К. Пужоль обойти исламскую проблематику отражает ее реальную политическую актуальность для Казахстана⁹⁹. В то же время автор предостерегает от излишних попыток культивирования кочевой культурной традиции казахского общества, считая, что будущее Казахстана связано с эволюцией казахского социума в направлении современного общества и завершения модернизации по западному образцу.

В 2002 г. Марта Олкотт представила на суд читателей новую книгу о нашей стране — «Казахстан: непройденный

⁹⁹ В 2001 г. К. Пужоль выпустила книгу «Ислам в Центральной Азии: на пути к новой данности» (Poujol, 2001), в которой подробно рассмотрела исламскую тематику, в том числе и в контексте Казахстана.

путь» — название, в котором звучит горечь (в оригинале — «Казахстан: невыполненное обещание»)¹⁰⁰. Представляя Казахстан западному читателю, Олкотт находит новое емкое определение для нашей страны — «благословенный ресурсами, но проклятый географией». В отношении политического режима, сложившегося в Казахстане, автор находит, надо сказать, достаточно точную формулу — «в ловушке между западным плюрализмом и азиатской автократией». Олкотт находит в своем исследовании, что политическая, социальная, этническая и экономическая жизнь постсоветского Казахстана полна противоречий, и приводит многочисленные примеры этому. А ловушка, о которой она говорит, является одним из проявлений этих противоречий.

Олкотт исходит из того, что, несмотря на отсутствие в Казахстане сильной демократической традиции, в нем могли бы сформироваться плюралистическая или квазиплюралистическая политическая система и прозрачная рыночная экономика. Автор пытается разобраться в первой главе, почему Казахстан привлек к себе пристальное внимание всего мира. Таким образом, в первой главе Олкотт схематично изложила концепцию своей книги: Казахстан (точнее, его руководство) не использовал в полной мере шанс, данный ему историей, и не адаптировал полностью западные ценности, а также продолжал ориентироваться на Москву, ведя двусмысленную геополитическую игру.

Независимость стала величайшей психологической победой казахского населения республики, которое на протяжении долгого времени считало себя жертвой колониальной политики России и национальной политики Советского Союза. Если «казахизация» и произошла, считает Олкотт, то это нашло выражение только в этнической композиции и государственной идеологии. В качестве отдельного сюжета

¹⁰⁰ Рус. пер. см.: Олкотт М.Б. Казахстан: непройденный путь. — М.: Гендальф, 2003.

М. Олкотт выделяет проблему формирования современной казахской национальной идентичности. Ее подход отличается от принципов, на которых строили свои рассуждения Ш. Акинер и К. Пужоль, хотя историческая и фактическая база, которую используют исследовательницы, в принципе общая.

Олкотт строит свою концепцию на изначально спорной посылке. Она пишет, что власть пыталась учесть мировоззрение и других этнических меньшинств, чтобы все эти разные группы имели общие политические цели. Мир в стране был сохранен, но наполнить реальным содержанием ее этническое многообразие не удалось. Претендуя на выражение мнения всего народа, правительство на деле ставит выше интересы казахов.

Вывод Олкотт однозначен: в Казахстане строится национальное казахское государство. Она заключает, что при всех разговорах о многонациональности Казахстана сегодня в нем доминируют казахи. Именно этому народу принадлежат крупнейшие политики и хозяйственные руководители страны, а русским впервые приходится исполнять их указания. Бывшие колонизаторы оказались в трудном положении, да и статистика миграции из страны красноречиво свидетельствует, насколько непросто этническим русским приспособиться к этой новой ситуации.

«Казахскость» государства всегда была частью официальной идеологии. Кроме того, правительство проводит четкое разделение между кланом и семьей. Хотя многие считают, что клановая политика играет важную роль в стране, на официальном уровне это отрицается. Семья же воспринимается совершенно иначе. Значение семьи усиливается еще и тем, что руководство страны продолжает советскую практику подкрепления утвержденного взгляда на историю проведением тщательно подготовленных публичных церемоний. Правительство Казахстана еще не до конца осознало, что

формирование сильной и основанной на казахской идее национальной идентичности не обязательно должно стать причиной межэтнических противоречий. За исключением горстки крайних националистов, казахи в целом воспринимают свою общую с русскими историю намного спокойнее, чем народы других бывших колоний. В этом смысле поразительно различие между казахами и узбеками.

Казахи гордятся тем, что являются наследниками традиционного общества, которое властвовало над степями, и рассматривают это прошлое как прекрасную символическую основу для развития современного Казахстана (Olcott, 2002, pp. 50—86). В результате анализа экономических изменений, происшедших в Казахстане в «эру Назарбаева», Олкотт пришла к следующему выводу: решение правительства о переходе к рыночной экономике имело политические последствия, которые, в свою очередь, привели к появлению новых действующих лиц. Следующее поколение политической элиты, скорее всего, придет из недр экономики, и эта тенденция уже обозначилась.

Но, как утверждает автор книги, почивать на лаврах руководству Казахстана еще рано: страна представляет собой общество, глубоко разделенное по нескольким направлениям. Эти разделения проходят в региональной сфере, на них накладываются этнические различия. Социальные различия между богатыми и бедными, которые теперь ни для кого не являются тайной, вносят в разделительные линии казахстанского общества еще одну траншею, вероятно, самую чувствительную. Еще на одно разделение в современном Казахстане обращает внимание Олкотт, и в этом смысле она является первым исследователем — разделение казахстанского общества на верующих и неверующих.

На первых порах казахи с энтузиазмом отнеслись к переселению казахов из Монголии и одновременному отъезду русских из страны. Правда, попытки организовать абсорб-

цию казахов из Монголии, Китая и Ирана убедили всех, кроме самых ярких националистов, что казахская культура за десятилетия доминирования русских в обществе претерпела чрезвычайно серьезные изменения.

Не могла американская исследовательница обойти вниманием и т.н. жузовый фактор. Она отмечает, что традиционная функция казахского клана — регулирование экономики, основанной на кочевом скотоводстве, — давно утрачена. После периода медленного умирания в годы колониального правления России этой традиции был нанесен смертельный удар в форме коллективизации. В сельских районах Казахстана, особенно там, где местные общины живут на традиционных пастбищных землях или рядом с ними в границах этнически компактных анклавов, клановость сохраняла регулирующую социальную функцию, возросшую в период успешной организации колхозов по клановому принципу. И хотя это было скорее исключением, чем правилом, поскольку советская экономическая политика не допускала совпадения принадлежности к клану и членства в колхозе, кланы продолжали играть важную роль, в особенности в сельскохозяйственных общинах на юго-востоке Казахстана.

Но было бы ошибкой полагать, что именно клановость лежит в основе политического соперничества между властью и имущими. Политика в Казахстане всегда строилась на основе коалиций и успешные политические союзы часто заключались независимо от клановых признаков. И неказахи, и люди смешанного происхождения, и казахи, незнакомые со своей родословной, и выходцы из «неправильного» жуза — все могут стать участниками таких отношений. Эти отношения в значительной степени зависят от лояльности участников, которые вознаграждают друг друга разного рода протекциями.

Дискуссии на тему клановых и этнических различий заставляют дифференциацию другого рода — усиливающееся разделение страны на регионы, имеющие свою специфику.

Эта дифференциация происходит вопреки активным попыткам государства положить конец региональному местничеству путем создания унитарного государства, введения практики назначения президентом руководителей органов власти на местах и усиления идеологии национального единства.

Казахстан являет остальному миру образ, вводящий в заблуждение. Новая казахская элита, особенно молодые предприниматели и юристы, с которыми имеют дело иностранцы, умеют работать в международной среде. По мере того как население погружается в бедность, возрастает потенциальная привлекательность экстремистских идеологий, особенно радикальных форм ислама, маскирующихся под стремление к восстановлению социальной справедливости. Поначалу правительство занимало довольно отстраненную позицию в отношении ислама. Но затем руководители Казахстана стали бояться ислама больше, чем православия. Ислам по-прежнему является наиболее заметной религией.

Таким образом, книга Марты Олкотт является ангажированной и далеко не беспристрастной. Книга содержит большой критический потенциал в отношении постсоветского опыта развития Казахстана. Некоторые тезисы и идеи книги откровенно тенденциозны. В отличие от книг европейских авторов (гораздо более толерантных, терпимых и эмоционально объективных) о Казахстане, сравнить с которыми дает возможность данная глава, работа Олкотт страдает всеми известными пороками американской политологии: слепая вера в американскую исключительность, пренебрежительное отношение к другим, особенно евразийским государствам и народам; навязчивая идея об исторической миссии Америки по установлению «демократии» на постсоветском пространстве.

Работа немецкой исследовательницы Андреи Шмитц «Смена элит и политическая динамика в Казахстане» (2003) является продолжением научных исследований германского Фонда науки и политики (*Stiftung Wissenschaft und Politik*)

о Центральной Азии. В работе предпринимается попытка определить направления политической трансформации в Казахстане после обретения независимости. Концептуальной основой работы А. Шмитц является идея, что в ходе реформ в Казахстане сформировалась или формируется качественно новая элита, которая неизбежно займет место прежней, вышедшей из недр советской системы. В принципе, в той или иной мере эта идея в форме прогноза высказывалась и другими исследователями, но Шмитц попыталась обосновать ее реальными фактами и показать политический процесс в Казахстане в его динамике.

Что касается структуры и функционирования новых бизнес-кланов, то они вполне сравнимы с традиционными кланами: это неформальные группировки, связанные между собой взаимодействием отдельных членов, причем они являются частью виртуальной солидарной группы. Частые смены персонажей на всех уровнях исполнительной власти призваны предотвратить выход отдельных представителей элиты на слишком сильные позиции (**Schmitz, 2003. S. 14—17**).

Этническая и клановая принадлежность сама по себе имеет только второстепенное значение, но она может стать решающим фактором, когда дело идет о балансировании сил между отдельными группировками, преследующими свои интересы. Доминирование в руководстве страны представителей «Старшего жуза» вызвано тем, что при наборе кадров срабатывают неформальные механизмы на основе побочных договоренностей в обход формальных процедур. Это значит, что те, кто занимает пост, хотят опираться на свои команды, пытаясь протолкнуть их на посты в аппарате. Таким образом, основной вывод автора состоит в том, что правящая элита в Казахстане с успехом воспроизводилась с 1930-х гг. (**Schmitz, 2003. S. 18—32**).

Попытку ответить на вопрос, поставленный А. Шмитц и другими исследователями Казахстана, сделал в 2004 г. аме-

риканский ученый Эдвард Шатц (Университет Южного Иллинойса) в своей книге «Власть крови в Казахстане»: современная клановая политика» (Schatz, 2004). Данное издание является прекрасным примером попытки комбинирования традиционной антропологии (т.е. направления востоковедения) с политологией.

Идея этого труда, претендующего на теоретичность, состояла в том, чтобы на примере современного Казахстана и казахского общества доказать традиционные западные социологические концепции в веберовском духе относительно живучести родовых связей в традиционных обществах и их интеграции в современные политические системы. Э. Шатц, опираясь на хорошо известный круг источников в исторической части своей книги и на серию интервью с некоторыми представителями научной и культурной общественности постсоветского Казахстана, в части, посвященной современности, пришел к выводу, что современное казахское общество построено и по-прежнему живет по законам и принципам родового общества и родовых связей. Подтверждение своей концепции Шатц пытается найти в политической системе и политической борьбе между различными частями казахской элиты. В частности, противостояние между официальной властью и оппозицией этот автор рассматривает исключительно с точки зрения развернувшегося межкланового «метаконфликта».

Э. Шатц исходит из того, что клановые отношения в политике свойственны не только и не столько южным республикам бывшего СССР, а обществам, сложившимся на обширном пространстве, в которое входят Средний Восток, Восточная и Северная Африка, Юго-Восточная Азия. Автор объясняет свой интерес к постсоветскому пространству тем, что именно здесь протекает процесс «неомодернизации», который подвергает трансформации традиционные родовые отношения. Таким образом, интерес Э. Шатца к этой теме

носит не только эмпирический характер, но и служит цели теоретизации проблемы. Основная идея этой работы состоит в том, чтобы показать, как взаимодействуют между собой основанные на родовых отношениях общества с современными государственными институтами. Автор объясняет свой интерес именно к Казахстану тремя причинами. Первая заключается в том, что казахстанский пример подтолкнул его подтвердить правоту (или доказать обратное) концепции Вебера о том, что родственные группы приносят в политическую жизнь иррациональность и поощряют патримониализм (наследственность власти). Вторая причина лежит в особой, только ей присущей динамике клановой политики. И третья — использовать пример Казахстана, чтобы преодолеть пропасть между двумя течениями в современной социологии — примордиализмом (изучение архаичных обществ) и конструктивизмом.

Автор берет за основу (а также, по-видимому, в целях критики) два подхода: примордиалистский, который базируется на постулате, что кровнородственные связи мало подвержены изменениям, и конструктивистский, восходящий еще к Леви-Стросу, что эти связи разрушаются под воздействием модернизационных процессов. Автор со своей стороны предлагает новый концептуальный подход: он рассматривает проблему с точки зрения механизма воспроизводства идентичности. В условиях неомодернизации этот механизм параллельно выполняет функцию строительства государства-нации.

Рассматривая родовую систему казахов в исторической перспективе, Э. Шатц делает вывод, что в дореволюционную эпоху она играла роль корпоративных связей; в советское время родовая идентичность была сведена до своего символического, инструментального аспекта; постсоветская эпоха дала родовым отношениям вторую жизнь. Автор считает, что феномен эпохи, последовавшей вслед за распадом системы государственного социализма, во всем его многообразии за-

служивает внимания специальной дисциплины — транзитологии. В отличие от других экспертов, которые применяют в отношении ряда постсоветских государств понятие «этнократические», Э. Шатц предпочитает использовать дефиницию «национализирующиеся государства», как более точно характеризующую процесс строительства государства-нации.

Автор отмечает, что дискуссии вокруг национальной идентичности занимают в полиэтничном казахстанском обществе большое место, и в этой связи обращает внимание на евразийскую идею. В его интерпретации евразийство — это прежний советский интернационализм, но «с этническим лицом». Таким образом, на смену *Homo sovieticus* приходит *Homo eurasiaticus* как основа новой казахстанской идентичности.

Не ясно, зачем автор внес в свой лексический инструментарий новый термин, отказавшись от традиционного перевода термина «жуз» на западноевропейские языки словом «орда» (*horde*), и вместо этого вводит новое понятие «umbrella clan» (что можно с трудом перевести как «собирающий, или прикрывающий все остальные роды клан»). В своей работе Э. Шатц в основном опирается на материалы 1990-х гг. Он считает, что в этот период казахские кланы должны были вступить в конфликт между собой в борьбе за политическую власть, влияние и контроль над ресурсами.

Э. Шатц рассматривает место русского населения в современном Казахстане, называя его «четвертым жузом». По его мнению, русские (и в целом русскоязычные), чтобы выжить, вынуждены принимать правила игры и в той или иной форме входить в клановую систему. По мере развития демографических тенденций и процентного увеличения доли казахского населения клановая система становится все более и более оперативной в политической жизни страны. Однако автор признает, что на уровне центрального государственного ап-

парата, в различных министерствах и ведомствах трудно обнаружить клановую политику как систематическое явление. Добавим вслед за ним, что это практически невозможно. Таким образом, это наблюдение ставит под сомнение всю концепцию Э. Шатца политического устройства современного Казахстана.

Автор считает, что клановая система имеет два пути для развития: первый — клановый клиентелизм, который ведет в конечном счете к развалу государства; второй — клановый баланс, что позволяет системе приобрести устойчивость. По мнению автора, в Казахстане оба явления развивались одновременно. На сохранение и укрепление клановых отношений, предполагает исследователь, работает миграция из сельской местности в города, поскольку новоприбывшие вынуждены в чуждых для себя условиях подчеркивать свою субэтническую (т.е. родовую) идентичность. Особенно это касается регионов с высокой плотностью казахского населения. В то же время в пользу эрозии родовых отношений действуют другие факторы, в частности, религиозная идентификация, а также рыночные отношения.

Э. Шатц приходит к выводу, что на постсоветском пространстве возникновение государства и клановые отношения шли рука об руку, помогали строить друг друга и диалектически были связаны. И Казахстан не был исключением. Клановые отношения могли применяться и в полезных целях, в частности благодаря своему мобилизационному потенциалу и многоуровневому характеру отношений.

В заключение Э. Шатц делает вывод, что успехи Казахстана в постсоветский период, и особенно в новом столетии, впечатляют. Они полностью опровергают воззрения примордиалистов о том, что клановые (родоплеменные) отношения частично или всецело заменят государственные институты. Автор задается вопросом, на который у него нет однозначного ответа: действительно ли клановые отношения являются

перманентной частью политической жизни Казахстана? Он предполагает, что казахстанской элите еще многое предстоит сделать на пути укрепления государственных и политических институтов, чтобы трансформировать клановые отношения (если считать, что они действительно имеют место) в нечто менее взрывоопасное, более поддающееся управлению и разрушить стереотипные представления о родовых связях как о примитивных, антисовременных социальных отношениях.

Чтобы примирить неофициальную, клановую политическую жизнь с «нормальной» политической системой, Э. Шатц предлагает в качестве оригинального подхода и единственного выхода из социального тупика религиозитимизировать родовую систему, т.е. вернуть клановым отношениям публичность и сделать их частью государственной политики и общественной жизни.

Учитывая при этом его рекомендации по религиозитимизации клановых отношений, можно сделать вывод, что американский социантрополог не считает клановые отношения абсолютным злом и чем-то катастрофичным. Он видит в них не только исторический груз, но и объективную реальность, с которой необходимо считаться. В целом книга Э. Шатца подтверждает давно доказанный факт: казахстанское общество не является чем-то статичным и застывшим. Оно разнообразно по своей природе, сложно структурировано и находится в постоянной динамике. А т.н. «клановые отношения», которым посвящена книга, — это только часть всей, существенно более сложной и крупной картины политической, демографической и социально-экономической трансформации современного Казахстана.

В аналогичном духе выстроена книга Р. Уэллера «Пересмотр казахской и центральноазиатской национальной идентичности», изданная в рамках программы Азиатской исследовательской ассоциации. Автор делает попытку отойти

от традиционных взглядов и клише на характер местных обществ в ЦА, распространенных на Западе, делая это в основном на пример Казахстана. Современное казахстанское общество предстает в работе более динамичным, более современным и более вестеринизированным, чем это принято думать в западных СМИ и общественном мнении¹⁰¹.

В свое время казахстанские СМИ обратили внимание на появление книги американского автора К. Роббинса «В поисках Казахстана: страна, которая исчезла»¹⁰². Впрочем, название книги можно перевести и как «Страна, которая разочаровала». Автор в основном опирается на собственные впечатления, накопленные во время его путешествия по республике. Роббинс следовал по следам знаменитых россиян, так или иначе, связанных с Казахстаном (Достоевский, Троцкий, Солженицын). Много места автор уделяет своим личным впечатлениям от знакомства с Президентом РК Н. Назарбаевым, которого он описывает как человеческого, полного юмора и харизматичного лидера. В целом данная книга является удачной комбинацией из историко-культурологических эссе, вояжистских наблюдений, целенаправленных интервью и готовых блоков для туристического гида.

В 2008 г. три исследования ИЦАК были посвящены непосредственно Казахстану. Первое — это работа Энтони К. Бойера «Парламент и политические партии в Казахстане»¹⁰³. Автор вначале дает краткое описание становления партийно-политической системы в Казахстане, затем переходит к современному политическому ландшафту, выделяя т.н. пропрезидентские партии — в первую очередь «Отан», «мягкую» и «жесткую» оппозицию. Вторая часть исследования посвяще-

¹⁰¹ Weller R.Ch. Rethinking Kazakh and Central Asian Nationhood. — a Challenge to Prevailing Western Views. — Los Angeles: Asia Research Associates, 2006.

¹⁰² Robbins Ch. In Search of Kazakhstan. The Land that Disappeared. — London: Profile Books, 2007. — 296 p.

¹⁰³ Bowyer A.C. Parliament and Political Parties in Kazakhstan. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. — 71 p.

на изучению казахстанского парламента как государственного и политического института.

Второй работой по Казахстану стало исследование Джона Дэйли «Становление казахстанского среднего класса»¹⁰⁴. В основу своей работы автор ставит следующий вопрос: что такое казахстанский средний класс? Пытаясь ответить на него, Дэйли изучает практически все сферы потребления — стиль жизни, жилье, питание, досуг, моду, политику, бизнес и т.д. Параллельно автор анализирует другие стороны казахстанской экономики, ее феноменальный рост в последние годы и влияние этого процесса на формирование среднего класса, финансовую и банковскую систему. Автор приходит к выводу, что формирование среднего класса в Казахстане является целью всей государственной экономической политики. Дальнейшей задачей правительства является защита этого класса от многочисленных вызовов и проблем, среди которых коррупция, разрыв между сельским и городским уровнем жизни, инфляция и разрушающее влияние глобальных финансово-экономических потрясений. Крупные валютные накопления в Казахстане позволяют автору сделать оптимистический прогноз, что у государства остаются резервы для поддержки среднего класса в будущем.

Третьей работой в этой серии стало исследование Ричарда Вайца «Казахстан и новая международная политика в Евразии»¹⁰⁵. Это фактически первое исследование на Западе, посвященное преимущественно международным связям и внешней политике Республики Казахстан. Написать данное исследование автора побудил, как он пишет, тот факт, что Казахстан выдвинулся в число лидеров региональной экономической и политической интеграции в Евразии. Он считает, что способность Казахстана достичь своих целей по регио-

¹⁰⁴ Daly J.C.K. Kazakhstan's Emerging Middle Class. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. — 100 p.

¹⁰⁵ Weitz R. Kazakhstan and the New International Politics of Eurasia. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies, 2008. — 189 p.

нальной интеграции зависит от нескольких факторов. К ним автор относит транзит к «постназарбаевскому» поколению политических лидеров, успешность председательства Казахстана в ОБСЕ и состояние экономик евразийских государств. Для автора не вызывает сомнений тот факт, что на этот процесс будут оказывать решающее влияние великие державы — Россия и Китай, но прежде всего — Соединенные Штаты.

В заключение Р. Вайц предлагает базовые тезисы: на пути реализации евразийской стратегии Казахстана лежат сложные препятствия, над которыми он не властен. Не снята угроза исламского экстремизма, использование углеводородных ресурсов имеет неясную перспективу. Сложно выработать стратегию в условиях, когда такие державы, как Россия и Китай, осуществляют собственные. Замедление темпов роста казахстанской экономики сразу же поставит под вопрос претензии Астаны на лидерство. Усиление экономической и политической мощи Казахстана пугает его соседей по региону и толкает их к укреплению связей с Россией, Китаем, США и даже Ираном. И наибольшую угрозу интеграционным планам Астаны несет именно геополитическое соперничество, о чем прекрасно догадываются в Ак-Орде. На перспективу, резюмирует Вайц, усилия казахстанской дипломатии будут направлены на то, чтобы предотвратить установление российско-китайского кондоминиума в Центральной Азии.

Книга известного американского политолога Ариэля Коэна «Казахстан: дорога к независимости», у которой есть подзаголовок — «Энергетическая политика и рождение нации», это фундаментальный труд, посвященный современной истории Казахстана. Книга охватывает всю основную проблематику постсоветской истории республики с упором на энергетические проблемы. Репутация автора общеизвестна: Коэн давно зарекомендовал себя в качестве одного из самых стойких критиков российской политики и поведения других режимов на постсоветском пространстве, вклю-

чая Центральную Азию. Однако в данном случае мы видим совсем другого Коэна — внимательного и снисходительного наблюдателя¹⁰⁶.

Выходу данной книги в свет сопутствовал интересный факт: еще годом ранее была выпущена аналогичная работа, но на русском языке, хотя и в Нью-Йорке¹⁰⁷. Обычно в (пост)советологическом мире на Западе происходит наоборот: сначала появляется оригинал, а затем он переводится на русский язык.

Основная мысль книги Коэна и квинтэссенция его концепции состоит в том, что Казахстан не мог состояться как независимое и успешное государство, не будучи тем, что западная политология называет *petro-state* (нефтегосударство). И если обычно в это название вкладывают негативное значение, то Коэн находит здесь положительный смысл. Автор обращает внимание на такой факт, что, помимо внутривнутриполитической стратегии (сначала экономика, потом политика) и внешнеполитической доктрины (многовекторность и евразийство), у создателя современного Казахстана имелась и глубоко разработанная энергетическая стратегия. Ее смысл состоял в том, чтобы избежать ловушек, в которые попадали в свое время многие нефтедобывающие страны, или осуществившие тотальную национализацию нефтяной отрасли в ущерб производству, или бездумно раздавшие свои природные богатства транснациональным компаниям. Казахстан сумел, по мнению Коэна, найти золотую середину в виде баланса интересов между заинтересованными геополитическими силами, с одной стороны, а с другой — в виде баланса между внешними игроками и национальными интересами страны. Кроме того, был найден баланс между элитами и основной массой населения, получившими свою долю национального богатства.

¹⁰⁶ Cohen A. Kazakhstan: the Road to Independence. Energy Policy and the Birth of a Nation. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. — 287 p.

¹⁰⁷ Коэн А. Дорога независимости. Энергетическая политика Казахстана. — New York: Global Scholarly Publications, 2007.

Трубопроводы из Каспийского региона, вокруг которых было сломано столько копий в ходе большой геополитической игры, Коэн метко называет «трубами независимости», вкладывая в них особый метафорический смысл. Если для большинства политологов трубопроводы символизируют зависимость от того или иного геополитического актора, сумевшего навязать свой маршрут, то Казахстан сумел превратить их — вне зависимости от направления — поистине в трубы своей экономической и политической независимости, считает автор. Следует отдать должное автору, он не замыкается исключительно на нефтяной проблематике, а рассматривает в своей книге другие вопросы энергетики — газовый, угольный и урановый.

Выводы, которые делает Коэн, изучив короткую, но столь насыщенную историю независимого Казахстана, следующие: исследователь склонен видеть в нашей стране будущего «евразийского тигра», хотя эту мысль он ставит в качестве заголовка к последней части книги под вопросом. Его выводы адресованы к тем, кто определяет стратегию и политику Запада, и звучат следующим образом: Казахстан представляет собой уникальный феномен в сердце Азии, совмещающий элементы Востока и Запада. Поэтому, резюмирует Коэн, «слишком важно не позволить ему упасть в руки ностальгических реставраторов империи». Как представляется, намек слишком прозрачен и не нуждается в комментариях.

Но другой вывод американского политолога содержит более существенную мысль: Казахстан — это гораздо большее, чем источник углеводородов. Это успешная модель развития для всего евразийского пространства, для мусульманского мира и стран с переходными экономиками. Казахстан до сегодняшнего дня успешно балансировал между Севером, Востоком и Западом. И нет оснований, считает Коэн, менять этот оправдавший себя путь. Запад должен

способствовать сохранению сложившейся казахстанской модели как светского, прогрессивного и дружественного ему государства.

В 2008 г. современная зарубежная казахстаника пополнилась новой работой о нашей стране. Это увидевшая свет в рамках центральноазиатской серии Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета книга английской (индийского происхождения) исследовательницы Бхавны Дэйв (Деви) — «Казахстан: этничность, язык, власть»¹⁰⁸.

Чтобы найти решение проблемы, автор выделяет в истории и современном развитии Казахстана несколько ключевых проблем, которые соответственным образом представлены в отдельных главах. Вот они, и их всего семь. Первая проблема связана с процессами, сопровождавшими интеграцию казахов в советскую систему. Здесь автор выделяет в качестве ключевого вопрос о том, как им удалось сочетать этнонациональный, по сути, процесс сохранения (возрождения) идентичности с интернациональным характером советской системы. Дэйв видит данный процесс через триаду: вхождение в империю, сотрудничество и транзит.

Другая глава носит более конкретный характер и непосредственно освещает судьбу казахского нomaдизма в ходе указанных исторических пертурбаций. Здесь она отмечает, что в дореволюционном Казахстане уже были заложены базовые элементы антиколониальной идентичности казахов, но одновременно происходило и формирование пророссийской части казахской элиты, которая сыграла (и играет до сих пор) столь важную роль в истории и политической жизни страны.

Третья проблема тесно связана с результатами этого исторического эксперимента (имеется в виду чрезмерная

¹⁰⁸ Dave B. Kazakhstan — Ethnicity, Language and Power (SOAS). — London, New York: Routledge, 2008. — XIV+256 p.

русификация). Автор открыто говорит о феномене «манкуртизма» как результате модернизации казахов на советский манер.

Четвертая глава исследования выходит за рамки собственно Казахстана: здесь автор пытается обобщить весь центральноазиатский опыт в комплексе. Как считает британская ученая, для всех обществ региона характерно крушение попыток их политических элит и местной интеллигенции обрести национальную идентичность посредством отказа от заданных в советскую эпоху параметров. Поэтому для всех без исключения республик региона (и для большинства постсоветских государств других регионов бывшего Союза, добавим мы вслед за Дэйв) характерна метаморфоза следующего содержания: это трансформация от «коммуниста к националисту».

Пятая глава книги посвящена объяснению удивительного, по мнению автора, парадокса: почему политика насаждения казахского языка в качестве единственного не привела к острым конфликтам на национальной почве в республике или к сопротивлению среди неказахской части населения. Как считает исследовательница, ключ к разгадке лежит в разрыве (и очень значительном) между статистическими успехами распространенности казахского языка и степенью его реального применения.

Шестая глава продолжает предыдущую проблему и затрагивает причины низкой активности и малой политической мобилизации русскоязычного населения против, как выражается автор, «националистического проекта». Причина кроется в поразительной стойкости и живучести заложенных в советское время институтах интернационализма и этнической толерантности, в полной мере сохранившихся в казахстанском обществе.

И, наконец, в последней главе делается попытка выяснить истинную природу современного Казахстана в качестве «на-

ционального государства» (государства-нации). Исследовательница сравнивает казахстанский опыт национального строительства с индийским и малайским и приходит к выводу, что в Казахстане содержание этого процесса свелось в первую очередь к укреплению власти и могущества местной элиты. В результате, по мере укрепления патрона-клиентистской системы, республика совершила трансформацию по превращению в патримониальное государство. А если посмотреть на проблему с точки зрения результатов процесса этничности, то казахи получили статус «первых среди равных», который, впрочем, не закреплен на конституционном или законодательном уровне. В целом же казахи как этническая группа не располагают особыми экономическими преимуществами перед другими национальностями, если брать среднестатистические показатели (а не уровень жизни казахской элиты). Преимущество казахов в их собственной стране, заключает Дэйв, свелось к обладанию некими психологическими символами (как, например, статус государственного языка), но не дающими реальных привилегий основной массе населения.

Таким образом, построение «национального» государства в Казахстане носит фактически символический (имитационный) характер. Лакмусовой бумажкой в этом историческом эксперименте является полное отсутствие какой-либо общенациональной идеи, которая объединяла бы все социальные слои и этнические группы населения, и попытки создать которую не раз предпринимались в ходе строительства государства.

Книга Джонатана Айткена «Нурсултан Назарбаев и создание Казахстана» была призвана ближе познакомить зарубежную аудиторию с архитектором наиболее успешного государства в Центральной Азии. Это результат многочасовых бесед автора с нашим президентом, в которых глава Казахстана делился своими воспоминаниями и идеями. Данная работа представляет несомненный интерес для всех нас,

поскольку содержит немало информации, ранее неизвестной как широкой публике, так и специалистам¹⁰⁹.

Автор делает попытку не только показать жизненный путь своего героя, но и выяснить, какие обстоятельства и какие личные качества казахстанского лидера привели его не только к вершине власти, но и определили ему роль «творца нации», создателя современного Казахстана. В заслугу своему персонажу автор ставит тот факт, что в плане прогресса в области религиозной свободы, СМИ, прав человека и либерального образования Казахстан при Назарбаеве добился больше, чем Россия, Китай и все соседи по региону вместе взятые. Суть его политики автор видит в медленном движении от автократии к демократии и вполне поддерживает лозунг своего героя: сначала экономика, потом политика.

Во внешней политике Назарбаеву удалось сохранить и поддерживать прекрасные отношения с Москвой, Пекином и Вашингтоном, что само по себе заслуживает восхищения. Этот фактор обеспечивает внешнюю стабильность республики. Внутри страны возник средний класс, что гарантирует стабильное развитие Казахстана с внутривластной точки зрения. Эти достижения на Западе далеко не всегда связываются с именем первого Президента Казахстана, поэтому, подчеркивает Айткен, он взял на себя смелость поведать западной аудитории о роли и вкладе Н. Назарбаева в становление современного Казахстана, без которого, как уверен автор, молодое государство могло и не состояться.

Назарбаев исходил не из «прихоти властителя» (Айткен употребляет французское выражение *folie de grandeur*) и не из желания дистанцироваться от оппозиции, которая в основном базировалась в Южной столице. Автор приходит к выводу, что это решение было верным со стратегической точки

¹⁰⁹ Aitken J. Nazarbayev and the Making of Kazakhstan. — London, New York: Continuum, 2009. — IX+256 pp. Рус. пер.: Айткен Дж. Нурсултан Назарбаев и создание Казахстана. — М.: Художественная литература, 2010. — 384 с.; см. также: Айткен Дж. Казахстан. Сюрпризы и стереотипы. — М.: Художественная литература, 2011. — 208 с.

зрения; оно подтвердило прозорливость и мудрое предвидение казахстанского лидера и доказало его волю и настойчивость как действительно национального лидера.

Настоящее лицо Назарбаева как международного политика гораздо сложнее. Как считает автор, сложность и противоречивость его внешней политики проявилась в полной мере в реализации т.н. многовекторной политики и, особенно, во время опасного балансирования между Москвой и Вашингтоном. Но стратегическая цель была достигнута: Казахстан стал председателем ОБСЕ, несмотря на сопротивление госдепа США и первоначальное охлаждение отношений с Д. Медведевым.

Завершающая глава книги Айткена посвящена новой столице Казахстана — Астане. Автор подчеркивает любовное отношение Назарбаева к городу, как к своему детищу. Для него Астана больше, чем столица, больше, чем удачный проект, и больше, чем символ.

Затрагивая вопрос о некоторой двойственности личности своего героя и его деяний, Айткен приводит слова бывшего советского лидера М. Горбачёва о своем коллеге и товарище, данные в ходе подготовки этой книги: «Никогда не забывайте, что Назарбаев является человеком двух культур — русской и азиатской». Айткен добавляет к этой сентенции от себя, что именно такой бикультуризм многое объясняет в успехах Н. Назарбаева как политика и личности исторического масштаба. А в том, что Назарбаев как творец современного Казахстана уже занял свое место в истории, автор не сомневается, о чем он и заключает на последней странице своей книги.

Следующая книга британского исследователя Дж. Айткена «Казахстан: сюрпризы и стереотипы» является логическим и тематическим продолжением его предыдущего труда¹¹⁰. В новом, фактически документальном исследовании Айткен развивает сюжеты, заложенные в предыдущем издании, но уже без

¹¹⁰ См.: Айткен Дж. Казахстан. Сюрпризы и стереотипы. — М.: Художественная литература, 2011. — 208 с.

акцентирования на личности казахстанского лидера. Главный персонаж новой книги — это сам современный Казахстан, его двадцатилетний опыт независимости. Основная мысль автора книги состоит в том, что на Западе и в целом в мире «ширится осознание того, что в степи зреет новая держава. На стратегическом перекрестке, где сходятся вместе российская, китайская, среднеазиатская и западная цивилизация, Казахстан утвердил себя как стабильное и значимое суверенное государство».

Британский ученый считает, что механизм государственного управления и политические процессы в Казахстане заслуживают пристального внимания западным СМИ, и части политологов следует отказаться от стереотипов и клише в духе характеристики страны как диктатуры, полицейского государства или жесткого авторитарного режима. По его мнению, несмотря на богатые природные ресурсы, главным богатством Казахстана являются люди, в которых «сочетаются таланты и традиции, амбиции и крепкая историческая память». Основная идея книги Айткена состоит в том, что для лучшего понимания прошлого и будущего Казахстана чрезвычайно важно учитывать три взаимосвязанные составляющие: движение через «страдания и невзгоды, выживание и успех». Как уверен автор, понимание тяжелых испытаний, выпавших на долю республики в XX в., дает более ясное представление о ее будущем в XXI столетии.

С экономической точки зрения, пишет Айткен, многообещающим признаком стабильности и роста является появление в стране молодого и амбициозного среднего класса. В то же время автор не проходит мимо проблем современного Казахстана, среди которых он называет советское наследие, однопартийность (книга писалась до выборов в декабре 2011 г.), высокий уровень коррупции, низкую квалификацию судебно-юридической системы, ограниченность свободы СМИ. И хотя полноценная демократия остается делом будущего, по мнению автора, все-таки в большинстве указанных сфер ре-

альный прогресс очевиден. Особенно Дж. Айткена поразил один факт: если на Западе общественность склонна проявлять цинизм по отношению к власти и там высок уровень недоверия к политическим лидерам, то казахстанское общественное мнение сохраняет противоположную тенденцию.

Пять из тринадцати глав книги «Народ юрты: Казахстан от возникновения до современности» (2008), выпущенной в свет болонским фондом «Касса ди Риспармио» (под ред. Ф. Фаччини), написаны казахстанскими историками, археологами, этнографами и социологами. Идеологи издания поставили себе целью осветить генезис культуры и цивилизации на территории Казахстана с учетом богатого археологического и кочевого прошлого страны. Однако в сборнике не оставлены без внимания и проблемы современности, в частности модернизация казахского (казахстанского) общества. В целом же данная книга будет интересна в первую очередь итальянским социоантропологам¹¹¹.

Следует назвать коллективное совместное индийско-казахстанское издание «Современный Казахстан», посвященное текущему внешнеполитическому положению нашей республики¹¹².

«Ислам без вуали: казахстанский путь умеренности» — так назвал свою книгу о нашей республике американский обозреватель и журналист Клод Салани (Международный институт стратегических исследований). Книга стала результатом полугодовой командировки Салани в Казахстан в качестве корреспондента «Вашингтон таймс» в 2010 г. Книга, очевидно, написана в журналистском стиле и носит явно репортажный характер¹¹³.

¹¹¹ Facchini F. (a cura di). Popoli della Yurta. Kazakhstan tra le origini e la modernità. — Milano: Jaca Book, 2008. — 320 p.

¹¹² Contemporary Kazakhstan: the Way Ahead / Eds. by A. Mohanty and S. Swain. — New Delhi: Axis Publications, 2009. — XV+314 pp.

¹¹³ Salhani C. Islam without a Veil. Kazakhstan's Path of Moderation. — Washington, DC: Potomac Books, 2011. — XV+203 pp.

Автор подает современную историю Казахстана под углом зрения исламского вопроса. В этой связи он ставит ряд проблем: могут ли сосуществовать ислам и модернизация, ислам и демократия, каково влияние салафитов на современное казахстанское общество, возможна ли конвергенция Ближнего Востока и Центральной Азии не только с культурной и цивилизационной точек зрения, но и с политической и экономической. Любопытно, что автор еще за год поставил в своей работе вопрос о том, столкнется ли казахстанское общество вскоре с проблемой исламского терроризма. Салани много внимания в своей книге уделяет проблемам безопасности, и не только под углом угрозы терроризма, но и председательства Казахстана в ОБСЕ. В аналогичном ракурсе рассматриваются проблемы геополитики в регионе (влияние ситуации в Афганистане, распространение радикального ислама). Немало внимания автор уделяет специфике казахстанских реформ — «сначала экономические реформы, затем политические».

Итак, перед нами достаточно полная картина западных исследований о Казахстане за последние два с половиной десятилетия. За рамками этой части остались работы, посвященные геополитической борьбе вокруг Центральной Азии, в которых Казахстан фигурирует в качестве одного из основных персонажей и объектов этой борьбы.

Таким образом, исследования по внутренней и внешней политике Казахстана носят на Западе активный характер, что, несомненно, является заслугой в первую очередь профессора Ф. Старра и других представителей старшего поколения политологов (советологов), которые сами проявляют повышенный и живой интерес к Казахстану и ко всему региону. Практически последние работы американских и других западных авторов охватывают все стороны политической и экономической жизни нашей республики. Не является ис-

ключением и история. Не со всеми выводами и рекомендациями этих исследователей можно согласиться, но постановка ими сложных и даже болезненных для Казахстана проблем носит в целом конструктивный характер и является для нас сигналом к их изучению и решению.

Глава IV. История и место центральноазиатских государств в современной политологии

Политологическая литература о Центральной Азии включает в себя не только комплексные исследования, рассматривающие регион целиком, но и достаточно многочисленные группы публикаций об отдельных республиках региона. Характерно, что данные работы демонстрируют те или иные особенности политического развития каждого из государств региона.

Во второй половине 2000-х гг. в зарубежных центральноазиатских исследованиях лидировала академическая группа во главе с профессором Стивенем Фредериком Старром (известным общественному мнению больше как автор нашумевшей концепции «Расширенной Центральной Азии» 2005 г.) в рамках Института Центральной Азии и Кавказа (ИЦАК, Университет Джонса Гопкинса). Так, в 2006 г. ими была подготовлена серия исследований по самым различным аспектам политики и экономики региона. Среди них «Кланы, авторитарные правители и парламенты в Центральной Азии» (Ф. Старр), «Исламский радикализм в Центральной Азии и на Кавказе» (З. Баран, Ф. Старр, С. Корнелл), «Анатомия американо-узбекского кризиса» (Дж. Дэйли, К. Меппен, В. Сокор, Ф. Старр), «Экономика Центральной Азии» (М. Доулинг, Г. Виньяраджа)¹¹⁴ и ряд других. Сам руководитель программы профессор Ф. Старр Института Центральной Азии и Кавказа выступил в 2007 г. в качестве координатора крупного проекта, результатом

¹¹⁴ Starr S.F. Clans, Authoritarian Rulers, and Parliaments in Central Asia. — Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, Johns Hopkins University-SAIS, 2006. — 27 p.; Baran Z., Starr S.F. Cornell S.E. Islamic Radicalism in Central Asia and the Caucasus: Implications for the EU., Washington DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2006. — 57 p.; Daly J.C.K., Meppen K.H., Socor V., Star F.S. Anatomy of a Crisis: U.S.-Uzbekistan Relations: 2001—2005. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2006. — 110 p.; Dowling M., Wignaraja G. Central Asia's Economy: Mapping Future Prospects to 2015. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, Johns Hopkins University-SAIS, 2006. — 114 pp.

которого стала книга «Новый Шелковый путь: транспорт и торговля в Большой Центральной Азии»¹¹⁵.

Книга Б. Фрагнера и А. Каппелера «Центральная Азия с 13 по 20 век: история и общество», изданная в Вене, своим примером подтверждает, что прежняя блестящая австрийская школа исторической этнокультурологии не исчезла, и традиции изучения Центральной Азии, заложенные К. Йеттмаром, живы¹¹⁶. Работа Д. Листа «Региональная кооперация в Центральной Азии: препятствия и возможности» возвращает нас в современность¹¹⁷. Данная монография перекликается с работами немецких экономистов середины 1990-х гг. и доказывает, что ЕС по-прежнему делает ставку на региональную интеграцию (теперь — кооперацию) в Центральной Азии как форму и способ самоидентификации и самоопределения региона несмотря на то, что прошлый опыт убедительно доказал несостоятельность искусственного форсирования этих процессов.

Р. Книпер посвятил свою книгу «Правовые реформы вдоль Шелкового пути» проблемам реформирования правовых систем ряда стран СНГ¹¹⁸. Подготовить такое солидное издание Книперу позволил его пятнадцатилетний опыт советника во всех республиках региона и Закавказья, а также в Молдове, России, Украине, Монголии и Китае. Автор подробно и детально изучает конституционные и правовые реформы этих стран, административные изменения, законодательство на фоне шоковой трансформации правовой и политической систем после распада СССР. Немало места уделяется и опыту Казахстана, особенно в связи с реформой системы государственного управления, которая вызывает у автора положительную оценку.

¹¹⁵ Starr S.F. (ed.) *The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia*. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2007. — 510 p.

¹¹⁶ Fragner B., Kappeler A. (Hrsg.) *Zentralasien, 13 bis 20. Jahrhundert. Geschichte und Gesellschaft*. — Wien: Promedia, 2006. — 224 S.

¹¹⁷ List D. *Regionale Kooperation in Zentralasien. Hindernisse und Möglichkeiten*. — Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2006. — XII+237 S.

¹¹⁸ Knieper R. *Rechtsreformen entlang der Seidenstraße. Aufsätze und Vorträge während der beobachtenden Teilnahme an einem gewaltigen Transformationsprozess*. — Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag, 2006. — 353 S.

С 2006 г. Фонд им. Фридриха Эберта ввел добрую традицию: выпускать книги по Центральной Азии на немецком и русском языках, подготовленные силами местных авторов. Первое издание такого рода называлось «Центральная Азия: взгляд изнутри»¹¹⁹. В 2007 г. фондом была издана работа киргизских коллег «История и идентичность: Киргизская Республика»¹²⁰. Насколько известно, в этом году также планируется издание коллективной монографии, посвященной внешним связям стран региона. Польза от таких изданий очевидна: они позволяют немецкоязычной аудитории ознакомиться с альтернативными точками зрения на развитие региона в отличие от тех, которые вольно или невольно навязывают им западные авторы.

В 2007 г. в рамках исследовательской программы Колумбийского университета (Институт Гарримана) увидела свет книга нашего бывшего земляка Р. Абазова «Культура и обычаи Центральноазиатских республик»¹²¹. Это полезное во всех смыслах издание, информирующее западного читателя об историко-культурном наследии народов региона. На следующий год Абазов выпустил новую работу по истории региона — «Исторический атлас Центральной Азии»¹²².

Как уже упоминалось выше, профессор Ф. Старр из Института Центральной Азии и Кавказа выступил в 2007 г. в качестве координатора крупного проекта, результатом которого стала книга «Новый Шелковый путь: транспорт и торговля в Большой Центральной Азии»¹²³. Профессор Старр собрал для реализации этого проекта интернациональный коллектив авторов, географически охватывающий ареал Цен-

¹¹⁹ *Zentralasien: eine Innenansicht*. — Berlin: FES, 2006. — 498 S. (auf Russisch und Deutsch).

¹²⁰ *Geschichte und Identität: Kirgisische Republik*. — Bishkek: FES, 2007. — 273 S. (auf Russisch und Deutsch).

¹²¹ Abazov R. *Culture and Customs of the Central Asian Republics*. — Westport (CT), London: Greenwood Press, 2007. — XIV+286 p.

¹²² Abazov R. *Historical Atlas of Central Asia. The Palgrave Concise*. — New York: MacMillan, 2008.

¹²³ Starr S.F. (ed.) *The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia*. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2007. — 510 p.

тральной Азии, Афганистан, Азербайджан, Индию, Китай, Турцию и Россию. Не трудно заметить, что концептуально данный проект является как бы продолжением его прежней идеи «Большой (расширенной) Центральной Азии» (БЦА), которая вызвала в свое время такую острую полемику. В своей вступительной статье к книге, которая раскрывает концепцию данного издания, Ф. Старр проводит параллели между историческим Великим Шелковым путем и современными транспортными возможностями Евразии. Американский ученый считает, что современная эпоха открывает новые возможности для транспортного соединения Западной Европы, Китая, Среднего и Ближнего Востока, Индостана. «Новый Шелковый путь» имеет, по его мнению, необъятный потенциал.

Как всегда, Ф. Старр выдвигает новые и неординарные идеи, касающиеся роли Соединенных Штатов в этих процессах, способных изменить лицо и характер внутриевразийских связей. В первую очередь он признает, что новые транспортные возможности открывают широкие финансовые возможности для тех участников (местных и транснациональных), которые примут участие в создании новой транспортной сети. В этой связи руководитель проекта настойчиво предлагает учредить при госдепе США пост специального посла по торговле в БЦА. Затем Старр задается вопросом, если идея внутриконтинентальной торговли так хороша, почему она до сих пор не реализована? И сам отвечает на этот вопрос. В первую очередь проблема состоит в том, что реализация этого проекта зависит от большого количества «отдельных элементов», под которыми он понимает совокупность юридических, налоговых, организационных, банковских, управленческих, технологических, человеческих (кадровых) вопросов, а также проблемы безопасности и коммуникации. Все это завязано на чрезмерно большое количество участников — стран-транзитеров, чья государственная и торго-

экономическая политика к тому же серьезно отличается как друг от друга, так и от общепринятых мировых стандартов и правил. В этом контексте Китай демонстрирует большую гибкость к адаптации удобных нормативов, в то время как Россия с ее высокой степенью централизации — меньшую.

Говорит (причем, на примере Казахстана) Старр и о коррупции, препятствующей транспортной активности. К большим моментам автор относит такие явления, как государственный протекционизм в Узбекистане, негативные последствия непродуманного вступления Кыргызстана в ВТО. Старр подчеркивает, что, в отличие от Китая, Индия и Иран активно участвуют в континентальной торговле. В своем анализе торгово-транспортной проблематики американский исследователь затрагивает такой феномен, как нелегальная торговля (*undertrading*). Под этим термином он подразумевает принявшую колоссальный размах несанкционированную внешнегосударственную торговлю, статистическая оценка которой затруднительна. Оценивая предыдущие попытки развивать региональную торговлю (в рамках ОЭС, ЕврАзЭС, ТРАСЕКА), Старр пессимистичен в своих выводах. Но он видит и позитивные явления, которые относятся в основном к области двусторонних соглашений (например, казахстанско-китайских, киргизско-китайских) или компактных многосторонних (трубопровод БТД, транзитный проект «Север — Юг» через Каспий).

Для Старра не вызывает сомнений, что Америка несет ответственность и должна принять участие в создании евразийской системы транспортных коридоров (в этой связи он приводит слова Р. Дейча, ответственного в госдепе за этот вопрос, который заявил, что «здесь слишком много яиц и много цыплят»). Автор уверен, что США должны поддерживать проекты такого рода в силу, прежде всего, простого факта, что, в случае реализации, такие проекты укрепят независимость стран БЦА, что отвечает национальным интересам

Соединенных Штатов. Помимо этого, укрепление внутриконтинентальных торговых связей будет способствовать разрешению старых конфликтов, как, например, кашмирского, и, конечно, стабилизации Афганистана.

Немецкая историография в 2006 г. предложила нашему вниманию ряд интересных монографий. В первую очередь следует упомянуть работу А. Варкоча «Центральноазиатская политика Европейского союза: интересы, структуры и выбор реформ»¹²⁴. Изучая характер местных режимов, автор обогатил политологический словарь новыми неологизмами. Так, режим в Кыргызстане Варкоч характеризует как «демократуру» (т.е. демократия + диктатура), а в Туркменистане — как «неототалитаризм». Выводы автора в целом не внушают оптимизма. Он констатирует, что Евросоюз не добился практически ни одной из своих стратегических целей, поставленных еще в 1990-е гг.: бедность не устранена; сопротивление реформам в Узбекистане и Туркменистане не сломлено; положение с правами человека и уровень демократии остались на прежнем уровне; энергетические интересы ЕС не защищены. В сфере безопасности ЕС также топчется на одном месте. Варкоч советует коренным образом сменить стратегию и тактику ЕС в регионе, чтобы «вернуть доверие к ЕС». В сфере безопасности ЕС должен, наконец, отмечает автор, выступать в качестве серьезной силы, а не в образе «беззубого бумажного тигра»; в энергетической политике Европа должно вести себя более самоуверенно; а в области демократии ей следует проявлять больше реализма. Кроме того, он считает, что ЕС мог бы теснее координировать свою стратегию с другими интернациональными акторами, в частности с НАТО и ОБСЕ. В целом же Варкоч в своей книге неожиданно вышел за пределы центральноазиатской проблематики. Очевидно, что изъяны и недостатки внешней политики,

¹²⁴ Warkotsch A. Die Zentralasiatische Politik der Europäischen Union: Interessen, Strukturen und Reformoptionen. — Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2006. — 253 S.

стратегии и методов ее реализации Евросоюза неэффективны не только в ЦА, но и в других регионах, и причины этого заложены в самой структуре ЕС — сложного геополитического и геоэкономического механизма, лишённого единого центра принятия решений.

В рамках программы, руководимой профессором Ф. Старром, в ИЦАК было подготовлено в 2007 г. исследования Эрики Марат «Государственно-криминальные связи в Центральной Азии: организованная преступность и коррупция в Кыргызстане и Таджикистане»¹²⁵. Это солидное исследование, построенное на богатом фактическом материале и непосредственных полевых наблюдениях автора. И в текущем 2008 г. среди публикаций по Центральной Азии доминируют исключительно работы интернационального коллектива в рамках ИЦАК программы, руководимой профессором Ф. Старром. В рамках этой программы в ИЦАК было подготовлено исследование Эрики Марат «Национальная идеология и строительство государства в Кыргызстане и Таджикистане»¹²⁶.

Д. Люис в рамках серии Колумбийского университета по проблемам безопасности выпустил в 2007 г. книгу под претенциозным названием «Искушение тиранией в Центральной Азии»¹²⁷. Автор исходит из того, что после начала кампании в Афганистане страны региона стали ключевыми союзниками Америки в борьбе против международного терроризма. Военная и экономическая помощь странам региона со стороны Запада должна была способствовать демократизации и стабилизации региона. Автор описывает события 2005—2006 гг. — андижанский мятеж, цветную революцию в Кыргызстане и

¹²⁵ Marat E. The State-Crime Nexus in Central Asia: State Weakness, Organized Crime, and Corruption in Kyrgyzstan and Tajikistan. — Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program — A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Johns Hopkins University-SAIS. — Washington, D.C., 2007. — 139 p.

¹²⁶ Marat E. National Ideology and State-building in Kyrgyzstan and Tajikistan. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. — 103 p.

¹²⁷ Lewis D. The Temptations of Tyranny in Central Asia. — New York: Columbia University Press, 2007. — 224 p.

смену власти в Туркменистане, чтобы объяснить провал американской стратегии в ЦА, но вряд ли достигает своей цели. Основной вывод Льюиса: Вашингтон «пленился искушением» вступить в союзнические отношения с местными «тираниями», чтобы достичь стратегических целей в борьбе с терроризмом, но изменить характер этих режимов не смог.

Т. Гомар и Т. Кастуева-Жан обобщили результаты работы своего коллектива из отдела России и СНГ Французского института международных исследований (ИФРИ) и выпустили монографию «Понимание России и новых независимых государств»¹²⁸. Издание включает в себя аналитические труды сотрудников института и их партнеров из стран СНГ, посвященные геополитическим проблемам, затрагивающим безопасность и международное положение Содружества, в т.ч. и Центральной Азии. В виде отдельных статей можно ознакомиться с их содержанием на сайте ИФРИ (в т.ч. и на русском языке).

Уместно отметить, что Центральной Азией занимаются не только на Западе. В 2007 г. увидело свет совместное исследование индийских и казахстанских ученых «Казахстан и Индия. Перспективы международного и регионального взаимодействия». Оно было подготовлено силами интернационального коллектива из индийских и казахстанских ученых. С индийской стороны проектом руководили профессор К. Сантанам и Р. Дживеди. Данное издание охватывает практически все аспекты двусторонних отношений, включая международный и геополитический факторы¹²⁹.

В 2007 г. в последний раз увидело свет традиционное издание «Актуальные проблемы Центральной Азии и Южного Кавказа», которое публиковалось силами международного

¹²⁸ Gomart Th., Kastueva-Jean T. (dir.) *Understanding Russia and the New Independent States*. Travaux et recherches de l'Ifrri. — Paris: IFRI, 2007. — 204 p.

¹²⁹ *India-Kazakhstan Perspectives. Regional and International Interactions* / Eds. by K. Santhanam, K. Baizakova, R. Dwivedi. — New Delhi: ICAF, 2007. — XXII+270 pp. Рус. пер.: Казахстан и Индия. Перспективы международного и регионального взаимодействия. — Алматы/Дели: КазНУ, 2007. — 283 с.

коллектива под эгидой Фонда Сасакава и Дэвис-центра Гарвардского университета с 2002 г. и под руководством профессора Б. Румера и Лау Сим И¹³⁰. К сожалению, Фонд Сасакава прекратил финансирование программы по ЦА, длившейся полтора десятилетия.

Самым характерным примером взаимосвязи истории (традиционного востоковедения) с современной политологией является книга самого Фредерика Старра. Несмотря на этот факт, профессор Старр является крупным академическим ученым с классической востоковедной подготовкой.

Его монография «Потерянное Возрождение: Золотой век Центральной Азии от арабских завоеваний до Тамерлана» (Starr, 2013) действительно представляет интерес и заслуживает отдельного рассмотрения. Книга Ф. Старра посвящена большому периоду в истории Центральной Азии — от начала тысячелетия н.э. до XVI—XVII вв. Может показаться, что исследование по такой отдаленной истории не связано с актуальными политическими вопросами, но на самом деле такая связь у Ф. Старра присутствует¹³¹.

На империи прошлого можно смотреть с помощью т.н. «широкого подхода», который предполагает, что империи, если и не являются гомогенными по своей структуре образованиями, тем не менее имеют общие черты, которые видны в разных частях империи, имеющей, таким образом, общее культурное пространство. В современной историографии это распространенный подход, однако его применение к изучению прошлого часто политически мотивировано. Обычно такой подход, считает профессор Индианского университета Д. Шлапентох, используют интеллектуалы тех стран, у которых были в прошлом большие имперские амбиции.

¹³⁰ Rumer B., Lau Sim Yee (eds.) *Central Asia and South Caucasus Affairs*: 2006. — Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, 2007. — 283 p.

¹³¹ См.: Шлапентох Д. Новая концепция истории ЦА: великое прошлое с намеком на настоящее // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии (ЛаТУК, Москва). — 2015. — N 3. — С. 44—49.

Например, иранские историки во многих своих исследованиях разрабатывают концепцию «панперсии». В частности, Империю Ахеменидов (VI—IV вв. до н.э.) они видят не как конгломерат разных земель, людей и культур, а как своего рода общее пространство, организованное политически и культурно из имперского центра. При таком взгляде политические и культурные особенности внутри империи отходят на второй план. Такой же, по сути ревизионистский, подход можно заметить и при исследовании других империй. Скажем, некоторые современные турецкие авторы видят свою историю не просто в контексте пантюркизма, предполагающего, что турки — это исторические лидеры всех тюркских народов, а еще более грандиозной. А именно: Турция — наследница Османской империи, а косвенно — и предшествовавшей ей, побежденной Византии.

Если брать шире, то такой подход подразумевает, что история человечества — это не что иное, как смена империй/цивилизаций, каждая из которых считала себя высшим достижением исторического процесса. Основы этой теории легко заметить и в работах американских интеллектуалов, особенно сразу после окончания «холодной войны», когда в США верили в свое абсолютное глобальное превосходство.

Нельзя прямо утверждать, что представления Ф. Старра о древней и средневековой Центральной Азии вытекают из его современных политических установок. И все же читатель книги Ф. Старра невольно начинает видеть связь между его интерпретацией истории и современной политической повесткой дня. Влияние современной политической повестки дня угадывается в написанной им книге безошибочно. При этом предложенная Ф. Старром революционно новая, по крайней мере для западной историографии, интерпретация истории Центральной Азии не является и примитивным политическим памфлетом с историческими аллюзиями. Вместе с тем его книга не основана на фактах, доселе неизвестных,

которые следовали бы из новых (например, археологических) открытий, требующих пересмотра исторических концепций и интерпретаций. Хотя в книге наличествует обширный научный аппарат, это не первоисточники, а вторичный материал, и используемая фактология давно и хорошо известна специалистам.

Новый взгляд на старые факты — такой новый взгляд потребовался Ф. Старру в силу изменившейся обстановки, т.е. современности.

Во-первых, приходит в упадок американо-центричный, или даже более широко — западно-центричный, взгляд на мир; возникли новые, незападные центры силы. И хотя они заимствуют западные технологии и даже кое-что из политики, тем не менее они существенно модифицируют заимствования.

Во-вторых, распад СССР привел не только к явному, но временному возрождению интереса к Евразийству с его объединяющими посылами, однако также и к росту самосознания в постсоветских государствах, в том числе и в Центральной Азии. Элиты этих стран создали собственную политическую и историческую картину мира. Д. Шлапентох считает, что Астана и Ташкент избавляются от Москва-центризма и больше не видят Москву как некий «центр» для себя.

Так, в Казахстане Татаро-монгольская империя больше не считается, как было у Л. Гумилёва, предшественницей российского/советского государства, однако считается предшественницей Казахского ханства. А в Узбекистане роль Тимура видится не только в создании в далеком прошлом великой «Узбекской империи», но и в снижении роли Москвы в Евразии, поскольку русские едва избежали поражения от армии Тимура. Все эти изменения в современности повлияли на работу Ф. Старра и привели его к формулированию новой интерпретации исторических событий, которая, надо признать, существенно отличается от традиционной и общепринятой в историографии.

Книга Ф. Старра охватывает широкий период истории Центральной Азии — от античных времен и до, примерно, XVI—XVII вв. н.э. Автор поставил историю региона в контекст нескольких империй, которые сменяли друг друга и контролировали территорию Центральной Азии на протяжении нескольких тысячелетий. И главный тезис Ф. Старра в этой широкой исторической перспективе состоит в том, что Центральная Азия совсем не была «тихой заводью» и провинциальной окраиной великих империй прошлого, регион всегда был самобытным культурным центром. И, более того, в периоды длительного нахождения в составе разных империй Центральная Азия зачастую становилась в них культурным и политическим центром. Еще один важный тезис Ф. Старра состоит в том, что империи прошлого не были централизованными объединениями, а скорее своего рода сла-быми конфедерациями, где власть центрального правительства была незначительной.

Автор начинает свое повествование с доисторических времен. Он цитирует центральноазиатских историков, которые утверждают, что лошадь была впервые приручена в казахских степях, прямо в центре современного Казахстана, т.е. в регионе нынешней Астаны, примерно, 5500 лет назад. В Центральной Азии процветала развитая аграрная цивилизация — в то же время, когда существовал древний Египет и Месопотамия. Позже Центральная Азия стала частью Персидской империи, которая, по мнению Ф. Старра, была в значительной степени децентрализованной и ее основные округа пользовались автономией. Практически округа империи были независимы, а их отношения с аппаратом имперского центра сводились к уплате дани и отдельным повинностям. Позже, в эпоху эллинизма, Центральная Азия стала процветать.

Ее культурное величие было таким же, как и в других частях древнегреческого мира. Переходя от времен античных к средневековью, автор, вполне ожидаемо, уделяет много ме-

ста и внимания арабским завоеваниям. При этом Ф. Старр отходит от установившегося канона, в соответствии с которым арабы обычно описываются как вполне добрые завоеватели, их часто противопоставляют жестоким татаро-монголам. Автор отбрасывает подобные представления и описывает арабов такими же, как все другие завоеватели в истории в более ранние и поздние времена: они разоряли города и не щадили население.

Ф. Старр не согласен с распространенным среди историков мнением, что арабы принесли в Центральную Азию культуру и способствовали ее развитию на местной почве. Наоборот, утверждает Старр, местное население презирало арабов. Вскоре арабы поняли, что не могут контролировать Центральную Азию только за счет насилия, к тому же основная масса солдат арабской армии в Центральной Азии состояла из местных жителей, преимущественно из этнических тюрок и персов.

Центральная Азия не зависела от Багдада, все было равно наоборот. На самом деле после гражданской войны «Багдад лежал в руинах и вряд ли был местом, которое могло привлекать ученых людей того времени, искавших покровительства». Поэтому неудивительно, что некоторые города Центральной Азии могли составлять Багдаду вполне достойную конкуренцию. По некоторым свидетельствам, в городе Нисхапур лекция по юриспруденции могла собрать в 997 г. н.э. аудиторию в пятьсот человек. А фарсиязычная Центральная Азия развила свою собственную, особенную идентичность. На самом деле культурное превосходство было не в Багдаде, как обычно полагают историки, а в Центральной Азии. Рассуждая о культурном величии Центральной Азии, Ф. Старр оговаривается: «Признание роли Центральной Азии в «Арабском Возрождении» не означает приуменьшение достижений арабских ученых в Багдаде». Тем не менее нельзя недооценивать роль Центральной Азии в культурном

развитии исламского мира. Именно Центральная Азия стала местом, где «арабская и персидская интеллектуальные традиции сошлись и взаимно обогатились...».

В Центральной Азии жили великие интеллектуалы своего времени, творческие гении. Среди них — Ибн Сина (Авиценна) и Аль-Фараби. В некоторых случаях именно уроженцы региона Центральной Азии совершили эпохальные изобретения, которые обычно приписываются арабским ученым. Но Центральная Азия была не только местом, где делали большие открытия и изобретения, но это также было место, где творили, где появились великие персоязычные поэты, которых обычно ассоциируют с Ираном. Развивая тему культурных достижений персоязычных интеллектуалов из Центральной Азии, Ф. Старр заключает, что «новые персидские поэты» возникли в Центральной Азии.

Такое описание Центральной Азии как одного из основных центров мировой цивилизации должно вполне понравиться современным элитам государств региона, которые ищут древние корни величия. Современные интеллектуалы в странах Центральной Азии зачастую ищут великих людей «чистого происхождения» — настоящих казахов, узбеков, туркмен или таджиков. Но в книге Ф. Старра таких найти невозможно. Великие умы, которые жили и творили в Центральной Азии, не могут быть приписаны к какой-то определенной этнической или культурной группе. Они принадлежали к разным этническим группам и совсем не уделяли внимания тому, кто они по крови. Они говорили и писали сразу на нескольких языках. Зачастую эти великие люди остро спорили между собой. Но именно эти споры — настоящий интеллектуальный плюрализм — и сделали возможным расцвет культуры в Центральной Азии. И этот интеллектуальный плюрализм терпели правители того времени, что в конечном счете сделало возможным, как считает Ф. Старр, культурное и экономическое процветание региона.

Рассматривая период татаро-монгольских завоеваний в Центральной Азии, Ф. Старр придерживается сбалансированного подхода. Он не представляет татаро-монголов как абсолютных разрушителей. Они часто сохраняли города, которые сдавались им без сопротивления. И все же ущерб от этого завоевания был огромным, и даже отказ от сопротивления отнюдь не гарантировал милость завоевателей. Татаро-монголы разорили Центральную Азию в гораздо большей степени, чем Россия (?) или Персия. В некоторых местах население истребляли до последнего человека, а ирригационные системы полностью разрушали.

Через несколько веков пришло новое разорение, на этот раз действовал Тимур Хромой, больше известный в западной историографии как Тамерлан. Череда его завоеваний сопровождалась жестокостью, сравнимой только с действиями Чингис-хана. Но даже эти бедствия не остановили новое культурное возрождение. Последний великий культурный и интеллектуальный порыв имел место в Центральной Азии во времена Тамерлана (1336—1405). Культурное возрождение во времена Тимура невозможно отрицать, но у него были свои особенности. Тимур придирчиво собирал мастеров-ремесленников из всех завоеванных им земель, но очень примечательно, что он не проявлял никакого интереса к интеллектуальным талантам. Именно с этого, по мнению Ф. Старра, начался настоящий упадок культурного пространства Центральной Азии.

Таким образом, книга Ф. Старра утверждает, что не разрушения как таковые со стороны монголов или Тимура надо считать причиной начавшегося упадка Центральной Азии. Главная причина была не в физическом, а в интеллектуальном разорении и в политическом закате режимов, т.е. основная мысль книги Ф. Старра может быть интерпретирована следующим образом: Центральная Азия, мол, могла бы вернуться к своему прошлому величию, если бы допустила

плюрализм, что в современном контексте означает политическую демократию. Несмотря на столь явные натяжки относительно современности, книга Ф. Старра поможет историкам посмотреть на известные события древних веков с новой точки зрения. Но особенно книга интересна тем, что она очень хорошо показывает, каким же западные интеллектуалы и политическая элита видят современный мировой порядок, особенно в Центральной Азии, заключает Д. Шлапентох.

Отдельного внимания заслуживают российские издания, посвященные Центральной Азии. Среди наиболее крупных работ следует назвать коллективное исследование «Годы, которые изменили Центральную Азию», увидевшее свет в прошлом году под руководством нынешнего директора Института востоковедения РАН В.В. Наукина (в качестве соруководителя проекта выступает немецкий эксперт П. Линке)¹³².

Российские ученые выделяют пять групп основных проблем, с которыми сталкивается, по их мнению, регион. Первая группа касается процесса трансформации в Центральной Азии: получил ли завершение этот процесс, или же он все еще продолжается; а если завершен, то какие государственные модели получены на выходе? Авторы приходят к выводу, что трансформация центральноазиатских политических систем и моделей происходит в русле консолидации национальных государств.

Вторая проблема посвящена идеологии и исследовательскому инструментарию, с которыми те или иные эксперты и даже целые школы подходят к изучению региона. Данная глава содержит немало критики в адрес западных идеологов, что не является неожиданным со стороны российских ученых. Главный тезис авторов состоит в том, что западные подходы носят в лучшем случае умозрительный характер, а в худшем — злонамеренный, так как ставят целью оторвать

¹³² Годы, которые изменили Центральную Азию. — М.: ЦСПИ-ИВ РАН, 2009 с. — 331 с.

Центральную Азию от России, для которой данный регион — не геополитическая абстракция, а вполне реальное продолжение собственной территории.

Третья глава книги наиболее обширная и посвящена конкретным государствам региона, их политической эволюции и социально-экономической трансформации. В отношении Казахстана делается вывод, что в нашей республике основные цели трансформации не достигнуты, т.е. не произошло главного — трансформации собственности на средства производства, которая была призвана решить задачу формирования класса свободных персонифицированных собственников — двигателя экономики и основы гражданского общества. Вместо этого создан симбиоз власти и собственности. С точки зрения политической модели в Казахстане построен красивый фасад демократического институционального набора, который отнюдь не тождественен самой демократии.

Ситуация в Кыргызстане оценивается с точки зрения концепции т.н. «авторитарного отката». Имеется в виду сворачивание демократических завоеваний режимом К. Бакиева и попытка выстроить в Кыргызстане собственный вариант вертикали власти. Однако, с учетом последних событий в этой республике, практически все выводы в отношении результатов развития Кыргызстана устарели. Бурные события апреля — июня 2010 г. означают, как минимум, что Кыргызстан вступил в новую фазу нестабильности. Однако в книге весьма прозорливо отмечается, что продолжение существующих тенденций грозит распадом государства и его поглощение более мощными соседями, что мы сегодня и наблюдаем.

В отношении Таджикистана основное внимание уделяется главным неблагоприятным факторам, осложняющим его развитие. К ним авторы относят клановый фактор, оказывающий пагубное влияние на политику и экономику, низкий уровень экономического развития и бедность, а также сильное влияние внешнего фактора. Что касается Туркме-

нистана, то выделяется его уникальность в ряду постсоветских государств, что, впрочем, не мешает анализировать его трансформацию с точки зрения поиска общего и особенного с другими республиками Центральной Азии. К числу доминирующих факторов, определяющих развитие Туркменистана, относят тоталитарный характер политического режима и углеводородный фактор, оказывающий прямое воздействие на экономическое состояние страны и ее внешнюю политику.

Раздел, посвященный Узбекистану, носит скорее описательный характер и не содержит каких-либо аналитических выводов. Отмечается, что Узбекистан представляет собой «осевое государство» региона, что накладывает неизбежный отпечаток как на его собственное развитие, так и на международное положение республики. В целом основной вывод состоит в том, что Узбекистан еще не реализовал свой обширный потенциал как в социально-экономическом и политическом плане, так и на международной арене. Данный тезис далеко не нов, мы сталкиваемся с ним по меньшей мере десять лет.

В книге также отмечается, что в ходе трансформации региона произошла дифференциация стран: Казахстан встал на путь превращения в региональную державу, Кыргызстан и Таджикистан расположились на другом полюсе, полюсе бедности. Основная мысль данного раздела заключается в том, что, несмотря на все провалы и недостатки, государства Центральной Азии не пополнили ряды т.н. провальных государств (опять-таки события в Кыргызстане, похоже, делает этот вывод преждевременным). В отличие от постсоветских государств Кавказа, центральноазиатские республики проявили достаточную степень устойчивости. Но проблемы остаются. Не решен вопрос, останутся ли эти государства светскими по характеру или станут мусульманскими (имеется в виду исламскими). У исламистов существует мощный резерв: ухудшение социально-экономического положения

населения и давление Запада. Но главная проблема всего региона и местных режимов (которая носит объективно-исторический характер) состоит в том, что власть не отделена от экономики.

Говоря о роли Запада в развитии региона, авторы констатируют, что его стратегия, направленная на уничтожение всех элементов социализма, завершилась полным триумфом. Также уничтожена советская система управления, что оценивать можно двояко. Главная цель Запада — недопущение восстановления советского строя и социализма (а также «советской империи») в любой их модификации; при этом интересы Запада и крупных корпораций, а также местных режимов в этом совпали. Но в реальности проектировщики преобразований добились формирования такой действительности, которую изначально стремились не допустить.

Отдельно в книге выделяется тесная взаимосвязь Европы и Центральной Азии. Эти регионы не являются друг для друга перифериями, и дело не только в членстве государств ЦА в ОБСЕ. Фактически Европа из всего западного мира наиболее тесно связана с Центральной Азией.

Четвертая глава монографии посвящена фактору радикального ислама в регионе. Политический ислам в Центральной Азии — реальность, возникшая на закате советской власти. Местные режимы выработали три модели поведения с исламистами: тотальное подавление всех исламистов (Узбекистан и Туркменистан); подавление радикальных групп и осторожный диалог с умеренными представителями (Казахстан и Кыргызстан); сотрудничество и включение во властные структуры (Таджикистан).

В конечном итоге авторы приходят к следующим выводам: во-первых, политическая либерализация не должна опережать либерализацию экономическую; во-вторых, в Центральной Азии не была решена задача трансформации собственности; государство заменило гражданское обще-

ство, а само общество оказалось расколотым по принципу прав-привилегий; в-третьих, наличие демократического институционального набора заменило в регионе демократию. Но главный вывод состоит в том, что исторический пример постсоветской Центральной Азии опровергает устоявшиеся политологические модели транзита: от авторитаризма к консолидированной демократии либерального типа. Наоборот, в регионе возникли политические режимы нового типа. В будущем, скорее всего, заключают авторы, каждому из государств Центральной Азии придется нащупывать собственную модель дальнейшей трансформации.

Совершенно другой характер носит книга И.Д. Звягельской (ИВ РАН) «Становление государств Центральной Азии: политические процессы»¹³³. Данное издание не является политологическим или аналитическим исследованием в полном смысле. Первые три главы носят исторический характер и посвящены истории региона, начиная с завоевания Российской империей; далее следует колонизация Туркестана и развитие Средней Азии и Казахстана в составе СССР. Таким образом, автор тесно привязывает парадигму исторического движения Центральной Азии к России. Рассматривая развитие центральноазиатских государств после обретения независимости, российская исследовательница останавливается на таких проблемах, как нацстроительство, политическая культура, роль исламского фактора, этническая и трудовая миграция, влияние внешних сил, потенциальные и реальные угрозы и конфликты.

Не могла современная российская историография обойти вниманием и такую важную проблему, как отношения государств региона с Китаем, который с каждым годом оказывает все большее влияние на развитие региона. Это монография наших российских коллег С. Жукова и О. Резниковой из Ин-

¹³³ Звягельская И. Становление государств Центральной Азии: политические процессы. — М.: Аспект пресс, 2009. — 208 с.

ститута мировой экономики и международных отношений РАН, озаглавленная «Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации»¹³⁴.

В концентрированном виде выводы к книге сформулированы авторами следующим образом: во-первых, экономическое взаимодействие КНР и Центральной Азии в ближайшем десятилетии будет развиваться быстрыми темпами. Такой ход событий отражает глобальную тенденцию — Китай продолжает превращаться в мощный экономический центр современного мира; во-вторых, если потоки товаров, услуг, инвестиций и технологий по линии Китай — Центральная Азия будут нарастать в силу несопоставимости масштабов экономик, то значимость экономических связей для участников этого процесса будет резко асимметричной; в-третьих, главные экономические интересы КНР в Центральной Азии, по объективным причинам, завязаны на экономического лидера региона — Казахстан; в-четвертых, как и другие центры глобальной экономической мощи, Китай заинтересован практически исключительно в природных ресурсах Центральной Азии, в первую очередь нефти Казахстана и природном газе Туркменистана; в-пятых, для политического сопровождения своих экономических интересов в Центральной Азии (хотя и не только по этой причине) Китай пошел на создание Шанхайской организации сотрудничества. Механизмы многосторонней дипломатии и риторики позволяют КНР обеспечить «мягкое обволакивание» Центральной Азии в неконфронтационном режиме и, в-шестых, растущий внутренний спрос в КНР на практически всю группу сырьевых товаров закрепляет превращение Центральной Азии в сырьевой придаток не только европейской, но и китайской экономики.

¹³⁴ Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. — М.: ИМЭМО РАН, 2009. — 179 с.

Монография Г.И. Чуфрина (ИМЭМО)¹³⁵, которая продолжает и дополняет предыдущее издание (в 2008 г. под его руководством увидела свет коллективная монография, посвященная политике РФ в регионе¹³⁶), состоит из трех частей. Первая часть посвящена проблемам региональной безопасности; здесь автор подробно рассматривает такие вопросы, как нетрадиционные угрозы безопасности, меры по борьбе с ними, разногласия и противоречия во взаимоотношениях стран ЦА как источник угрозы. Отдельная глава посвящена политике США в регионе в таком контексте, что Центральная Азия представляет собой новый рубеж во внешнеполитической стратегии Америки, которая имеет конкретные военно-политические цели в регионе. В отдельной главе автор рассматривает роль ОДКБ в регионе и российско-американские отношения в сфере региональной безопасности. И, наконец, завершает первую часть глава, посвященная влиянию афганского фактора (точнее, фактора Аф-Пак) на безопасность Центральной Азии. Автор разделяет критический подход в оценках результатов американской политики в регионе.

Чуфрин приходит к выводу, что российская политика в регионе должна носить предельно прагматичный характер. В сфере политических отношений на первом месте стоят вопросы, связанные с обеспечением как региональной, так и собственно российской безопасности. Главные инструменты Москвы в этой области — ОДКБ и ШОС. В сфере экономических отношений ответом России на свое сокращающееся экономическое влияние должно стать поддержание максимально благоприятного климата межгосударственного сотрудничества. Автор уверен, что Россия может и должна позиционировать себя не только как выгодного экономического

¹³⁵ Чуфрин Г.И. Россия в Центральной Азии. — Алматы: КИСИ, 2010. — 220 с.

¹³⁶ Новые тенденции во внешней политике России в Центральной Азии и на Кавказе / Под ред. Г.И. Чуфрина. — М.: ИМЭМО РАН, 2008. — 181 с.

партнера для государств региона, но и как эффективного гаранта их экономической независимости.

Шохрат Кадыров, являвшийся долгое время ведущим экспертом Института востоковедения РАН, далеко не новичок в этнографии. Девять его предыдущих монографий (с 1986-го по 2009 г.) были посвящены в основном этнографии туркмен, а также теоретическим проблемам социальной антропологии¹³⁷. Книга «Элитарные кланы: штрихи к портретам», также в основном построенная на туркменском материале, является по многим параметрам политологическим исследованием.

Автор исходит из того, что элитные кланы как институт не вымирают, а постоянно адаптируются к новым условиям. Расширение функций такой структуры (между родственниками), когда ее патроны садятся на ключевые государственные должности, равносильно созданию параллельного легитимного управления обществом и государством, прежде всего, в своих клановых интересах. В книге исследован вопрос о социальной природе, метагенетике и демографии элитарных кланов Туркменистана, Азербайджана, Казахстана, Грузии, Абхазии, а также, для сравнения, Норвегии и других стран Европы. В приложении — уникальный туркменский материал о генеалогиях старых и новых элит, биографии «патронов — клиентов»¹³⁸.

Главное внимание автором уделено т.н. метагенетической природе элитарного клана, в котором над прочими формами и принципами сплочения группы главенствует идея кровного родства в конкретной группе людей. Автор отмечает, что, по сути, эти родственные связи играют второстепенную роль в формировании группы, т.е. человек может иметь десятки и сотни родственников, но не иметь клана — не вступать с

¹³⁷ См., например: Кадыров Ш. Тайны туркменской демографии. — М.: ИВ РАН, 2009. — 333 с.

¹³⁸ Кадыров Ш. Элитарные кланы: штрихи к портретам. — Oslo: University of Oslo, 2010. — 108 с.

ними в социальные отношения, при которых родственные отношения становятся дополнительным, иногда и самодовлеющим фактором укрепления социальной группы.

Кланы и в традиционном, и в современном обществах типологизируются на элитарные и неэлитарные (т.е. демографические). В книге встречается понятие «демографический клан». Он отличается от «традиционного» тем, что в нем может быть много побочной родни, но (из-за высокой детской смертности) мало детей. Есть и другие отличия, например, современные многодетные кланы являются частью городского населения, в то время как традиционные сохраняются в нетронутом виде исключительно в сельской местности¹³⁹. Демографические кланы есть продолжение традиционных, но уже в современных условиях. По ходу знакомства с книгой читатель узнает о т.н. номинально-традиционной многодетной семье, чем она отличается от традиционной и что ее сближает с семьей современной.

Автор исходит из того, что элита и клан имеют сходство по тяготению к самовоспроизводству своих членов с определенными культурными или социально—статусными признаками, а также по наличию (и даже преобладанию) в структуре внутренних связей особого типа неродственных отношений «патрон — клиент». Оба института формируются избирательно и стремятся к династичности. И если клан изначально — это родня, то и элитарный клан также включает в себя, помимо патрона и клиентов, еще и их семьи. В этом главная причина, почему даже социализированные (искусственные) негенетические корпорации с преобладанием неродственных клиентов-партнеров нередко же именуется кланом, т.е. организацией, в структуре которой важное место занимает «генетическое» ядро — родственники — прямые

¹³⁹ Русское слово «клан» (от кельтского *clann*) означат род или группу родственников, мини-род, объединенный хозяйственными узами. Кстати, исконно русские понятия «род», «родинка», «рожать» показывают нам, что первоначально понятие «родина» было связано не с территорией, а с кровным родством, т.е. принадлежностью человека к клану.

наследники или долевыми хозяева собственности патрона корпорации и его партнеров-клиентов.

По мнению автора, цели клана можно назвать эгоцентристскими: обогащение и защита своих членов, самовоспроизводство демографического и социального статуса, а также расширение влияния на общество и государство. В современных научных и околонучных публикациях под элитарным кланом нередко понимают не просто группу родственников, имеющих общее дело, не только неформальную, но еще и тайную (непрозрачную), построенную в форме паутины, с многоуровневыми связями и размытыми внешними границами структуру. Теоретически члены такой организации не имеют общего хозяйства, могут жить в разных местах, служить в разных учреждениях, но они родственники и потому почти безоговорочно помогают друг другу.

В отношении Центральной Азии автор видит специфику ситуации в том, что в ней большую роль играют родственные связи, так как республики Центральной Азии сравнительно недавно пережили бурный рост рождаемости. При прочих равных условиях многочисленность дает клану важные преимущества. Чем многочисленнее семейство, тем больше ресурсов у клана для распределения своих людей в разных сферах жизни общества и государства и продвижения по службе своих сородичей или заключению брака с «большим» человеком. Другими словами, демография клана формирует основу, определяет потенциальный диапазон связей элитарного клана, а еще чаще — связей клана демографического с элитарным.

В отношении собственного народа и его социальной структуры автор пишет, что нациям, подобным туркменской, свойственны клановые альянсы и вместе с тем стремление кланов властвовать друг над другом. При детальном рассмотрении, это не общества, а субэтнические клановые сообщества. Для них характерны авторитаризм, вырастающий

из традиций патриархальной многодетной семьи, монархии, вырождающиеся в деспотии, внутриворцовые заговоры и государственные перевороты. Тенденции политогенеза в таких обществах (сообществах) изначально базируются на организации управления по принципу этноклановых ханств и аморфных конфедераций, а культурная антитеза «мы или они», в отличие от обществ-наций, направлена преимущественно вовнутрь этноса.

Автор повсеместно отмечает неформальное деление на субэтноты, землячества, кланы у современных «наций»: в Казахстане (северные, южные, западные), в Кыргызстане (северные и южные), в Узбекистане, где клан президента ведет борьбу то с джизакским, то с бухарским и ферганским клановыми группировками. Всюду положение усугубляется сохранением деления территориальных общностей на субэтнические группы при одновременном превращении территориальных групп (кулябцев, гиссарцев, ходженцев, бухарцев, балканцев, дашогузцев, лебапцев, марыйцев и др.) в этнизированные общности, каждая из которых считает себя этнически более «чистой», чем другие.

Далее автор раскрывает механизм функционирования клановой системы «изнутри». Клановые группы могут формироваться на земляческой основе, и так происходит довольно часто. Однако это типическое, но не видовое свойство, определяющее клановый феномен. Видовым отличием кланов от других теневого неформальных структур является кровное родство, дальнее или близкое. Ш. Кадыров отмечает парадокс системы клановости. Так, разложение многодетной семьи ведет не к ослаблению, а усилению земляческого единства и клановых связей внутри землячества. Так, во всех независимых государствах Центральной Азии происходит обвальное снижение рождаемости. Этот процесс, безусловно, является индикатором ослабления метагенетических патронажно-клиентальных связей.

Клан состоит из семей, но не всякая семья становится кланом. Каждая семья мечтает стать кланом, т.е. стать элитарной семьей, вокруг которой будут консолидироваться другие родственники. Современный клан включает в себя понятия «семья», «большая семья», «патронимия» и является модификацией древнего рода, в которой представление о кровном родстве является важнейшей характеристикой сплоченности независимо от того, какие родственники входят в клан (дальние или близкие, по отцовской или материнской линии).

Далее автор делает замечательный вывод: клановые отношения выступают той частью общественных отношений, которые способны тормозить и направлять развитие общества в угоду, прежде всего, небольшой группы людей, а затем уже общества в целом. Высокие формы демократии, как и крайние формы недемократии (сталинизм, туркменский башизм и т.п.), оказывают на кланы губительное влияние, разрушая кровнородственные связи. Однако и демократия теоретически не уничтожает кланы, а лишь не дает им застояться, укорениться, противопоставляя им выборность и заставляя одни элиты делиться властью с другими. На практике мировое сообщество все еще далеко от совершенства и потому клановая жизнь и теневая роль кланов продолжают играть важную роль во всех обществах и государствах мира, будь то социалистические, капиталистические, более или менее развитые страны.

Автор уверен, что кланы — составная часть общества и его разновидности — этноса. Как политический феномен кланы постоянно находятся в движении, одни кланы (неизвестные ранее) возвышаются, другие отмирают или уходят на вторые и третьи роли. Революциями движут классовые противоречия и столкновения, но в повседневной жизни перемены во властных структурах происходят из-за скрытой конкуренции кланов внутри элиты. Дворцовые перевороты или верхушечные революции, часто упоминаемые именно в

связи с традициями политической жизни Востока, а также смена правителя в результате его естественной смерти — результат и стимул перегруппировки сложившейся структуры кланов.

Кланы — это конкретный, внешне трудно отслеживаемый механизм внутренней поддержки кандидата на власть, а привилегии им — расплата за эту поддержку и инструмент укрепления власти. После укрепления власти клановая политика не отменяется, а перегруппировывается, ибо устранение конкурентов позволяет легимизировать произвольное обеспечение должностями «своих людей», включая раздачу «хлебных» мест своим родственникам.

Автор с уверенностью утверждает, что при самой мощной внешней поддержке игнорирующий кланы президент-демократ имеет больше шансов расстаться со своим креслом, чем правитель-недемократ, опирающийся на кланы. А поскольку наиболее прочными в клане являются родственные отношения, то можно заключить, что при одинаковом уровне политического профессионализма своей команды не имеющий в своем кругу близких родственников президент потеряет власть скорее, чем имеющий таковых. Утопическая программа полной ликвидации кланов потребует времени во много крат больше, чем сроки правления отдельно взятого президента.

Примером тому, отмечает автор, является Туркменистан, где первый президент С. Ниязов постоянно «тасовал колоду» с клановыми патронами, не давал засидеться на высокой должности никому из них, зачастую отправляя отставников из министерских кресел прямо в исправительно-трудовые лагеря. Тем не менее формирование кланов в Туркменистане не останавливалось ни на один день, после внезапной и во многом загадочной кончины Туркменбаши, новая команда президента пополнилась, в отличие от сироты Ниязова, реальными родственниками высшего должностного лица.

В 2011 г. в рамках совместного проекта германского Фонда им. Розы Люксембург и Института востоковедения РАН увидела свет третья в этой серии коллективная монография «Политический процесс в Центральной Азии»¹⁴⁰. В новой работе интернациональный авторский коллектив предал анализу политические процессы в странах региона, особенности социально-экономического развития государств Центральной Азии, коренные перемены, затронувшие все сферы жизни общества¹⁴¹.

Во вступительной статье авторы (Арне К. Зайферт, Ирина Звягельская) исходят из того, что в государствах Центральной Азии наблюдаются устойчивость авторитарной модели правления, специфический тип кланово-бюрократического капитализма, обслуживающего весьма ограниченную по численности группу, сложное взаимодействие традиции модерна, усиление влияния религии в общественной жизни. Они считают, что развивающийся в государствах Центральной Азии политический процесс воспроизводит незападную модель, или набор ее элементов, который в основном определяется формой общественных личных взаимоотношений, а власть, авторитет и влияние зависят в значительной степени от социального статуса. Поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а в основном на проблемах влияния.

Авторы утверждают, что консервативная политическая культура обусловила своеобразные принципы функционирования политических институтов. После обретения независимости и развала партийно-советской системы, пришедшая ей на смену многопартийность снова стала подвергаться влиянию устойчивых общественных взаимосвязей. Политические

¹⁴⁰ См.: Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию (1991—2006). — М.: ЦСПИ, 2006. — 270 с.; Годы, которые изменили Центральную Азию. — М.: ЦСПИ-ИВ РАН, 2009 с. — 331 с.

¹⁴¹ Политический процесс в Центральной Азии: результаты, проблемы, перспективы. — М.: ИВ РАН/ЦСПИ, 2011. — 406 с.

партии не являются идеологическими — важным фактором их формирования остаются региональные, клановые, родоплеменные интересы; большинство партий и движений не являются общенациональными, а борются исключительно за обеспечение более высокого статуса своим соплеменникам.

В этой связи авторы затрагивают крайне важный вопрос. Он отмечает, что существуют еще два варианта конфигурации региона, которые были предложены как альтернативное видение его истории, культуры и политических интересов. Один именуется «Центральная Евразия», другой — «Большая Центральная Азия». Главный довод такого переименования заключается в том, что прежняя «Центральная (или точнее Средняя) Азия» несет на себе явные следы российского и советского геополитического и геоэкономического проектирования — между тем после распада СССР советское наследие постепенно стирается и на первый план выступают новые геополитические конфигурации или, наоборот, более старые фундаментальные отношения, связанные с культурой, языком и религией. Следовательно, как считают сторонники новых названий, необходимо присоединить к Центральной Азии другие страны региона и рассматривать их как историческое геополитическое целое.

По мнению автора, проблема нового взгляда на регион и его название (в данном случае разница между «Центральной Евразией» «Большой Центральной Азией» носит второстепенный, скорее стилистический характер) заключается в том, что его проектировщики весьма неопределенно рисуют границы провозглашаемой ими культурно-географической конструкции. Помимо пяти названных стран, в нее более или менее единодушно включают Афганистан, остальной список может включать в себя, в зависимости от фантазии конкретного автора, Монголию, китайский Синьцзян, восточные районы Ирана, северо-западные районы Пакистана, Западную Сибирь, Южный Урал, Поволжье, Закавказье и Крым.

Авторы приходят к выводу, что, типологизируя разные возможные используемые способы описания Центральной Азии, можно обнаружить, что не существует и вряд ли может существовать какой-то единый взгляд на регион. Напротив, обнаруживается, что имеется множество разных мнений подходов, которые применяются при анализе или просто в суждениях. То, как видят сегодня Центральную Азию, сильно зависит от того, откуда эксперт смотрит на регион, какие реальные или воображаемые интересы он отстаивает, какой методологический аппарат предпочитает.

А. Зайферт посвятил свой раздел проблеме политического ислама в Центральной Азии. В контексте решения поставленной задачи Зайферт предлагает концепцию т.н. эволюционной «горизонтальной» исламизации и политизации религиозной среды. Исламизация и политизация проходят под определяющим влиянием трех факторов: первый — влияние социального вопроса; второй — углубление религиозности (ислам «национализирует себя»); третий — политизация (политический ислам, вплоть до требования создания исламского государства). Обращение к религии как реакция на бедность, обнищание и социальную бесперспективность — известное повсюду на земном шаре в разные исторические периоды явление. Однако особенность его в Центральной Азии заключается в том, что здесь на такую реакцию населения влияют сразу два фактора — взрывоопасный нерешенный социальный вопрос и быстро «национализирующийся» ислам. Они как бы сливаются в один сильный поток.

Зайферт в заключение выступает с резкой критикой капиталистической системы и применения ее принципов на практике в Центральной Азии. Он подозревает, что изначально (у западных элит) существовал план по полному уничтожению социалистической альтернативы либеральному капитализму. По его мнению, главная цель западной стратегии трансформации — искоренение политических и

экономических основ общества советского типа — была достигнута.

Он заключает: пока Западу не удалось добиться создания политических систем по своему подобию. На самом деле происходящие в регионе процессы свидетельствуют о том, что транзит рядом государств уже завершен, в них сформировались вполне консолидированные политические режимы «нового типа», не учтенные в укоренившихся западных представлениях о транзите.

Марлен Ларюэль (к тому времени — директор программы по ЦА Университета Дж. Вашингтона) выпустила под своей редакцией в 2013 г. коллективное исследование «Миграция и социальные потрясения как проявления глобализации в Центральной Азии»¹⁴².

Для решения поставленных фундаментальных задач М. Ларюэль собрала широкую интернациональную группу авторов, в том числе и центральноазиатских. В предисловии к изданию эксперт отмечает, что миграция уже давно является глобальным социальным феноменом. Она добавляет, что территория бывшего Советского Союза не стала исключением в планетарной картине крупных миграционных потоков. Наоборот, население постсоветских государств само активно включилось в процессы миграции. А внутри СНГ регион Центральной Азии, по ее мнению, занимает уникальное положение. Центральная Азия не только стала крупнейшим «поставщиком» славянского и русскоязычного населения в другие регионы, но и источником мощных потоков трудовой миграции. По оценкам автора, порядка 5 миллионов человек из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана являются постоянными и временными трудовыми мигрантами в России и около 1—2 миллионов — в Казахстане. Выходцев из Центральной Азии в качестве гастарбайтеров можно также

¹⁴² Laruelle M. (ed.) Migration and Social Upheaval as the Face of Globalization in Central Asia. — Leiden, Boston: Brill, 2013. — VII+413 pp.

встретить в США, Канаде, Израиле, ФРГ, Южной Корее и арабских странах Персидского залива.

М. Ларюэль обращает внимание на то, что массовая миграция оказывает влияние на отношения между индивидуумами, между ними и государством, а также влияет на экономическую стратегию государства. Основной спецификой центральноазиатской миграции автор вполне справедливо считает тот факт, что она, прежде всего, базируется на этнических и родовых связях. Но модернизация неизбежно проникает в эту среду и совершает ее эрозию в русле адаптации новых поколений мигрантов внутри постоянных диаспор к окружающей среде.

В книге делается ряд выводов. Так, экономический кризис показал, что миграция является мощным стабилизирующим фактором для экономик ряда республик региона. Это выражается в том, что миграция компенсирует нехватку рабочих мест дома. Кроме того, кризис заставил Россию как страну-реципиента упорядочить систему двусторонних и многосторонних соглашений со странами — миграционными донорами.

Любопытно, что в ходе кризиса различные группы мигрантов выработали собственную тактику и стратегию поведения с целью выживания и адаптации перед лицом негативных изменений. Фактически произошел раскол на активных и пассивных индивидуумов, причем к первым относятся те, кто предпочел остаться во время кризиса в России и выживать любым способом. Свою роль в дифференциации гастарбайтеров сыграли такие факторы, как возраст, уровень образования, уровень владения русским языком и т.д.

Завершает первую часть монографии М. Ларюэля раздел о Казахстане как о «новом перекрестке миграционных процессов». Уникальность Казахстана заключается в том, что, с одной страны, страна заняла девятое место в мире в качестве реципиента иностранных трудовых ресурсов, а с дру-

гой — сама остается крупным источником миграции вовне. Но миграция в Казахстан является скорее вынужденной для узбекских и таджикских гастарбайтеров, поскольку власти республики долгое время не могли или не желали упорядочить на законодательном уровне их положение. Мигранты сосредотачиваются в основном в южных областях Казахстана, способствуя тем самым ускорению процессов «центральноазиатизации» (по выражению автора) и дерусификации в этих регионах.

Казахстан привлекателен для своих соседей с точки зрения географической и транспортной близости, а также вследствие этнической близости и отсутствия ксенофобии. М. Ларюэль проводит сравнения между узбекской и киргизской миграцией в Казахстан и обращает внимание, что важным фактором на юге республики остается существование крупной узбекской диаспоры, выступающей в роли посредника между мигрантами и властями. Однако последние вкупе с общественным мнением нервно реагируют на численный рост узбекской общины. С другой стороны, культурно-этническая близость между казахами и киргизами снимает данную проблему (за исключением периодов революционных потрясений в Кыргызстане). Таким образом, заключает автор, на фоне репатриации русскоязычного населения или его старения внутри республики, роста внешней миграции и притока оралманов основной проблемой, с которой в перспективе столкнется Казахстан, станет «центральноазиатизация» состава его населения со всеми вытекающими из данного факта проблемами — деевропеизацией, исламизацией, руризацией и архаизацией общественных отношений.

Вторая часть книги «Миграционные стратегии как примеры адаптации к социальным пертурбациям» носит в большей степени иллюстративный характер. Авторы показывают на конкретных примерах, как, в зависимости от конкретной политической или социально-экономической ситуации, раз-

вивались миграционные процессы. Третья часть книги, названная «Формирующаяся социальная фабрика», повествует о гибкости национальных и индивидуальных идентичностей мигрантов. Основной посыл данной части книги состоит в том, что все центральноазиатские государства находятся на стадии национально-государственного строительства, причем на основе этнической консолидации. Данный фактор неизбежно оказывает серьезное влияние на другие стороны социальной жизни, включая миграционную политику. Таким образом, местные государства сталкиваются с необходимостью возвращения мигрантов или хотя бы укрепления их связей с исторической родиной.

В работе выделяется тот факт, что массовый исход т.н. русскоязычного населения в широкой степени способствовал моноэтнизации городской культуры Центральной Азии. Вторая фаза этого процесса — подключение к миграционным потокам из региона автохтонного населения в европейскую часть СНГ, т.е. Центральная Азия стала основным центром миграции на евразийском пространстве и с распадом СССР связи региона с Россией отнюдь не исчезли, как это предрекали многие наблюдатели в начале 1990-х гг., но приобрели новое качество, превратив центральноазиатские государства и их народы в акторов геополитической, социальной и демографической рекомпозиции Евразии.

Четвертая часть монографии посвящена влиянию миграционных процессов на гендерную сферу. На основе изученных материалов и данных социологии, авторы в той или иной степени склонны видеть в узбекских и таджикских женщинах, вовлеченных против своей воли в миграционные процессы, жертв тех социально-экономических потрясений, которые обрушились на постсоветское население в 1990-е гг., и той экономической модели и экономических отношений, которые сформировались на обломках социалистической системы. Таким образом, перед нами фундаментальный

труд, призванный осветить всю сложнейшую ткань миграционных процессов, затрагивающих политические, социально-экономические и демографические аспекты развития не только Центральной Азии, но и более значительного географического и геоэкономического пространства.

Политика России в Центральной Азии в интерпретации не западных, а российских ученых заслуживает особого внимания. Российский исследователь Алексей Малашенко (на тот момент — Фонд Карнеги) в своих подходах в оценке отношений между Россией и государствами Центральной Азии исходит из нескольких важных посылок. Он исходит из того, что Москва не в состоянии оказывать значимое влияние на внутривосточную ситуацию в странах Центральной Азии. Интересы России в Центральной Азии обусловлены: во-первых, ее стремлением сохранить влияние в регионе, удержать под своей эгидой остатки постсоветского пространства и тем самым подтвердить свою роль если не мировой, то, во всяком случае, евразийской державы¹⁴³; во-вторых, интересы России требуют сохранения и поддержания режимов, которые лояльно к ней относятся и готовы развивать с ней отношения. Решать эту задачу становится все сложнее; в-третьих, Россия стремится сдержать закрепление на территории Центральной Азии внешних сил, в первую очередь Соединенных Штатов и Китая. При этом, понимая, что остановить активность внешних акторов не в состоянии, Кремль стремится найти баланс между конкуренцией и партнерством с этими державами. Смирившись с китайским натиском, Россия жестко оппонирует США, стремясь ограничить их влияние в регионе; в-четвертых, национальный интерес России заключается в сдерживании трафика афганских наркотиков — из Центральной Азии и через ее территорию; в-пятых, в число национальных интересов России, безуслов-

¹⁴³ Малашенко А. Интересы и шансы России в Центральной Азии // Pro et Contra (МЦК). — 2013. — N 1-2. — С. 21—34.

но, входят проблемы центральноазиатской миграции, которую можно назвать обоюдным вызовом, содержащим как взаимные выгоды, так и взаимные сложности и, в-шестых, национальные интересы России неотделимы от проблемы транзита энергоносителей через ее территорию. Этот вопрос выходит за рамки собственно центральноазиатской и, еще шире, каспийской темы.

А. Малашенко исходит из того, что Центральная Азия не относится к числу главнейших внешнеполитических приоритетов России, а ее влияние в этом регионе становится все более ограниченным, что звучит парадоксально на фоне многочисленных заявлений Кремля на протяжении двух десятилетий — этот регион был и остается важнейшим приоритетом российской внешней политики. Стабильность в регионе, которая, как это ни покажется парадоксальным, не является для России безусловным стратегическим императивом. Конечно, с одной стороны, стабильность в Центральной Азии формально остается «священной коровой» российской политики, но, с другой стороны, политическая хрупкость Москве на руку: угроза конфликтов внутри региона, напряженность на его южных границах дают России повод предложить себя в качестве гаранта против любой угрозы.

Каким образом Россия стремится реализовать свои национальные интересы в Центральной Азии? Стратегией Москвы здесь стала интеграция, которую она осуществляет с помощью уже существующих, но — что важнее — вновь создаваемых ею региональных организаций, причем не только с участием стран Центральной Азии, но и других стран постсоветского пространства. Ошибкой Москвы можно считать то, что в Кремле длительное время добивались вовлечения в интеграционный процесс как можно большего числа государств.

Членство в ОДКБ становилось для государств региона своего рода козырем в общении с внешними игроками, пре-

жде всего с США. ОДКБ можно считать гарантией сохранения на постсоветском пространстве российских военных объектов. Международные организации, созданные усилиями России в Центральной Азии, не способны переломить главную тенденцию — снижение российского влияния в регионе. Нарастивая свое влияние в одном государстве Центральной Азии, Россия может потерять его в другом. Тем временем в Центральноазиатском регионе активно работают новые силы. Наконец, во всех центральноазиатских странах вполне вероятно смена режима, и ни в одной из них к власти уже не придут политики, безраздельно ориентирующиеся на Россию. Это сулит России новые трудности.

Исследователь уверен, что Россия за все это время так и не сумела в рациональной форме выразить свои национальные интересы в регионе. При этом он уверен, что Россия может: во-первых, сохранить свое влияние, для чего она располагает достаточным экономическим и политическим потенциалом; во-вторых, она способна и дальше поддерживать авторитарную модель правления (которая сохранится в регионе и без помощи Москвы); в-третьих, Россия способна принимать участие практически во всех проектах транзита энергоносителей, минуя ее территорию; в-четвертых, у России есть возможности ограничить ввоз и переправку через свою территорию наркотиков (другой вопрос, почему это не делается эффективно) и, наконец, в-пятых, в стратегическом плане Россия способна поддерживать кондоминиум с Америкой и Китаем по разделению ответственности за стабильность и безопасность региона.

Малашенко констатирует тот факт, что нынешняя Россия не способна выполнять ту цивилизационную миссию, которую она несла с середины XIX в. России нет места в дихотомии Запад — исламский мир, которые ведут борьбу за цивилизационное будущее Центральной Азии. Роковой ошибкой российского истеблишмента, могущей иметь стратегические

последствия, А. Малашенко считает тот факт, что последний не воспринимает ЦА как полноценный сегмент исламского мира и регион выпадает из стратегии отношений России с остальным мусульманским миром.

В заключение автор ставит сакраментальный вопрос, который должен придать смысл: кто бросает вызов России в Центральной Азии? Существует три основных геополитических вызова — китайский, американский и исламский. Автор считает, что китайский вызов носит не политический, а экономический характер (хотя не исключает в будущем его эволюции в нечто более серьезное для Москвы). Вызов России со стороны мусульманского мира, по мнению исследователя, носит для нее как внешний, так и внутренний характер. Но это не вызов, а скорее сигнал России к тому, что ее политика должна строиться с учетом цивилизационной принадлежности местных народов.

А. Малашенко заключает, что вследствие геополитических сдвигов Россия вынужденно заняла реактивную оборонительную позицию, одним из следствий которой и стало падение ее влияния в Центральной Азии. Но он не предлагает сидеть, сложа руки, критикуя «экономическую слабость и политическую заскорузлость внешнеполитического менталитета» правящих кругов, а выбрать качественно новую и динамичную политическую линию, бросить «новый российский вызов»¹⁴⁴.

Но существуют и альтернативные точки зрения. Так, В. Евсеев (Центр общественно-политических исследований РАН) не считает, что время России в ЦА прошло, и формулирует задачи, стоящие перед Россией в регионе, следующим образом: 1) уравновесить растущее влияние Запада и Китая; 2) сохранить свое военное присутствие; 3) поощрить развитие регионального военно-технического сотрудничества; 4) упрочить свое экономическое влияние¹⁴⁵.

¹⁴⁴ См. также: Малашенко А. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? — М.: РОССПЭН, 2012. — 118 с.

¹⁴⁵ См.: Евсеев В.В. Центральная Азия: внутренние и внешние угрозы. — М.: Наука, 2012. — 358 с.

Согласно его анализу, политика Москвы претерпела следующую эволюцию. В первой половине 1990-х гг. она сделала серьезную политическую ошибку, перестав оказывать экономическую помощь республикам региона и свернув политическое сотрудничество. В результате произошел отток русскоязычного населения и возникла «геополитическая пустота». Во второй половине 1999-х гг. Москва попыталась восстановить свое доминирование в регионе, но было уже поздно. При этом политика России оставалась непоследовательной. В первой половине 2000-х гг. Россия потерпела много неудач на фоне укрепления позиций Запада. Однако вторую половину десятилетия автор называет периодом относительных побед Москвы. И, наконец, нынешнее время, заключает исследователь, — это период неопределенности. Чтобы вновь стать локомотивом для развития региона, России может элементарно не хватить ресурсов в условиях противодействия со стороны Запада, Китая и Ирана.

Он вынужден признать, что региональные позиции Москвы не выглядят устойчивыми. В целях укрепления последних автор предлагает ряд шагов, которые, на наш взгляд, носят скорее тактический, чем стратегический характер. В. Евсеев считает, что России целесообразно потратить период относительной открытости Туркменистана для сближения с Ашхабадом; использовать в свою пользу состояние политической неопределенности в Казахстане, оказать помощь в укреплении военных потенциалов Кыргызстана и Таджикистана, не реагировать на рецидивы геополитических шараханий Ташкента. Судя по некоторым действиям российского руководства в последнее время, некоторые из рекомендаций автора приняты к сведению.

Д. Тренин (председатель научного совета Московского центра Карнеги) высказывает такую неординарную мысль: чтобы новая Евразия могла состояться, старая должна сойти со сцены. Помимо Российской Федерации, «мостом» между

востоком и западом Евразии теперь служат Центральная Азия, Прикаспийский регион и Кавказ. Квинтэссенцию «евразийства» сегодня воплощают собой Казахстан и Турция, связанные как с Азией, так и с Европой. Практически все риски и потенциальные угрозы в сфере безопасности в Центральной Азии имеют региональное происхождение. Основные интересы России в регионе по-прежнему связаны со стабильностью в Казахстане¹⁴⁶.

Со времен распада СССР, пишет автор, многие наблюдатели рассматривают Центральную Азию как арену для нового варианта «Большой игры». На деле же на бывших советских «задворках» развернулась конкурентная борьба со многими участниками. Таким образом, заключает Д. Тренин, конкуренция налицо, но аналогии с «Большой игрой» неуместны. Будущее Центральной Азии определит не «спарринг» между Москвой и Вашингтоном и даже не «забег» с Пекином в качестве третьего участника. Оно решается в Астане, Ташкенте и столицах других стран региона. Ни одна из этих столиц не видит себя сателлитом Москвы. В то же время центральноазиатские лидеры не желают всецело доверить заботу о безопасности своих стран Соединенным Штатам. Что же касается Китая, то страны региона рады видеть его в качестве торгового партнера, инвестора и кредитора, но опасаются могущества Пекина и его превращения в потенциального регионального гегемона.

Автор приходит к выводу, что в результате у центральноазиатских государств сформировалась многовекторная внешняя политика, возводящая маневрирование между основными центрами влияния — Евросоюзом, Турцией, Ираном, Пакистаном, Индией, Японией и др. — в ранг стратегии. Кроме того, две наиболее крупные страны Центральной Азии, Узбекистан и Казахстан, борются за место регионального лидера.

¹⁴⁶ Тренин Д. Post-Imperium: евразийская история / Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2012. — 236 с.

Три их малых соседа не могут позволить себе игнорировать амбиции Ташкента и Астаны. Д. Тренин делает вывод, что в этих условиях России необходимо проводить в Центральной Азии дифференцированную политику, отвечающую ее собственным конкретным интересам. «Ностальгический» курс, нацеленный на сохранение региона в сфере влияния Москвы, обречен на провал. Кроме того, России следует задействовать потенциал мягкого влияния, чтобы повысить свою привлекательность в глазах народов Центральной Азии.

Китайский вопрос в Центральной Азии, благодаря усилиям французских исследователей — специалистов по Центральной Азии Марлен Ларюэль и Себастьяна Пейруза, продолжает сохранять свою актуальность. В 2012 г. увидела свет их новая работа — «Китайский вопрос в Центральной Азии: внутренний порядок, социальные изменения и китайский фактор»¹⁴⁷. Тематически новая монография продолжает их предыдущую работу «Китай как сосед» (2009, см. выше), во многом ее добавляет и в некоторых местах даже повторяет. Супруги, которых с каждым годом все труднее называть «французскими учеными» (в настоящее время они представляют Университет Дж. Вашингтона; ранее — Университет Джонса Хопкинса), известны также благодаря другим своим многочисленным исследованиям по китайско-центральноазиатским отношениям.

Авторы разделили данную крупную проблему на две части: в первой они рассматривают политику Китая в Центральной Азии как глобального актора; во второй — реакцию внутри региона и отдельных центральноазиатских государств на китайское проникновение. Первая часть включает в себя широкий круг вопросов, затрагивающих принципиальные основы взаимоотношений стран региона с их великим соседом: проблему границ и диаспор, взаимодействие в

¹⁴⁷ Laruelle M., Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia. Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor. — London: C. Hurst & Co., 2012. — VII+271 pp.

рамках ШОС, экономическую экспансию КНР в регион, китайскую энергетическую дипломатию и «китайский бренд» — реализацию инфраструктурных проектов.

В качестве главного вопроса в своем исследовании авторы ставят проблему следующим образом: несмотря на тот факт, что Центральная Азия занимает в международных делах относительно скромное место (преувеличенное мировыми СМИ вследствие близости к Афганистану и реанимации «Большой игры»), какое место все-таки занимает регион во внешнеполитической стратегии Китая? Отвечая на этот вопрос, авторы обращают внимание на следующий нюанс: согласно китайским представлениям об окружающем мире, Центральная Азия для Китая — это не часть постсоветского пространства, а фрагмент Западной Азии.

По мнению исследователей, этот регион для КНР играет роль своеобразного «радар», призванного обезопасить Китай на двух направлениях: обеспечить безопасное континентальное снабжение энергоресурсами, свободное от глобальных угроз и конкуренции; выступить в качестве объекта, демонстрирующего мирные намерения растущей мировой державы с точки зрения мультилатерализма в международных делах. На первом направлении Пекин ждет от Казахстана нефть и уран, от Туркменистана — газ, от Кыргызстана и Таджикистана — электроэнергию. В то же время, ссылаясь на мнение известных китайских исследователей (Чжао Хаушен), авторы говорят об отсутствии у Китая настоящей стратегии в отношении региона. Но Китай в этом плане не одинок; аналогичная картина наблюдается у его соперников за влияние в регионе — России и Соединенных Штатов. Каждая сторона этого геополитического треугольника хотела бы иметь привилегированное положение в ЦА; союз двух из них между собой означал бы неизбежное ослабление третьего.

При этом каждая из сторон преследует свои цели, которые диктуются собственными стратегическими интересами

или традиционными представлениями. Так, для США основная цель — не допустить возникновения фундаментального стратегического альянса между Москвой и Пекином; Россия действует по схемам, унаследованным из эпохи «холодной войны» — любой ценой проводить политику сдерживания Америки. Что касается Китая, то Пекин предпочитает российский контроль в регионе утверждению Соединенных Штатов.

В течение и к концу 2000-х г.г. центральноазиатские государства вдруг обнаружили, что геополитическая ситуация вокруг их региона фундаментально изменилась. Стало все труднее привлекать внимание Вашингтона к местным делам; Европа эволюционировала в достаточно скромного партнера. Турция и Иран уже определились с пределами своих интересов в регионе; вовлечение Японии не дало ожидаемого эффекта. И только Китай все это время наращивал свое влияние, которое к настоящему моменту позволяет ему на равных разговаривать с Россией и Западом.

Одной из целей своей работы авторы обозначили выявление мультипликативного эффекта китайского фактора на внутреннее развитие региона. Исследователи предполагают, что примерно с 2005 г. Пекин пытается проводить политику по поиску путей для укрепления позиций китайского языка и китайской культуры и подготовки местных элит по китайской модели. В долгосрочной перспективе присутствие Китая будет сравнимо с российским. Китай уже оказывает влияние на все стороны центральноазиатских обществ. Это такой же глобальный актор, как и Россия: дипломатический и геополитический союзник, экономический партнер и носитель привлекательной социокультурной модели.

Вторая часть книги М. Ларюэль и С. Пейруза в содержательном плане повторяет их предыдущую работу, однако материал, посвященный изучению влияния и реакции на китайское присутствие внутри страны региона, претерпел струк-

турные изменения. Здесь авторы делают любопытное наблюдение: политологические и академические круги в регионе в целом проявляют мало подлинного интереса к Китаю, что обусловлено их геополитической и мировоззренческой ориентацией на Россию и Европу. Китай до сих пор рассматривается преимущественно через «российскую призму». СМИ в Казахстане и Кыргызстане по-прежнему воспроизводят устоявшиеся (и устаревшие) клише о Китае. Поэтому, заключают авторы, величайшим вызовом и главной задачей Китая является устранение подобных призм и клише, а также воспитание новых элит с собственным взглядом и знанием КНР.

В заключение авторы подчеркивают, что каждое из центральноазиатских государств имеет свой собственный «китайский вопрос», т.е. отношение к Китаю и отношения с КНР у каждой республики носят свой специфический характер. Прежде всего, различный подход наблюдается у государств, граничащих с Китаем, и не имеющих с ним общих границ. При этом в бедных республиках — Кыргызстане и Таджикистане — китайское присутствие воспринимается в большей степени как позитивный фактор. Для Казахстана и Кыргызстана «китайский вопрос» — это часть политической повестки дня; для Узбекистана и Туркменистана этот вопрос не имеет острой актуальности. Свою лепту вносит пантюркистский фактор, в частности на позицию Таджикистана, который может позволить себе игнорировать позицию Турции и уйгурскую проблему. Авторы обращают внимание на такой парадокс: наиболее тесные связи с Китаем у Казахстана, но при этом именно в Казахстане наиболее развиты синофобские настроения.

В целом же синофильские и синофобские настроения в странах ЦА идут рука об руку. Свою лепту в рост антикитайских настроений вносит исламский фактор. В деловых кругах наблюдаются как синофильские, так и синофобские настроения. Интеллектуальные и академические круги, по

мнению авторов, в целом настроены к Китаю враждебно, который, как минимум, воспринимается в качестве угрозы и, как максимум, чуждая и враждебная цивилизация. В этом едины как те, кто ориентируется на Россию, так и те, кто сориентирован на Запад или Турцию; с ними солидарны также исламисты. Особняком в регионе стоит Таджикистан, где авторы отмечают наиболее развитые синофильские чувства.

Как считают исследователи, с геополитической перспективы у государств Центральной Азии не так много шансов. Укрепление российско-китайского партнерства, будь то в рамках ШОС или на двусторонней основе, резко суживает их возможности маневрировать и выбирать на международной арене. Авторы заключают, что геополитическое будущее региона детерминировано эволюцией от «российского юга» к «китайскому западу». В целом авторы избегают делать окончательные выводы относительно будущего китайско-центральноазиатских отношений. Главный вывод книги можно сформулировать следующим образом: влияние китайского фактора на развитие стран ЦА уже давно невозможно игнорировать.

Европейские исследователи Р. Пантуччи и А. Петерсен исходят из того, что Китай, возможно, и не стремится построить империю в Центральной Азии, но это единственная держава, действующая здесь комплексно и с расчетом на долгосрочную перспективу. Некоторые американские стратеги, в частности Роберт Каплан, писали, что возможная «холодная война» с Китаем будет менее обременительной, чем советско-американская, поскольку для нее потребуется лишь военно-морская составляющая. Но при этом упускается из виду огромная территория Центральной Азии, где Китай укрепляет свои позиции, нежданно-негаданно превращаясь в империю¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Пантуччи Р., Петерсен А. Народная республика превращается в империю // Pro et Contra (МЦК). — 2013. — N 1-2. — С. 58—69.

Эксперты отмечают, что на протяжении большей части своей истории Китай экономически был сугубо сухопутной державой. И сегодня подъем Китая в геополитическом смысле ярче всего проявляется на суше — в Евразии, вдали от мощи Тихоокеанского флота США и от тихоокеанских союзников Вашингтона, а также вдали от сферы влияния других азиатских держав, таких как Индия. Поэтому западным политикам следовало бы стряхнуть пыль со старых работ сэра Х. Маккиндера, который утверждал, что самым важным из всех географических регионов планеты — осью мира — является Центральная Азия (а не те регионы, которые выделял великий стратег морской мощи США А. Мэхэн). Чтобы правильно понять процесс геополитического и стратегического восхождения Китая, Соединенным Штатам следует обратить больше внимания на растущее китайское присутствие в Центральной Азии.

Пока нет уверенности, что сам Китай в полной мере осознает масштабы воздействия этой своей региональной деятельности по перестройке Центральной Азии и правильно оценивает отношение к ней здешних государств. Влияние России в этом регионе сегодня проходит отметку исторического минимума, да и позиции США не кажутся незыблемыми — во всяком случае в Центральной Азии широко распространено мнение, что американцы в стратегическом плане уйдут из этого региона, как только из Афганистана будет выведена большая часть войск. Так что Китай неожиданно превращается в империю.

Деятельность Китая в Центральной Азии, естественно, привлекает внимание исследователей и к ШОС. Это единственная региональная организация, созданная и возглавляемая Китаем, что лишним раз подчеркивает важность для Пекина этого региона, примыкающего к Китаю на западе. Они заключают, что ШОС сильно недостает институционального потенциала, но она постепенно превращается в самую пред-

ставительную и авторитетную международную организацию в Центральной Азии и без лишнего шума расширяет свое геополитическое влияние.

Таким образом, заключают аналитики, в долгосрочной перспективе самопроизвольное образование Китайской империи в Центральной Азии будет иметь геополитические последствия с точки зрения американского и, вообще, западного влияния в этом (по Маккиндеру, важнейшем) геополитическом регионе планеты. Если в своей китайской политике Вашингтон будет уделять внимание в основном Азиатско-Тихоокеанскому региону, то он может не только упустить из виду более серьезное направление укрепления глобальной мощи Китая, но и обнаружить, что развивать отношения со странами Центральной Азии стало гораздо сложнее. Если другие государства тоже будут держаться в стороне от здешних дел, мягкий захват Китаем Центральной Азии с вытеснением Соединенных Штатов станет не только непроизвольным, но и неизбежным¹⁴⁹.

Политику КНР в регионе затрагивает также коллективное исследование «Шанхайская организация сотрудничества и проблемы безопасности Евразии»¹⁵⁰. Данное исследование выполнено в рамках совместного исследовательского проекта Женевского центра по демократическому контролю над вооруженными силами (DCAF) и Центра изучения внешней политики и безопасности (ЦИВПБ) в Минске. ШОС уже заняла свою собственную нишу в системе международных отношений в Евразии, постепенно расширяет сферу своей деятельности, наращивает активность по многим направле-

¹⁴⁹ См. также: Boulègue M. Xi Jinping's Grand Tour of Central Asia: Asserting China's Growing Economic Clout. — Washington: Central Asia Economic Paper N 9, October 2013. — 7 p.

¹⁵⁰ The Shanghai Cooperation Organization and Central Asia's Security Challenges. — Almaty, Minsk, Geneva: DCAF, 2013. — XI+160 pp.; Шанхайская организация сотрудничества и проблемы безопасности Евразии / Под ред. А.А. Розанова; Женевский центр по демократическому контролю над вооруженными силами, Центр изучения внешней политики и безопасности, факультет международных отношений БГУ. — Минск / Алматы / Женева, 2012. — 194 с.

ниям сотрудничества. Особенностью этого проекта является рассмотрение создания и деятельности ШОС как опыта противоречивого, конкурентного взаимодействия и сотрудничества Китая и России в попытке поддерживать и укреплять статус-кво в Центральной Азии. Центральной проблемой продолжает оставаться вопрос безопасности в регионе, где ШОС пытается стать одним из важнейших элементов складывающейся системы международного взаимодействия. В целом авторы приходят к единому мнению о сравнительно «скромной» роли ШОС в Евразийской архитектуре безопасности, неполной реализации ее потенциала в этой сфере.

Работа польских исследователей Александра Ярошевича и Криштофа Страхоты «Китай против (точнее — лицом к лицу с) Центральной Азии: достижения двух последних десятилетий» — небольшая по объему, но претендует на охват всех основных вопросов по данной проблематике. Книга подготовлена в Центре восточных исследований в Варшаве. В структурном плане она состоит из четырех частей. Первая посвящена изучению фундамента взаимных отношений — исторического, стратегического, а также изучению взаимных представлений Китая о Центральной Азии и наоборот. Вторая часть освещает ключевые аспекты политических связей и отношений в сфере безопасности. Третья часть посвящена исключительно экономическому присутствию КНР в регионе. И, наконец, четвертая часть изучает китайское присутствие в ЦА уже в социальном измерении¹⁵¹.

В обоснование концепции своей книги авторы выдвигают следующие тезисы. Первый утверждает, что растущее влияние Китая и его превращение в основного игрока в Центральной Азии является главным результатом развития ситуации в регионе за последние 20 с лишним лет после распада Советского Союза. Далее авторы утверждают, что сердцевиной ин-

¹⁵¹ Jarosiewicz A., Strachota K. China vs. Central Asia. The Achievements of the past two Decades. — Warsaw: OSW, 2013. — 82 p.

тересов КНР в регионе были вопросы обеспечения собственной безопасности. В дальнейшем данная проблематика стала основой для усиления экономической и политической взаимной заинтересованности сторон. Такая эволюция отношений привела, как считают авторы, к усилению сопротивления со стороны России. Однако, несмотря на российский фактор и *мн. др.*, Китай все же превратился в основного стратегического партнера государств региона в экономической области.

Китай переиграл всех основных соперников (к ним авторы относят Россию, США, Турцию и Иран), чтобы стать незаменимым торгово-экономическим партнером стран Центральной Азии, а для некоторых из них — и главным инвестором. От присутствия Китая государства региона выигрывают в экономическом и политическом плане, но это не останавливает постепенного роста опасений относительно стратегических последствий подобной тесной зависимости от КНР. Но ситуация с безопасностью вокруг Центральной Азии остается нестабильной, и вопрос о том, как долго сохранится хрупкий геополитический баланс между Россией, США и Китаем, остается открытым, заключают исследователи.

Они описывают стратегические интересы заинтересованных сторон таким образом. Для Пекина эти интересы состоят в следующем: сохранить стабильность в Синьцзяне и предотвратить негативное влияние на СУАР из ЦА; укрепить стабильность в Центральной Азии как условия для сохранения стабильности в СУАР и экономических отношений; поддержать суверенитет государств региона и стабильность правящих режимов как необходимое условие для усиления своих экономических и политических позиций; ослабить доминирование и влияние геополитических соперников — поначалу России, а после 2001 г. — Соединенных Штатов.

Целями политики центральноазиатских государств в отношении Китая являются следующие: защитить себя от китайской экспансии, особенно по пограничным проблемам,

по мере возможности сопротивляясь китайским претензиям; с осторожностью относиться к любым проектам китайской стороны, используя в то же время китайский фактор для усиления собственных позиций на международной арене (особенно в отношениях с Россией), но при этом избегая зависимости от Пекина; в максимальной степени использовать выгоду от торгово-экономических отношений с КНР и занять место своеобразного торгового «конвейера» в трансферте китайских товаров в Европу и на Ближний Восток.

Интересы России авторы рассматривают в традиционном ключе. К ним они относят следующие: сохранение и углубление своего политического и военного доминирования и экономического влияния; блокирование и сдерживание активности своих геополитических соперников — в первую очередь США и КНР; в то же время сохранение и развитие стратегического сотрудничества с Китаем на глобальном уровне и на равных условиях.

Третья часть работы, посвященная экономическому сотрудничеству стран ЦА с КНР и росту экономического присутствия Китая в экономиках государств региона, самая обширная и подробная. Авторы в деталях рассматривают проникновение Китая в самые различные секторы экономики и инфраструктуры региона. Секретом успехов Китая является тот факт, что Пекин проводит крайне гибкую политику и может позволить себе инвестировать в развитие энергетической инфраструктуры, не требуя контроля для себя; финансировать разработку газовых и нефтяных месторождений, не пытаясь завладеть контрольным пакетом акций на них; развивать торговлю со странами региона, кредитуя их собственными же деньгами на эти цели.

В заключение авторы пишут, что достижения в развитии отношений между Китаем и Центральной Азией впечатляют. Начавшись практически с нуля в начале 1990-х гг., эти отношения привели к тому, что Китай занял место стратегиче-

ского экономического партнера стран ЦА и он в состоянии действительно оказывать реальное весомое влияние на их экономики. Становится очевидным, что растущее китайское присутствие в регионе оказывает влияние на международное положение Центральной Азии. Но при этом государства региона также выигрывают от сотрудничества с КНР. Если эти тенденции сохранятся в прежней динамике, не за горами время, когда китайское влияние из экономического конвертируется в политическое.

Что может угрожать дальнейшему росту китайского влияния в регионе? — задаются вопросом авторы. И отвечают: это сохранение нестабильности как в регионе в целом, так и в каждой отдельно взятой республике. Также возрастает угроза стратегической неопределенности (нестабильности) с учетом вывода сил международной коалиции из Афганистана. На китайское присутствие в регионе могут оказывать также влияние факторы глобального характера. Например, нестабильность на Ближнем Востоке повысит ценность Центральной Азии как источника энергоресурсов в глазах Пекина. И, наоборот, нестабильность на Южном Кавказе отрезает страны региона от поставок энергоресурсов в Европу и заставит полностью переориентироваться на китайское направление.

В целом, несмотря на обилие в современной политологии фундаментальных исследований (казахстанских, российских, западных и китайских), посвященных политике и присутствию Китая в Центральной Азии, работа А. Ярошевича и К. Страхоты оставляет благоприятное впечатление. Она носит концентрированный характер и не страдает излишними подробностями, хотя каких-то особых открытий в этом направлении исследований она не делает.

* * *

Таким образом, перед нами богатая палитра мнений, концепций и теорий касательно настоящего состояния и дальнейшего развития Центральной Азии и составляющих ее государств. Отметим, что многими экспертами высказывается мысль, что относительно спокойный период существования региона в системе международных отношений, который совпал с окончанием легислатуры Дж. Буша и начальным периодом администрации Б. Обамы, завершается. Сейчас, когда решены основные задачи по долгосрочной дестабилизации Ирака и Афганистана, Арабского Востока, перед Западом встает задача дестабилизации Ирана и Пакистана.

В таком контексте нейтральная Центральная Азия (как и нейтральный Казахстан) уже не устраивают ни США, ни Россию. Объявление в сентябре 2011 г. Путиным курса на Евразийский союз означает: непоследовательности российской внешней политики приходит конец. И, следовательно, заканчивается эра «многовекторности» во внешнеполитической ориентации многих государств региона. Подобные рассуждения и выводы проходят как прямым текстом, так и подтекстом во многих процитированных работах.

§ 1. Узбекистан

Республика Узбекистан (РУ) является уникальной страной Центральноазиатского региона. Это единственная республика, которая граничит со всеми остальными государствами Центральной Азии. На территории всех без исключения соседей Узбекистана, включая Афганистан, проживают крупные общины этнических узбеков. Эти факторы не могли не повлиять на характер внешней политики Ташкента и его отношений с соседями, который носят, безусловно, специфический характер.

Отношение внешнего мира к Узбекистану сразу же после распада СССР формировалось в благоприятных условиях. Для

Запада Узбекистан казался своего рода «центральноазиатской Украиной» — страной, располагающей относительно крупным демографическим и экономическим потенциалом, чтобы противостоять восстановлению Россией своих позиций в ЦА.

Для (мусульманского) Востока Узбекистан был наследником и хранителем тысячелетних традиций, связанных с блистательным исламским прошлым региона, обладателем таких мусульманских святынь, как Бухара и Самарканд. В Узбекистане видели также вторую по численности тюркскую страну в мире. Для (азиатского) Востока Узбекистан представлял собой густонаселенную страну с сохранившимися традициями культуры и этики упорного и методичного труда, т.е. своего рода центральноазиатским аналогом восточноазиатских «тигров» (новых индустриальных государств). Предполагалось, что при создании благоприятного инвестиционного климата и импорта соответствующих технологий Узбекистан повторит путь стран АТР и ЮВА.

Важно отметить, что на формирование узбекских клановых региональных элитных групп оказывала влияние не только региональная принадлежность. Узбекские политико-финансовые группировки являлись более гибкими, чем строго территориальный клан, так как, помимо региональной общности, действовали и другие важные факторы, такие как доступ к финансовым ресурсам, родственные связи, дружеские отношения и прочие моменты субъективного и объективного характера, а также другие обстоятельства. Исходя из этого, в ташкентскую и самаркандскую политико-финансовые группировки могли входить и входят представители разных регионов и национальностей, что в значительной степени усиливало ресурсные возможности каждого клана. При этом надо отметить, что данный расклад являлся по многим причинам достаточно условным.

Узбекистан является наиболее популярным (после Казахстана) объектом для зарубежных политологов, что не удиви-

тельно. Эта республика всегда рассматривалась на Западе как ключевая в регионе благодаря своим сильным историческим традициям, большому населению, относительно самостоятельной внешней политике в рамках СНГ (и в отношении России), влиянию на соседние страны, включая Афганистан, а также в контексте ее соперничества с Казахстаном за лидерство в Центральной Азии.

К моменту распада СССР наиболее компетентными специалистами по Узбекистану считались патриарх американской советологии Э. Эллуорт, филолог У. Фирман и политолог Дж. Кричлоу. Последний опубликовал в начале 1990-х гг. ряд работ, в которых он пытался анализировать текущее развитие республики и делать прогнозы относительно ее дальнейшей эволюции. В 1991 г. увидела свет его монография «Национализм в Узбекистане» (**Critchlow, 1991**), в которой американский политолог предсказал, что Узбекистан еще в советское время начал полным ходом эволюционировать в сторону формирования «государства-нации». У. Фирман в том же году издал аналогичное по концептуальной направленности исследование «Языковое планирование и национальное развитие в Узбекистане» (**Fierman, 1991**).

По мере укрепления авторитарных тенденций во внутриполитическом развитии Узбекистана на Западе появляется все больше работ, посвященных политической оппозиции и ее борьбе с официальной властью, а также растущему исламскому фактору. Это исследования Д. Ибрахима «Исламизация Центральной Азии на примере Узбекистана» (**Ibrahim, 1993**), Д. Тайсона «Роль неофициальных СМИ в современном Узбекистане» (**Tyson, 1994**), П. Кромера «Городское и аграрное развитие в Узбекистане» (**Craumer, 1995**), «Права собственности в Узбекистане» (**Analysis., 1996**), Р. Мохана «Статус женщин в Узбекистане» (**Mohan, 2002**). Узбекская проблематика широко представлена в исследовании А. Бор «Экономика и внешняя политика Узбекистана» (1998).

Много исследований на Западе были посвящены внешней политике и международному положению Узбекистана. Среди них работы М. Киримли «Узбекистан в новом мировом порядке» (Kirimli, 1997), А. Бора «Внешняя политика Узбекистана» (Bohr, 1998), Г. Кларка «Американский взгляд на Узбекистан» (Clark, 1999). Последний, будучи в 1990-е гг. послом США, излагает довольно нелицеприятные оценки в отношении режима И. Каримова и его политики. Кларк подробно пишет о возросшей роли ислама в политической жизни республики, что стало во многом неудачей политики И. Каримова. Реформы фактически провалились. Но во внешней политике, считает посол, Ташкент проводил самостоятельную и эффективную политику, блокируя все попытки реальной интеграции в Центральной Азии и в рамках СНГ под эгидой России. Кларк считает, что у узбекского президента имелась альтернатива: войти в историю, как американские президенты-основатели, или «умереть, как Брежнев на бессменном посту». Политика США во время его посольской миссии была нацелена на подталкивание к первому выбору. Однако, как показали дальнейшие события, Каримов предпочел (к разочарованию Вашингтона) «брежневский вариант».

По мере стагнации политической ситуации в республике на Западе все больше появляется критических публикаций о политической ситуации в Узбекистане и репрессивном характере режима И. Каримова. Это в первую очередь доклады Международной кризисной группы «Десятилетие репрессий и нестабильности» (Uzbekistan at Ten, 2001) и «Узбекские реформы: иллюзия или реальность?» (Uzbekistan's Reform Program, 2003). К этому ряду, безусловно, относится книга французского ученого Б.М. Петрик «Власть в постсоветском Узбекистане» (Pétric, 2002). Более детально на проблеме взаимоотношений ислама и власти останавливается А. Халид в своей работе «Светский ислам: нация, государство и религия в Узбекистане» (Halid, 2003). В 2002 г. в США было опубли-

ковано относительно объективное исследование о республике, в которой была сделана попытка дать сбалансированную оценку непростой ситуации (Uzbekistan, 2003). Экономическим проблемам и государственной политике в этой области посвящено исследование Т. Ронавиры по структурному дисбалансу в Узбекистане (Ronaweera, 2003).

Но в целом среди зарубежных публикаций преобладают труды остро критического характера. Это работы А. Марча «От ленинизма к каримовщине: гегемония, идеология и авторитарная легитимность» (March, 2003), отчет Международной организации по правам человека «Религиозные преследования в Узбекистане» (Creating Enemies of the State, 2004). К западным авторам присоединились польские политологи, опубликовав в 2004 г. исследование под провокационным названием «Узбекистан — основной источник нестабильности в Центральной Азии?» (Zasada, 2004). Таким образом, как следует из вышеизложенного анализа, в политологической литературе по Узбекистану преобладают явно критические работы, даже на фоне исследований о других государствах Центральной Азии.

Большое внимание в книге «Центральная Азия и глобальная экономика» (Rumer, 2000) уделяется политике Узбекистана и личности его лидера И. Каримова. Авторы связывают между собой личностный фактор и персональные особенности Каримова с созданной им системой. Отмечаются его (относительная) скромность, воля и интеллект. Именно эти качества способствовали и были востребованы практикой строительства узбекской модели «государственного капитализма». У авторов не вызывает сомнений, что режим Каримова является авторитарным. Однако на практике провозглашенные Каримовым цели остаются не более чем декларациями.

Внешняя политика Ташкента включает в себя две основные цели: борьбу с исламскими радикалами и доминирова-

ние Узбекистана в регионе. В отношении первой цели Каримову удалось добиться поддержки Вашингтона, Москвы и Пекина. В то же время он испортил к 1999 г. отношения с Ираном и Турцией. Авторы сомневаются, что Узбекистан сможет самостоятельно справиться с исламской угрозой. Если российские войска уйдут из региона, то кем их можно заменить? — резонно вопрошают авторы. НАТО отпадает, остаются Китай, Иран, Пакистан и Турция. Политическая и экономическая слабость Узбекистана делает достижение регионального лидерства Ташкентом маловероятной мечтой.

В 2002 г. Б. Румер решил подвести итоги десятилетнего развития центральноазиатских республик. Этой теме была посвящена книга «Надвигающийся шторм?». В отношении Узбекистана оценки редактора книги носят противоречивый характер. Узбекистан отказался следовать принятой Москвой идеологии реформирования экономики, как это сделал Казахстан. В Узбекистане, в отличие от Казахстана, основным агентом развития по-прежнему остается государство и, благодаря оставшимся многим свойствам командно-административной экономической системы, вялотекущая приватизация при сохранении основной части экономики в собственности или под контролем государства, более структурированная властная пирамида и большая наказуемость не дали хищнической стихии разгуляться до такой степени, как в Казахстане. Узбекистан территориально не соприкасается с Россией, его экономика с преобладанием монопродукта (хлопковая плантация Союза) не была до такой степени, как казахстанская, вплетена в общесоюзную. Каримов мог себе позволить пойти своим путем, не копировать российскую реформу, не идти на поводу у Международного валютного фонда и Мирового банка и противопоставить их методам свою «градуалистскую» концепцию.

Антимодернизация проявляется во всех сферах культуры и экономики. Ретрадиционализация общественной жизни, де-

профессионализация целых слоев населения, идущий сверху антиинтеллектуализм, отъезд из страны квалифицированных кадров, деградация литературы, искусства и удушающая атмосфера тотального контроля над общественной мыслью — все это явные признаки антимодернизации, характеризующей действительность постсоветского Узбекистана. Но антимодернизация в целом проявляется и в примитивизации экономики. Огромные социальные проблемы Узбекистана — безработица и бедность сельского и большинства городского населения — на фоне быстрого демографического роста усиливаются. В отношении личности узбекского лидера Румер считает, что Каримов сформировал близкую и понятную для населения программу национальной независимости. Он смог замкнуть на себя процесс консолидации национальной элиты, и она отдала ему право на абсолютную власть за возможность обогащаться.

Э. Марч (Оксфордский университет) рассматривает проблемы национального строительства на примере Узбекистана (March, 2002). Исследователь считает, что произведения президента Узбекистана и приближенной к нему интеллектуальной элиты раскрывают характер процесса формирования идеологии и ее пропаганды; прикрываясь якобы теоретическими рассуждениями о роли идеологии в обществе. И. Каримов и его сторонники в завуалированной форме говорят о политической закономерности, разумности авторитаризма, защищают его политическую логику. Они преподносят идеологию как необходимую предполитическую основу общества, которая объединяет народ, государство, высшую цель и режим, пытаясь таким образом заменить конституционализм и определенные правила, являющиеся предполитической «данностью» государства. Это исключительно прерогатива узкого круга людей, элиты, которая (по определению) должна решать эти задачи, причем увязывая их с нынешней политической системой.

В 2005 г. без нашего внимания остались следующие издания. В том году увидела свет любопытная работа Шахрама Акбарзаде «Узбекистан и Соединенные Штаты: авторитаризм, исламизм и повестка дня Вашингтона в сфере безопасности»¹⁵². Данная книга посвящена ухудшению отношений и противоречиям между США и Узбекистаном, которые в 2005 г. уже ни для кого не являлись секретом. И хотя книга, по-видимому, была завершена еще до окончания военно-стратегического сотрудничества Вашингтона и Ташкента, негативные тенденции были налицо уже тогда. Автор видит основные причины кризиса американо-узбекских отношений в противоречии между попытками США демократизировать своего союзника по антитеррористической войне в Афганистане и жесткостью режима Каримова в отношении попыток либерализации, в которых он усматривал почву для угрозы со стороны воинствующего исламизма.

События 13—14 мая 2005 г. в Андижане, безусловно, стали значительным потрясением для узбекистанского общества и внешних игроков. События нашли отражение в целой серии публикаций¹⁵³. Это работы Ш. Акинер «Насилие в Андижане» и коллективный труд под редакцией Ф. Старра «Американо-узбекские отношения 2001—2005». Последний раунд борьбы за власть, связанный с Андижанским инцидентом и его последствиями, продемонстрировал, что конкуренция между самаркандским и ташкентско-ферганским кланом в узбекской элите сменялся на этом этапе конкуренцией между «политико-финансовыми группировками», не имеющими четких территориальных ограничителей.

¹⁵² Akhbarzadeh Sh. Uzbekistan and the United States. Authoritarianism, Islamism and Washington's Security Agenda. — London: Zed Books, 2005. — 166 p.

¹⁵³ См.: Akiner Sh. Violence in Andijan, 13 May 2005: An Independent Assessment. The Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. — Washington, DC: 2005 — 51 p.; Daly J.C.K., Meppen K.H., Socor V., Star F.S. Anatomy of a Crisis: U.S.-Uzbekistan Relations: 2001—2005. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2006. — 110 p.

Книга М. Олкотт «В вихре джихада» посвящена Узбекистану¹⁵⁴. Как следует из названия монографии, книга посвящена больше не самой республике, а истории ислама в Узбекистане. Наряду с упоминавшейся работой профессора Ф. Старра «Утраченный ренессанс», книга Марты Олкотт является еще одним удачным примером в немногочисленном ряду исследований на стыке востоковедения (в данном случае — исламологии) и политологии.

Основная идея книги М. Олкотт состоит в том, что, когда в конце 1991 г. Узбекистан обрел независимость, вопрос о том, останется ли страна светским государством, носил относительно открытый характер. Автор объясняет это тем, что с 1980-х гг. в Узбекистане шел процесс возрождения ислама, более широко распространившийся вслед за распадом СССР, особенно в первые годы независимости на фоне слабости государственной власти.

По мнению исследовательницы, в позднесоветском и постсоветском Узбекистане шло состязание между религиозными группами и светской властью, однако по мере того, как государственная власть обретала силу и становилась более автократичной, она оказалась в состоянии более эффективно направлять развитие мусульманства. Тем не менее, несмотря на это, государство не смогло стать основным фактором, определяющим развитие мусульманства ввиду резкого расширения контактов с внешним мусульманским миром. По мнению автора, хотя внешние наблюдатели могут считать современную территорию Узбекистана частью периферии мусульманства, со времен Саманидов и по наше время коренное население, проживавшее на территории Трансоксианы (Мавераннахр), представляло свою историю и культуру неразрывно связанной с исламом, верой и явлением, определявшими их образ жизни.

¹⁵⁴ Olcott M.B. In the Whirlwind of Jihad. — Washington, DC: Carnegie Endowment, 2012. — XIV+415 pp.

Независимо от политической идеологии правителей и их отношения к религии, узбеки и предшествовавшие им этносы, продолжает автор, всегда считали себя мусульманами и частью мусульманского мира и стремились сохранить свою веру. При этом жители Центральной Азии представляли себя не просто субъектами веры, а ее определяющим и обновляющим фактором. В целом на протяжении этих столетий ничего особо нового в религии не происходило.

Это никак не влияло на положение шариата, поскольку до завоевания Центральной Азии Россией в середине XIX в. территория и народы Узбекистана были частью *дар аль-ислама*, мусульманского мира, в котором преобладали законы шариата. С этого времени и до 1991 г. население региона относилось к *дар аль-куфр* или *дар аль-харб*, когда статус законов шариата определялся немусульманами. После большевистской революции в России с 1920-х гг. шариат лишился какого-либо официального статуса.

М. Олкотт видит корень проблемы в том, что после провозглашения Узбекистаном независимости 1 сентября 1991 г. и признания ее международным сообществом четыре месяца спустя, когда прекратил существование СССР, является Узбекистан частью «мусульманского мира» или нет. Многие проживающие в стране мусульмане считают себя живущими в *дар аль-исламе*, поскольку государство является независимым, во главе его стоит узбек, а мусульманство вновь обрело свое место в жизни общества. Их не беспокоит, что, согласно конституции, Узбекистан является светским государством: многие считают это подобающим. Те же, кто считают себя праведными мусульманами, по-прежнему видят Узбекистан частью *дар аль-куфр* или *дар аль-харб*, поскольку шариат лишен своего статуса.

Подавляющее большинство таких людей готовы смириться с ситуацией или направлять силу собственной веры на то, чтобы мирным путем добиться усиления роли ислама. Од-

нако малочисленному меньшинству эта ситуация кажется неприемлемой, и, чтобы изменить ее, эти люди готовы применять силу или задумываются об этом. За последние два десятилетия в Узбекистане появились движения сторонников джихада. Наибольшую известность получило Исламское движение Узбекистана (*Узбекистон исломий харакати* — ИДУ), которое вошло в состав сети террористической организации «Аль-Каида».

Оценивая царский период, Олкотт пишет, что российские колониальные власти считали иностранных мусульман потенциальным источником бунтарских настроений, будь то английские шпионы в Афганистане или оттоманские — в Стамбуле, поэтому внедряли собственных шпионов в ряды паломников из России. Хотя ввозимую на территорию Российской империи литературу нельзя было легально распространять без разрешения цензуры, большинство опубликованных в других мусульманских странах материалов без труда попадало в руки жителей Центральной Азии. Более серьезную трудность для распространения идей представляло относительно малое число читателей.

Для многих источником проблемы виделась религия в той или иной форме. Конфликт между ними касался вопроса о том, можно ли реформировать ислам или же ему должна быть отведена ограниченная роль в обществе. Именно это различие, а не вопрос об этнической принадлежности, было важнейшим в последние годы существования Российской империи.

Пять глав своей книги М. Олкотт посвятила истории ислама в советский период, уделив много внимания религиозным лидерам Советского Узбекистана. Она отмечает, что в советский период весьма значительная доля жителей Центральной Азии считали себя мусульманами. Многие следовали вековым традициям мусульманской общины, в частности таким, как обрезание, мусульманский брак и погребение.

Когда на смену российской колониальной власти пришла советская власть, религия рассматривалась как идеологический конкурент коммунизма. Религию требовалось, как минимум, жестко ограничивать, если уж ее нельзя было истребить. Большевики были убеждены, что на смену религиозному самосознанию придет национальное, поэтому резко ограничили в правах религию и религиозные учреждения.

После революции 1917 г. разные конкурирующие между собой стороны стремились установить контроль над Туркестаном, притом большинство немногочисленного среднего и высшего сословия, включая реформаторов-джадидистов, поддерживали правительство Кокандской автономии. Многие реформаторы-джадидисты состояли на службе в советской системе образования, особенно в период первых крупных просветительских кампаний в начале 1920-х гг. Однако к 1928 г. практически все они были вытеснены из органов власти и сняты со сколько-нибудь заметных постов в системе образования. Большинство были репрессированы во время сталинских чисток в 1930-х гг.

Исследовательница подходит к одной из причин будущего исламистского терроризма в Центральной Азии. Некоторые жители Центральной Азии из числа советских военнослужащих и технических специалистов перешли на сторону афганских моджахедов (в т.ч. русские по национальности) и попали в медресе радикалов в Пакистане. Правда, их было не так много. Большинство осели в Пакистане или Афганистане до после советских времен и возвратились лишь в середине 1990-х гг., чтобы стать инструкторами в лагерях таджикских и афганских террористов. Были сформированы небольшие группы молодых мусульман, особенно среди узбеков и таджиков в Ферганской долине.

В последние годы брежневского правления религия наполовину вышла из подполья на фоне ослабления государства под влиянием внутренних факторов. В конечном итоге под

давлением населения М. Горбачёв был вынужден повысить роль религии, тщетно пытаясь восстановить народную поддержку советского режима. Олкотт отмечает, что, хотя религиозное возрождение в Центральной Азии быстро развилось и набрало силу, протестные политические настроения в Центральной Азии нарастали гораздо медленнее, чем в Прибалтике, Украине или на Кавказе. Особенно после событий в Оше Каримов не хотел бы еще сильнее раздражать и без того изрядно «нагретое» население Узбекистана. Возрождение ислама в поздний советский период казалось практически неостановимым. Во всех махаллях (микрорайон в пределах городской черты) в Узбекистане, в сельской местности и городах по всей Центральной Азии начали открываться мечети. Стали появляться нелегальные медресе, особенно в узбекских и таджикских регионах. Народный интерес к религии стал практически ненасытным, и сотни нелегальных, организованных собственными силами местных медресе и мечетей возникли практически в одночасье. Возник спрос на Коран на узбекском языке. Другая религиозная литература тоже быстро распродавалась, даже если покупатели были не в состоянии понять многое из написанного. Кто-то, в том числе многие молодые люди, начали эксперименты с религией.

Автор видит противоречие в том, что с распадом СССР ислам перестал быть верой меньшинства, подвергаемой гонениям религией населения колоний, и превратился в религию большинства населения новых независимых государств. Привыкшие за много лет скрытно отправлять религиозные обряды, миллионы мусульман почувствовали себя свободными следовать велениям совести, а лидерам новых государств пришлось решать, каким образом учитывать такие настроения, чтобы они не стали угрозой их пребывания у власти. Поэтому вопрос об отношениях ислама и государства на территории всей Центральной Азии по-прежнему стоит, как никогда, остро, и особенно, в Узбекистане.

По мнению Олкотт, никто не уделяет этому вопросу столько внимания, как Ислам Каримов — первый и пока единственный президент Узбекистана. Он быстро осознал необходимость восстановления государственного контроля над религией, но постарался сделать это так, чтобы не вызвать антагонизма у большинства верующих. События в соседних государствах убедили Каримова в том, что для удержания власти ему необходимо опираться на поддержку значительной части населения страны. Это укрепило его убежденность в том, что политические и религиозные свободы следует дозировать и тщательно контролировать.

По мере распада СССР Ислам Каримов пришел к четкому пониманию необходимости определенного компромисса с религией, чтобы ускорить процесс легитимизации в глазах населения как независимости, так и его собственной власти. Он понимал, что обстановка способствовала распространению идей исламского фундаментализма. При этом автор делает важный вывод: однако начало кровопролитной гражданской войны в Таджикистане заставило маятник качнуться в противоположную сторону. Все правители в Центральной Азии убедились в том, что светские государства должны обладать большей степенью контроля над мусульманскими общинами в своих странах или же светская власть в итоге окажется в подчинении у религиозной.

Автор обращает внимание, что усиление публичной роли исламских лидеров воспринимается как угроза не только государством, но и многими представителями светской элиты, которых беспокоит, что косвенная связь между моралью и религией приведет к тому, что светские деятели лишатся ведущих социальных и экономических позиций. Это создает дилемму для узбекских властей, которые опасаются использовать религиозных лидеров для пропаганды своих идей, при этом сознавая, что без дозированного использования религиозных лидеров невозможно заручиться лояльно-

стью населения. По этой причине режим Каримова всегда стремился выявлять и затем работать с сочувствующими священнослужителями, которые, по мнению государства, будут нести идеи, полностью поддерживающие государство.

Автор не согласна с рядом устоявшихся стереотипов. Так, она отмечает, что власти Узбекистана возлагают на ИДУ и отколовшиеся от нее организации вину за все террористические вылазки на территории Узбекистана, совершенные в 1999-м, 2000-м, 2001-м, 2004-м, 2005-м и 2009 г., а также за налеты на территории Кыргызстана. Однако самые массовые беспорядки, произошедшие в Андижане, могли быть лишь самым косвенным образом связаны с ИДУ в лице нескольких человек, участвовавших в вооруженном нападении на тюрьму, с чего и начались волнения. Основной силой было движение «Акромия», названное в честь его лидера Акрома Юлдашева, который вышел из движения «Хизб ут-Тахрир» в 1993 г. и не имел никакого отношения к ИДУ.

М. Олкотт обращает внимание на следующее противоречие. Идея о национальной уникальности узбекского варианта ханафитского ислама вступает в противоречие с теми силами, которым независимость помогла встать на ноги. Наиболее заинтересованные иностранные стороны, как и ведущие политические фигуры, связанные с руководством Узбекистана, хотят направить события таким образом, чтобы это играло на руку светским сторонам в Центральной Азии. Именно это намерение кроется за многими решениями каримовского режима. По мере развития Узбекистана в постсоветский период, большая часть населения страны уже не помнит советскую власть, заключает автор. Это новое поколение получило образование в обществе, в котором разрешается исповедовать ислам, в рамках светского образования преподаются уважение к ценностям ислама, допускаются относительно нестесненные контакты с более широким мусульманским миром.

И, наконец, исследовательница пишет в заключение: в какой-то мере освобожденный от идеологических социальных ограничений советского времени Узбекистан стал более традиционным обществом, причем гораздо сильнее привязанным к своему мусульманскому наследию, чем на протяжении большей части XX в. Как все это будет развиваться в Узбекистане после Каримова, остается только гадать. Много будет зависеть от событий последних лет правления Каримова, от того, сохранится ли государственность в соседнем Кыргызстане, от мира и стабильности в Афганистане, а также от того, насколько экономические возможности для узбеков будут соответствовать их экономическим ожиданиям.

Безусловно, перед нами далеко не ординарный труд. Но все же ряд замечаний к работе М. Олкотт остается. Самое основное касается ее оценки сути происходящего. По-видимому, автор склоняется в большей степени к позитивной оценке феномена ренессанса и возвращения ислама в постсоветскую эпоху. Она полностью игнорирует и замалчивает тот факт, что подъем ислама фактически означает демодернизацию узбекского общества, его архаизацию и в конечном счете — деградацию. С помощью ислама (государственного ли или неофициального) смываются последние остатки советской модернизации, успехами которой так гордились когда-то и в центре, и в самом Ташкенте. Данный вывод в полной мере относится и к другим центральноазиатским соседям Узбекистана.

§ 2. Кыргызстан

Политическое и геополитическое положение Кыргызстана (КР) обладает заметными особенностями. Кыргызстан является объектом приложения геополитического давления со стороны США, России, Китая, Казахстана и Узбекистана, исламского мира. На Кыргызстане непосредственно отражается положение в Таджикистане и Афганистане.

Традиционное разделение кланов Кыргызстана на северные и южные является весьма условным. Оно в некоторой степени отражает географическую принадлежность выходцев из различных регионов республики и ее влияние на формирование кадровых и административных группировок.

Кыргызстан испытал угрозу со стороны воинствующего исламизма во время т.н. Баткенских событий 1999—2000 гг. Однако эта угроза носила в большей степени внешний, чем внутренний характер. В итоге все эти события сыграли положительную роль для укрепления внешнеполитических позиций Кыргызстана в целом и режима Акаева в частности. Но исламистская угроза внутри Кыргызстана долгое время недооценивалась и сохраняет серьезный дестабилизирующий потенциал до настоящего времени. В некоторой степени ответственность за распространение исламизма несет относительно либеральный режим, созданный Акаевым и позволявший безнаказанно вести пропаганду ваххабизма и исламского фундаментализма.

Одним из главных проводников исламизма в Кыргызстане является официально незапрещенная организация «Хизб ут-Тахрир». Статистика свидетельствует о том, что распространение ее идей принимает угрожающие масштабы. Характерно, что исламистская оппозиция концентрируется, прежде всего, в Южном Кыргызстане.

В марте 2005 г. долго назревавшие в киргизском обществе противоречия вырвались наружу. Эти события получили название «революция тюльпанов» (по аналогии с «революцией роз» в Грузии). Но вскоре после устроенных погромов в Бишкеке эти события стали называть «наждачной революцией». Причины, которые привели к падению А. Акаева, накопились в социально-экономической области и в политической сфере.

Можно констатировать, что современный правящий класс Кыргызстана не является монолитным или гомогенным.

Киргизская элита расколота как по внешним — кланово-региональным признакам, так и по идеологическим представлениям о дальнейших путях развития страны.

Среди работ, затрагивающих проблемы политического развития Кыргызстана, можно назвать книгу Дж. Андерсона «Кыргызстан — остров демократии» (Anderson, 1999), работы индийских авторов М. Сингха «Демократизация и политическое развитие в Кыргызстане» (Singh, 2002) и С. Чаттерджи «Тенденции развития в Кыргызстане» (Chatterji, 2003), а также немецкого исследователя Т. Кунце о противостоянии между А. Акаевым и политической оппозицией в Кыргызстане (Kunze, 2003). После бурных событий весны 2005 и 2010 г., в результате которых в этой республике менялись политические режимы, следовало ожидать появления большого количества новых работ, посвященных Кыргызстану, что и произошло.

Так, Кыргызстану посвящена работа Дж. Энгвела «Флирт с провалом государства: власть и политика в Кыргызстане со времен независимости»¹⁵⁵. Издание, несмотря на свой относительно небольшой объем, носит концептуальный характер и, как это следует из названия, призвано объяснить, почему государственное строительство в этой республике носило провальный характер. Автор оценивает первые годы правления А. Акаева как прогрессивные, когда тому удалось внедрить в республике демократию и рыночные отношения. Но инструменты (правительство, государственные институты), которыми пользовался Акаев при внедрении реформ, были непригодны для их реализации в реальной жизни. Вскоре развитие событий, отмечает автор, привело к хаосу и падению до минимума системы государственного управления.

¹⁵⁵ Engvall J. Flirting with State Failure: Power and Politics in Kyrgyzstan since Independence. — A Joint Transatlantic Research and Policy Center. — Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2011. — 101 p.

Во второй половине 1990-х гг. А. Акаев вступил на путь строительства авторитарной модели. К сожалению, констатирует Энгвел, президент и его семья стали рассматривать государство и его экономические ресурсы как свои собственные. Повсеместный рост недовольства привел к событиям 2005 г., известным как «революция тюльпанов». Но надеждам на демократизацию не суждено было сбыться. Новый президент К. Бакиев создал клептократический режим, который по злоупотреблениям превзошел акаевский. Результат известен: в 2010 г. Бакиев был свергнут.

Дж. Энгвел исходит из того, что рассматривает политическую историю Кыргызстана с позиции борьбы между отдельными персонами, а не организованных по интересам групп. Элиты конкурируют за власть не в рамках формальных политических институтов, а используя патронно-клиентистскую пирамиду. Возникший здесь политический порядок имеет три существенных характеристики. Первая заключается в чрезмерно персонализированном влиянии (Энгвел имеет в виду «близость к телу»). Вторая характеристика киргизской политической системы — постоянное перераспределение экономической ренты. Третья характерная черта подразумевает, что государство организуется по принципу рынка. Это включает в себя регулярную приватизацию госсобственности, создание различных фондов, компаний и т.д., через которые происходит перераспределение ресурсов и финансовых потоков. При очередной смене режима и повороте политики все отбрасывается и процесс начинается снова.

Автор подчеркивает, что к Кыргызстану нельзя подходить с обычными мерками формального управления. Энгвел испытывает большие сомнения, что переход республики к парламентской системе сможет исправить положение вещей. Ситуация усугубляется тем фактом, что за годы независимости криминальная среда вышла из неорганизованной фазы и превратилась в группу хорошо организованных преступных

синдикатов, контролирующих государственные предприятия, сельское хозяйство, легкую промышленность и транзит наркотиков (по оценкам исследователя, 15—20% афганских наркотиков проникает на мировой рынок через Кыргызстан). Естественно, поход криминальных авторитетов в официальную политику был лишь вопросом времени.

В целом автор дает республике следующую характеристику — «неорганизованный остров демократии Центральной Азии». Критически важным для Кыргызстана, заключает автор, является вопрос, сможет ли полупарламентская система, созданная после последнего переворота, работать на практике и увести политическую элиту из цепкой хватки прошлого.

Институт Центральной Азии и Кавказа (Университет Джонса Хопкинса) издал в 2013 г. году работу киргизского эксперта А. Бугазова «Социально-культурные характеристики формирования гражданского общества в Кыргызстане», выполненную в рамках программы этого института, возглавляемого профессором Ф. Старром. Следует отметить, что книга ориентирована в первую очередь на западного читателя¹⁵⁶.

Основную цель своего исследования автор сформулировал следующим образом: Почему после крушения советского тоталитаризма в республике вместо гражданского общества возникла система, построенная на симбиозе традиционных связей и патриархальных ценностей? Пытаясь ответить на этот вопрос, ученый последовательно анализирует различные аспекты социального устройства киргизского общества. Следует отдать должное А. Бугазову, который не считает (в отличие от официальной риторики) политический режим, сложившийся в республике, демократическим. Отдельный раздел в книге посвящен месту и роли традиционализма в системе социальных отношений в Кыргызстане.

¹⁵⁶ Bugazov A. Socio-Cultural Characteristics of Civil Society Formation in Kyrgyzstan. —Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2013. — 135 p.

Основной проблемой автор считает отсутствие в киргизском обществе цивилизованных форм социальных отношений. Он связывает этот факт с доминированием (возрождением) кочевых традиций и племенных отношений.

Другой серьезной проблемой эксперт считает дихотомию город — деревня (аул), между которыми мечется киргизское общество. «Киргизизация» городов страны в последние десятилетия привела к тому, что новоявленные горожане принесли с собой в город руральную культуру и патриархальные отношения. Он отмечает, что во времена правления А. Акаева (который в книге в целом упоминается в комплиментарном духе) соблюдался паритет между традиционализмом и модерном. Сегодня же вчерашние сельские жители активно пополняют бюрократический аппарат и политический класс, куда привносятся клановые отношения и связи. Другой стороной социальной жизни автор называет семейственность как проявление того же трайбализма и патриархальности. В целом автор приходит к выводу, что киргизское общество в своей массе является традиционным, базирующимся в большей степени на механической, чем органической солидарности.

В настоящее время, с тревогой упоминает автор, киргизское общество переживает момент, когда неписанные правила («по понятиям») вскоре возьмут верх над писанными законами, включая конституцию страны. Повсеместно растет правовой нигилизм. Сложившаяся партийно-политическая система в республике также является подтверждением доминирования традиционных отношений. Зачастую происходит слияние понятий «партия» и «род». Помимо родоплеменных особенностей, на социально-политическую ткань страны накладывается диверсификация общества по региональному признаку (Север — Юг). Фактически в республике сложились две параллельные системы власти. Одна — официальная, которая не способна контролировать ситуацию в стране; другая — неофициальная (зачастую криминальная), обла-

дающая реальной властью, особенно в регионах. Одной из причин сложившейся ситуации автор называет ужасающее падение стандартов образования и культуры (по-видимому, по сравнению с советской системой, которую он упорно клеймит на страницах своей работы как «тоталитарную»).

В контексте данного вопроса автор касается проблемы места ислама в киргизском обществе и отмечает процесс возрастания его роли. Но ислам не заменил идеологию. Ее роль после падения коммунизма в Кыргызстане пытались придать пантюркизму, но в целом безуспешно. Превалирующей идеологией остается стремление к построению демократического общества. Тем не менее Кыргызстан (особенно его южные регионы) остается единственной страной в Центральной Азии, где исламисты способны прийти к власти.

Автор видит три сценария, по которым может идти развитие. Первый (позитивный) вариант развития подразумевает постепенную ассимиляцию патерналистских отношений и трансформацию традиционного общества в гражданское. К сожалению, для реализации подобного сценария осталось очень мало времени. Второй (пессимистический) вариант включает в себя окончательное преобладание традиционных взглядов в политической и правовой системе, формирование авторитарного общества и криминализацию социальной жизни. По третьему сценарию общество будет двигаться по инерции и миновать радикальные изменения, однако пока не ясно, как долго такая ситуация сможет продолжаться. Автор придерживается точки зрения, что решающую роль (при всем понимании важности экономических аспектов) должны все-таки сыграть социально-культурные факторы.

Книга Филиппа Шишкина «Мятежная долина: революция, смерть и интриги в сердце Центральной Азии» продолжает киргизскую тематику и носит далеко не академический характер. Это скорее сборник репортажей о бурных событиях последних лет, которые пережили Кыргызстан и Ферганская

долина. Автор много лет работал на «Уолл-стрит джорнал», и это не первая его книга, посвященная нашему региону¹⁵⁷.

Ф. Шишкин затрагивает практически все болезненные сюжеты этих событий: тайны т.н. «революции тюльпанов», секреты наркотрафика, «анатомию резни» (в Ошской области в 2010 г.). Другие главы также носят типично газетный характер названий: период «темных лет» (2005—2010), страна «перманентной революции», «мятежная долина» и т.д. Текст книги также носит явно репортажный характер. Отдельное место в книге занимает интрига вокруг судьбы базы «Манас» в контексте российско-американского стратегического соперничества. Журналист подозревает, что именно здесь во многом кроется причина переворотов, которые сотрясали эти годы Кыргызстан.

В целом книга Шишкина дает западному читателю типичное представление о нашем регионе как о нестабильном, а о Кыргызстане — как об очередном «...стане», тем более что Центральная Азия уже давно ассоциируется с Афганистаном. Единственным положительным моментом является тот факт, что автор как выходец из русскоязычной среды неплохо разбирается в местном менталитете и соответственным образом интерпретирует свой текст для западного читателя, далекого от реалий постсоветского бытия.

§ 3. Таджикистан

Таджикистан (РТ) — республика с самой трудной судьбой среди других государств Центральной Азии. Еще в советские времена это была союзная республика с самым низким уровнем жизни, высокой рождаемостью, недостаточно развитой инфраструктурой и высокой степенью сохранения традиционных и архаичных общественных институтов. В пе-

¹⁵⁷ Shishkin Ph. *Restless Valley: Revolution, Murder and Intrigue in the Heart of Central Asia*. — New Haven, London: Yale University Press, 2013. — XI+316 pp.

риод перестройки именно в Таджикистане впервые в СССР появилась исламистская партия «Исламская партия возрождения» (ИПВ).

Здесь распад Советского Союза совпал со сменой власти в партийной элите, острой внутривластной и межрегиональной борьбой, переросшей затем в кровопролитную гражданскую войну (1992—1994)¹⁵⁸. Трагедия усугубилась соседством с Афганистаном, который сам переживал затяжной внутривластный конфликт в первой половине 1990-х гг. Вытесненные из республики исламисты перенесли свои базы в соседний Афганистан, откуда в течение трех лет продолжали атаковать светский режим Душанбе. Фактически конфликт приобрел дуалистичный характер и развивался при активном вмешательстве внешних сил — афганских моджахедов, России и Ирана. Ситуация усугубилась фактором наркотрафика. Трудно переоценить роль России, которая с самого начала кризиса стала одной из сторон конфликта.

В отношении Таджикистана доминируют, что вполне естественно, работы, посвященные драматическим событиям гражданской войны начала 1990-х гг. К ним относятся: «Идеология и исламское сопротивление в Таджикистане» Х. Эмади (**Emadi, 1994**), коллективная монография на французском языке (под ред. М. Джалили и Ф. Грара) «Таджикистан на пороге независимости» (**Le Tadjikistan, 1995**), «Забытая война в Таджикистане» Н. Джавада (**Jawad, 1995**), «Гражданская война в Таджикистане» Й. Рейсснера (**Reissner, 1997**), «Испытание независимостью в Таджикистане» (**Djalili, Akiner, 1998**), «Таджикская война — вызов России» (**Jonson, 1998**) и «Таджикистан: вызов или примирение» Ш. Акинера (**Akiner, 1998**).

После нормализации ситуации и создания коалиционного правительства в РТ на Западе и в странах Востока появился

¹⁵⁸ По разным оценкам, эта война унесла жизни от 50 до 100 тысяч человек.

ряд работ, посвященных качественно новой ситуации в этой республике. Это исследования А. Зейферта «Риски трансформации в Центральной Азии на примере Таджикистана» (**Seifert, 2002**), П. Форуги «Национализм, этничность, конфликт и социально-экономическое неравенство в Таджикистане» (**Foroughi, 2002**), С. Чаттерджи «Политика и общество в Таджикистане после гражданской войны» (**Chatterjee, 2002**), К. Коллинса «Плохой мир в Таджикистане» (**Collins, 2003**), коллективная монография (под ред. А. Крейкемейер и А. Зейферта) «О согласии между политическим исламом и безопасностью на пространстве ОБСЕ» (**Kreikemeier, Seifert, 2002**).

Пристальное внимание Таджикистану уделяет М. Олкотт в книге «Второй шанс Центральной Азии»¹⁵⁹. Она отмечает, что в Таджикистане сформировалось уникальное для Центральной Азии постконфликтное общество, возглавляемое президентом, получившим власть благодаря тому, что его сторонники взяли верх в расколовшей страну гражданской войне. Хотя Таджикистан вышел из этой войны, не утратив территориальной целостности, его политическая и экономическая структура претерпела существенные изменения: власть на местном уровне была перераспределена, а всю власть на национальном уровне, естественно, получили победители.

В силу географических и исторических причин Таджикистан больше других государств Центральной Азии тяготеет к регионально-клановому разделению. Это обусловило относительно высокую мобилизуемость и устойчивость оппозиционных групп, за которыми стоят именно кланы, структурированные по региональному принципу. Можно сказать, что в РТ вся эволюция оппозиции прошла на данной основе. К тому же географическая изолированность отдельных реги-

¹⁵⁹ См.: Олкотт М. Второй шанс Центральной Азии / Московский центр Карнеги; Фонд Карнеги за международный мир. — Москва; Вашингтон, 2005. — С. 145—150.

онов (при отсутствии развитой транспортной сети в горной стране) способствует сохранению регионализации политических и экономических элитных группировок Таджикистана по клановому признаку.

Как считает М. Олкотт, власть перешла от уроженцев Худжандской (ныне Согдийской) области к уроженцам Кулябской и от старшего поколения, привыкшего к жизни высших слоев советской элиты, к младшему — к людям, чьи руки запачканы землей или кровью (часто в буквальном смысле). Некоторое разделение власти было предусмотрено Общим соглашением об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, подписанным в июне 1997 г. и предусматривающим роспуск вооруженных формирований проигравшей стороны (Объединенной таджикской оппозиции), а также определяющим условия их реинтеграции в государственные структуры¹⁶⁰.

Кулябский клан, в свое время пришедший к правлению, уже давно перестал быть единым. Действующий президент, пытаясь закрепиться во власти на долгосрочную перспективу, проводит собственную политику, которая может идти вразрез с интересами многих видных кулябцев. В частности, были уволены десятки чиновников высшего и среднего звеньев, принадлежащих к этому клану, а их места заняли лояльные главе государства таджики из других регионов, в основном представители северян-худжандцев.

Как замечает М. Олкотт, существование работоспособных административных органов вплоть до самых низких уровней на местах заметно облегчило решение проблем социального обеспечения. Но, поскольку гражданская война в Таджикистане фактически была войной между регионами, победители решили изменить административно-территориальное деление страны, увольняя при этом способных людей, которые поддерживали проигравшую сторону.

¹⁶⁰ Олкотт М. Указ. соч. С. 214—221.

Олкотт отмечает в своей книге, что торговля наркотиками на территории Таджикистана ограничивала перспективы политических и экономических реформ, однако для решения этой проблемы требовалось сократить производство опиума в Афганистане, так как «рента» с наркоторговли являлась важным источником личного дохода для некоторых ключевых политических фигур Таджикистана.

Таджикистан, имея немало общего в истории и культуре с соседними тюркскими государствами, тем не менее существенно отличался от тюркского мира своим этническим происхождением и языковой принадлежностью. В связи с этим тема взаимодействия Республики Таджикистан с тюркскими странами представляет особый интерес. В Иране были обеспечены, а в Душанбе напуганы раздуваемой на первоначальном этапе Анкарой идеей тюркского единства. Эта концепция не оставляла места Таджикистану в подобной «тюркской» Центральной Азии¹⁶¹.

2006 год был объявлен в Таджикистане Годом арийской цивилизации. Как считают в Душанбе, современные ИРИ и РТ — прямые потомки некогда единой арийской цивилизации. Вышеизложенное получило свое продолжение и в политической плоскости: в июле 2006 г. в Душанбе встретились лидеры трех стран-преемников данной цивилизации (Афганистана, Ирана и Таджикистана). В целом упомянутое мероприятие можно охарактеризовать как попытку руководителей Ирана и Таджикистана создать в регионе альтернативную идею в противовес идее пантюркизма, которая не отвечает национальным интересам Тегерана и Душанбе¹⁶².

¹⁶¹ См.: Абдулло Р. Таджикистан и региональная интеграция в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). — 2007. — N 2. — С. 72—78.

¹⁶² Такой точки зрения придерживаются, в частности, следующие авторы: Додихудоев Х., Ниятбеков В. Таджикистан — Иран: достижения и перспективы сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). — 2008. N 2. — С. 152—161; см. также: Искандаров К. Таджикско-афганские отношения и перспективы их развития // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). — 2008. — N 1. — С. 145—156.

Таджикская проблематика представлена в книге Ш. Акинер «Таджикистан — дезинтеграция или примирение?» (1998). Среди последних работ, посвященных Таджикистану, следует назвать исследование «Международной кризисной группы» (**Tajikistan, 2003**) и К. Страчоты «Период испытаний для Таджикистана» (**Strachota, 2004**).

На работах А. Зейферта следует остановиться несколько подробнее. За последние годы немецкий автор опубликовал ряд исследований (**Seifert, 2002—2004**), в которых он доказывает, что Таджикистан является иллюстративным примером того, как могут сосуществовать исламская оппозиция и светская власть в одном политическом поле. При этом немецкий исследователь убежден, что это может быть прекрасным примером для Европы, которая в последнее время сталкивается с сильным вызовом со стороны политизированного ислама.

Зейферт исходит из того, что стратегия, направленная на достижение согласия, заключается, прежде всего, в том, чтобы вообще по возможности не допустить религиозно-цивилизационной неприязни. Если она все-таки возникает, то необходимы меры по ее сдерживанию. Рабочая формула может быть определена следующим образом: сотрудничество на основе общих взглядов и интересов и мирное сосуществование в вопросах, относительно которых существуют глубокие противоречия. Достижение именно таких результатов и является целью этого светско-исламского проекта по укреплению доверия, который проводится в рамках неформальных дискуссий между представителями исламской и светской сторон в странах ЕС. Компромиссы, сотрудничество и сосуществование между светским правительством и исламскими политиками и партиями возможны. Вместо взаимных репрессивных мер возможна альтернативная мирная политика. И, наконец, необходимо искать и находить мир и компромиссы именно с радикальными силами. Таким образом, заключает

автор, укрепление доверия также является важным шагом в поисках решений проблемы терроризма.

Книга А. Рашида «Джихад: подъем воинствующего ислама в Центральной Азии» посвящена угрозе региону Центральной Азии со стороны радикального исламизма (**Rashid, 2003**), в том числе на примере Таджикистана. Рашид сконцентрировался на трех главных исламистских организациях в регионе — Партии исламского возрождения (ПИВ) в Таджикистане, Исламском движении Узбекистана (ИДУ) и Хизб ут-Тахрире.

Рассматривая происхождение ПИВ, Рашид исходит из того, что процесс возрождения ислама в Таджикистане был тесно связан с ростом таджикского национализма. В более широком историческом контексте корни этого движения уходят глубоко в прошлое — к басмаческому сопротивлению. Автор считает таджикский исламизм уникальным явлением среди аналогичных движений в регионе. В отличие от вахабизма ИДУ и необандизма талибов, таджикский исламизм базируется на долгой суфийской традиции, на «неофициальном» исламе уммы, противостоявшей исламу официальному, который являлся составной частью советской системы. Кроме того, молодое поколение таджиков испытало определенное и, вероятно, сильное влияние войны в Афганистане, что отчетливо выразилось в ходе гражданской войны в этой республике.

В качестве основных причин разыгравшейся трагедии Рашид называет чрезвычайную бедность населения, зависимость таджикской экономики от сырьевой специализации, изолированность различных районов друг от друга. Это привело к тому, что значительная часть населения Таджикистана идентифицировала себя не со страной в целом, а с отдельными регионами или кланами. Судьба исламизма в Таджикистане необычным образом переплелась с эскалацией таджикского национализма. Поскольку, считает Рашид, в

Компартии Таджикистана доминировали этнические узбеки, то вполне естественно, что лидерам исламского возрождения ислам представлялся в качестве цементирующего материала для будущего здания новой таджикской идентичности.

Представляют интерес выводы автора о судьбе ислама в Таджикистане. Несмотря на то, что воинственный исламизм в республике потерпел поражение, он не был полностью разгромлен. За десятилетие гражданской войны и ее последствий таджики в целом стали более мусульманизированными, хотя радикальные обертоны политического ислама исчезли. Рашид считает, что ислам мог бы сыграть свою положительную роль в процессе объединения разрозненных кланов в единую таджикскую нацию и в конечном счете способствовать продвижению страны в сторону большей демократии. Правда, Рашид не поясняет, как ислам может способствовать строительству демократических институтов. История последних десятилетий Среднего и Ближнего Востока показывает обратные примеры. Скорее всего, в данном случае автор выдавал желаемое за действительное.

§ 4. Туркменистан

Развитие ситуации в Туркменистане всегда являлось одной из наиболее закрытых тем для любого стороннего наблюдателя. Тем не менее известно, что в этой центрально-азиатской республике был создан экзотический режим во главе с бывшим первым секретарем Туркменской ССР, затем первым президентом Сапармурадом Ниязовым. Он сам, его личность и его внутренняя и внешняя политика не раз становились центром внимания мирового общественного мнения в силу их необычности. Так, С. Ниязов провозгласил Туркменистан «нейтральным государством». Туркменский нейтралитет был официально признан в рамках ООН, СНГ и рядом других международных организаций. Очень быстро нейтра-

литет Туркменистана превратился в почти полную изоляцию страны.

Политика С. Ниязова в отношении ислама характеризовалась теми же причинами, что и в других сферах политической, общественной и культурно-духовной жизни: предотвратить превращение религиозных институтов в оппозиционную режиму силу, взять их под контроль и максимально снизить их влияние на общество.

Политологическая историография, посвященная Туркменистану, относительно скромна, но, тем не менее, и здесь можно назвать ряд работ. Это исследования турецкого автора Г. Турана «Вызов человеческого фактора в Туркменистане» (**Turan, 2001**), Б. Браун «Управление в Центральной Азии на примере Туркменистана» (**Brown, 2003**), исследование Международной кризисной группы «Закат диктатуры в Туркменистане» (**Cracks., 2003**) и политически нейтральное страноведческое исследование, изданное в Англии (**Turkmenistan Country Profile, 2003**).

В рамках программы исследований Принстонского университета в 2006 г. были изданы работа А.Л. Эдгар «Племенная нация: создание Советского Туркменистана». В книге, носящей преимущественно исторический характер, делается попытка найти истоки родоплеменной системы ниязовского Туркменистана, легшей в основу его одиозного режима, в недавнем советском прошлом Туркмении. Многие выводы этого исследования представляются спорными специалистам по Туркменистану¹⁶³.

Книга С. Пейруза (тогда сотрудник INALCO — Национального института восточных языков и цивилизаций) «Туркменистан: судьба на перекрестке империй» написана в 2007 г., но уже после смены власти в Ашхабаде, поэтому ее актуальность с точки зрения исторического анализа режима

¹⁶³ Edgar A.L. Tribal Nation. The Making of Soviet Turkmenistan. — Princeton (NJ): Princeton University Press, 2006. — XVI+296 pp.

С. Ниязова не вызывает сомнений¹⁶⁴. В стремлении привлечь внимание читателя, Пейруз пишет, что эта страна является самой неизведанной в Центральной Азии. Ее древняя культура была выпестована великими империями на знаменитых дорогах Великого Шелкового пути. После более чем векового русско-советского периода, страна вступила в 1991 г. на путь независимости, о которой она и не помышляла. Населенный пятью миллионами жителей, Туркменистан располагает значительными запасами газа и занимает стратегическую позицию в центре этого континента.

Пейруз сводит концепцию своей книги к ряду следующих проблем. Он задается вопросом, была ли будущая нация творцом своей собственной истории? Центральное геополитическое положение страны означает ли автоматически ее политическую и культурную значимость? Для него не вызывает сомнений, что запоздалое формирование туркменской нации под влиянием радикальных социальных и политических процессов, внедренных советским режимом, делает затруднительным любое размышление об идентичности народа, внедренной таким образом. Как поделить и распределить исторические моменты и великие личности, одинаково относящиеся ко всему региону, и как их вписать в национальное достояние каждой страны? Какое место отвести русско-советскому наследию, которое, хотя и поносится, однако, тем не менее, еще зримо присутствует? Какую роль суждено играть исламу, делению по клановой и региональной принадлежности, по национальным меньшинствам?

Туркменская республика уже была одной из самых отсталых в Советском Союзе, но два десятилетия независимости довели население до полного обнищания: преобладание хлопковой культуры, отсутствие частного сектора, экологические бедствия, ликвидация общественных служб. Что ка-

¹⁶⁴ Regarder: Peyrouse S. Turkménistan. Un destin au carrefour des empires. — Paris: Edition Belin, 2007. — 184 p.

сается политической системы, то она обрела наиболее карикатурные формы сталинизма: культ личности, почти полная культурная автаркия, изоляция на международной арене, националистическая мегаломания в общественной риторике, гигантомания госпроектов в архитектурной области, массовая коррупция государственных структур, неумное желание переустройства природы.

Но автор указывает, что, при всей своей карикатурности, с режимом Туркменбаши считались на международной арене, поскольку все вышеизложенное не умаляет стратегической роли Туркменистана в международном плане: Каспийское море обречено быть возрастающим энергетическим полюсом, Россия продолжает доминировать экономически над регионом и появляются новые соседи, доселе остававшиеся в тени и теперь заявляющие о себе.

Следовательно, утверждает Пейруз, современное туркменское общество находится на перепутье дорог. Справедливо гордясь своей древней и славной историей, но оставаясь молодой политической нацией, Туркменистан, обретший свои границы, создавший свой литературный язык и развивший свое национальное чувство в XX в., неистово обличает русский колониализм, который и сформировал эту страну. Официальная историография ругает советский режим как чужеродный феномен, в то время как туркменская элита якобы смогла обуздать систему и привязать ее к собственным нуждам и перспективам. Оставаясь глубоко отмеченным русификацией и советизацией, туркменское общество по-прежнему зиждется на иерархических традициях и клановых отношениях.

Далее французский исследователь переходит к самой интересной части истории постсоветского Туркменистана — личности Туркменбаши. Он отмечает, что первые 15 лет независимости Туркменистана неразрывно связаны с амбициозной личностью президента С. Ниязова (1940—2006).

Именно он смоделировал как политические институты страны, так и культурную жизнь и оставил негативный след, длительные последствия которого до сих пор трудно измерить.

Затем С. Пейруз переходит к анализу политической системы, созданной Туркменбаши. Во время правления Ниязова никто не мог представлять угрозу его власти. Вездусущее государство гасило малейшую попытку общественного протеста. Разрозненная оппозиция могла действовать только в изгнании, а кланы не могли сорганизоваться против президента. Гражданского общества не существовало, а каждый индивид был под неусыпным контролем полицейского и судебного самоуправного ока. И все же с кончиной диктатора закончилась первая фаза истории независимого Туркменистана и открываются новые перспективы в политической и социальной перестройке.

Далее С. Пейруз делает небольшой экскурс в историю постсоветского Туркменистана. После распада СССР, объявленного тремя славянскими республиками 8 декабря 1991 г. под Минском, Туркменистан официально вступает в Содружество Независимых Государств, провозглашенное в Алма-Ате 21 декабря того же года. Это объединение позволяло бывшим республикам СССР сохранить хотя бы временно единое военное командование и обеспечить минимальный общий рынок между новыми государствами. Но вскоре Ашхабад демонстрирует свой изоляционизм и отказ от любой региональной структуры, проповедуя вместо многосторонних связей двусторонние. С. Ниязов категорически не приемлет общую интеграцию, «навязываемую», по его мнению, Москвой, и предпочитает видеть СНГ, ограниченным только консультативными функциями. Туркменистан также отказывается вступить в Договор о коллективной безопасности 1992 г. Он не участвует в коллективных силах центральноазиатских республик для предотвращения гражданской войны в Таджикистане. Страна практикует «политику

пустого стула» на большинстве собраний СНГ. В 1996 г. он отказывается войти в Таможенный союз, созданный Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Беларусью. В июне 1999 г. он выходит из Соглашения по безвизовому прохождению для граждан СНГ, подписанному 9 июля 1992 г. В августе 2005 г., в ходе совещания глав государств СНГ в Казани, Ниязов торжественно заявляет, что Туркменистан оставляет свой статус члена СНГ и ограничивается ролью ассоциативного члена.

Для С. Пейруза совершенно очевидно, что после независимости республика не могла развиваться по «европейской модели», постоянно представляемой Западом как единственной для эволюционного развития демократических институтов и рыночных отношений. Однако, с другой стороны, нельзя снимать ответственность с президента С. Ниязова за проводимую им политику якобы особого туркменского пути развития, которая порой принимала анекдотический и даже патологический характер и являлась драмой для тех, кто все это перенес.

Через два года после выхода крупного исследования французского востоковеда С. Пейруза, посвященного Туркменистану, мы вновь видим работу по этой республике Центральной Азии. На этот раз научно-аналитическую экспертизу провели чешские политологи Славомир Горак и Ян Шир в книге «Высвобождение от тоталитаризма? Туркменистан при Бердымухамедове». Если Пейруз в своей книге («Туркменистан: судьба на перекрестке империй») довел описание событий вплоть до смерти туркменского лидера С. Ниязова, то чешские ученые посвятили свою работу непосредственно правлению его преемника¹⁶⁵.

Авторы исходят из того, что сравнение реалий, в которых жил Туркменистан накануне смерти Туркменбаши и сегодня, создает поразительный контраст. Действительно, Туркмени-

¹⁶⁵ Horák S., Šír J. Dismantling Totalitarianism? Turkmenistan under Berdimuhamedow. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. — 97 p.

стан стал заметно более открытым и либеральным обществом. Внутри страны исчезли наиболее одиозные запреты и дикие эксцессы ниязовской эпохи, во внешней политике республика все больше открывается миру. В основу своего исследования авторы кладут посылку, что мы имеем дело с качественно новым (и стабильным) политическим режимом во главе с Г. Бердымухамедовым.

Исследуя постниязовский режим, авторы выделяют три основных направления, которые были затронуты изменениями при новом руководстве: это внутренняя, внешняя и социальная политика. Во внутренней политике чешские политологи особое внимание уделяют кадровым и идеологическим изменениям. С одной стороны, Бердымухамедов сохранил доминирующие позиции рода Ахал-Теке (но при этом уменьшив влияние группы марыйских теке); а с другой стороны, новый лидер оставил без изменений установившийся еще в период Ниязова контроль за стратегически важным нефтегазовым сектором полностью в руках представителей теке из западных вelayетов. Но не обошлось и без чисток, которые в основном коснулись наиболее одиозных фигур (трудно сказать, считают ли таковыми авторы отца и сына Реджеповых, а также олигарха Агаева), ассоциировавшихся с правлением Туркменбаши. Практическим результатом кадровых перетрясок стала инкорпорация в верхний слой элиты представителей родного региона президента — Гёкдепе.

Другим важным сигналом был иммунитет от репрессий, который Бердымухамедов предоставил русским советникам прежнего лидера (А. Жадану, В. Умнову и В. Храмову), контролировавшим некоторые важные сферы бизнеса и имевшим тесные связи с Россией, хотя их влияние и несколько упало. Тем не менее эти деятели приняли активное участие в формировании культа нового лидера и доказали свою лояльность. В идеологической области начались медленные и

крайне осторожные, но неизбежные шаги по «детуркменбашизации» страны и демонтажу прежнего культа.

В целом, как приходят к выводу авторы, новому режиму понадобился всего год для полной стабилизации. При всех происшедших изменениях и робких реформах неизменным остался главный принцип — режим личной власти. На второй фазе стабилизации Бердымухамедов приступил к консолидации своих позиций на международном уровне. Авторы даже предполагают, что в сфере внешней политики Туркменистана произошли более значительные изменения. Первое из них — это отказ от изоляционистского поведения Ашхабада. Борьба за углеводородные ресурсы республики сразу же втянула молодого президента в самую гущу геополитической борьбы с участием великих держав. Вновь, и прежде всего для Запада, на первый план вышло стратегическое значение Туркменистана, соседствующего с Афганистаном и Ираном.

К числу приоритетных партнеров Ашхабада авторы относят, помимо России, и другие славянские республики — Украину и Беларусь. Другим важным направлением туркменской внешней политики авторы называют кавказское. Среди центральноазиатских партнеров Ашхабада авторы выделяют в первую очередь Узбекистан, отношения с которым существенно улучшились при новом президенте. Главное, что заслуживает внимания, это бросающееся в глаза вовлечение Туркменистана в механизм региональной кооперации, чего совершенно не наблюдалось при С. Ниязове. Отношения со странами Азии (Пакистаном, ИРИ, Турцией, КНР) также характеризуются позитивной динамикой и расширением сотрудничества, особенно это относится к Китаю.

Г. Бердымухамедов очень быстро усвоил тактику лавирования и балансирования между всеми заинтересованными сторонами — Россией, Европой, США и Китаем. Такое кажущееся внезапное открытие Туркменистана внешнему

миру породило у западных партнеров чрезмерные, но, как считают авторы, совершенно неоправданные ожидания в отношении либерального характера нового режима. Они предупреждают, что такие ожидания иллюзорны, а любое внешнее вмешательство с целью усиления внутривосточной либерализации и смягчения социального климата могут только усилить риск нестабильности в этой стране.

Монография С. Пейруза «Туркменистан: стратегия власти, дилемма развития»¹⁶⁶ является продолжением его книги «Туркменистан: судьба на перекрестке империй» (2007) и во многом ее повторяет, особенно на концептуальном уровне.

Монография состоит из трех частей и десяти глав. Первая часть достаточно подробно для западного читателя описывает географию, историю и образование туркменского народа. Особое внимание уделяется российско-советскому периоду. Французский исследователь исходит из того, что Туркменистан относится к тем странам, которые призваны своей историей и местоположением занять соответствующую нишу в XXI в., что и вызывает к ним живой интерес.

Вторая часть работы Пейруза посвящена изучению технологии власти в Туркменистане и всем аспектам режима С. Ниязова. Он отмечает, что первые 15 лет независимости республики были неразрывно связаны с амбициозной личностью покойного президента. Именно он смоделировал как политические институты страны, так и культурную жизнь и оставил негативный след, длительные последствия которого до сих пор трудно измерить. В конце части автор подводит читателя к периоду, когда власть унаследовал Г. Бердымухамедов. Французский исследователь ставит вопрос так: А была ли оттепель? (о ней он говорил в предыдущей книге). В результате размышлений автор приходит к выводу, что на-

¹⁶⁶ Peyrouse Sebastien. Turkmenistan. Strategies of Power, Dilemmas of Development. — Armonk, New York: Sharpe, 2012. — 248 p.

чало правления Бердымухамедова оказалось всего лишь «иллюзией оттепели».

Третья часть книги посвящена дилеммам, с которыми сталкивается современный Туркменистан в экономике и внешней политике. Здесь можно наблюдать некоторые парадоксы и резкие метаморфозы туркменской политики, в частности появление своеобразного газового треугольника Россия — Украина — Туркменистан, использование Ирана для сдерживания Москвы, повышенный интерес к проекту ТАПИ, переориентация на Китай и Евросоюз. Пейруз не обходит такие острые и деликатные вопросы, как, например, превращение Туркменистана в транспортный хаб для афганских наркотиков, и отмечает растущую синофилию в политике Ашхабада.

Пейруз говорит, что внешняя политика страны определяется в основном обладанием углеводородами и тем местом, которое Туркменистан желает занять на международной арене. Ввиду анклавности своего положения, Туркменистан в экономическом развитии особым образом зависит от наличия умения сотрудничать с соседями, невзирая на их политический режим. И все же стране удалось установить некое подобие интеграции с такими непосредственными соседями, как Иран, или более отдаленными, как Турция и Китай. Контакты с Россией остаются сложными, поскольку туркменский режим все еще таит обиду на «старшего брата» в плане ущемления его независимости, но в то же время оставляет Москве контроль над экспортом своего газа. Смена режима в 2006 г. предоставила этой стране новую возможность маневрирования: выполняя принятые обязательства, Туркменистан, смягчая политику изоляционизма, получил возможность обрести свое место в структурах региональной интеграции и возобновить контакт с западными странами.

Автор считает, что за пять лет правления Г. Бердымухамедова были практически полностью восстановлены отношения с великими державами — такими как США и ЕС, а

также с международными и постсоветскими организациями. Чисто прагматическое экономическое партнерство, далекое от проблем «демократизации», было сохранено Ашхабадом с крупными региональными соседями Туркменистана.

По его мнению, новая «энергетическая игра» сталкивает интересы крупных международных игроков, к которым относятся США, Евросоюз, Россия, Китай, Иран, Индия и Пакистан, т.е. Центральная Азия остается стратегическим местом, где державы «соревнуются в силе и связях». Остается надеяться, заключает Пейруз, что в этой трудной игре Туркменистан использует свою выгодную ситуацию и будет способен решать собственные стратегические цели на благо своего многострадального народа.

* * *

Таким образом, несмотря на разногласия во мнениях, а порой и полярность точек зрения в политологической литературе 2010-х гг., некоторые выводы относительно внутриполитического развития региона и геополитического дрейфа Центральной Азии уже можно сделать. Правы те наблюдатели, которые утверждают, что Центральная Азия уже далеко не та, какой она была на момент распада Союза ССР¹⁶⁷.

Следовательно, первый вывод гласит, что регион утратил свою гомогенность (если только она существовала в реальности). На сегодня можно констатировать, что единой центральноазиатской идентичности не существует. Каждое государство региона развивается на свой манер, по собственной модели и имеет только ему присущие международные ориентиры. Парадоксально, но это стало возможным только после утраты прежней советской идентичности, которая худо-бедно скрепляла республики Средней Азии. Путь строи-

¹⁶⁷ Cummings S. Understanding Central Asia: Politics and Contested Transformation. — London: Routledge, 2012; Cummings S., Hinnebusch R. Sovereignty after Empire: Comparing the Middle East and Central Asia. — Edingburgh: Edingburgh University Press, 2012.

тельства национальных государств развел республики региона друг от друга.

Второй вывод заключается в том, что Россия безнадежно утрачивает свои некогда доминирующие позиции, чем согласны и западные, и российские (иногда с оговорками) наблюдатели. Это сложный, многофакторный и болезненный процесс, включающий в себя экономический, стратегический, социально-цивилизационный, демографический и лингвистический аспекты. Но то, что это происходит, сомнений не вызывает ни у кого. Дискуссии могут вестись лишь о масштабе остаточного влияния России и сохранении «особых» отношений с некоторыми из государств региона (Казахстан, Кыргызстан).

Третий вывод, неприятный для некоторых, ведет нас к тому, что влияние Китая как геоэкономической и геополитической силы в регионе растет и в перспективе (при сохранении имеющихся тенденций) может превратить Центральную Азию в часть «Китайской народной империи». Но как на это среагируют сами государства региона и их правящие классы, а также другие внешние крупные игроки, здесь эксперты могут только гадать. Однако никто из перечисленных акторов не желал бы подобного развития сценария.

Четвертый вывод касается взаимозависимости безопасности Центральной Азии и проблемы Афганистана. По этому вопросу наблюдается редкое единодушие среди западных, российских и центральноазиатских экспертов. Все в один голос утверждают, что после 2014 г. уровень безопасности резко понизится вследствие ухода сил коалиции¹⁶⁸.

¹⁶⁸ См. также по указанной проблеме: Afghanistan after 2014: Five Scenarios. — Stockholm: FOI, 2012. — 100 p.; Coburn N. The Political Economy of Withdrawal and Transition in an Afghan Market Town. — Washington: Central Asia Policy Brief. N 12. October 2013. — 5 p.; Giustozzi A. The next Congo: Regional Competition for Influence in Afghanistan in the Wake of NATO Withdrawal (Central Asia Policy Brief. N 10. September 2013). — Washington: The George Washington University, 2013. — 13 p.; Harnisch S. German Afghanistan Policy after 2014. — Heidelberg: Institute of Political Science, 2013. — 12 S.; Stepanova E. Russia's Concerns Relating to Afghanistan and the Broader Region in the Context of the US/NATO Withdrawal / Report by U.S.-Russia expert group on the Afghan narcotics trafficking. Policy Research Papers. — Barcelona: CIDOB, June 2013. — 23 p.; Williams B.G. Afghanistan Declassified: a Guide to America's longest War. — Harrisburg: University of Pennsylvania Press, 2012. — XII+248 pp.

И, наконец, последний вывод касается позиций Запада в регионе в будущем. Покидать Центральную Азию никто не хочет, но приходит осознание и в Вашингтоне, и в Брюсселе, что осуществлять свою стратегию прежними методами невозможно ввиду нехватки ресурсов и геополитического влияния. Тем не менее (западные) эксперты, придерживающиеся трезвого подхода, призывают США учитывать интересы России и Китая, но они едины с атлантистами в том, что Соединенные Штаты и Запад в целом не могут оставить регион на милость соседей. Вызов, который стоит перед Западом, имеет сложный характер: здесь переплелись и проблемы безопасности, в первую очередь Афганистана, и т.н. нормативные ценности (борьба за демократию и права человека). Но, как справиться с этим вызовом Америке и Европе, западные специалисты ответить не могут, ограничиваясь общими призывами на фоне истекания стратегического влияния Запада.

Ареал центральноазиатских исследований остается прежний. Это Западная Европа, Соединенные Штаты, Турция (сейчас в меньшей степени), Индия и Китай (который заслуживает отдельного изучения). Нельзя не обратить внимания на такую позитивную тенденцию в 2000—2010-е гг., как то, что появляется все больше коллективных и совместных изданий зарубежных и постсоветских авторов, вырабатывающих синтезированную точку зрения, хотя и не всегда успешно.

Заключение

Даже беглое знакомство с историографическим и источниковедческим наследием, связанным с историей изучения Центральной Евразии, частью которой являются Центральная Азия и Казахстан, показывает, что в разные времена это пространство (термин «регион» слишком миниатюрен) играло колоссальную роль в истории человечества. Отразить эту выдающуюся роль Центральной Евразии и было целью данного исследования.

Другой целью мы ставили показать картину центральноазиатских исследований в мировой науке во всем ее многообразии. Хотелось выразить надежду, что эта цель была достигнута в первой части. Что касается второй части, то ее целью было продемонстрировать богатство и разнообразие идей, теорий и концепций в отношении самых различных аспектов истории и развития народов данного гигантского пространства. К сожалению, сделать полный обзор богатого научного наследия практически не под силу ни одному исследователю. Поэтому мы ограничились основными направлениями по ведущим дисциплинам, имеющим отношение к предмету исследования.

Тем не менее множество вопросов остается без ответа. Главный из них — как, когда, каким образом, откуда, по каким маршрутам и с какими последствиями перемещались волнообразно в течение даже не тысячелетий, а десятков тысяч лет древние люди из глубин Центральной Евразии в западном и юго-западном (в основном) направлении. На этот вопрос последовательно пытались ответить такие дисциплины, как археология, языкознание, антропология, этнография, историческая география, геология и ряд других. В отношении гигантского периода времени мы можем только догадываться, что происходило на пространствах Евразии в течение десятков тысяч лет.

Как представляется, первой волной переселения, о которой мы можем с большей или меньшей долей вероятности догадываться, была (условно говоря) «кельтская», заложившая в Европе первый (европеоидный — ?) субстрат. Были ли эти племена связаны с той древней протоцивилизацией, растянувшейся от Карпат до Алтая, которую мы называем «андроновской»? Традиционные дисциплины не дают нам исчерпывающего ответа. Благодаря археологическим находкам в Индии, ведической традиции и успехам языкознания, мы лучше представляем, какой была следующая волна передвижения выходцев из Центральной Евразии — народы, которые назовут «индоевропейскими» (индоарийскими). Им предстояло заложить основы ряда цивилизаций — индийской, иранской и европейской.

Сепаратно в течение длительного исторического периода развивались другие цивилизации: на востоке — китайская, на Ближнем Востоке — семито-хамитская. Уже в первом тысячелетии до нашей эры большинство цивилизаций, империй и культур вступят в тесное взаимодействие между собой, которое в дальнейшем будет поддерживаться, в том числе и благодаряномадам Центральной Евразии.

Открытым остается вопрос об антропологическом, географическом и лингвистическом происхождении алтайских народов, которые являются центральными персонажами данного исследования. Разнообразный антропологический типаж — от открытой европеидности «скандинавского» образца у ряда народов и племен Севера финно-угорской группы до ярко выраженной монголоидности народов, давших название этому термину. Некоторые исследователи испытывают соблазн провести языковые и антропологические параллели между народами Центральной Евразии и индейскими племенами Северной Америки, заглядывая тем самым в историческую перспективу, насчитывающую не менее 50 тысяч лет.

Более или менее для историков остается ясным, что с антропологической точки зрения происходило в собственно Центральной Азии (т.е. на территории Средней Азии и Казахстана, Синьцзяна). Здесь в течение первой половины первого тысячелетия нашей эры алтайский (тюрко-монгольский) элемент во все возрастающем объеме накладывался на иранский субстрат. В дальнейшем монголизация (в антропологическом смысле) и тюркизация (в лингвистическом смысле) стали доминирующими процессами.

В этой связи следует отметить, что к настоящему времени традиционные дисциплины исчерпали себя. Основные археологические находки уже найдены и изучены; языкознание по многим параметрам заходит в теоретический тупик; основной массив письменных источников уже давно введен в оборот. Тем не менее мы стоим на пороге новых революционных открытий или уже вошли в эту эру. И связаны они с теми возможностями, которые предлагает генетика. За последние 15—20 лет уже сделаны поразительные находки в плане генетического происхождения тех или иных народов. Оказывается, многие из нас вовсе не те, за кого мы себя выдаем, или не те, как мы привыкли думать о своем происхождении, которое порой оказывается самым неожиданным. Однако с научной точки зрения методы современных историко-генетических исследований вызывают нарекания в силу своей неполноты и выборочности. Как представляется, в дальнейшем по мере удешевления технической составляющей генетики можно будет преодолеть и этот барьер.

С другой стороны, некоторые генетические результаты подтверждают данные традиционных наук, как это имело место с пробными замерами русско-российского этноса. Выяснилось, что он имеет два основных типа — северный (тесно связанный с нордическим, скандинавским) и южно-русский (в котором немало кавказских и иранских элементов). Вместе с тем именно с генетической точки зрения это один

народ, как утверждают антропологи-генетики. Порой имеют место сенсационные параллели. Например, по некоторым результатам генетических сравнений у современных казахов обнаруживается много общего с кельтскими народами. Неужели это отголосок андроновской эпохи? Впрочем, серьезные ученые призывают осторожнее обращаться с данными генетики.

Эра письменных источников, осветившая нам эпоху начиная с I тысячелетия до н.э. и вплоть до сегодняшних дней, дала мировой науке совершенно новые возможности. Поэтому европейская (в основном) наука всего за два столетия смогла нарисовать более или менее подробную историческую картину развития Центральной Евразии. Остающиеся и по сей день лакуны, разночтения и противоречия между теми или иными концепциями оставляют открытыми двери для появления новых гипотез и теорий. Динамика развития теоретического знания показана во второй части настоящего исследования. При этом многие концепции не устарели и сохраняют свою научную ценность и на современном этапе.

Достаточно полный источниковедческий комплекс позволяет ученым реконструировать огромный период в истории Центральной Евразии, наверно самый значительный в ее историческом существовании. Этот период начинается примерно с середины I тысячелетия н.э. и до середины II тысячелетия. Это эпоха так называемых «империй степей», когда каждые два-три столетия возникали огромные степные конфедерации, определявшие развитие не только своего ареала, но и, что самое главное, своих оседлых соседей. В данном исследовании представлены самые разные академические интерпретации этой эпохи.

Открытой остается проблема, созданная Львом Гумилёвым в его теории пассионарности, основой для которой послужил именно и в первую очередь исторический материал Центральной Евразии. На наш взгляд, создана парадоксаль-

ная ситуация. Трудно отрицать существование пассионарности, то есть некоего мощного толчка, заставлявшего отдельные народы, племена, группы людей и т.д. действовать согласованно и организовано в духе господствующей идеи — имперской, религиозной, этнической, идеологической или иной. Очевидно, что некие «пассионарные» толчки лежали в основе создания всех известных нам в древнюю и в последующие эпохи имперских, цивилизационных и религиозных образований. Но великий ученый Л. Гумилёв не оставил нам ключа к раскрытию данного феномена, а скорее всего сам не знал его. Что лежит в основе пассионарности — некий вирус, сродный биологическому, повышенный радиационный фон, благоприятная природная среда, генетические мутации или же некое божественное предначертание? Современная наука до сих пор не знает ответа на данный вопрос.

Но отрицать сам феномен «пассионарности», как мы уверены, невозможно. Он подтверждается не только историей Центральной Евразии, на которую опирался Л. Гумилёв, но и историей других империй, цивилизаций и народов. Достаточно вспомнить стремительное распространение буддизма, ислама и создание Халифата, историю стремительного формирования западноевропейских (колониальных) империй — Португальской, Испанской (Кастильской), Голландской, Английской, Французской и т.д., взрывной подъем протестантизма и т.д. Хотя, возможно, с точки зрения теории пассионарности всю западноевропейскую историю следует рассматривать в едином цивилизационном ключе. Насколько восточноевропейская история, являющаяся самостоятельным субъектом истории, тесно связана с евразийской, наглядно продемонстрировано в данном исследовании. К сожалению (для остального мира), наш великий соотечественник ограничился в основном евразийским материалом.

Великая эпоха «империй степей», длившаяся более тысячелетия, оставила нам множество вопросов, по которым

до сих пор ведутся острые академические дискуссии. Какова природа номадизма — экономическая, экологическая или политическая? В чем суть взаимодействия кочевников с оседлыми соседями — агрессия и эксплуатация, гармоничное взаимодополнение, цивилизационное партнерство или что-то другое?

Другой феномен, связанный с этой эпохой, это вопрос, который так не любила советская марксистская наука — о роли личности в истории. Что лежало в основе создания грандиозных империй Евразии — неужели масштаб личностей типа (мифического) Аттилы, мифологизированного Чингис-хана и вполне реального Тимура? Современники этих великих персонажей Истории вполне отдавали должное масштабам их деяний — как в комплиментарной, так и в негативной трактовке. Но современная наука, как ни удивительно, не может должным образом оценить их политический вклад в последующее развитие созданных ими империй. Если мы достаточно достоверно знаем, к каким последствиям привели военно-политические деяния Александра Македонского, Цезаря и Наполеона Бонапарта, то политическое наследие создателей империй степей оставляет нам обширное поле для анализа.

В этой связи мы вновь обращаем внимание читателя к фундаментальной работе нашего коллеги Султана Акимбекова — «История степей: феномен государства Чингис-хана в истории Евразии», о которой речь шла во введении к данному исследованию. Напомним, что для автора не вызывает сомнений, что государство, созданное Чингис-ханом, оказало решающее влияние на всю последующую историю Евразии — как политическую, так и этническую. Историю многих народов Евразии, включая казахов, необходимо соотносить с унаследованной ими монгольской традицией управления. Продолжая мысль нашего коллеги, можно заключить, что путинская «вертикаль власти» (наряду с другими постсоветски-

ми моделями) есть на данный момент прямое продолжение монгольской традиции. О том, что российская (московская) имперская модель управления (а затем и советская) является чистой калькой монгольской системы, много говорится в нашем исследовании, в том числе и со ссылкой на российских ученых, которые, тем не менее, далеко не едины по этой проблеме.

В любом случае можно констатировать, что отблески монгольской эпохи — эры «империй степей» — до сих пор оказывают влияние на нас, хотя бы в форме академических дискуссий. Это означает, что исследования данного характера пока еще не теряют актуальности.

На центральное место данного издания мы поставили историю Казахстана и казахов, их место в исторической круговерти Евразии, происхождение, роль и методы выживания в чрезвычайно сложных геополитических (как и природных) условиях. На наш взгляд, история казахов является одним из самых уникальных экспериментов Ее Величества Истории. Казахи неожиданным образом (с точки зрения этнонимии) вдруг появились на карте истории в середине XV в. — и не под своим именем. В дальнейшем они развивались некоторое время по модели предшествующих «империй степей», создав за короткий период свою мини-империю, которая была несколько больше нынешнего современного Казахстана. Но в дальнейшем История начала ставить над казахами эксперименты, выжить в которых было не суждено большинству кочевых народов, не потеряв свою идентичность, территорию, независимость, культуру и язык. Однако казахам это удалось.

Во-первых, вызывает искреннее удивление и восхищение тот факт (при сравнении с другими народами), как казахам удалось на протяжении не менее 500 лет сохранить единый язык, образ жизни, менталитет, обычаи и ощущение общего родства. Это уже сам по себе исторический феномен, достой-

ный занесения в анналы. На расстоянии нескольких тысячелетий кипчаки, аргыны, дулаты, берешы, найманы и др. говорили на одном и том же языке (без всяких диалектов), ели одну и ту же пищу, исполняли одни и те же обряды, музыку, опирались на одну и ту же модель социально-этнического поведения. Без сомнения, трудно найти в истории аналогичные примеры подлинного этнического единства одного народа.

Как нам представляется, и это, во-вторых, в своем историческом развитии казахи не менее трех раз были вынуждены под давлением исторических обстоятельств менять свою идентичность. Первая базировалась на «героическом периоде» (XV—XVII вв.) и состояла в создании, расширении и отстаивании собственной кочевой конфедерации — последнего сколка Монгольской империи и других «империй степей». После уничтожения джунгарской угрозы — противоборство, в котором казахи все-таки одержали победу, ценой за победу после чего стало нарастание центробежных тенденций, неизбежный для всех кочевых образований распад и новый фактор — экспансия великого русского соседа.

Вхождение большей части казахских родов под российский протекторат имел своим следствием совсем неожиданный результат: некогда безжалостные воины степей эволюционировали в бизнесменов — производителей для растущего необъятного российского рынка шерсти, мяса, живого скота и другой продукции. Это была вторая трансформация казахов как нации (которая охватила период с конца XVIII в. и до начала XX столетия, а возможно, и вплоть до 1930-х гг.). Однако многие атрибуты прежнего периода еще оставались: собственная аристократия, кочевой образ жизни; стал поднимать голову ислам, крайне живучими были воинственные привычки.

Третья трансформация казахов как этноса пришлась целиком на XX в., хотя этот процесс начался еще в конце предшествующего столетия, но основная тяжесть его пришлась

на эпоху советской модернизации. В это время казахам пришлось — когда добровольно, когда насильственно, отказаться от своей кочевой идентичности и номадистской культуры, порой даже родного языка, религии, а самим превратиться в революционеров, литераторов, инженеров, ученых, учителей и горожан. Это было самое радикальное в истории Казахстана потрясение для не такого уж юного народа. Но события второй половины XX столетия и, особенно, после 1991 г. показали, что казахам удалось сохранить главное — этническую общность и национальную идею.

Крушение советской модели и образа жизни, последовавшее затем невольное вползание Казахстана в процессы глобализации и мирового (финансово-спекулятивного) капитализма ставят перед казахами, возможно, новые вызовы, выжить перед лицом которых, может быть, будет труднее, чем перед лицом brutального советского социализма. Что касается наших соплеменников за рубежом, то казахи из соцстран — КНР и МНР — сталкивались примерно с теми же проблемами, что и казахи в КазССР. Но казахам в Турции и Европе пришлось приобрести совершенно другой уникальный опыт выживания и сохранения национальной идентичности.

Весь этот комплекс вопросов ставится в той или иной форме — когда открыто, когда в закамуфлированной форме — в обширной политологической литературе, которую мы попытались отразить в четвертой части данного исследования. Основная проблема состоит в ответе на вопросы: Какая судьба ждет казахов и их соседей по Центральной Азии? По какой парадигме и по каким векторам они будут развиваться, вернутся ли они в некое новое евразийское образование? Как глубоко зайдут процессы демодернизации? Какую модель политического и социально-экономического устройства выберут для сохранения своей культурно-этнической идентичности и просто физического выживания своего населения

(увы, в некоторых республиках вопрос стоит именно в такой плоскости) новые режимы, уже стучащиеся в дверь политического процесса.

К сожалению, западная политология, заиклившаяся на геополитической проблематике, или не может, или же не хочет (что, скорее всего, больше похоже на правду) правдиво отвечать на эти сложнейшие вопросы. Поэтому искать ответы придется нам самим, т.е. местным ученым и политологам. В этой связи как никогда важно опереться на опыт предшествующей академической науки. Надеемся, что пусть и не полный обзор достижений мировой ориенталистики послужит нам всем подспорьем в определении исторической судьбы и места на планете казахов и других народов — исчезнувших и существующих — Центральной Евразии.

И, последнее, уже в ходе подготовки данного исследования нам пришлось выслушивать упреки в том плане, что в работе отсутствует (за редкими исключениями) российская (дореволюционная), советская историография, а теперь и современная российская (и других стран СНГ). Это действительно так. Возвращаясь к положениям, изложенным во введении к данному изданию, напомним, что оно первоначально задумывалось как картина мировых (т.е. зарубежных) востоковедных исследований. При этом для нашего поколения литература российского и советского происхождения была чем-то само собой разумеющимся в плане знакомства и владения базовой информацией.

Но пролетевшая четверть века после разрушения единой советской академической науки показала, что выросло целое поколение (и, видимо, не последнее), для которого прежняя советская фундаментальная наука остается если не *tabula rasa*, то, по крайней мере, чем-то удаленным, как для нас когда-то западноевропейская. Надеемся, что молодое поколение востоковедов самостоятельно и успешно справится с этой проблемой.

Общая библиография

Библиографический указатель изданий КИСИ (1993—2009 гг.) / Сост. Келеке М.М. — Алматы: КИСИ, 2010. — 56 с.

Галиев А.А., Лаумулин М.Т., Панфилов А.В. Антология истории Казахстана. Т. I. Ч. I / Под ред. М.Т. Баймаханова, В.К. Григорьева. — Алматы: Әділет, 2001. — 256 с.

Галиев А.А., Лаумулин М.Т., Панфилов А.В. Антология истории Казахстана. Независимый Казахстан. Зарубежная историография. Т. X. Ч. I / Под ред. А.В. Панфилова. — Алматы: АЮ-ВПШ Әділет, 2006. — 140 с.

Дахшлейгер Г.Ф. Историография Советского Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1969.

Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1984.

Есмагамбетов К.Л. Действительность и фальсификация: англо-американская историография о Казахстане. — Алма-Ата: Наука, 1976.

Есмагамбетов К.Л. Казахстан в трудах западноевропейских авторов. — Алма-Ата: Наука, 1979 (на каз. яз.).

Есмагамбетов К.Л. Что писали о нас на Западе. — Алма-Ата: КазГУ, 1992. — 152 с.

Есмагамбетов К.Л. Зарубежная историография истории Казахстана (с древних времен до начала 90-х гг. XX в.). Автореф. дис. ... д.и.н. 07.00.09. — Алматы, 2000. — 46 с.

Издания КИСИ (1993—2010 гг.). Библиографический указатель / Сост. Келеке М.М. — Алматы: КИСИ, 2011. — 112 с.

Издания КИСИ (1993—2011 гг.). Библиографический указатель / Отв. ред. Л.М. Музапарова. — Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2012. — 64 с.

Иноятов Х.Ш. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. — Ташкент: Фан, 1962.

Иноятов Х.Ш. Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент: Фан, 1976.

Коваль В.И., Коршунов В.И., Осипов В.П. Сила правды и бессилие лжи: критика буржуазной историографии ленинской национальной политики КПСС в Казахстане. — Алма-Ата, 1982.

Лаумулин М.Т. Западная школа среднеазиоведения и казахстаники. — Алма-Ата: Ғылым, 1992. — 90 с.

Лаумулин М.Т. История Казахстана в конце 19-го — начале 20-го в. в освещении зарубежных исторических источников // Известия НАН РК. Серия общественных наук. — 1992. — N 4. — С. 34—44; N 5. — С. 38—46.

Лаумулин М.Т., Бейсембиев Т. Западные исследователи Средней Азии и Казахстана. Библиографический указатель. — Алматы: Кенже-Пресс, 1994. — 100 с.

Лаумулин М.Т. Центральная Азия глазами западных политологов // Казахстан и мировое сообщество. — 1995. — N 3. — С. 20—32.

Лаумулин М.Т. Западная ориенталистика XIX—XX вв. и изучение Казахстана и Центральной Азии: к историографии проблемы // Материалы I и II научных чтений памяти В.П. Юдина 1993—1994 гг. — Алматы: МОН/ИВ, 1999. — С. 115—124.

Лаумулин М.Т. Востоковедение в Англии и изучение Центральной Азии // Казахстан-Спектр. — 2000. — N 2. — С. 54—88.

Лаумулин М.Т. Развитие востоковедения и среднеазиатские исследования во Франции // Orients / Восток (Москва). — 2000. — N 3. — С. 169—190.

Лаумулин М.Т. Тюркология и среднеазиатские исследования в Германии // Otan Tarihi / Отечественная история (Институт истории и этнологии НАН РК). — 2001. — N 1. — С. 40—65.

Лаумулин М.Т. Современные западные исследования о Казахстане и Центральной Азии // Простор. — 2003. — N 9. — С. 157—176.

Лаумулин М.Т., Таштемханова Р. Центральноазиатский материал в музеях Германии // Высшая школа Казахстана. — 2003. — N 4. — С. 154—157.

Лаумулин М.Т. Опыт деятельности мировых аналитических центров и Центральная Азия // Analytic (Алматы). — 2004. — N 3. — С. 11—17; N 4. — С. 3—6.

Лаумулин М.Т. Новейшие исследования Института Центральной Азии и Кавказа в Университете Джонса Хопкинса // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). — 2008. — N 3. — С. 122—129.

Лаумулин М.Т. Обзор новейшей литературы по Центральной Азии // Казахстан-Спектр. — 2008. — N 3. — С. 96—106.

Лаумулин М.Т., Шайхутдинов М.Е. Библиографический указатель по Центральной Азии, международным отношениям и геополитике. — Алматы: ИМЭП, 2008. — 320 с.

Лаумулин М.Т. Польские исследования по Центральной Азии // Казахстан-Спектр (КИСИ). — 2009. — N 1. — С. 112—116.

Лаумулин М.Т. Польский взгляд на Центральную Азию // Эксперт-Казахстан. — 2009. — N 6. — С. 54.

Лаумулин М.Т. Российский взгляд на Центральную Азию // Эксперт-Казахстан. — 2009. — N 15. — С. 58.

Лаумулин М.Т. Центральная Азия: основные подходы к исследованию региональных проблем // Центральная Азия: 1991—2009 гг. / Под ред. Б.К. Султанова. — Алматы: КИСИ, 2010. — С. 11—42.

Лаумулин М.Т., Ауган М.А. Центральная Азия: основные подходы в современной политической науке // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). — 2010. — N 1. — С. 90—109.

Лаумулин М.Т. Новейшие зарубежные исследования по Центральной Азии // Казахстан-Спектр (КИСИ). — 2010. — N 1. — С. 125—137.

Лаумулин М.Т. Российские исследователи о Центральной Азии // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). — 2010. — N 2. — С. 171—179.

Лаумулин М.Т. Центральная Азия в современной политологии // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). — 2010. — N 3. — С. 126—145.

Лаумулин М.Т. Российские исследователи о Центральной Азии // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). — 2010. — N 2. — С. 171—179.

Лаумулин М.Т. Центральная Азия в классической и прикладной геополитике // Геосаясат. Геополитика. Хрестоматия / Под ред. А. Балапановой, А. Кайдаровой. — Алматы: КазНУ, 2010. — Б. 128—179 (на каз. яз.).

Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Т. I—V. — Алматы: КИСИ, 2005—2010.

Лаумулин М.Т. Геополитика и не только: новейшие исследования по Центральной Азии // Центр Азии. — 2012. — N 5—8. — С. 109—130.

Лаумулин М.Т. Центральная Азия: основные подходы в современной политической науке (2011—2012 гг.) // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). — 2012. — N 2. — С. 123—139 (на рус. и англ. яз.).

Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зеркале российской политологии // Центр Азии. — 2012. — N 16—20. — С. 116—131.

Лаумулин М.Т. Российский взгляд на Центральную Азию // Центральная Азия и Кавказ (Лулера, Швеция). — 2012. — N 4. — С. 122—137 (на рус. и англ. яз.).

Лаумулин М.Т. Ведущий аналитический центр страны. К 20-летию образования института. — Алматы: КИСИ, 2013. — 304 с.

Лаумулин М.Т. Политологические исследования о Центральной Азии: 2012—2013 годы // Центральная Азия и Кав-

каз (Лулера, Швеция). — 2013. — N 4. — С. 83—107 (на рус. и англ. яз.).

Лаумулин М.Т. Ведущий аналитический центр страны. К 20-летию образования КИСИ. — Алматы: КИСИ, 2013. — 304 с.

Лаумулин М.Т. Обзор изданий ИМЭМО РАН // Казахстан в глобальных процессах (ИМЭП). — 2014. — N 2. — С. 143—147.

Луниин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. — Ташкент: Фан, 1963.

Маданова М.Х. Казахстан — Франция. Малоизученные страницы общения народов в XIX веке. — Алматы: Казахстан, 1993.

Марушкин Б.И. История и политика: Американская буржуазная историография советского общества. — М., 1969.

Нацуко О. Исследования Центральной Азии в Японии: современное состояние и задачи // Республика Казахстан: достижения независимости и взгляд в будущее. Материалы IX Ежегодной Алматинской конференции. — Алматы: КИСИ, 2011. — С. 29—35.

Несипбаева К.Р. Современная англо-американская историография русской экспансии и колонизации Центральной Азии (XVIII — начало XX в.). Автореф. дис. ... д.и.н. 07.00.09. — Алматы, 1999.

Новосёлов К.М. Против буржуазных фальсификаторов Средней Азии. — Ашхабад, 1962.

Нусупбеков А., Бисенов Х. Фальсификация истории и историческая правда. — Алма-Ата: Наука, 1964.

Прошлое Казахстана в источниках и материалах / Сост. С.Д. Асфендияров и П.А. Кунте. — Алма-Ата, 1935.

Рзаев Д. О фальсификаторах истории Советской Средней Азии. — Фрунзе, 1965.

Рзаев Д. Развитие национальных отношений в республиках Советского Востока. — Фрунзе, 1968.

Салов В.И. Современная западногерманская буржуазная историография. — М., 1968.

Сужиков Б.М. Национальная идентификация и динамика этнических процессов в зарубежных центральноазиатских исследованиях. — Алматы: НАН РК, 1997.

Труды КИСИ (1993—2013). — Алматы: КИСИ, 2013. — 72 с.

Турсунбаев А.Б. Против буржуазных фальсификаций истории Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1963.

Хидоятов Г.А. Правда против лжи. — Ташкент: Фан, 1964.

Хидоятов Г.А. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. — Ташкент: Фан, 1978.

Adams D.K. The American Bibliography of Russia and East European studies for 1962, 1963, 1964. — Bloomington: Indiana University Press, 1964—1966.

Allworth E. Central Asian publishing and the rise of nationalism: An essay and a list of publications in the New York library. — New York, 1965.

Allworth E. Nationalities of the Soviet East. A Bibliographical directory and Transliteration tables for Islam and Turkic language publications, located in the U.S. libraries. — New York, 1971.

Allworth E. Soviet Asia. Bibliographies. The Iranian and Turkic nationalities. — New York, 1975.

Allworth E.A. Devolution in Central Asia, 1999—2000. An Essay and annotated Bibliography of Books and Pamphlets about the Region published in English in this period // Nationalities Papers (Abingdon). Vol. 30. March 2002. N 1. Pp. 12—206.

American Research in Russia / Ed. by Harold H. Fisher. — Bloomington: Indiana University Press, 1959.

The American Bibliography of Russian and East European Studies / Ed. by J.T. Shaw. — Bloomington: Indiana University Press, 1962.

Berliner J.S. Soviet Central Asia, a selected bibliography. — Cambridge, 1948.

Books in English on the Soviet Union, 1917—1973; A Bibliography. In 3 vols. — N.Y., 1975.

Central Asia. The Annotated Bibliography // Nationalities Papers. March 2002. Vol. 30. N 1. Pp. 37—188.

Historical Studies on Central Asia in Japan. — Acta Asiatica. — Tokyo, 1981. T. 41. VI. — 122 p.

Horak S.M. Russia, the USSR and Eastern Europe: A Bibliographical Guide to English language publications, 1964—1974. — Littleton, 1978.

Krauder L. Bibliography of Kazakhstan. Bureau of Social Science Research. — Washington, 1954.

Krauder L. Handbook on Central Asia. In 3 vols. — New York, 1956.

Kraus D.H. and Navon A.R. (eds). The American Bibliography of Slavic and East European Studies for 1975. Prepared at the Library of Congress. — Columbus, Ohio, 1975.

Laumulin M. Central Asia and Kazakhstan within Contemporary Western Political Science // Central Asia's Affairs (Almaty). 2005. N 4. Pp. 13—16.

Laumulin M., Augan M. Central Asia as viewed by Contemporary Political Analysts // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). 2010. N 1. Pp. 80—96.

Laumulin M. Central Asia as viewed by Contemporary Political Analysts // Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden). 2010. N 3. Pp. 109—125.

Laumulin M. Central Asia in Modern Political Studies // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2010. N 2. Pp. 46—57.

Laumulin M. Central Asia as viewed by Contemporary Political Analysts // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2010. N 4. Pp. 32—44.

Laumulin M. Central Asia as viewed by Contemporary Political Analysts (2011—2012) // Central Asia and Caucasus (Lulea, Sweden). 2012. N 2. Pp. 107—120.

Laumulin M. Central Asia as seen from Russia // Central Asia and Caucasus (Lulea, Sweden). 2012. N 4. Pp. 106—119.

Laumulin M. Central Asia in Contemporary Politology (2011—2012) // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2012. N 4. Pp. 7—18.

Laumulin M. Recent Research on Central Asia in Russia // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2013. N 1. Pp. 32—43.

Laumulin M. Political Studies on Central Asia: 2012—2013 // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2013. N 4. Pp. 26—43.

Laumulin M. Political Science on Central Asia: 2012—2013 // Central Asia and Caucasus (Lulea, Sweden). 2014. N 4. Pp. 73—93.

Morley Ch. Guide to research in Russian History. — Syracuse (N.Y.), 1951.

Nerwood H.W. To Russia and Return: An Annotated bibliography of travelers English language accounts of Russia from Ninth Century to the Present. — Ohio, 1968.

Pierce R.A. Soviet Central Asia. A Bibliography. — Berkeley, California, 1966.

Poppe N. (ed.). American Studies in Altaic Linguistics. Uralic and Altaic Series. — Bloomington, 1962. — 351 p.

Prisak O. Studies in Medieval Eurasian History. — L., 1981. — 376 p.

Russian and Soviet Studies. A Handbook. — Columbus (Ohio), 1973.

Russian Soviet Studies at the University of Chicago. — Chicago, 1977.

Sauvaget J. Introduction to the History of the Muslim East. A Bibliographical Guide. By Claude Cahen. — Berkeley, 1965.

Soviet Russia. A Selected list of references. The library of Congress. — Washington, 1943.

The Turkic language and literature of Central Asia. A Bibliography. Compiled by R. Lowenthal. — Mouton, 1957.

Қазақстан әлемдік ориенталистикада

Қазақстанның және Орталық Азияның тарихына арналған соңғы еңбектердің арасында атап өтетін жұмыстардың бірі — Қазақ хандығының 550 жылдығына орай жазылған Қазақстанның Беларусь Республикасындағы Елшілігінің кеңесші уәкілі, саясаттану ғылымдарының докторы Мұрат Лаумулиннің «Қазақстанның және Орталық Азияның әлемдік ориенталистикадағы тарихы» атты еңбегі. Бұл кітапты жазу туралы ой 1980 жылдың соңында туса да, ұзаққа созылған ізденістер мен зерттеулердің нәтижесі ретінде таяуда жарыққа шықты.

Еңбек 4 кітаптан тұрады. Кітаптың алғашқы бөлімі атауының өзі айтып тұрғандай, Орталық Азия мен Ішкі Еуразияның қалыптасуы мен дамуына арналған. Осы бағыттың эволюциясы мен біздің аймақ туралы білімнің толығыуы Батыс Еуропа елдерінде (сонымен қатар АҚШ-та) біздің әріптестеріміз тарапынан айтарлықтай жақсы деңгейде зерттелген, ал Шығыс, Оңтүстік және Солтүстік Еуропа елдеріндегі академиялық орта мен көпшілік қауымға бұл бағыт аса танымал емес. Орталық Азияны зерттеулерге қатысты айтар болсақ, деректану бөлімінен басқалары Шығыс елдеріне әлі де белгісіз. Бұл кітаптың осы салаға қызығушылық танытқан адамдарға пайдалы болады деген үміттеміз.

Екінші бөлім «Шетелдік шығыстанушылардың еңбектеріндегі ерте және орта ғасырдағы Орталық Еуразия тарихы» деп аталады, көлемі өте ауқымды. Бөлімде Орталық Азияның тарихы туралы ерте және орта ғасыр авторларының дереккөздері, байырғы дереккөздер, ислам тарихы мен қытай деректері қамтылған. Сонымен бірге аймақтың ортағасырлық тарихын зерделеудегі негізгі бағыттар зерттелген. Оларға номадтық концепция, көшпенділер мәдениеті, түркітану, алтайтану және ерте және ортағасырлық аймақ тарихы туралы

тілтану, турфандық зерттеулер мен ұйғыртану, қыпшақтану жатады. Өкінішке қарай, бұл бөлімде шағатай зерттеулері тым қарапайым берілген.

Осы кітаптың бөлек тарауында ерте және орта ғасырдағы ірі көшпелі Еуразия империялары — ғұн, ежелгі түрік, моңғол және Моңғол империясының эпигондары мен Тимур империясы қарастырылып, әлемдік діндердің Орталық Азия аймағына, әсіресе мәдениетке ықпалы туралы тараумен аяқталған. Тарауда буддизм және христиан діндерінің рөлі туралы негізгі теориялар мен концепцияларға талдау жасалған, Орталық Азиядағы исламтанудың және ислам өркениетінің дамуына тоқталып, суфизмнің ислам дінін тарату мен нығайтудағы аймақтағы рөлі айқындалған, Орталық Азиядағы ислам және исламдық мәдени мұра бөлек мәселе ретінде көрсетілген.

Кітаптың үшінші бөлімі қазақтардың тарихы мен этнографиясын зерттеуге арналған (негізінен, батыс шығыстануында). Мұнда мәселелердің кең ауқымы берілген, атап айтсақ: қазақтар жайлы ертедегі дереккөздер; Қазақстан туралы еуропалық саяхатшылар мен зерттеушілердің деректері мен бақылаулары, т.б. Темір әулетінен кейінгі Орта Азия, Қазақ хандығының құрылуы мен гүлденуі, хандықтың тоқырауы, Кіші жүздің Ресейге қосылуы, Орта жүзді жаулап алу, қазақ даласының қарсылығы, Ұлы жүзді бағындыру және Орта Азияны басып алу сияқты деректерді қамтитын Қазақ хандығының тарихын шетелдік зерттеушілер тарихи контексте мазмұндаған.

Жеке тарауда қазақ номадизмінің (көшпенді) феномені географиялық фактор мен табиғи орта, әлеуметтік құрылым, саяси жүйе, қазақтардың көшпенді мәдениеті сияқты ғылыми мәселелер контекстінде қарастырылады. Дәстүрлі көшпенді қазақ қоғамының жаңғыруы сияқты мәселелер әлі күнге дейін өзінің өзектілігін жоғалтқан жоқ. Осыған байланысты орыс ықпалы, мәдени өзгерістер: еуропаландыру мен орыс-

тандыру, елдің әлеуметтік-экономикалық жаңғыруы сияқты сұрақтарға батыс зерттеушілерінің көзқарастары берілген. Бұл бөлім батыс зерттеушілерінің шетелдегі қазақтарды, негізінен, Қытай, Түркия мен Моңғолиядағы қазақтарды зерттеу экскурсымен аяқталған.

Төртінші бөлімде Орталық Азияны зерттеу контексіндегі шығыстану мен саясаттанудың сабақтастығы мен байланысы көрсетіледі. Бұл бөлімді батыс зерттеушілерінің еңбектеріндегі революцияға дейінгі аймақтың тарихы ашадy. Осы тұста екі үлкен мәселе қарастырылған: Орталық Азияның Ресейге қосылуы және соған байланысты «Үлкен ойын». Десе де қазіргі саясаттанудағы Орталық Азия мен оның тарихын зерттеуге басымдық берілген. Бұл аймақ пен жеке Орталық Азия мемлекеттері жайлы көптеген басылымдар негізінен тарихи экскурстан тұратынына байланысты. Ғылыми тұрғыдан алсақ, бұл пассаждардың ешқандай ғылыми мәні жоқ (сирек жағдайларды қоспағанда). Бірақ бейненің тұтастығын беру үшін ең концептуалды басылымдар материалдар контексіне енгізілген.

Бұл басылым Орталық Азия мен Еуразияның тарихы жөніндегі еңбектердің деректанушылық және тарихи кешенін түгел қамтуды көздемейді, ол мүмкін емес те. Өйткені жыл сайын тың дереккөздер табылып, жаңа тұжырымдамалар, түсініктемелер мен теориялар пайда болуда.

Resume

Among the most recent works *the History of Kazakhstan and Central Asia in World Oriental Studies* devoted to the 550th anniversary of the Kazakh Khanate by Minister Counsellor Murat Laumulin, Doctor of Political Science, is worth special mentioning due to its fundamental character. The author dedicated 25 years of time and efforts to its four volumes since the first drafts were written in late 1980-s.

In terms of the structure, the four parts (volumes) cover the following.

Volume I discusses the establishment and development of a number of the schools of oriental studies on Central Asia and Inner Eurasia. Volume II deals with the ancient and medieval history of Central Eurasia as it was presented in the works of the foreign orientalists. Volume III is a review of the history and ethnography of the Kazakhs in the western oriental studies. Volume IV puts the oriental studies and political science into the context of Central Asia studies.

In the first volume, the author focuses on the establishment and development of the schools of oriental studies focused on Central Asia and Inner Eurasia. The special attention is given to the evolution of these well-established schools in major western countries and accumulation of knowledge about the region as well as to the less familiar Eastern, Southern and Northern European studies. In this regard, this part appears to be of special interest to the reader.

The second part on the ancient and medieval history of Central Eurasia in the writings of foreign orientalists is the most extensive. It includes a chapter on the ancient and medieval sources on Central Asia and introduces a number of the ancient authors who wrote on the peoples of Central Asia. The medieval sources discussed in the volume include the wide range of the autochthonous sources, Muslim historiography as well as the

Chinese sources. It presents an review of the major research concepts in the medieval history of the region, namely that of nomadism — including the cultural studies of nomadism — Turkology, Altaic studies and linguistics, Turfan and Uyghur studies as well as Kipchak studies (Kumanology) yet with lesser focus on Chagatai studies.

Another chapter in the second volume discusses the problematics of the greater ancient and medieval nomadic empires of Eurasia such as the Huns, Ancient Turks, Mongols and Epigonis of the Mongol Empire, and Timur's Empire. The second part ends with a chapter on the influence of the world religions on the culture of Central Asia. It includes an analysis of the major theories and concepts on the role of Buddhism and Christianity and reveals the development of Islamic studies and Muslim civilization studies in Central Asia as well as the role of Sufism in expansion and strengthening of Islam in the region. Islam in Middle Asia and the Islamic cultural heritage in Central Asia are also discussed.

The third volume of the book is on the history and ethnography of the Kazakhs (mostly in the western oriental studies). The broadest problematics are encompassed in the volume such as the early sources on the Kazakhs in modern history as well as the notes and logs of the European travelers and researchers about Kazakhs and Kazakhstan. These foreign (mostly modern) researchers described the history of the Kazakh Khanate — 550th anniversary of which provided an opportunity to publish this monograph — including Central Asia after the Timurids, the formation and rise of the Kazakh Khanate, the fall of the Khanate, the accession of the Junior Zhuz to Russia, the conquest of the Middle Zhuz, the resistance in the steppe, subjugation of the Senior Zhuz and conquest of Central Asia.

A separate chapter provides a review of the Kazakh nomadism in the contexts of geography and natural environment, social structure, political system and, finally, the nomadic culture of

the Kazakhs. Modernization of the traditional nomadic Kazakh society, which is still a topical issue, was also touched upon in the chapter. The volume deals with the western perception of the following issues: the Russian influence, the cultural changes (Europeanization and Russification) as well as the process of socio-economic modernization. This volume ends with an analysis of the studies conducted by the western researchers on the Kazakhs abroad mostly in China, Turkey and Mongolia.

The fourth volume of the book deals with the issue of succession and coherence of the oriental studies and political science within Central Asia studies. This volume touches upon on the works of the foreign researchers on the two influential concepts, namely the accession of Central Asia to Russia and so-called the Great Game. However, the main emphasis is made on the Central Asian studies and their development in contemporary political science. The character of the volume is related to the fact that numerous publications on the region as a whole and individual countries in particular contain, as a rule, a certain degree of historicism. From the academic point of view, these parts of the volume, with few exceptions, appear to provide less of terms of their research significance. Nevertheless, for the integrity of the picture, most conceptual publications of such a nature were included into the analysis provided in the volume.

The book makes no claims as to cover the entirety of the sources relevant to the study and historiographical corpus on Central Asia and Inner Eurasia that would be, understandably, impossible. However, it is an illustrative example of the continuous process of discovering and encompassing of the new sources as well as of that of conceptualization, interpretations and theorization in this particular field.

Сведения об авторе

Лаумулин Мурат Турарович (род. в 1959 г.). В 1976 г. окончил Республиканскую физико-математическую школу в Алма-Ате. С 1976-го по 1982 г. учился на специальном отделении исторического факультета Казахского государственного университета (КазГУ) им. С.М. Кирова — ныне Казахский национальный университет (КазНУ) им. Аль-Фараби — по специализации иностранный язык и история Средних веков. С 1982-го по 1985 г. — преподаватель на кафедре иностранных языков гуманитарных факультетов КазГУ. С 1985-го по 1987 г. — научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. В 1987 г. М.Т. Лаумулин поступил в аспирантуру при Институте истории СССР АН СССР в Москве, в 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию по западной историографии истории Казахстана. В 2003 г. защитил докторскую диссертацию по политологии — проблемы геополитики и безопасности в Центральной Азии.

С 1990-го по 1993 г. — старший научный сотрудник Института истории и этнологии НАН РК, с 1992-го по 1997 г. — старший научный сотрудник Института востоковедения НАН РК, с 1992-го по 1997 г. (с перерывами) — ведущий научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан. С 1990-го по 2013 г. (с перерывами) М.Т. Лаумулин читал специальные курсы по зарубежной историографии Центральной Азии, международным отношениям и внешней политике Республики Казахстан, политологии и дипломатии на международных отделениях КазГУ, факультете политологии (КазНУ) и Университета «Кайнар».

С 1998-го по 2002 г. М.Т. Лаумулин — на дипломатической работе в Германии.

В 2002—2003 гг. — заместитель директора КИСИ; с 2003-го по 2013 г. — главный научный сотрудник КИСИ. С 1999-го по 2006 г. — политический обозреватель общественно-политического журнала «КонтинентТ». С 2006-го по 2009 г. — ведущий телепрограммы «Международная панорама» на телеканале «Астана». С 2006-го по 2013 г. (с перерывами) — главный научный сотрудник Института мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации.

С июля 2013 г. является советником-посланником в Посольстве Республики Казахстан в Республике Беларусь.

С 1993-го по 1994 г., 1998—2002, 2009 гг. М.Т. Лаумулин работал в Министерстве иностранных дел Республики Казахстан. В 1992 г. М.Т. Лаумулин стажировался в Монтерейском институте международных исследований (США). В 1993 и 1994 г. проходил краткосрочные дипломатические стажировки при Государственном департаменте США и МИД ФРГ. В качестве приглашенного исследователя М.Т. Лаумулин работал в различных зарубежных центрах: Мэрилэндский университет — 1994 г., Центр по ядерному нераспространению при Монтерейском институте международных исследований — 1995 г. (США), Центр по изучению европейской интеграции (ФРГ) — 1997—1998 гг. С 1992 г. М.Т. Лаумулин — постоянный член Международной группы по изучению проблем ядерного нераспространения.

М.Т. Лаумулин неоднократно награждался грантами и стипендиями различных зарубежных фондов: Фонда Фулбрайт (1995), Фонда Макартуров (1997), Конференции германских академий наук (1997), Института им. Дж. Кеннана в Вашингтоне (1998) и Оборонного колледжа НАТО в Риме (2002).

М.Т. Лаумулин — автор около тысячи статей и 35 монографий по проблемам истории и историографии Казахстана

и Центральной Азии, востоковедения, международных отношений и внешней политики Казахстана. Научные и публицистические труды М.Т. Лаумулина публиковались в России, Беларуси, Кыргызстане, США, ФРГ, Великобритании, Франции, Швеции, КНР, Иране, Турции, Индии и Пакистане.

Адрес электронной почты (для отзывов):
muratlau@mail.ru

Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты туралы ақпарат

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен құрылған.

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты — мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде Қазақстан Президентінің және елдің басқарушы органдарының қызметін ғылыми-талдаулармен қамтамасыз ету.

Осы уақыт барысында ҚСЗИ жоғарыкәсіпті ғылыми-талдау орталығына айналды. Бүгінгі таңда институтта алты ғылым докторы, он ғылым кандидаттары, PhD, саясаттану, тарих, экономика, әлеуметтану салаларының мамандары қызмет атқарады.

ҚСЗИ өзінің 22 жылдық қызметі барысында институт сарапшыларының қатысуымен халықаралық қатынас, ғаламдық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 250-ден астам кітап басып шығарған. Институт үш мерзімді ғылыми-сараптамалық журнал басып шығаруда: «Қоғам және Дәуір» тоқсандық ғылыми-сараптамалық журналы, «Қазақстан-Спектр» тоқсандық ғылыми журналы және «Central Asia's Affairs» тоқсандық сараптамалық журналы (ағылшын тілінде).

Бұл басылымдарда сыртқы және ішкі саясат, халықаралық қатынастар, ұлттық қауіпсіздік, Қазақстан Республикасының әлеуметтік және экономикалық саясаты мәселелері жарық көреді, сондай-ақ материалдарды өзінің www.kisi.kz сайтында жариялайды. ҚСЗИ-дың жеке сайты үш тілде: қазақ,

орыс және ағылшын тілдерінде ұсынылған. Институт өзінің негізгі зерттеу бағыттары бойынша семинарлар, ғылыми конференциялар, «дөңгелек үстелдер», халықаралық форумдар өткізеді. ҚСЗИ өткізетін ғылыми форумдардың ішінде шетелдік сарапшылардың ерекше қызығушылықтарын тудыратыны — 2003 жылдан дәстүрлі өтіп келе жатқан, Орталық Азиядағы ынтымақтастық пен қауіпсіздік мәселелеріне арналған Алматы конференциясы. ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстаннан ғана емес, сонымен қатар, Орталық Азия елдерінің, АҚШ-тың, Германияның, Жапонияның, Иранның, Қытайдың, Пәкістанның, Ресейдің, Түркияның, Үндістанның, Францияның және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысуда.

ҚСЗИ негізінде Қазақстанның жетекші жоғарғы оқу орындарының студенттері мен шетелдік сарапшылар үнемі тәжірибеден өтіп отырады.

Бүгінгі таңда институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері үшін барлық қажетті жағдайлар жасалынған. ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 010000, Астана,
Бейбітшілік көшесі, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.kz

Информация о Казахском институте стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г.

С момента своего возникновения основной задачей Казахского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан как государственного научно-исследовательского учреждения является научно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Казахстана, руководящих органов страны.

За это время КИСИ превратился в высокопрофессиональный научно-аналитический центр. В настоящее время в институте работают шесть докторов наук, десять кандидатов наук, PhD, специалисты в области политологии, истории, экономики, социологии.

За 22 года деятельности в институте было издано более 250 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, круглых столов.

Особый интерес у экспертов вызывают ежегодные конференции КИСИ, проводимые с 2003 г. и посвященные проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии.

В научных форумах КИСИ принимают участие не только эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, но и уче-

ные из Германии, Индии, Ирана, Китая, Пакистана, России, США, Турции, Франции, Японии и др.

На базе КИСИ постоянно проходят стажировку и преддипломную практику студенты ведущих казахстанских высших учебных заведений, а также зарубежные эксперты.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников. Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 010000, Астана,
ул. Бейбитшилик, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.

About the Kazakhstan Institute for Strategic Studies Under the President of the Republic of Kazakhstan

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS) was established on June 16, 1993 by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan.

Since its foundation, the mission of the KazISS as the national research institution is to provide the analytical support to the President of the Republic of Kazakhstan and public administration agencies of Kazakhstan.

The KazISS enjoys a reputation of the leading think tank of Kazakhstan as it employs a highly professional pool of experts; at present it includes six doctors and ten candidates of sciences and PhDs who specialize in political science, history, economics and sociology.

During the twenty-two years of functioning, the KazISS has published more than 250 books on international relations, global and regional security. The Institute publishes three journals: the *Kogam zhane Dayir* in Kazakh, the *Kazakhstan-Spectrum* in Russian and the *Central Asia's Affairs* in English. The KazISS has a trilingual website; in Kazakh, Russian, English.

The KazISS holds a great number of international conferences, seminars and round tables including the Annual Conferences (regularly held since 2003) participated by the experts from Kazakhstan, Central Asia as well as Russia, China, Germany, France, India, Iran, Turkey, Pakistan, Japan, the USA and other countries.

The KazISS is the basis for the professional internship for the students of the leading Kazakhstan universities and for the fellowships for both Kazakhstan's and foreign researchers.

Contact us for any further information:

4, Beybitshilik St.
Astana, 010000
Republic of Kazakhstan
Tel: +7 (717) 75-20-20
Fax.: +7 (717) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.kz

Для заметок

Монография

Мурат Турарович Лаумулин

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В МИРОВОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ**

(к 550-летию Казахского ханства)

Часть IV

**Востоковедение и политология
в контексте изучения Центральной Азии**

Редактор-корректор **Н.И. Шестакова**

Дизайн обложки **И.В. Новицкий**

Верстка **Е.В. Тушкова**

Подписано в печать 07.04.2016. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л.24,5.

Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик, 4.

Отпечатано в типографии ОО «КРОИВА»
г. Алматы, ул. Ч. Валиханова, д. 115.